Генерал армии Василий Маргелов

Борис Костин

—

Александр Маргелов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

С именем Героя Советского Союза генерала армии Василия Филипповича Маргелова (1908–1990) неразрывно связаны многие яркие страницы истории Воздушно-десантных войск нашей страны. У ветеранов Великой Отечественной войны Василий Филиппович остался в памяти как участник знаменитого Парада Победы на Красной площади в Москве в июне 1945 года. Многие поколения десантников знают, что ему по праву принадлежит первенство в разработке вопросов оперативно-стратегического применения Воздушно-десантных войск, оснащения их современной мобильной техникой и средствами десантирования. Пройдя путь от командира соединения до командующего ВДВ, Маргелов превратил Воздушно-десантные войска в элиту Вооруженных Сил. И вовсе не случайно, что и поныне аббревиатура «ВДВ» расшифровывается и в шутку, и всерьез, как «Войска дяди Васи», а девизом десантников на все времена стали крылатые слова Маргелова: «Никто, кроме нас!»

- Борис Акимович Костин, Александр Васильевич Маргелов
  - ○
  - ○
  - ○ По долгу памяти
  - ○ Потомственный славянин
  - ○ Солдатами не рождаются
  - ○ Первые ступени
  - ○ Боевое крещение
  - ○ Подвиг разведчиков
  - ○ «Прощаемы за храбрость»
  - ○ Ленинградская застольная
  - ○ Командир железной воли
  - ○ ЗВЕЗДА ГЕРОЯ
  - ○ Сталинские благодарности
  - ○ Венгерский октябрь
  - ○ Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай
  - ○ Новое назначение
  - ○ Что такое ВДВ
  - ○ Начальник псковского гарнизона
  - ○ В краю дальневосточном
  - ○ На правах пасынка
  - ○ Операция «Дунай»
  - ○ Главное – маневры
  - ○ Наукоград ВДВ

- Краснознаменное десантное
- Прямая речь
- Наследие Маргелова
- Post scriptum
- Основные даты жизни и деятельности В. Ф. Маргелова
- Список использованной литературы и источников

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

Борис Акимович Костин, Александр Васильевич Маргелов
Генерал армии Василий Маргелов

© Костин Б. А., 2010
© Маргелов А. В., 2010
© Клуб «Ода», 2010

* * *

80-летию Воздушно-десантных войск России посвящается

По долгу памяти

Эта книга о человеке, жизненный путь и судьба которого, без сомнения, принадлежит мировой истории и, уж конечно, истории СССР и России.

Герой Советского Союза, генерал армии Василий Филиппович Маргелов, лауреат Государственной премии СССР, кандидат военных наук, кавалер более 60 советских и иностранных орденов и медалей, почетный гражданин города Херсона, который освободила от фашистов его прославленная 49-я гвардейская дивизия, по врожденной, а не по лицемерной скромности, не оставил, к сожалению, сколько-нибудь систематизированных воспоминаний.

Этот пробел заполнили и продолжают заполнять многочисленные издания, написанные людьми, которые и по сей день считают себя «маргеловцами», которые прошли поучительную жизненную школу легендарного командующего ВДВ.

Участник исторического Парада Победы на Красной площади, на которую В. Ф. Маргелова привели огненные версты Великой Отечественной войны, человек высочайшей отваги и мужества, он сумел заложить традиции Воздушно-десантных войск, которые оказались прочными и неподвластными времени.

Василия Филипповича Маргелова не напрасно называют Десантником № 1. Воздушно-десантные войска, рождение которых приходится на 2 августа 1930 года, за те четверть века, которые он их возглавлял, превратились в грозную боевую силу, с которой приходилось считаться нашим недругам. Недаром аббревиатура ВДВ и в шутку и всерьез и поныне звучит как «Войска дяди Васи».

Генерал-патриот всю свою сознательную жизнь и деятельность строил, исходя из высших интересов Отечества, из бесценного боевого опыта, из опоры на умения и навыки солдат и офицеров ВДВ, которые называли В. Ф. Маргелова «батей». И вовсе неслучайно, что его яркий, неподражаемый образ прочно вошел в солдатский фольклор, воспет в стихах и прозе, в произведениях кинематографистов, предстает во всей красе в творениях скульпторов в России, Беларуси, Украине…

Читателям предлагается второе издание, исправленное и дополненное Борисом Костиным, Заслуженным работником культуры России, и Александром Маргеловым, Героем Российской Федерации. Авторы проделали большую исследовательскую работу, проследили шаг за шагом

становление таланта выдающегося советского военачальника и дали реальную оценку его трудам по созданию современных Воздушно-десантных войск и вкладу в укрепление обороны Отечества.

Герой Российской Федерации

Командующий воздушно-десантными войсками

генерал-лейтенант

В. Шаманов

Потомственный славянин

«С берега до берега – рукой подать» – так говорят в народе о речках, подобных Жадуньке, что серпантиновой лентой огибает Костюковичи. Лишь по весне, стряхнув с себя ледовый панцирь и вырвавшись из тесного русла, напоминает она, что когда-то не уступала своим именитым сородичам – Днепру-Славутичу, Неману-Батьке, Двине-Мати и по ее глади скользили легкие ладьи радимичей – древнего племени славянского.

Сейчас трудно сказать, когда среди местных поселян появилась фамилия «Маргелов». Вполне возможно, что происходит она от имени Маркелл, что у древних римлян означало «воинственный», «посвященный Марсу» – богу войны. Кстати, архивные документы свидетельствуют о том, что буква «г» в фамилии героя нашего повествования при его жизни неоднократно исчезала, меняясь на «к», а сам Василий Филиппович не особенно возмущался этим обстоятельством.

Спокойно относился он и к вольной трактовке сторонними людьми своей национальной принадлежности. Однажды один из высокопоставленных партийных руководителей, раздосадованный тем, с каким упорством Маргелов отстаивал свою точку зрения, в сердцах заметил: «Известное дело – бульбаш». На что боевой генерал ответил: «Я и бульбаш, и хохол, и великоросс. Одним словом – потомственный славянин».

В служебной карточке командира взвода В. Ф. Маргелова, составленной в Объединенной Белорусской военной школе имени ЦИК БССР в 1931 году, в графе «народность» записано «украинец», а в графе «знание языков» – «украинский, белорусский, русский». Белорусская краткая энциклопедия (Минск, 1982. Т. 5. С. 400) утверждает, что Герой Советского Союза, генерал армии Василий Филиппович Маргелов – белорус. Книга «Герои Советского Союза – могилевчане» (Минск, 1965) также не оставляет сомнений в этом. По праву считают Василия Филипповича своим земляком жители районного центра Костюковичи Могилевской области. Об этом свидетельствует уникальный труд местных краеведов – «Книга памяти» и стенд в музее.

В автобиографии Маргелова, написанной в феврале 1939 года, находим: «Родился в 1906 году 27 декабря в г. Днепропетровске…» Заметим, что Днепропетровск в 1906 году именовался Екатеринославом и дата рождения указана по современному летоисчислению (по старому стилю она выпадает на 14 декабря). А вот с годом рождения впоследствии произошла

путаница. Во всех послевоенных источниках В. Ф. Маргелов значится как родившийся в 1908 году. Но не мог же он ошибиться, когда ставил свою подпись и под послужной карточкой, составленной в Белорусской школе ВЦИК БССР. В этом документе указано, что родился он в 1906 году. Как произошло «омоложение» Василия Филипповича на два года – остается только строить предположения.

…Отец В. Ф. Маргелова, Филипп Иванович, лежебокой никогда не был и с первыми лучами солнца, еще до того, как отправиться на работу, совершал обход своего не слишком большого хозяйства, которое от нескольких гектаров за годы сталинских пятилеток сузилось до размеров обычного приусадебного участка. Поубавилось и живности в хлеву: лошадь и корову пришлось сдать в колхоз. Однако Филипп Иванович не роптал, поскольку для советской власти вовсе не был пасынком и принимал жизненные трудности как временные. Рослый, широкоплечий, был он от природы наделен крестьянской сметкой, недюжинной силой и терпением, которое ему и помогало тянуть на себе лямку жизни. Правда, в той упряжи был он не одинок. Дом Маргеловых всегда притягивал особой теплотой и уютом. Хранительница домашнего очага, Агафья Степановна, казалось, всю работу по дому делала неспешно, однако и свою родню, и мужнину умела приветливо встретить, да и детишки, коих им с мужем Господь послал, выглядели отнюдь не оборванцами.

За утренним чаем Филипп Иванович обычно разворачивал районную газету «Сталінскі призыу»[1] и прочитывал ее, что называется, от корки до корки. В воскресный день 22 июня 1941 года почтальон по привычке окликнул хозяина:

– Держи, Иванович, кучу вестей со всех волостей.

Передовая призывала «Ежедневно работать с молодыми коммунистами!» Рапортовали об успехах сельчане: «Засеяно 91 300 гектаров яровых, началась массовая прополка». Политпросвет уведомлял: «27 червеня (июня) лектором обкома Овсянниковым будет прочитана лекция по работе В. И. Ленина «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов». А вот и то, что касалось непосредственно Филиппа Ивановича. «Необходимо выполнить план лесовывозок и лесозаготовок». Костюковичский леспромхоз, где трудился Ф. И. Маргелов, был хозяйством обширным, да недалеко ушел от дедовских времен: топор, пила, кобыла, руки да спина – вот и весь арсенал. А вот если б трактор-тягач! Но «железных коней» в районной МТС можно было сосчитать по пальцам.

В заметке «Война в Европе, Африке и Азии (дневник военных действий)» сообщалось: «За последние двое суток германская авиация бомбила порты и аэродромы Англии. В германских сводках говорится о трех потопленных судах. В Западной Африке установилось затишье после сильного бронетанкового сражения в районе Сомрла, которое началось 15 июня. Англичане отступили… В Сирии началось 19.06 общее наступление английских войск на Дамаск…»

Война заявила о себе бесцеремонно и мгновенно. Раздирающим души гулом моторов, отдаленными раскатами взрывов со стороны Кричева – фашисты бомбили важный железнодорожный узел.

В «тарелке», установленной на городской площади Костюковичей, раздалось потрескивание и следом за звонкими щелчками прозвучал металлический голос диктора: «Внимание! Передаем важное правительственное сообщение…»

Вести приходили безрадостные. По официальным сводкам Информбюро судить о развитии событий было невозможно. Суть их сводилась к следующему: даем отпор, не проигрываем, но и не выигрываем приграничные сражения. Однако, по слухам, уже через неделю после начала войны гитлеровцы вошли в Минск, в клещи немецкого окружения попали целые армии, остатки которых разбредались и укрывались в лесах. Тревога поселилась и в доме Маргеловых. Агафья Степановна тайком от мужа частенько доставала из заветной шкатулки письма от сына Василия. Фотография, где он снят с двумя майорскими шпалами на петлицах, красовалась в особой рамке, вызывая законную родительскую гордость. Только вот где-то нынче сыночек?

Фронт почти до августа протоптался на месте, а затем пришел в движение. Назвать фронтом жидкую оборону 13-й армии, пролегавшую по полям и перелескам, можно было с большой натяжкой. И она, невзирая на отчаянное сопротивление бойцов и командиров Красной Армии, в конце концов рухнула под напором противника, имевшего почти трехкратное преимущество в живой силе и технике.

Семейный совет Маргеловых был краток. Как ни противилась Агафья Степановна, ссылаясь на извечное «авось обойдется», ей пришлось отправиться в тыл. Перед отъездом, едва сдерживая слезы, она спросила Филиппа Ивановича: «А как же ты?» И услыхала в ответ: «Может быть, и я на что-то сгожусь». Не подозревал тогда еще георгиевский кавалер, что немецкая военная доктрина «Drang nach Osten» – «Натиск на Восток», с которой он имел очное знакомство в окопах Первой мировой войны, не изменившись по сути, претерпела существенные

изменения в способах проведения ее в жизнь. По меркам секретного меморандума «Об обращении с местным населением восточных областей», вышедшего из-под пера рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, Маргелову-старшему, как отцу командира Красной Армии, грозила расправа. Заместитель командующего группой армий «Центр» по тылу генерал фон Шенкендорф издал распоряжение, которое обязывало всех жителей в кратчайший срок зарегистрироваться в комендатуре. «Регистрационные списки должны быть предъявлены местному коменданту или органам, назначенным для контроля». За всякое содействие большевикам и бандитам (читай: партизанам. – Á. Е.) виновные будут наказаны смертной казнью». От себя добавим: без суда и следствия. Далее в этом же распоряжении шли наказания и за более мелкие провинности, как то: несоблюдение комендантского часа, саботаж на принудительных работах…

В Костюковичах зверствовали гестаповцы. Узниками, попавшими в лапы палачей, становились те, кто либо родню в Красной Армии имел, либо партизанам помогал, либо того хуже – с «еврейским отродьем» якшался. Таким в «новый порядок» дорога закрыта, для них один путь – в могилу, которую каратели заставляли рыть собственными руками.

Уже после освобождения Костюковичей в 1943 году представителями органов юстиции Красной Армии был составлен акт: «За время оккупации немецкие захватчики с сентября 1941 года… за период своего властвования систематически истребляли мирных жителей г. Костюковичи, обвиняя их в связи с партизанами, бывших партийных и других ответственных работников… полностью истребили еврейское население города и района.

Расстреляны семьи: Афонченко, состоящая из 5 человек – мать, четверо детей, Листопадовы – мать, отец, дочь, Черногузовы – мать, сестра, жена, трое детей, брат…

…Много других жителей расстреляно поодиночке и похоронено в районе пенькового завода».

Филипп Иванович действительно сгодился – партизанам. Он и несколько бывших солдат, воевавших еще «на германской», отрыли винтовки, в целости и сохранности пролежавшие в земле много лет. Одну из них Филипп Иванович оставил себе. По рассказам очевидцев, с ней он отбивался до последнего патрона, с оружием встретил страшную смерть – заживо сгорел в собственном доме.

…Рисковым он был мужиком! В молодости, едва закончился медовый месяц, как он – жену молодую в охапку, небогатый скарб на плечи, да и по тракту в неблизкий Екатеринослав, что в

Малороссии. Осталось неизвестным, кто первым из костюковичских жителей обосновался в Екатеринославе, но, судя по всему, белорусская колония в городе на Днепре была многочисленной, и потому чета Маргеловых не осталась без крова. Филипп Иванович решил попробовать себя на чугунолитейном заводе.

В краткой справке в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о Екатеринославе говорится:

«Губернский город Екатеринославской губернии при р. Днепре… В 1783 году задуман Потемкиным в 50 верст окружности с улицами в 30 сажень шириной, с роскошными зданиями и университетом.

Екатерина II заложила первый камень в основание Преображенского собора. При перенесении графом Зубовым столицы Новороссии в Вознесенск[2] Екатеринослав потерял свое значение, а при Павле I переименован в Новороссийск. Император Александр I в 1802 году возвратил городу название, которое он имел при основании».

Здесь, забегая вперед, заметим, что Екатеринославу еще раз пришлось изменить свое название. Произошло это событие в 1926 году. С той поры город носит имя видного деятеля большевистской партии Григория Ивановича Петровского. Петровский был активным пропагандистом и организатором екатеринославских рабочих в 1905–1907 годах, когда город кипел и бурлил, до тех пор, пока сабли и нагайки не расставили все и вся по своим местам. Безусловно, события эти повлияли и на судьбу Филиппа Ивановича.

Но возвратимся к энциклопедической справке.

«В 1897 году в Екатеринославе, мимо которого шла железная дорога Донбасс – Кривой Рог, население составляло 113 000 человек, имеется собор и 6 приходских церквей, церковно-приходская школа. Жителям дают заработки погрузка и сплав по Днепру леса, хлеба и других товаров.

В городе 69 фабрик и заводов с ежегодным производством 9 000 000 руб. с 5–6 тысячами рабочих. Главнейшие – Александровский, Южно-Российский рельсопрокатный, механический, трубопрокатный, 7 паровых мельниц, 2 табачные фабрики, 4 завода чугуно-литейных и земледельческих орудий, 9 паровых лесопилок».

Как видим, выбор для тех, кто решил здесь попробовать свои силы и разум, был обширен. Только вот сколотить состояние горбом, потом и трудовыми мозолями удавалось далеко не каждому. Маргеловы жили скромно, но не бедствовали, Агафья

Степановна вела домашнее хозяйство, небольшая комнатка в рабочем бараке отличалась чистотой и порядком. В ней-то и появился на свет Василий.

В 1913 году Маргеловы покинули Екатеринослав. Семья, к тому времени увеличившаяся до четырех человек, тронулась с пожитками в обратный путь, в Костюковичи. Точные причины возвращения назвать трудно, но одно известно доподлинно: Филипп Иванович не был неудачником. Неказистый домишко на Муравильской улице, доставшийся в наследство супруге, через год вполне мог соперничать со строениями, в которых жили именитые граждане Костюковичей. Неизвестно, как бы дальше развивались события, но в размеренное патриархальное бытие провинциального белорусского городка ворвалась война.

С начала июля 1914 года «Могилевские губернские ведомости» шли нарасхват. Местные жители оживленно обсуждали убийство в Сараеве эрцгерцога австрийского Франца Фердинанда, изрешеченного пулями вместе с достопочтенной супругой. Убийцей был гимназист – боснийский серб, и лучшего повода для агрессии против маленькой славянской страны нельзя было придумать. «Напал черт на младенца», – комментировали горожане сообщение об объявлении правительством Австро-Венгрии войны Сербии. Напряжение достигло апогея. Все ожидали, какой ответ последует из Зимнего дворца на бомбардировку Белграда. 13 июля Николай II повелел объявить «предмобилизационное положение». Через четыре дня государь подписал указ о частичной мобилизации. Однако уже через сутки была объявлена всеобщая мобилизация сухопутных и морских сил. 19 июля в 7 часов вечера Германия объявила войну России.

Известие об этом событии пришло в Костюковичи на следующий день. Призывно забил большой колокол Крестовоздвиженской церкви, и народ потянулся на городскую площадь. Могучий голос дьякона озвучил слова высочайшего манифеста:

«Божию милостию, Мы, Николай Второй, император и самодержец всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, прочая, прочая… объявляем всем верным Нашим подданным: следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и с особой силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования… Вынужденные в силу создавшихся условий принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести

армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоинством Наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров… Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство и целостность России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все Наши подданные.

В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага… Мы молитвенно призываем на святую Русь и доблестные войска Наши Божие благословение».

Тут же прошел молебен о даровании победы воинству российскому. Патриотические чувства, владевшие собравшимися, были искренними, неподдельными. Не обошлось и без слез – ведь многие семьи отправляли на войну кормильцев. Почти одновременно с царским манифестом в печати появилось постановление «О призрении семейств воинских нижних чинов, призванных на военную службу по случаю мобилизации». Согласно документу, право на призрение и пособие деньгами получали все семьи, независимо от их материального положения. Пособие было равнозначно стоимости: 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли, 1 фунта постного мяса, 1 пуда картофеля. Для сравнения приведем цены 1914 года на основные продукты в Могилевской губернии: один пуд ржаной муки стоил – 1 рубль 85 копеек, пшеничной – 2 рубля 40 копеек, пуд картофеля – 32 копейки, пуд говядины – 6 рублей 80 копеек, пуд соли – 45 копеек.

Как и все костюковичские жители призывного возраста, Ф. И. Маргелов был приписан ко 2-му призывному участку Климовичской волости. Устоявшийся в советской историографии термин «пушечное мясо» не совсем вяжется с системой подготовки воинов запаса, существовавшей в России накануне Первой мировой войны. Они призывались на учебные сборы, где не служившие в армии постигали азы военной науки, а прошедшие действительную службу обучали новобранцев и совершенствовали опыт.

Новобранца напутствовал родственник из бывших служивых: «У нас, Маргеловых, так: либо грудь в крестах, либо голова в кустах». Филипп Иванович за годы, проведенные в окопах, доказал первое: на груди его к 1917 году красовались два Георгия. Не сомневался он и в том, что вскоре к ним прилепится еще один – второй степени. Но эту степень солдатского Георгия

Филипп Иванович так и не получил. В преданиях семьи Маргеловых сохранили рассказ, из которого видно: был он правдолюбцем и у боевых товарищей пользовался заслуженным авторитетом. Война шла третий год, и безуспешные попытки русского командования изменить ее неудачный ход оборачивались реками солдатской крови. Бесплодные атаки на хорошо укрепленные позиции кайзеровцев изматывали войска, подрывали их дух. Армия зароптала. Однажды солдат Маргелов посмел усомниться в правильности решения командования об очередном наступлении: «Довольно телами солдатскими дорогу к немецким окопам мостить!»

За свободомыслие представление к третьему Георгию начальство отозвало. Неизвестно, как бы сложились тогда судьбы так называемых «говорунов», да грянул февраль 1917 года. Николай II отрекся от престола, и Россия вступила в полосу непредсказуемых, драматических событий.

В 1920 году Ф. И. Маргелов отвоевался и вернулся на родину. Жизнь входила в мирную колею. На смену городской управе, полицейскому околотку, храму Божьему пришли учреждения, рожденные революцией: райком ВКП(б), райисполком, милиция, клуб. О многом пришлось поразмыслить основательно солдату. Ему не раз предлагали вступить в партию большевиков, однако Филипп Иванович отнекивался: «Еще не созрел». Не написал он и заявления о приеме по так называемому «ленинскому призыву». Но в том, что необходимо менять жизнь к лучшему, сомнении он не имел, связывал с советской властью надежды на достойное будущее своих детей. А тут словно обухом по голове. На церковь Крестовоздвиженья Креста Господня, в которой он некогда венчался с Агафьей Степановной и от которой, по традиции начинались все крестные ходы, налетели активисты-безбожники и для начала сбросили с колокольни колокола, а затем кто кувалдой, кто ломом стали крушить церковные стены.

Еще раньше закрыли костюковичскую церковно-приходскую школу, в которой обучался Василий Маргелов. ЦПШ – эта аббревиатура долгое время произносилась с оттенком презрения и неуважения к существовавшей в прежние времена системе начального образования, являлась синонимом скудости познаний и убогости мышления окончивших церковно-приходскую школу. Соответствует ли это действительности?

Программа церковно-приходских школ, утвержденная Священным синодом в 1886 году, включала изучение Закона Божьего, священной истории Ветхого и Нового Заветов, церковно-славянского и русского языка, начал русской истории, арифметики… Вдобавок к обязательной программе учащиеся

обязаны были посещать приходскую библиотеку. Список книг по внеклассному чтению был обширен и составлял восемьдесят три (!) наименования. Произведения Фонвизина, Загоскина, Толстого, Ишимовой, Жуковского, Пушкина давали познания о героическом и славном прошлом России, утверждали святость воинского долга и защиты Отечества.

Откроем первую книгу – «Букварь», по которому постигал грамоту Василий Маргелов:

Собирайтесь, детки, в школу,
Петушок пропел давно.
Попроворней одевайтесь,
Светит солнышко в окно.

Рыбаки уж тянут сети,
На лугу коса звенит.
Помолясь, за книгу, дети,
Бог лениться не велит.

На современный взгляд – наивные строки. Но для восьмилетнего мальчугана они были окном в неизведанный мир. Они были наполнены любовью к родной природе, к родительскому очагу, уважением к труду. Эти качества Василий Филиппович Маргелов пронес через всю жизнь.

Маргелов-старший с удовлетворением подмечал: «В меня пошел». И действительно, Василий по живости ума, любознательности, памятливости и прилежанию мог заткнуть за пояс любого из сверстников. К огорчению Филиппа Ивановича, старший брат Василия – Иван, первенец и любимец супруги, успехами в учении похвастать не мог.

* * *

…13 декабря 1943 года в Костюковичах шел громкий судебный процесс над пособником фашистов, бывшим бургомистром и мировым судьей Борисевичем. По спискам и наветам этого прихвостня немцы расстреляли 542 человека – женщин, детей, пожилых людей, угнали в рабство в Германию 60 юношей и девушек. Более 50 человек скончались от побоев.

Военно-полевой суд 283-й Краснознаменной дивизии, освободившей Костюковичи, приговорил изменника Родины Борисевича к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение.

После войны Агафья Степановна, возвратившись в Костюковичи, обнаружила пепелище, на котором одиноко стояла почерневшая печь как горькая память о былом уюте и прочном семейном счастье.

Война разбросала ее детей и внуков. Николай, сражаясь в партизанском отряде, погиб под Кишиневом в 1945 году. Василий учился в Высшей военной академии в Москве. Дочь Мария обосновалась в Дубровне, в Белоруссии. Внук Генка поступил в Тамбовское суворовское училище.

Война подорвала силы и здоровье. Побывав у родных, Агафья Степановна вновь вернулась в Костюковичи, где и скончалась в 1949 году.

Солдатами не рождаются

В тесных каморках при свете керосиновых ламп кипели жаркие споры, строились фантастические планы и по-особому, вдохновенно звучало слово «товарищ» – визитная карточка нового, советского, поколения. В начале двадцатых годов комсомольские ячейки как магнит притягивали к себе рабочую и сельскую молодежь.

Василий Маргелов пошел по стопам отца и получил отменную трудовую закалку. Работал он грузчиком, благо Господь силенкой не обидел, почтальоном, скорняком. Перенял он от отца и прямоту в суждениях. Она-то его и подвела. Есть рассказ о том, как Василия принимали в комсомол[3]. Приведем его с небольшими сокращениями:

«…Секретарь комсомольской ячейки предложил Василию вступить в комсомол. Старательно изучив Устав и изрядно волнуясь, пришел он в назначенное время на комсомольское собрание. Все шло нормально, пока заместитель секретаря комсомольской организации Изя, которого Василий терпеть не мог за его зазнайство, спросил: “Как вы, товарищ Маргелов, относитесь к еврейскому вопросу?” Ну, Василий и объяснил, что он думает о тех руководителях, которые сами не знают, что такое труд, а других пытаются поучать. Имел он в виду именно этого Изю, не вдаваясь вглубь в каверзный смысл вопроса. Вернулся он домой расстроенным – отказали ему по предложению Изи в доверии.

– Что, моего Васеньку в комсомол не приняли?! – возмутилась Агафья Степановна. – А говорили, туда только лучших принимают».

Комсомольский билет Василий в итоге получил. Был он у всех, что говорится, на виду, величали парня не по годам по имени-отчеству, а костюковичская «комса» твердо была уверена: какое бы дело ни поручили Маргелову, он не подведет.

В 1924 году на всю страну прозвучал партийный призыв: «Молодежь – даешь уголь!» Что ж, дорога в Екатеринослав была нахоженной. Лопата, кайло, тусклый свет «летучей мыши» и труд, тяжкий, до пота и боли в суставах, но преисполненный значимости – первые советские металлургические гиганты задыхались без угля. Не выполнил норму – не уходи из забоя, перевыполнил – честь тебе и хвала. Новичкам в шахтерском деле послабления не делалось. В забое равны все, впрочем, как и перед непредсказуемым характером горной породы. Поди угадай, как

она поведет себя. И однажды случилось непоправимое. Смена шла к концу, когда затрещали подпорки и померк свет. Обвал! Страшнее этого слова в шахтерском лексиконе не существует. В считанные мгновения забойщик оказывается напрочь отрезанным от спасительного выхода. Найдешь его – счастье, не найдешь – помирай замурованным. Трое суток группа шахтеров, в которую входил Василий Маргелов, пробивала спасительный лаз. Трое суток без пищи, воды, света. И спасение пришло! Когда их уже не чаяли увидеть живыми, горняки, поддерживая друг друга, вышли из шахты. Едва отлежавшись в местной больнице, товарищи по несчастью ринулись упрашивать начальство вернуться на работу в забой. Увы, суровое медицинское заключение надолго лишило их такой возможности. Напутствуя Васю Маргелова, доктор, узнав, что он из Белоруссии, порекомендовал подыскать работу либо лесника, либо егеря и добавил: «Леса – легкие планеты. Да и вам, молодой человек, легкие крайне необходимо подлечить».

Совет, как мы убедимся, пришелся к месту. Несколько лет кряду Василий Маргелов поднимался спозаранку и совершал объезд своих обширных лесных владений, а они раскинулись не на одну сотню гектаров. Летом – на лошади, зимой – на лыжах, от ветки до ветки, от зарубки к зарубке по одному ему знакомым приметам. Как пригодилось Маргелову это умение читать без подсказки «лесную книгу»! Он уже подумывал об изучении науки о лесе, благо опыта поднакопил. В 1927 году Маргелов становится председателем рабочего комитета костюковичского леспромхоза и подает заявление о приеме в кандидаты ВКП(б).

В то время, хотя всеобщее военное обучение – всеобуч – было уже упразднено, традиции военной подготовки молодежи без отрыва от работы или учебы были прочными. Как будущий коммунист, Василий Маргелов получил общественную нагрузку – уполномоченного по военной работе среди молодежи. И здесь на помощь пришел отец. Многое пригодилось сыну из того, о чем поведал ему заслуженный воин.

Филипп Иванович, ко всему, был удачливым охотником и, как говорили в ту пору, «любил побаловаться ружьецом». И не было такого случая, чтобы оно подвело хозяина. Отец с настойчивостью знатока наставлял сына, как правильно брать прицел, как держать дыхание и делать спуск. Поэтому Маргелов-младший впитал особую любовь к оружию, к его бережному хранению и до конца дней своих был верен отцовской науке.

Подходило время призыва в армию, и Василий был готов служить хоть в пехоте, хоть в кавалерии. Однако военком рассуждал иначе. Маргелов-младший был одним из немногих сверстников, имевший за плечами семилетку.

– Пиши рапорт о зачислении в военную школу. Готовься стать красным командиром, – предложили Василию.

О том, чтобы связать свою судьбу со службой в армии, Василий не думал и потому попросил время на размышление.

– А тут и размышлять нечего. Комсомол не хуже меня знает, кого и куда направлять. Путевку получишь в райкоме.

По семейной традиции Агафья Степановна (хоть и не на войну сына провожала, но наплакалась вволю) накрыла стол, за которым с трудом разместились родня и друзья Василия. Звучала гармошка, пели расхожую в ту пору песню «Во солдаты меня мать провожала» и, стараясь перекричать один другого, родственники давали напутствия. Чего только не наслушался будущий краском! «Не вздумай, Васька, без аксельбантов и лампас домой возвернуться! И чтоб шпоры о мостовую цынь-цынь, и искры…» Но были и серьезные пожелания: «Не посрами, Василий, род Маргеловых, не ударь лицом в грязь. Грызи науку побеждать. Одолеешь ее – шаг к признанию сделаешь, а когда душа в душу с подчиненными будешь жить, тогда и величать тебя станут отцом-командиром». В невообразимом гомоне и шуме внезапно зазвучали стихи. Алешка Бурделев, записной костюковичский поэт, был в ударе, и экспромт получился на славу:

Мы дома оставили трактор,
Учебник, станок и тетрадь
И гордо, с великой любовью
Отчизну ушли защищать.
Нам братья и сестры желали
Счастливо и честно служить,
Девчата платками махали,
Просили о них не забыть.

В жизни Василия Маргелова, как и всех молодых парней, было много схожего с этими немудреными строками. Были и заверения влюбленных в верности, были и девичьи слезы при расставании. Они договорились с Марией: год – достаточный срок для того, чтобы испытать на прочность чувства. Поженились, когда за плечами курсанта Маргелова остались два года учебы в Объединенной Белорусской военной школе имени ЦИК БССР. В сентябре 1931 года у супругов Маргеловых родился сын Геннадий. Только вот счастье обошло стороной их семейный очаг. Не каждой женщине дано выдержать вечно неустроенную и кочевую жизнь офицерской жены. Они расстались. А Генка, любимец Филиппа Ивановича и Агафьи Степановны, едва повзрослел, как занял отцовское место за столом в доме, который

ему стал родным и из которого он вместе с бабушкой бежал, спасаясь от фашистов.

В послужном списке В. Ф. Маргелова в графе «Прохождение действительной военной службы в Советской Армии» первая запись гласит: «С сентября 1928 года по апрель 1931 года – курсант, Объединенная Белорусская военная школа ЦИК БССР». В настоящее время сведений по истории школы, преобразованной затем в Минское военно-пехотное училище имени М. И. Калинина, которое просуществовало вплоть до 1941 года, в печатных источниках содержится крайне мало. Хотя, по самым скромным подсчетам, из стен училища вышло около трех с половиной тысяч командиров Красной Армии. Восемь лет, сначала курсантом, а затем в качестве командира взвода, роты, преподавателя тактики, провел в нем В. Ф. Маргелов. И было бы правомерным упомянуть об основных вехах становления этого известного в то время военного заведения.

5 февраля 1921 года по приказу Реввоенсовета Республики в Минске были организованы краткосрочные 81-е пехотные курсы командного состава[4]. В этом же году они дважды меняли вывеску и именовались вначале как курсы Совнаркома БССР, а затем, перейдя в армейское ведомство, Минские пехотные курсы РККА. 9 октября 1924 года курсы как таковые перестали существовать, а на их базе была организована 7-я Объединенная военная школа имени ЦИК БССР с трехгодичным сроком обучения. Название «Объединенная» появилось не случайно. На трех отделениях готовились кадровые командиры для кавалерии, артиллерии, пехоты. В специальной военной литературе даже появился термин «нормальная военная школа», который свидетельствовал о том, что почти треть учебного времени отводилась на общеобразовательные предметы. Сложилось и четкое организационное устройство военных школ – один батальон трех– или четырехротного состава.

О славном пути, пройденном ОБВШ, красноречиво свидетельствует приказ командующего Белорусским военным округом.

ПРИКАЗ

войскам Белорусского военного округа

№ 15 5 февраля 1931 года
г. Смоленск

5 февраля 1931 года исполнилось 10 лет существования Объединенной Белорусской Военной Школы имени Центрального Исполнительного комитета БССР.

Школа сформировалась из 2-х московских пехотных курсов, переименованных затем в 81-е Минские пехотные курсы имени СНК БССР. Объединенная Белорусская Военная Школа за 10 лет упорной работы выпустила в ряды РККА 1850 командиров для национальных, кадровых и территориальных частей.

Школа является национальной частью, готовящей пролетарских, коммунистически воспитанных, стойких командиров РККА.

Школа имеет боевые заслуги перед пролетариатом Советского Союза и Белоруссии по защите Ленинграда от авантюр классовых врагов, по защите Советской Украины, по защите Белоруссии от бандитизма. В жестоких боях на этих фронтах школа потеряла десятки лучших курсантов и командиров.

Выпущенные из Школы командиры геройски сражались с белыми китайскими генералами по защите границ СССР на востоке.

В 1930 году Школа дала лучшие показатели боевой подготовки в округе. Школа развернула большую общественно-политическую работу по борьбе за промфинплан, за коллективизацию и социалистическое соревнование. РВС БВО уверен, что начсостав и курсанты Школы упорством, настойчивостью и плановостью в работе выполнят задачи по боевой подготовке и ленинскому воспитанию командиров РККА.

Временно командующий войсками БВО

Зомберг

Василий Маргелов поступил в эту школу, когда военная реформа 1924–1925 годов, занявшая особое место в череде коренных преобразований в СССР, была завершена. Впервые в практике военного строительства в необычайно короткий срок был достигнут поразительный эффект – Рабоче-Крестьянская Красная Армия, совсем уже было потерявшая свое лицо в послевоенные годы, обрела организованность и боеспособность. Особый упор был сделан на создание территориальных, национальных войсковых соединений, на переход к

единоначалию и более качественную подготовку командных кадров, на укрепление роли ВКП(б) в армии.

Первым национальным формированием в Западном военном округе[5] стала 2-я Белорусская стрелковая дивизия, и в задачу ОВШ имени ВЦИК БССР входила подготовка командиров, в первую очередь именно для этой дивизии.

Во втором издании известной книги «Белорусский военный округ» (Минск, 1983) о 7-й Объединенной школе имени ВЦИК БССР упоминается в нескольких строчках: «Из стен этой школы вышли такие известные впоследствии военачальники, как В. А. Пеньковский[6], И. И. Якубовский[7], В. Ф. Маргелов». Добавим, что в этот список могли бы по праву войти Герой Советского Союза генерал-лейтенант Г. Т. Василенко, заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант И. И. Лисов и многие другие выпускники школы, не посрамившие на фронтах Великой Отечественной войны гордого звания «калининец».

Иван Игнатьевич Якубовский, земляк В. Ф. Маргелова, об обстоятельствах присвоения школе имени Калинина вспоминал: «Хорошо помню приезд в нашу военную школу горячо любимого народом Всесоюзного старосты товарища М. И. Калинина. Это было 8 сентября 1933 года. Он живо интересовался учебой будущих командиров, их идейной закалкой, тем, как они овладевают военным делом, беседовал по этим вопросам с командованием и курсантами. Во время торжественного митинга в артиллерийском дивизионе курсант Смирнов обратился к М. И. Калинину с приветственной речью и с просьбой дать согласие о присвоении школе его имени. Это было всеобщее желание нашего коллектива, и мы поддержали просьбу дружными аплодисментами. Михаил Иванович заметил, что согласие дать не трудно, было бы это на пользу. Присутствовавший на митинге командующий войсками БВО И. П. Уборевич поддержал желание курсантов в ответ из строя раздался возглас: “Да здравствуют калининцы!” Окрест разнеслось громкое “ура”».

…В сентябре 1928 года Василий Маргелов надел курсантскую форму, а в ноябре, в день 11-й годовщины Октябрьской революции, принял военную присягу, текст которой запомнил на всю жизнь:

«Я, сын трудового народа, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии. Перед лицом трудящихся классов Союза Советских Социалистических Республик и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и как зеницу ока охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения. Я обязуюсь строго и

неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью рабочего и крестьянского правительства. Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, унижающих достоинство гражданина Союза Советских Социалистических Республик, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся. Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступить на защиту Союза Советских Социалистических Республик от всяких опасностей и покушений со стороны всех их врагов и в борьбе за Союз Советских Социалистических Республик, за дело социализма и братства народов не щадить своих сил, ни самой жизни.

Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона».

После окончания советско-польской войны, спровоцированной и поддержанной Антантой, государственная граница, которая пролегала всего лишь в тридцати километрах от Минска, стала местом постоянных провокаций и вооруженных вылазок бандитов. Пограничникам порой приходилось туго, и тогда к ним на помощь приходили курсанты ОБВШ. Привычной стала команда «В ружье!», за ней другая – «Получить патроны!», а затем следовал марш-бросок к участку, где пограничники сдерживали натиск нарушителей. Как ни хотелось Маргелову и его товарищам, как говорится, «понюхать пороху», дело до серьезного столкновения, как правило, не доходило.

С незапамятных времен в армейской среде существует незыблемое правило, которое гласит: «Не умеешь подчиняться сам – не научишь подчиняться других». Процесс вживания в армейскую среду для некоторых сверстников Маргелова проходил весьма болезненно, и не все до конца усвоили смысл слов «дисциплина» и «порядок», обязывавших твердо блюсти законы воинского коллектива. Книги приказов по школе дают красноречиво понять – командование решительно избавлялось от тех, кому армейская ноша показалась непомерно тяжкой, и давало возможность приобрести основательный багаж знаний тем, кто избрал жизненным поприщем служение Отечеству.

До наших дней здание, в котором долгие годы располагалась военная школа, не сохранилось. Теперь по плацу, по которому некогда вышагивали будущие краскомы, чеканят шаг суворовцы[8]. В середине двадцатых годов это был центр Минска с многоголосым и шумным базаром[9], притягивавшим к себе много

всякой нечисти и темных личностей. Бойкая торговля не обходилась без конфликтов, часто перераставших в стычки и драки. Когда милиция не справлялась, опять выручали курсанты.

Распорядок дня в школе был жестким, но, по воспоминаниям Г. Т. Василенко, «несмотря на напряженный учебный график, курсанты находили время и книги почитать, и на танцы сходить». После подъема, который следовал в 6 часов 30 минут, – зарядка, завтрак, шесть часов занятий. Осенью и зимой в расписании доминировали общеобразовательные предметы: история, география, русский язык и литература, химия, физика, немецкий язык, Конституция СССР и, конечно, марксистско-ленинская подготовка. После обеда – отдых. Мертвый час с 14:40 до 15:40 непременно соблюдался и при выходе школы в летние лагеря, на три месяца боевой учебы. В перечень военных дисциплин входили: топография, история Гражданской войны, военное искусство, тактика, огневая подготовка, инженерное дело. И хотя термины «общевойсковой бой» и «общевойсковой командир» появятся значительно позднее, однако реальные очертания они приобрели в нормальных военных школах. Тактика пехоты и кавалерии (курсанты постигали джигитовку и приемы езды) изучалась в них с учетом применения артиллерийского огня.

Курсанты полностью обеспечивали себя дровами, картофелем, до блеска драили полы в школе, но особое положение занимал столовый блок – он радовал не только глаз. И хотя Белоруссия тогда жила не слишком богато, о своих защитниках государство заботилось: курсантские щи никогда не бывали постными, а в добротном обмундировании воспитанники школы выглядели щеголями.

Василия Маргелова с первого курса отличали дотошность и упорство в освоении военной науки. Теоретические занятия в ОБВШ подкреплялись хорошей армейской практикой – в течение учебы курсанты должны были пройти стажировку: на втором курсе – в должности командира отделения, на третьем – командира взвода. Политическая «подкованность» выпускников школы во многом определялась умением разъяснить аудитории смысл партийных документов и постановлений. Вступив кандидатом в члены ВКП(б) еще до призыва в армию, курсант Маргелов, пройдя кандидатский стаж, предстал перед партийным собранием. Много было волнений и переживаний, но все закончилось благополучно. Хотя основательно «погоняли» и по Уставу, и по знанию ленинских работ, не забыли и об отношении к злободневным темам, которые тогда будоражили страну.

Поводом к жарким дискуссиям служили происходящие

вокруг события. Ведь не случайно 1929 год вошел в советскую историю как год великого перелома. Закладывался фундамент социализма, а исподволь уже начинала набирать обороты репрессивная машина.

Чтобы понять накал страстей, достаточно окинуть взглядом одни только заголовки в «Правде» и «Красноармейской правде»[10]. «Ликвидируем неграмотность!», «Дадим отпор хвастовству!» – и по соседству: «Процесс над социал-вредителями». Международная тематика – гвоздь всех газет: «Интервенты точат зубы на советскую границу», «Тов. Литвинов заявляет: “Империалисты похоронили советский проект разоружения”[11]». И в подвале первых полос: «За жестокий приговор приспособленцам и саботажникам!», «Вредителей – под перекрестный огонь печати!». Заголовки «Мы на всех парах идем к социализму», «Наша пятилетка приводит капиталистов в бешенство», «Миллионы идут в колхоз» отражали итоги первого года пятилетки и коллективизации.

* * *

Партийное строительство – особый разговор с читателем, ведь в 1929 году из СССР за антисоветскую деятельность был выслан Л. Д. Троцкий, «непримиримый враг ленинизма, который не разоружился».

Формы коллективного доноса лишь начинали свою кипучую жизнь: «Тов. Иванов допустил классовое извращение – говорил о чем угодно, но только не о деле», «Единым фронтом против Матвеевых»[12].

Не оставались в стороне и пролетарские поэты, в первых рядах которых, как всегда, Демьян Бедный:

> Вся жизнь – попить да полопать,
> Не жизнь, а копоть!
> Докоптела поганая свеча.
> Рабочим оплакивать это добро ли?!
> Вот они с Лениным что побороли!
> Уроки революции уча…

В бурном водовороте событий политотдел ОБВШ твердо держал руку на пульсе настроений курсантов, о чем свидетельствуют и донесения, в обязательном порядке направляемые в политуправление Белорусского военного округа. А оттуда шли директивы: «Увеличить партийную прослойку.

Усилить пропаганду решений партийных конференций и съездов».

Однако в тех же донесениях в округ содержатся и сведения о курсантской вольнице. Молодость и жизнелюбие порой брали верх над уставными требованиями, и тогда в приказах по школе появлялись гневные строки: «Курсантов Алешкевича и Осиповича за драку на танцах в рабочем клубе отправить под арест на трое суток». Питомцы школы умели за себя постоять, и об этом в Минске знали все. Любителей пображничать в увольнении также ждала подобная кара. А вот в борьбе с неуспевающими гауптвахта помочь не могла. Таким курсантам назначались переходные испытания в период каникулярного отпуска. Гораздо сложнее обстояли дела с теми, кто «прострелял» выпускной аттестат, то есть получил «неуд» по огневой подготовке или показал слабые знания по военным предметам. Таким присвоение воинского звания «командир РККА» откладывалось на несколько месяцев. Они должны были держать повторные экзамены, но уже в войсках.

На втором курсе Василий Маргелов становится старшиной роты. По временному уставу внутренней службы РККА круг обязанностей старшины довольно значителен. Без преувеличения можно сказать, что старшина – правая рука командира роты. Ротное хозяйство небольшое, но хлопотное, надо подготовить и проинструктировать дневальных, расписать по постам караульных, провести физзарядку и вечернюю поверку, вовремя сдать в учебную часть суточную ведомость и, конечно, иметь идеальный порядок в подразделении. Здесь требовательность Маргелова была необычайно высока. Заметим, что при этом он и в классах, и на полигоне показывал отличные знания.

В газете «Красноармейская правда» от 5 февраля 1931 года сохранилась корреспонденция: «Их восемнадцать лучших ударников, работающих по-большевистски. Они твердо, решительно, упорно борются за высокие темпы, за качество и первыми подымаются на высоты, которые штурмует вся масса школы… и среди них Василий Маргелов».

В характеристике курсанта Маргелова читаем: «Являясь организатором ударничества в своем отделении, берет отстающих на общественный буксир. Принимает активное участие в общественной и партийной работе. Выдержан. Дисциплинирован. Имеет благодарности».

Военная школа приучила ценить и планировать до минуты драгоценное время, а обязанности старшины выработали на всю жизнь приверженность идеальному порядку. Именно в бытность В. Ф. Маргелова командующим Воздушно-десантными войсками

исчезло из лексикона нелестное сравнение солдатской казармы с конюшней. Казармы ВДВ стали образцом воинского быта для всех Вооруженных Сил СССР.

Вскоре после назначения Маргелова старшиной роты в его жизни произошел еще один примечательный эпизод. В феврале 1931 года исполнялось 50 лет наркому по военным и морским делам, председателю Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилову. В соответствии с традициями того времени, вся страна с завидной изобретательностью готовила подарки легендарному герою Гражданской войны. Газеты и журналы широко освещали его подвиги, рассказывали об основных биографических вехах, зарождалось массовое движение «ворошиловских стрелков». Начался всенародный сбор средств на дирижабль «Клим Ворошилов», в стороне от которого не остались и курсанты ОБВШ. Но главным их способом поздравления Ворошилова явился лыжный пробег Минск – Москва длиною около 800 километров. Командование школы подготовило «Рапорт о достижениях и недочетах», который предполагалось вручить наркому.

Из многих кандидатов строгий отбор прошли лишь десять курсантов, в их числе Василий Маргелов и Иван Лисов. Возглавил команду курсовой командир Федорович. Без сомнения, основными критериями отбора были выносливость и результаты в лыжной подготовке: в ней Маргелову не было равных. Но тут вовсю проявил свой норов февраль. Завьюжило, ударили морозы под 20 градусов и более. Впору было отменять пробег, но почин был уже объявлен по радио и в газетах, и отступать от намеченного было поздно. В назначенный день, 6 февраля 1931 года, команда лыжников Объединенной Белорусской военной школы, в которую был зачислен и рабочий-ударник с подшефного минского завода «Энергия», вышла на старт.

Время сделать оговорку, что в Белорусском военном округе очень серьезно выполнялось указание наркома о том, что «не одиночки, а целые подразделения и части, твердо стоящие на лыжах, нужны нам». (Как пригодилось это в войне с Финляндией сформированным здесь лыжным батальонам!) Естественно, несмотря ни на что, было велико желание поздравить Ворошилова именно таким необычным образом.

О том, как складывался пробег, вспоминал курсант Иван Лисов: «…Тогда у нас не было скоростных лыж, хороших креплений, одежды и обуви, хоть приблизительно похожих на нынешнее снаряжение спортсменов. Шли мы на армейских лыжах-досках… в сапогах и “буденовках” на головах…

…Шли мы вдоль железной дороги, по обочине. Был случай,

когда курсанта Володю Котова, крепенького паренька небольшого росточка, порывом сильного ветра сорвало с насыпи под откос в глубокий снег и тут же занесло. Он шел в группе последним, и в пургу никто не заметил этой потери.

Уже прошли порядочно от места исчезновения курсанта, и Маргелов, пропуская мимо себя цепочку ребят, обнаружил “недостачу” в строю и, доложив курсовому командиру, старшему нашего перехода, тут же повернул всех нас назад на поиск “самовольщика”, оставившего без разрешения строй. Долго мы искали его в этой метельной круговерти, рассредоточившись по всей насыпи, и только случайно перед наступлением темноты по торчащей из сугроба лыже наши его. Видимо, от усталости Володя нечаянно уснул, укрыв лицо подшлемниками. После этого случая Маргелов не шел по старшинству за курсовым командиром, а по своей инициативе стал замыкающим. Больше до самой Москвы у нас не было отстающих».

Иван Иванович Лисов не называет место, где едва не свершилось ЧП, которое могло бы поставить крест на всей карьере и курсового командира, и старшины Маргелова. Но благо все обошлось, и тон сообщения от 19 февраля в Медыни (в 120 километрах от Москвы) преисполнен оптимизма: «Участники лыжного пробега достигли Медыни! Все здоровы. 243 полком и общественными организациями организована торжественная встреча. Отлично проведен митинг. Переход совершается в полосе метелей и заносов, в среднем команда двигается по 60 км в сутки. В Юхнове проведен сбор средств на дирижабль “Клим Ворошилов”. Собрано 430 рублей. Прибытие в Москву 21 февраля в 14:00 часов».

От имени курсантов Объединенной Белорусской военной школы рапорт наркому по военным и морским делам вручил старшина Маргелов. Восхищенный мужеством лыжников, Ворошилов наградил всех участников пробега, а Маргелов получил из рук наркома именные золотые часы-«луковицу». С ними он прошел три войны.

В феврале 1931 года отмечалось и десятилетие Объединенной Белорусской военной школы. Юбилярам дарили подарки, звучали поздравительные речи и торжественные марши, но подлинным апофеозом праздника стало награждение ОБВШ орденом Трудового Красного Знамени. В указе, подписанном председателем ЦИК БССР А. Г. Червяковым, говорилось: «Отмечая выдающиеся заслуги Объединенной Белорусской военной школы имени ЦИК БССР в деле подготовки красных командиров, Президиум ЦИК постановляет:

Вознаградить Объединенную Белорусскую военную школу

орденом Трудового Красного Знамени».

Начальник школы И. И. Василевич и его боевые помощники получили из рук секретаря ЦИК А. И. Хацкевича именное оружие. Курсант Василий Маргелов был среди немногих, кто удостоился почетной грамоты Президиума ЦИК БССР.

Весна 1931 года выдалась в Минске бурной и солнечной, и город, словно сбросив дремоту, поднимал горожан гудками новых заводов и фабрик, постуком трамвайных колес, перекличкой рабочих на строительных лесах, ставших главной приметой столицы Белоруссии того времени. Нередко на улицах звучала и медь военных оркестров. А уж очередной выпуск в Объединенной Белорусской военной школе имени ЦИК БССР в городской жизни являлся событием особого рода.

Выпускники школы в новеньких, «с иголочки», мундирах с малиновыми петлицами, на которых красовалось по «кубарю»[13], в начищенных до блеска сапогах, в ладно подогнанных портупеях стояли повзводно и, получив из рук начальника школы именной наган, прощались с Боевым знаменем. Торжественный марш и строевая песня завершали ритуал, выработанный годами и не оставлявший равнодушными ни самих выпускников, ни зрителей.

Но, прежде чем надеть форму краскома, каждому из воспитанников военной школы пришлось выдержать серьезные испытания. Старшина Маргелов получил по всем предметам высший балл и, как говорили в то время, завершил учебу «по первому разряду», то есть с отличием.

Трогательную заботу о вступающих в самостоятельную жизнь молодых командирах проявляли городские власти, вручая им «приданое»: матрац, подушку, одеяло, постельное белье и пару хромовых сапог – носите, мол, и не забывайте Минск.

Краском Маргелов Василий Филиппович получил назначение в 99-й полк 33-й стрелковой дивизии, которая располагалась в Могилеве.

Первые ступени

«Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не сошлют», – с незапамятных времен шутили армейские острословы. Но именно взвод был той ступенькой, о которую споткнулось немало командиров.

В ОБВШ Маргелов имел рад поощрений за меткую стрельбу из «Максима», и командир полка рассудил: «Пойдешь взводным в пулеметную роту».

«Максим» – грозное оружие Первой мировой и Гражданской – не утратил своих позиций, и особым шиком опытных пулеметчиков считалась «роспись» из ряда пробоин на мишени. Но вот добиться такого результата удавалось далеко не каждому. Соревнования по стрельбе в гарнизоне проводились часто, и вскоре о Маргелове заговорили как о мастере своего дела, а его подчиненные служили образцом для пулеметчиков всего полка. Очередное назначение состоялось ровно через год.

Полковые школы, призванные готовить младших командиров, появились в Красной Армии после Гражданской войны и формировались на базе стрелковых, артиллерийских, кавалерийских и специальных частей. В их задачу входила подготовка младших командиров. Отбирались курсанты из лучших красноармейцев, имевших хотя бы мало-мальское образование. Чего греха таить, даже среди пулеметчиков и артиллеристов, считавшихся полковой интеллигенцией, попадались неграмотные. Успехи Маргелова на поприще подготовки и воспитания бойцов были несомненными, и, вероятно, поэтому на рекомендации офицерского собрания появилась резолюция командования: «Назначить командиром взвода в полковую школу».

Первый, а следом и второй выпуски[14] командиров отделений, обученных Маргеловым, сдали испытания на твердую отличную оценку. Как драгоценную реликвию хранил Василий Филиппович личный пистолет ТК[15] в награду не только за совершенное владение многими видами оружия, но и как знак его педагогических успехов. История полковых школ прервалась на рубеже 70-х годов, однако их бесценный опыт лег в основу создания учебных частей и соединений Вооруженных Сил СССР. Знаменитая воздушно-десантная «учебка» – детище Василия Филипповича Маргелова – подлинный пример бережного сохранения традиций. Но об том еще будет сказано…

Начиная с середины 1932 года в части и соединения Красной Армии стали наведываться офицеры из штаба Военно-воздушных

сил, в задачу которых входил отбор грамотных и годных к летно-подъемной работе бойцов и младших командиров. Не возбранялось подавать рапорта и офицерам. При этом возраст добровольцев ограничивался двадцатью пятью годами. Не тогда ли Василий Маргелов стал по документам на два года моложе? Как бы то ни было, но его зачислили в Оренбургскую школу летчиков и летнабов. А дальше, по воспоминаниям Василия Филипповича, «случилась неприятность». Сидел он как-то в учебном классе и чистил пистолет. При этом вполголоса напевал распространенную в среде военных курсантов шуточную песенку о Буденном и Ворошилове на мотив ходившей в народе песни о Конармии:

Сидел бы ты, Буденный, на коне верхом,
Держался с Ворошиловым за хвост вдвоем.
Сидеть вам на кобыле,
Не летать на «Либерти»,
Зануды вы, зануды, вашу мать ети.

Песенку эту напевали все кругом, особенно не задумываясь над смыслом. И надо же было такому случиться – в класс незаметно вошел комиссар. Шуму было много, «разобрали» курсанта по партийной линии, вынесли соответствующий выговор.

Вряд ли это явилось поводом для отчисления. Тем более, что за ним последовал перевод Маргелова в родную школу ЦИК БССР на должность командира взвода, должность, на которую невозможно было попасть без тщательного отбора Офицер-воспитатель с пятном в аттестации никогда бы не перешагнул порог военно-учебного заведения.

ОБВШ именовалась теперь Минским военно-пехотным училищем имени М. И. Калинина, которое к 1933 году превратилось в настоящую кузницу командных кадров не только для Белорусского военного округа, но и для всей страны. В числе тех, кто возглавлял это учебное заведение в разные годы, мы находим имена военачальников, хорошо известных со времен Гражданской войны, – Л. П. Клаузе, Я. Ф. Фабрициуса. В начале 1933 года И. И. Василевич передал бразды правления Евгению Степановичу Алехину[16]. Носить в то время Георгиевские кресты было, естественно, не принято – по этому поводу существовал даже строгий декрет. И о том, что начальник школы – полный георгиевский кавалер, знали немногие. Перед подчиненными он ежедневно представал, имея на гимнастерке целых три ордена Красного Знамени!

На командирских занятиях, которые вел начальник школы, взводный Василий Маргелов, постигая секреты бесценного боевого опыта, отличался дотошностью и настойчивостью. Его способности и знания не оставались незамеченными – в должностях он подолгу не засиживался. В феврале 1934 года Маргелов становится помощником командира роты, а в мае 1936 года назначается командиром пулеметной роты.

В армейском лексиконе бытует выражение: «Рота – небольшой полк». Устав внутренней службы РККА не разграничивал обязанностей командира роты, занимавшего эту должность в войсках, и командира курсантской роты. Командиру учебной роты требовалось постоянно контролировать успеваемость курсантов, следить за подготовкой командиров взводов и организовывать партийно-политическую работу. Здесь уместно привести историческую справку. 24 декабря 1924 года заместитель председателя Реввоенсовета СССР М. В. Фрунзе утвердил «Положение о политруках», по которому они назначались в подразделения от роты и выше. Согласно этому документу «политруки были освобождены от несения служебных нарядов и пребывания в строю, получали право жить вне казармы и были обязаны руководить политическими занятиями с командирами взводов, организовывать чтение газет и литературы, заведовать работой ленинского уголка».

Командиру курсантской роты Маргелову приходилось, однако, работать за двоих. «Положение о политруках» предусматривало: «В том случае, когда командиром роты является член ВКП(б), имеющий партийный стаж, он одновременно является и политруком роты».

В 1935 году на должность военного комиссара школы был назначен участник Гражданской войны Андрей Иванович Темкин. Неизвестно, как бы сложилась судьба Маргелова, если бы не его помощь. Это был человек, который, понимая, сколь нелегко дается совмещение командных и воспитательных обязанностей, всегда поддерживал молодого ротного словом и дельным советом. Но надо отдать должное и самому Маргелову – например, ленинский уголок 4-й роты был одним из лучших в училище, да и даром убеждения молодой командир, несомненно, обладал.

Расписание занятий 4-й роты позволяет судить о том, насколько непросто было совмещать задачи командира и преподавателя с обязанностями политрука: «Огневая подготовка. Темы: “Управление огнем. Приборы управления огнем. Внутренняя и внешняя баллистика” – на каждую 3 часа, преподаватель Маргелов. Тактическая подготовка. Темы:

“Пулеметный взвод в наступлении и обороне”, “Взаимодействие со стрелковыми подразделениями” – на каждую по 6 часов, преподаватель Маргелов. Строевая подготовка. Тема: “Парадные строи” – старший лейтенант Маргелов. Физическая подготовка. Темы: “Упражнения на гимнастических снарядах”, “Трамплины и лыжи” – преподаватель Маргелов».

Обучая своих подчиненных, Маргелов, так же как и другие командиры, имел прекрасную возможность перенимать опыт у С. К. Тимошенко, Е. И. Ковтюха, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского, В. Д. Соколовского, часто выступавших с лекциями и докладами в стенах училища. Большим подспорьем в боевой учебе являлись методические пособия, авторы которых, М. В. Захаров и Р. Я. Малиновский, служили в ту пору в штабе Белорусского военного округа.

С появлением в 1935 году «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» командиры всех рангов получили не только соответствующие воинские звания, но и новые знаки различия. Так на петлицах командира роты старшего лейтенанта Василия Маргелова появились три кубика, а рукав гимнастерки стали украшать три треугольные нашивки.

В корне изменился и вопрос продвижения по службе красных офицеров. Раньше командиры и начальники всех степеней, по сути, были предоставлены сами себе и нередко действовали по принципу: «Кого люблю – того и жалую».

Введенная аттестация с четко определенными критериями до минимума сводила роль личных симпатий и антипатий того или иного командира. Выводы по назначению рассматривались специальной комиссией, в состав которой неизменно входил представитель НКВД.

В обязанности командира роты входила подготовка аттестаций не только на командиров взводов, но и на всех выпускников. Характеристики, которые давал им Маргелов, во всех случаях были объективными и принципиальными, а иногда и нелицеприятными. Вот, например, одна из них, которую Маргелов дал одному из своих подчиненных, старшему лейтенанту Вепринскому Ф. И.: «Технически подготовлен хорошо. Дисциплинирован. Но недостаточно выдержан. Плохо разграничивает как командир отношение на службе и вне службы к подчиненным. На работе бывает недостаточно серьезен. Должности соответствует вполне. Желательно перевести в воинскую часть на должность помощника командира батальона».

Самого же командира 4-й курсантской роты начальство характеризовало так: «Старший лейтенант Маргелов, командир

пулеметной роты (Приказ НКО № 878 от 21.05.1936 г.), с должности помощника ком. роты, 1906 г.р., рабочий из крестьян, русский (так в аттестации. – А́. Е.), закончил нормальную военную школу в 1931 году. Политически подготовлен хорошо. В партийной жизни активен. Парторг, член бюро. В училище с 1933 года. Военная подготовка хорошая. Энергичный, подвижный. Выдержанный и напористый в работе, растущий командир. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть выдвинут помощником комполка по строевой части».

В 1937 году в общую программу подготовки курсантов был включен комплекс ГТО («Готов к труду и обороне СССР»). Новшество сразу же выявило пробелы в физическом развитии будущих офицеров. В приказе по училищу говорилось, что «комплекс построен на глубокой связи разносторонних спортивных элементов в одно целое, овладение которыми дает вполне законченного, совершенного, физкультурно-грамотного, волевого командира». И тут же предлагалось всем командирам и курсантам стать значкистами ГТО. Соревновательный дух захватил калининцев. Маргелову упомянутым приказом отводилась роль главного судьи по гимнастике.

Спортивная жизнь в столице Белоруссии с введением комплекса ГТО обрела как бы второе дыхание. И на всех соревнованиях честь училища непременно защищал Василий Маргелов. После первой пробы сил в августе 1937 года семнадцать офицеров и курсантов должны были предстать перед проверочной комиссией, приехавшей из Москвы. О результатах проверки свидетельствует заметка в газете:

«Приказом Комитета по делам физкультуры и спорта при Совнаркоме СССР от 29.08.1937 года за № 285 награждается значком ГТО 2-й ступени:

1. Маргелов Василий Филиппович…»

Всего в списке было десять человек.

С курсантских лет для Василия Филипповича стало нормой всей жизни держать себя в отменной спортивной форме. Не случайно с кабинетом командующего Воздушно-десантными войсками соседствовал индивидуальный тренажерный зал…

В 1933 году началась грандиозная чистка партийных рядов, а следом за ней обмен партбилетов, который продолжался до конца 1936 года. Ворошили прошлое, копались в личной жизни. Вместе с теми, кто преследовал в партии карьеристские и шкурнические цели, из ее рядов изгонялись «потерявшие большевистскую бдительность». Не усвоившие Программу и Устав ВКП(б) переводились из действительных членов в кандидаты. Для таких срок восстановления в партии равнялся одному году. Такой же

срок довлел и над проштрафившимися кандидатами, которых переводили в разряд сочувствующих.

В то же время шли показательные разоблачения и раскрытия антипартийных групп, с участниками которых не церемонились.

Минское военно-пехотное училище этот очистительный бум обошел стороной, и лишь несколько курсантов были переведены в кандидаты и сочувствующие. Не раз в защиту «провинившихся» приходилось высказываться заместителю секретаря партбюро училища Маргелову, чье слово было значимым, а честность и принципиальность не позволяли кривить душой. Когда настал и его черед заменить старый, образца 1926 года, партийный билет на новый, произошел казус с буквой «г» в фамилии. Учет коммунистов в политотделе вели инструкторы Миртиц Невлер, политрук Залман Эркин и машинистка Соня Мискевич. Кто из этого трио вставил в фамилию Маргелова злополучное «к», трудно сказать, однако в приказах по 596-му полку 122-й стрелковой дивизии, с которой Василий Филиппович отправился на войну с белофиннами, он значился капитаном[17] Маркеловым.

…Маргелов недоумевал. Люди, перед знаниями и опытом которых он преклонялся и каждое слово которых ловил на лету, такие выдающиеся военные авторитеты, как командарм И. П. Уборевич и М. Н. Тухачевский, вдруг, «сбросив безобидную шкуру ягнят», стали «врагами трудового народа».

Царившую атмосферу правдиво описал в своих «Воспоминаниях и размышлениях» маршал Советского Союза Г. К. Жуков:

«В стране создалась жуткая обстановка. Никто никому не доверял, люди стали бояться друг друга, избегали встреч и каких-либо разговоров, а если нужно было – старались говорить в присутствии третьих лиц-свидетелей. Развернулась небывалая клеветническая кампания. Клеветали зачастую на кристально честных людей, а иногда на своих близких друзей. И все это делалось из-за страха быть заподозренными в нелояльности…

Советские люди, от мала до велика, не понимали, что происходит, почему так широко распространились среди нашего народа аресты… Каждый честный советский человек, ложась спать, не мог твердо надеяться на то, что его не заберут этой ночью по какому-нибудь клеветническому поводу…»

Белорусский Особый военный округ позднее назвали «Голгофой Красной Армии». Здесь арестованы были все без исключения командиры корпусов. После них репрессии перекинулись в дивизионное и полковое звено. Лихорадило и Минское училище. Один за другим покидали его командиры, чьи

служебные пути когда-либо пересекались с «предателями дела революции», «иностранными шпионами».

В такой обстановке В. Ф. Маргелов получил назначение на должность командира батальона в 8-ю стрелковую дивизию имени Ф. Э. Дзержинского и в декабре 1938 года покинул Минск.

Боевое крещение

Капитан Маргелов не ожидал, что очередной вызов его в штаб дивизии обернется новым назначением. В преддверии назревавших событий должность начальника отдела, НО-2, в задачу которого входило обеспечение комплектования части личным составом и техникой, становилась едва ли не ключевой. Распорядительность молодого офицера и знание местных условий помогли наладить прочные отношения с военкоматами, через которые осуществлялась основная работа в случае мобилизации.

Как и было предусмотрено планом боевой подготовки, части 8-й стрелковой дивизии имени Ф. Э. Дзержинского в начале июня 1939 года покинули казармы и вышли в летние лагеря. Маргелов вычертил схему: стрелковые полки 151-й, 229-й, 310-й, танковая рота с разведбатом связи и зенитно-пулеметной ротой расположились в лагере «Большевик», в семи километрах от Бобруйска, артполки – 62-й и 117-й гаубичный – в лагере «Западный» на артполигоне.

1 сентября 1939 года, после внезапного нападения Германии на Польшу, размеренный ритм лагерной жизни сменился напряженным ожиданием: что дальше?

О вероятности подобных действий Германии И. В. Сталин был информирован еще в начале августа. Сложившиеся обстоятельства, прежде всего позиция Великобритании и Франции, пытавшихся направить устремления агрессора на Восток и рассматривавших гитлеровский режим как основной противовес коммунизму, вынудили советское руководство пойти на сближение с Германией и заключить с ней 23 августа договор о ненападении и секретный дополнительный протокол.

В штабной палатке не было недостатка ни в комментариях, ни в предположениях о дальнейшем развитии событий! Но общее мнение было единым: Польша сама поставила себя в тяжелейшее положение, оказавшись без союзников, в полной изоляции. Особого сочувствия не проявлялось – были в памяти страницы недалекого прошлого, проявленные враждебным отношением западного соседа к Советской России, а затем к СССР, суть которого определили слова «начальника» польского государства Ю. Пилсудского: «Мы не желаем существовать рядом с Советской Россией». Польская интервенция, подкрепленная мощными финансовыми вливаниями и потоками вооружения из Франции и Англии, осуществлялась под лозунгами «Даешь Польшу в границах 1772 года!» и «Да здравствует великая Польша!» Оккупация белорусских и украинских земель в феврале 1919

года, а затем в апреле 1920 года, когда под напором поляков части Красной Армии вновь были вынуждены оставить Минск, Вильно, Киев, Барановичи, Бобруйск, отличалась особой жестокостью.

18 марта 1921 года в Риге был подписан советско-польский договор, по которому к Польше отошли Западная Украина и Западная Белоруссия. Не вернулись на родину и десятки тысяч военнопленных. За пределами Отечества остались миллионы русских, белорусов и украинцев, проживавших на огромной территории. Более того. «РСФСР и УССР согласились возвратить Польше различные военные трофеи, все научные и культурные ценности, вывезенные с территории Польши начиная с 1 января 1772 года» и вдобавок обязались выплатить Польше в годичный срок 30 миллионов золотых рублей, освободив ее от обязательств, связанных с пребыванием ее в составе Российской империи». Под договором стоят подписи троцкиста Адольфа Иоффе (умер при загадочных обстоятельствах в 1927 г.), Якуба Ганецкого (Фюрстенберга, расстрелян в 1937 г.), Эммануила Квиринга (расстрелян в 1937 г.), Юрия Коцюбинского (расстрелян в 1937 г.), Л. Оболенского. Как видим, Сталин жестоко рассчитался с подписантами, росчерк пера которых на долгие годы разделил братские народы.

В секретном дополнительном протоколе к договору о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 года определялось, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, границы сфер интересов Германии и СССР будут проходить по линии рек Наревы, Вислы, Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития».

Сегодня тайны советской дипломатии в тяжелейшее для страны время порой преподносятся несведущему обывателю едва ли не как преступления. Поэтому вновь хотелось бы обратиться к авторитетному свидетельству очевидца происходивших событий – Г. К. Жукова. В «Воспоминаниях и размышлениях» он пишет: «Что касается оценки пакта о ненападении, заключенного с Германией в 1939 году, в момент, когда наша страна могла быть атакована с двух фронтов – со стороны Германии и со стороны Японии, нет никаких оснований утверждать, что И. В. Сталин полагался на него. ЦК ВКП(б) и Советское правительство исходили из того, что пакт не избавлял СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть время в интересах укрепления нашей

обороны, препятствовать созданию единого антисоветского фронта. Во всяком случае, мне не приходилось слышать от И. В. Сталина каких-либо успокоительных суждений, связанных с пактом о ненападении».

…7 сентября штаб дивизии был поднят по тревоге. Комдив полковник Фурсин и полковой комиссар Бурылин были вызваны к командарму 4-й армии В. И. Чуйкову. В этот же день В. Маргелов получил приказ вскрыть конверт. Распоряжение гласило: «Поднять войсковые части на большие учебные сборы по литеру “А”», что соответствовало проведению скрытой мобилизации. Слово «мобилизация» категорически было запрещено употреблять как в устных, так и в письменных приказаниях, что вовсе не меняло сути процесса приведения дивизии в полную боевую готовность.

НО-2 трудился в поте лица. По существу, отдел, который он возглавлял, и его подчиненные в полках в считанные дни, в условиях строжайшей секретности и скрытности должны были поставить в строй тысячи бойцов и командиров, сотни единиц автотранспорта, расконсервировать весь комплект боеприпасов и вооружения, развернуть тыловые части, медсанбат, хлебозавод, склады ГСМ.

Но… Маргелов с грустью смотрел на «Сведения об укомплектованности дивизии». Хотя вины за собой капитан не чувствовал, итоги скрытой мобилизации были неутешительны. Цифры говорили о том, что к более-менее серьезным военным действиям страна не была готова. Из запаса так и не прибыло 30 процентов офицеров, в отделениях и расчетах не хватало половины младших командиров. Внушителен недокомплект медиков и техников. Из народного хозяйства так и не поступили 200 машин, не было никакой возможности наладить выпечку хлеба, тылы дивизии растянулись на семьдесят километров, в дивизионе противотанковых орудий – ни одной пушки, нет танков, радиостанций – ничтожно мало, командирских биноклей – всего 150 штук.

Маргелов с утра до ночи мотался по военкоматам, слал телеграммы руководителям советских и партийных органов в Бобруйск, Рогачев, Жлобин…[18] Но дело продвигалось «со скрипом» – люди и техника повсеместно были задействованы на уборочной страде. «Государственное задание», так на официальном языке называлось развертывание частей и соединений, явно срывалось. Никто не полагал, что речь идет о подготовке к серьезным военным действиям. Эти настроения хорошо иллюстрируют слова рядового резервиста из колхоза имени Молотова Жлобинского района Петра Афанасьева: «Наш

колхоз поработал в этом году хорошо, моя семья полностью до нового урожая обеспечена хлебом, кое-что думаю продать. Я с большой радостью пришел на сбор». К этому надо добавить, что политотдел дивизии получил также расплывчатые указания относительно цели сборов. Но, как и водится, все «формы и методы» политической работы были приведены в действие: под лозунгом «Проявим образцы большевистской организованности!» закипело соцсоревнование, вовсю трудились редакторы боевых листков, стенных газет, бодро звучали марши полковых радиостудий. На политработников возлагалось не только создание комсомольских и партийных организаций в новых подразделениях, но и отслеживание неблагонадежных. На «политически сомнительных» (так в одном из донесений. – Á. Е.) заводилось особое досье.

Неожиданно выявился казус: некоторая часть красноармейцев, прибывших из запаса, не была приведена к присяге. Комдив и комиссар поручили ее организацию Маргелову. К этому моменту дивизия вышла в район сосредоточения. Ритуал был торжественным и волнующим и, как сообщала дивизионная многотиражка, «могучее красноармейское “ура” в честь мудрого Сталина, в честь любимого наркома тов. Ворошилова далеко и гулко прокатывалось по сосновому лесу».

10 сентября 8-я стрелковая дивизия, доукомплектовываясь, начала погрузку в эшелоны. Для переброски соединения к государственной границе их требовалось ни много ни мало 48 единиц. Сразу выяснилось, что железная дорога не способна выдержать такого напряженного графика работы. И все же к исходу 14 сентября части дивизии сосредоточились в районе Большая Раевка – Дубровичи – Конотоп – Пруссы. К этому времени их общая численность, которая по штатам военного времени должна была составлять 16 126 человек, достигла 15 011 человек.

14 сентября в «Правде» была опубликована передовица «О внутренних причинах поражения Польши». Как выяснилось спустя три дня, она содержала основные положения, которые были высказаны в ноте Правительства СССР, врученной польскому послу В. М. Молотовым 17 сентября:

«Господин посол!

Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не

проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью. Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении».

Советский исследователь майор И. П. Мариевский обстоятельно проанализировал расстановку сил накануне похода Красной Армии в Западную Белоруссию:

«Польское командование держало все свои силы в оперативных группах численностью до 15 дивизий.

Белорусский фронт составляли 4 армии и отдельный стрелковый корпус.

3-я армия действовала на правом фланге в направлении Полоцк – Вильно.

11-я армия южнее – в направлении Молодечно.

10-я армия – в направлении Костаново (Дзержинск) – Новогрудок.

4-я армия – Барановичское направление.

23-й стрелковый корпус развернут был в Полесье на Пинском направлении и служил связующим звеном между Белорусским и Украинским фронтами.

Резерв фронта – 29-я стрелковая дивизия.

Немцы взяли Брест 14 сентября, Белосток – 15 сентября, и поляки вынуждены были перебросить часть сил на эти направления.

Согласно оперативному плану и директиве фронта (Боевой приказ № 01 от 15.09.39 г.) “ближайшая задача фронта –

уничтожение и пленение вооруженных сил Польши”».[19]

К тому времени в состав 4-й армии входили 31-й батальон охраны, 8, 55, 143-я стрелковые дивизии, 29 и 32-я танковые бригады, два батальона связи, армейские части. К окончанию мобилизации в состав армии была включена 122-я стрелковая дивизия. От Смоленска до Минска Белорусский военный округ напоминал человеческий муравейник, в котором все было подчинено одному: к началу боевых действий части и соединения должны доукомплектоваться до полной штатной численности и иметь все необходимое для успешного выполнения задачи.

Вряд ли будет уместным назвать поход «военной прогулкой», как это сделал Сталин.

15 сентября во второй половине дня в район сосредоточения 8-й дивизии приехал командующий 4-й армией В. И. Чуйков. Устраивать разнос дивизионному начальству за очевидные проблемы в укомплектовании он не стал – в других соединениях дела обстояли не лучше. А вот с танками командарм помог, передав в поддержку дивизии 29-ю танковую бригаду. Комдив вздохнул облегченно – будет чем прорывать проволочные заграждения. Переход советско-польской границы был намечен на 5 часов утра 17 сентября в полосе пограничных столбов № 855–887 у населенных пунктов Оступ – Дегтяны[20].

Едва за командармом захлопнулась дверь, Маргелов стал упрашивать командира направить его в боевой строй. Худо-бедно, но отдел задачу свою выполнил, и Фурсин не стал удерживать капитана в штабе, направил его в разведывательный батальон.

* * *

16 сентября 1939 года Военный совет Белорусского фронта[21] в составе командующего – командарма 2 ранга М. П. Ковалева, членов совета – корпусного комиссара Сусайкова, дивизионного комиссара Смокачева, комдива Гусева отдал боевой приказ. В нем говорилось:

«Товарищи красноармейцы, командиры и политработники!

Польские помещики и капиталисты поработили трудовой народ Западной Белоруссии и Западной Украины. Белым террором, полевыми судами, карательными экспедициями они подавляют революционное движение, насаждают национальный гнет и эксплуатацию, сеют разорение и опустошение.

Великая социалистическая революция предоставила польскому народу право на отделение. Польские помещики и капиталисты, подавив революционное движение рабочих и

крестьян, захватили Западную Украину и Западную Белоруссию, лишив эти народы своей Советской родины, и приковали их в цепи кабалы и угнетения.

Правители панской Польши бросили теперь наших белорусских и украинских братьев в мясорубку второй империалистической войны.

…Товарищи бойцы, командиры и политработники Белорусского фронта, наш революционный долг и обязанность оказать безотлагательную помощь и поддержку нашим братьям.

…Выполняя эту историческую задачу, мы не намерены нарушать договор о ненападении между СССР и Германией. Мы не должны допустить, чтобы враги белорусского и украинского народа надели на них новое ярмо. Мы идем не как завоеватели, а как освободители. Приказываю:

Частям Белорусского фронта… перейти по всему фронту в решительное наступление. Молниеносным, сокрушительным ударом разгромить панско-буржуазные польские войска и освободить рабочих и крестьян Западной Белоруссии».

Начало боевых действий дивизионная многотиражка освещала так: «Неожиданный переход, отделяющий светлый социалистический мир от мира нищеты и эксплуатации. Красноармейцы с мыслью о Сталине и с мыслью о родине начали резать проволоку».

Упоминание о проволочных заграждениях не случайно: проделывать проходы приходилось в кромешной темноте под холодным осенним ливнем. Разведчики перешли границу первыми. Внезапность, с какой они действовали, ошеломила поляков, они смогли ответить лишь разрозненной пальбой.

Застава была разоружена в считанные минуты. Один поляк был убит, 35 пограничников было взято в плен. Разведчики потеряли ранеными трех человек.

Так состоялось боевое крещение, которое показало, что не напрасно тренировал Маргелов «мускул, свое дыхание и тело с пользой для военного дела», впитывал боевой опыт командиров, прошедших через горнило Гражданской войны, овладевал секретами меткой стрельбы. И как знать, если бы не этот успех, тяжко бы пришлось бойцам, идущим вослед разведчикам. Ведь никто из них пороха не нюхал, да и в самой организации перехода через государственную границу хватало неразберихи. Однако, как бы то ни было, дорога на Несвиж была расчищена. Дивизия без сопротивления двинулась в путь одной колонной, что, конечно, в любой другой обстановке привело бы к непредсказуемым последствиям. Однако Белорусский фронт и по

численности войск, и по технике, без сомнения, имел явное преимущество над противником. И все-таки враг огрызался, устраивая на пути засады, обстреливая колонны. В таких мелких стычках разведбат 8-й стрелковой дивизии достиг Несвижа.

…Установившуюся тишину вдруг прорезали звуки оркестра. Через несколько минут недоумение Маргелова и комбата было рассеяно. Под звуки импровизированного оркестра на дороге, ведущей из города, показались люди в ярких нарядах. Скрываться им более не было смысла – представители прежней власти разбежались. Встреча была радостной, с хлебом-солью, поцелуями и слезами.

По сведениям местных жителей, гарнизон в Ляховичах был готов защищаться до последнего. Рассказ о том, что произошло далее, записан со слов самого В. Ф. Маргелова:

«– Василий Филиппович, – обратился ко мне комдив. – Ни о том, какой в Ляховичах гарнизон, ни об обороне поляков сведений нет. Дерзости тебе не занимать. Бери броневик, отделение автоматчиков. Но только, прошу, не лезь на рожон и действуй аккуратно. Город мы должны взять малой кровью. Задача ясна?

– Так точно! – ответил я.

– На знакомство с группой и подготовку к выполнению боевой задачи даю один час, а затем – вперед.

– Есть, – козырнув, ответил я.

Водитель и автоматчики были не новичками в Красной Армии, и долго объяснять им суть предстоящего не пришлось. На мой вопрос, есть ли у них какие-либо предложения или просьбы, они попросили разрешения взять побольше боеприпасов.

Убедившись в надежности своих бойцов, я проверил, как они подготовились к выполнению боевой задачи, после чего доложил командованию о том, что через пять минут отправляемся на выполнение задания.

Получив “добро”, мы двинулись в путь. Дорога была длинной. Спустя некоторое время увидели скелет сгоревшей легковушки, а через несколько километров – взорванную танкетку. Остановились, огляделись. Мост через речушку был свободен. Пролетев его на бешеной скорости, въехали на окраину. Заглушили двигатель. На улицах – ни единой души. Казалось, город знал, что скоро штурм. Жители попрятались как перед бурей, магазины были закрыты.

Вдруг, откуда ни возьмись, к броневику подбежал мальчонка лет двенадцати.

– Вы советские? – спросил он.

– Да. А ты кто такой? – спросил я.

– Советские – значит наши. А я местный, – ответил паренек, – зовут Янко.

– Ладно, Янко, раз ты местный, то и показывай дорогу к ратуше.

Мальчонка проворно вскарабкался на переднее сиденье и спустя некоторое время броневик подскочил к ратуше. Поблагодарив хлопчика и пожав ему на прощание руку, я с автоматчиками направился к входу в здание, условившись с водителем о том, чтобы минут через десять он дал из пулемета очередь в воздух.

Возле входной двери стояли два полусонных полицейских, которые, завидев нас и броневик со звездой на башне, стали изумленно протирать глаза. Сообразив, что это не сон, они бросили оружие и пустились наутек.

Путь в ратушу был свободен, и мы смело шагнули в здание. На первом этаже никого. На втором – тоже. На третьем путь нам преградили два польских жандарма, но направленные дула автоматов поумерили их пыл. Я понимал польский и уяснил, что сейчас у бургомистра идет совет, решавший, как и чем предстоит оборонять городок.

Связав на всякий случай перепуганных до смерти жандармов, мы ворвались в большую комнату: “Руки вверх! – громко скомандовал я. – Шановне панове! Вы арестованы. Сопротивление бесполезно. Наши войска уже заняли все подходы к городу. Вам, полковник, советую прямо сейчас связаться со своим полком и распорядиться о сдаче частям Красной Армии”.

И тут, в подтверждение моих слов, прогремела длинная пулеметная очередь. Эффект ее был впечатляющим. Трясущимися руками командир полка польских жолнежей взял телефонную трубку и слово в слово повторил в нее мой ультиматум. Мы вывели из ратуши городского голову, начальника полиции, полковника, дав еще для острастки вверх несколько очередей, отправились в обратный путь. Город был занят нашей дивизией без единого выстрела».

За такие смелые действия впору было представить и участников к боевым наградам, однако поход в Западную Белоруссию и Западную Украину в официальных военных сводках именовался как «большие маневры» или «учебные сборы», и ни один из бойцов награжден не был.

А между тем Маргелов стал настоящим героем дня и дал действенный ответ на вопрос дивизионной газеты: «Кто первым вступит в Барановичи?» – был в авангарде подразделений, освободивших город. В качестве трофеев бойцам достался целый эшелон с хлебом, галетами, мясными консервами. Это было

значимым подспорьем – дивизионный хлебозавод так и не сдвинулся с места, а пропитание войск командиры всех степеней должны были организовывать за счет местных ресурсов. Впечатляло и количество захваченного оружия: винтовок – 850 штук, пистолетов – 80 штук, патронов – 15 000 штук, легковых машин – 35, грузовых – 15.

Из Барановичей дивизия двинулась на Пружаны. Дивизионная разведка в связи с участившимися стычками и нападениями была усилена третьим батальоном 229-го стрелкового полка. Вот одно из боевых донесений командира передового отряда:

«В д. Стриженец обнаружил небольшую группу конных. При перестрелке они отошли, оставив убитыми 2-х польских улан.

Разведкой под командой начальника 2-й части штадива капитана Маргелова было установлено наличие мелких групп конницы. В перестрелке ранен один красноармеец».

Количество раненых и убитых бойцов и командиров Красной Армии в ходе похода долгое время держалось в строжайшей тайне. А между тем такой учет велся. В 8-й стрелковой дивизии убитых – 9 человек, раненых – 21. Возле хутора Михали в белорусской земле схоронили красноармейца Ивана Николаевича Ивлиева, капитана Харитона Матвеевича Авхименко, младшего лейтенанта Евгения Омельяновича Орлова. Русский, белорус, украинец… Все трое погибли от немецких пуль.

Взаимоотношения с новоявленными союзниками – отдельная тема. 24 сентября части 8-й дивизии переправились через Буг в намерении выйти на демаркационную линию, определенную договоренностью с немецким командованием. Тот самый инцидент, в котором были убиты бойцы и командиры Красной Армии, произошел у местечка Баранки-Велько. Маргелов докладывал: «В 16:00 конный разъезд РБ (разведбата. – Á. Е.) был обстрелян пулеметным огнем из немецких танков. Есть убитые и раненые. Бронемашины отбили и подожгли один танк». Взвилась красная ракета, это означало: «Я – свой».

Немцы принялись извиняться: дескать, ошибка получись, думали – поляки. А между тем за местечко Седлец, примерно в ста километрах от Варшавы, едва не разгорелся первый настоящий бой. Командарм В. И. Чуйков требовал: «Добиваться отвода немецких войск настойчиво и с полным достоинством». Как оказалось, в этот населенный пункт польское командование свезло многое из того, что не досталось немцам. Командующий 4-й армией распорядился: «Принять оставшееся [от поляков] имущество, для чего выслать к 12:00 часам представителя к германскому командованию в сопровождении разведывательного

батальона». Представителями были НО-1 майор Концевой и капитан Маргелов, которые и сообщили начальству ландверной дивизии: «Красная Армия займет этот пункт, даже если он не будет освобожден частями немецкой армии».

Немцы сообразили, что вполне могут обрести неприятности, и более территориальных споров не возникало. 3 октября 1939 года 8-я дивизия стала укрепляться по демаркационной линии. То же самое делали и немцы и как победители с небывалой открытостью шли на контакт с командованием нашей дивизии.

Это были блаженные дни. Более двух недель Маргелов не снимал гимнастерку, недосыпал и недоедал, проделав с бойцами трехсотверстный путь. И вот теперь – жаркая баня, чистое белье и обильное хлебосольное застолье. Освободители и освобожденные не только говорили на одном языке, но и имели одни традиции. Добрая чарка, отменная закуска, застольные песни, всеобщая нескрываемая радость. Сполна проявились радушие и гостеприимство – извечные качества белорусского народа, разделенного Рижским договором на целых восемнадцать лет.

Подводя итоги похода, полковой комиссар остановился и на вкладе НО-2 в общую копилку победы: «Коммунист товарищ Маргелов бесстрашно ходил в разведку, неоднократно вступал в бой с небольшими группами и целыми бандами врага». А следом за этим последовала новая, на этот раз довольно «деликатная» задача. Командующий армии В. И. Чуйков, понимая, что другого случая добыть у немцев новейший противогаз может и не представиться, распорядился «изыскать способ его обретения».

Прямо скажем, задача была не из легких, и комдив поручил выполнить ее Маргелову. Повод для визита к немцам имелся – демаркационная линия была прочерчена, и оставалось лишь поставить подписи на карте.

Разговор с комдивом проходил с глазу на глаз:

– Вся ответственность на тебе, капитан. Удачи. Но если попадешься немцам, рассчитывай только на себя.

Подписание документов прошло без сучка и задоринки. А затем красных офицеров пригласили за стол. Немцы были щедры: водка и вино лились рекой. Произносились тосты за Гитлера, за Сталина… Между тем Маргелов незаметно присмотрел, что в стоящий на отшибе походный сортир периодически наведываются солдаты. Когда застолье было в апогее, капитан притворился захмелевшим и вышел из-за стола. Случай шел к нему в руки – возле будки, переминаясь с ноги на ногу, стоял немец с противогазной сумкой на боку. Удар ножом. Второй удар – тому, кто отправлял естественные надобности. Трупы – в отхожую яму, а противогаз – в машину.

Стакан водки – под аплодисменты немцев и одобрительные взгляды своих. Дело было сделано. Офицеры уже помышляли о наградах, когда на обратном пути произошло непредвиденное: едва легковушка въехала на небольшой мосток, раздался взрыв. Очнулся Маргелов уже в воде, по которой ходили бензиновые и кровавые пятна. Невдалеке дымился искореженный автомобиль с погибшими краскомами и водителем. Из переносицы текла кровь, неимоверно саднило левую щеку. И тут по воде запрыгали фонтанчики. Нападавшие хотели добить тех, кто остался в живых. Маргелов уложил наземь одного, другого всадника. И тут подоспели немцы. Пулеметные и автоматные очереди рассеяли бандитов, а капитана заботливые «союзники» отвезли в госпиталь, где ему благополучно сделали операцию. Шрам на щеке так и остался отметиной на всю жизнь.

Возвращение оказалось неприятным и тревожным. Когда немцы доставили Маргелова своим, вопросы особистов сыпались один за другим: «Почему один остался живой? Почему немцы оперировали тебя, капитан?» И так целых трое суток, пока все обстоятельства этого злосчастного дня не были окончательно выяснены.

Соглашение о демаркационной линии больно ударило по тем белорусам, которые оказались на немецкой стороне.

И едва местное население теперешнего Белостокского воеводства узнало об отводе частей Красной Армии за Буг, как оттуда пошел поток беженцев. Прикрывал их арьергард 8-й стрелковой дивизии.

После воссоединения с БССР Западная Белоруссия вновь обрела свои исторические корни. А в конце осени 1939 года 8-я стрелковая дивизия имени Ф. Э. Дзержинского передала свой участок обороны пограничникам. Из штаба армии пришла шифрограмма: «Приступить к увольнению в запас резервистов, но только тех, кто занят на производстве и в учреждениях наркоматов боеприпасов, вооружения, авиации, химической промышленности».

Этим же решением численность дивизии устанавливаюсь в 14 000 человек. Примечательна запись, которая делалась в военных билетах призванных на «большие учебные сборы»: «Мобилизованный [фамилия, имя, отчество] согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 23 сентября 1939 года уволен в запас [дата]. Приписку военнообязанного сохранить». В упомянутом Указе, изданном фактически уже после окончания боевых действий, говорилось: «Призванных 7 сентября на сборы военнообязанных запаса начальствующего и рядового состава в порядке специального распоряжения по Московскому,

Калининскому Ленинградскому, Белорусскому, Киевскому, Харьковскому и Орловскому округам, ввиду особых внешних условий, считать мобилизованными до особого распоряжения…»

«Особые внешние условия» – это и не остывший еще после разгрома японской армии Халхин-Гол, и нервозная обстановка, которая складывалась в отношениях СССР и Финляндии, и недоверие советского руководства в отношении политики и действий Германии.

20 октября 1939 года командарм В. И. Чуйков обратился к командирам частей и соединений, входивших в состав 4-й армии: «Для изучения опыта войны (выделено мной. – Б. К.) и штатно-организационных вопросов прошу на основе боевых действий дать ваши соображения». Отметим одну деталь: незадолго до окончания боевых действий на территории Западной Белоруссии в штабах 8-й дивизии, как и в других частях и соединениях, появились переводчики немецкого языка. Работы им прибавилось, когда в каждом соединении стали комплектоваться офицерские библиотечки с литературой о Германии и о вермахте – еще одно из свидетельств того, что советское руководство и командование Красной Армии не испытывало иллюзий относительно дальнейшего хода событий.

30 ноября 1939 года войска Ленинградского военного округа вступили в тяжелые бои с финнами – началась советско-финляндская война, которая, вопреки планам и ожиданиям, приняла затяжной характер. Вскоре свершился очередной поворот в судьбе Маргелова. На заснеженных просторах, по которым пролегла линия фронта, одним из решающих факторов успеха стали лыжи. Тут-то командование и вспомнило об офицерах, за чьей спиной не одна сотня верст, пройденных по лыжне.

По самым скромным подсчетам, Белорусский военный округ направил в действующую армию 14 эскадронов[22] и два батальона лыжников.

* * *

Министр просвещения Польши пан Скульский жалобщиков не чествовал. Но однажды, в начале 1939 года, все-таки снизошел до ходоков, которые умоляли ясновельможного прекратить практику закрытия белорусских школ. Едва за жалобщиками захлопнулась дверь кабинета, как министр разоткровенничался и без обиняков заявил журналистам: «Заверяю вас, что через десять лет в Польше даже со свечой не найдете ни одного белоруса».

Возможно, такое бы и произошло, если бы не бойцы и

командиры Красной Армии, предотвратившие геноцид братского народа. Каждый участник похода был убежден в огромном значении возложенной на него освободительной миссии. И даже спустя многие годы, уже в бытность командующим Воздушно-десантными войсками страны, Василий Филиппович Маргелов не мог забыть ни искренних слез радости, ни объятий встречавших их людей, которые обрели долгожданную свободу.

Можно много рассказывать о повсеместно царившей в те дни радостной и праздничной атмосфере. И отнюдь не в качестве рупора официальной пропаганды выступал народный поэт Белоруссии Якуб Колас, когда писал эти строки:

Новой доли восходит заря,
Будешь жить ты без панской опеки.
Отошла, отцвела их пора,
И панам не вернуться вовеки.
Посмотри, как просторно вокруг,
Как умолкли дворцы и костелы.

Все твое! Это поле и луг.
Строй в дворцах себе новые школы.
Иди ж смело и честно вперед
Вместе с нами дорогой единой,
Мудрый Сталин ведет свой народ
К коммунизма счастливым вершинам.

Так тогда воспринимались события, таким было настроение людей.

Хроника событий отражена в официальных документах и сообщениях корреспондентов центральных газет.

«Правда» от 25 сентября 1939 года писала:

«22 сентября в 7 часов утра на окраине города Белостока встретились представители Рабоче-Крестьянской Красной Армии и командования германской армии… Германский офицер ознакомил полкового комиссара Рыкова Евгения Павловича с планом постов в городе и просил сменить их советскими войсками. В 2 часа дня произошла смена постов.

На митинге в крупнейшем кинотеатре города выступил рабочий-текстильщик Богуш, который внес предложение послать руководителям ВКП(б) и Советского правительства приветствие. Письмо зачитывалось под бурные овации, крики “ура” и “Хай живе Сталин!”»

Оперативная сводка Генерального штаба РККА:

«Части Красной Армии, продолжая продвижение к

демаркационной линии, в течение 28 сентября вышли на линию: Граев, Чижев, Межречье, Кренпец…

Продолжая операции по ликвидации остатков польских войск в Западной Белоруссии и Западной Украине, части Красной Армии разоружили и взяли в плен 5 кавалерийских полков с 15 артиллерийскими орудиями… и, кроме того, ликвидировали отдельные группы польских частей».

Из сообщений «Правды» 28–30 сентября 1939 года:

«27 сентября в Москву прибыл Министр иностранных дел Германии г-н фон Риббентроп. Центральный аэропорт был украшен советскими и германскими флагами. Для встречи министра был выстроен почетный караул».

«28 сентября в Москве был подписан “Германо-Советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией”, после подписания которого в честь высокого гостя был дан обед. Во время обеда тов. В. М. Молотов и г-н Иоахим фон Риббентроп обменялись приветственными речами. Обед прошел в дружественной атмосфере».

«Советско-германский договор о ненападении полностью себя оправдал. Он был решительным шагом к дружбе соседних великих народов. Мир, установленный на востоке Европы, пытались сорвать незадачливые политики Польши, спровоцированные поджигателями мировой войны. Восток Европы, да и весь Европейский континент они хотели превратить в огромное пожарище, которым любовались бы из надежного прикрытия Нероны мирового капитала.

Польское правительство оказалось полным банкротом. Нежизнеспособное польское государство распалось, развалилось в десять дней как карточный домик. Президент Мосьцицкий, министры, главком Рыдз-Смиглы и другие военачальники трусливо и бесчестно бежали.

Военные действия закончены. Мир и покой восстанавливаются на востоке Европы. Точно и окончательно определена граница… СССР и Германии.

Германо-советский договор о дружбе является новым триумфом советской политики мира».

2 ноября 1939 года Верховный Совет СССР принял закон о включении Западной Белоруссии в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой:

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, заслушав заявление Полномочной комиссии Народного Собрания Западной Белоруссии, постановляет:

1. Удовлетворить просьбу Народного Собрания Западной

Белоруссии и включить Западную Белоруссию в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой.

2. Поручить Президиуму Верховного Совета назначить день выборов депутатов в Верховный Совет СССР от Западной Белоруссии.

3. Предложить Верховному Совету Белорусской Советской Социалистической Республики принять Западную Белоруссию в состав Белорусской Советской Социалистической Республики.

4. Просить Верховный Совет Белорусской Советской Социалистической Республики представить на рассмотрение Верховного Совета СССР проект разграничения районов и областей между Белорусской Советской Социалистической Республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин Москва, Кремль.

Подвиг разведчиков

Леса, болота, реки, зимой – непроходимые снега. Естественные преграды, защищающие Финляндию со стороны советско-финской границы, дополнены мощной приграничной полосой железобетонных укреплений и противотанковых надолбов – линия Маннергейма надежно прикрывает путь вглубь страны через Карельский перешеек…

Уязвимость Ленинграда, который находился всего лишь в тридцати двух километрах от границы, отсутствие надежной военно-морской базы в Финском заливе создавали угрозу беспрепятственного прорыва противника к жизненно важным объектам СССР.

11 сентября 1939 года нарком обороны К. Е. Ворошилов по указанию Сталина издает директиву «О мерах по обеспечению обороны районов Мурманска и Архангельска», согласно которой в эти районы стали стягиваться войска из внутренних округов страны.

Финны ответили подобным шагом и 6 октября приступили к развертыванию сил в приграничной полосе и на Карельском перешейке. 7 октября начался призыв резервистов и была создана Ставка главного командования.

Советско-финские переговоры при взаимной неуступчивости сторон шли к закономерному разрыву. 26 ноября грянул печально известный «майнильский инцидент». Финны утверждали, что это – провокация, русские якобы вели артиллерийский огонь по своим. Советская сторона, сообщив о жертвах обстрела, утверждала, что снаряды на расположения красноармейцев прилетали с территории Финляндии. Оба государства оказались на пороге войны.

Войсками Ленинградского военного округа командовал командарм 2 ранга К. А. Мерецков, который имел в своем распоряжении 425 тысяч человек, 1476 танков, 1576 орудий и минометов, 1200 самолетов. В составе Балтийского и Северного флотов насчитывалось около 200 кораблей и 500 самолетов. Для сравнения – армия Финляндии насчитывала около 600 тысяч человек, до 900 орудий и минометов, 270 самолетов, 29 кораблей.

При явном преимуществе Красной Армии в вооружении и технике сил для прорыва мощных оборонительных сооружений, которые возводились финнами более десяти лет, было все равно недостаточно. Расчет Ворошилова на достижение молниеносной победы основывался на иллюзиях о слабости финской армии.

Мнение Генштаба о необходимости создания мощной группировки, способной лишить финнов маневра силами и средствами, во внимание не принималось. Войска даже толком не одели: вместо полушубков, шапок и валенок – буденовки и шинели, продуваемые насквозь злыми ветрами Карельского перешейка, кирзовые сапоги. К тому же одержать победу над умелым врагом, превосходно знающим местность, отменно владеющим автоматическим оружием и воспитанным в традициях враждебного отношения к русским, предполагалось в основном при помощи «трехлинейки», у которой даже затвор передернуть не всегда было просто.

29 ноября 1939 года был обнародован приказ, под которым стояли подписи командующего войсками Ленинградского военного округа К. А. Мерецкова и члена Военного совета А. А. Жданова:

«Терпению советского народа и Красной Армии пришел конец. Пора проучить зарвавшихся и обнаглевших политических картежников, бросивших наглый вызов советскому народу, и в корне уничтожить очаг антисоветских провокаций и угроз Ленинграду!

Товарищи красноармейцы, командиры, комиссары и политработники!

Выполняя священную волю Советского правительства и нашего великого народа, приказываю:

Войскам Ленинградского военного округа перейти границу, разгромить финские войска и раз и навсегда обеспечить безопасность северо-западных границ Советского Союза и города Ленинграда – колыбели пролетарской революции.

Мы идем в Финляндию не как завоеватели, а как друзья и освободители финского народа от гнета помещиков и капиталистов.

Мы идем не против финского народа, а против правительства… угнетающего финский народ и спровоцировавшего войну с СССР.

Мы уважаем свободу и независимость Финляндии, полученную финским народом в результате Октябрьской революции и победы Советской власти.

За эту независимость вместе с финским народом боролись русские во главе с Лениным и Сталиным.

За нашу любимую Родину! За великого Сталина! Вперед сыны советского народа, воины Красной Армии, на полное уничтожение врага».

Со всех военных округов на театр военных действий потянулись эшелоны с личным составом и техникой. Согласно

указанию Наркомата обороны СССР, 122-я стрелковая дивизия и соответственно 596-й стрелковый полк, где капитану Маргелову был вверен 2-й батальон, поступали в распоряжение командующего Мурманской армейской группой.

Эшелоны были поданы, как обычно, с большим опозданием, и дивизия, получив распоряжение 1 ноября, сосредоточилась в Карелии, на станции Кандалакша к 4 ноября 1939 года. Командующий 9-й армии комкор М. П. Духанов[23], который, устроив импровизированный смотр бойцам, представшим в шинелях и буденовках, горестно заметил: «Это вам не по Белостоку дефилировать».

Занялись ковкой лошадей «по-зимнему». Но вот ситуация с теплой одеждой для людей оставалась удручающей. Пришла телеграмма, подписанная К. Е. Ворошиловым и Б. М. Шапошниковым: «…На ухтинском и петрозаводском направлении… наступили морозы, достигающие 10 градусов. Какие меры приняты во всех армиях по сохранению бойцов от обмораживания, имеют ли бойцы на руках валенки и теплые вещи?»

Необходимого зимнего обмундирования до конца кампании красноармейцы так и не получили. Более того, из-за неразберихи на железной дороге где-то застрял целый вагон с лыжами. Комдив, печально глядя на снег, который завалил все дороги, ведущие к советско-финской границе, лично распределял между полками имеющиеся в наличии две с половиной тысячи пар.

9 ноября 596-й стрелковый полк после трехдневного изнурительного марша, продвигаясь следом за идущими впереди тракторами всего лишь по шесть километров в сутки, достиг исходного положения. Двадцать дней бойцы и командиры ожидали приказа о переходе границы. И тут непогода разыгралась не на шутку. Мужественно встретили красноармейцы неожиданные жестокие морозы и натиск полярной стихии. А ведь в этих условиях предстояло еще и воевать, воевать с серьезным противником.

Накануне боевых действий комдив отдал боевой приказ, согласно которому 596-й полк составлял авангард дивизии, а на лыжный батальон Маргелова возлагались задачи разведки. Уже после окончания финской кампании, 14–17 апреля 1940 года, на совещании начальствующего состава Красной Армии в ЦК ВКП(б) действия войсковой разведки поверглись жесткой и не всегда справедливой критике. Несомненно, были явные промахи и просчеты, но ведь, по сути, каждый командир дивизии вел полки на ощупь, действуя на свой страх и риск. Маскировка у финнов

была превосходная, с воздуха не разберешь, где мыза, а где дот, при этом отлично была поставлена и система дезинформации в прифронтовой полосе.

30 ноября в 8.00 утра передовые лыжные отряды перешли финскую границу. Встретило их злобное завывание вьюги, бездорожье и редкие автоматные очереди, которые жалили лыжников, словно осы.

596-му стрелковому полку при поддержке 285-го артполка предстояло овладеть местечками Юликуртти – Алакуртти и в дальнейшем наступать в направлении реки Куалаикки, перейти ее и занять городок Кайрала.

Тактика финнов такова: мелкие группы внезапно вылетают на лыжах из леса, ведут огонь из автоматов и пулеметов и так же внезапно исчезают. Погоня напрасна. Попытались разведчики догнать нападавших – угодили в засаду.

Вечером капитан Маргелов с отрядом ворвался в Юликуртти. Стычка была короткой, но когда городок оказался в руках разведбата, в нем не осталось ни одного целого дома. Спалив их дотла, жители бросили все, бежав от «зверств кровожадных оккупантов». Такими финская пропаганда рисовала бойцов и командиров РККА. Но вот и первый пленный. Достался он маргеловцам в бою и, дрожа от страха, поведал не слишком многое.

Незадолго до начала войны командиры, идущие в разведку, получили опросные листы, в которых кроме фамилии и имени пленного, данных о его социальном происхождении, графы о месте рождения имелись и такие вопросы: какой принадлежит воинской части (допрашивать до установления высшего соединения, части), в какой состоит партии, какое настроение у солдат и почему они воюют, что говорят солдаты и офицеры о Красной Армии. Позднее у пленных также выясняли, знают ли они что-либо о народном правительстве[24].

Пленный все же показал на карте, где проходит дорога на Кайрала. Там основательно готовились к встрече, взорвав мост и усеяв минами-растяжками поле, прилегающее к городку. Бой длился два часа. На помощь лыжникам Маргелова подошли основные силы полка. Взяв в полукольце оборону финнов, солдаты выбили их с занимаемых позиций. Отстреливаясь, оборонявшиеся отошли на запад. Шел третий день войны.

В одном из боевых донесений командира 596-го полка говорится: «Разведка ведется непрерывно. 2-й батальон выполняет особую задачу». В разведывательной роте, которой командовал лейтенант Петров, вместо 80 человек к этому времени в строю

находилось 42 бойца. Маргеловские лыжники выходили в дозоры на пределе сил – без них бы полк не продвинулся и на километр.

Между тем вся 122-я дивизия, к слову, не имевшая ни одного танка, едва ли не ползла по единственной проходимой дороге. Для вездесущих шюцкоровцев[25], которые совершали рейды по тылам, дезорганизуя снабжение войск, – благодатная нажива.

Заняв Алакуртти, передовой отряд полка тронулся в путь. Преградил его сильный огонь. В том, что финны засели в прочных укреплениях, Маргелов сомнения не имел, как не сомневался он и в том, что противник уготовил огневую ловушку для главных сил. Риск был велик (связь с комполка осуществлялась только посыльными), к тому же финны оказались предусмотрительными и вырубили напрочь лес у себя в тылу – обход был бесполезен. Однако Маргелов принял решение на разведку боем.

Поставив задачу командирам рот, комбат вместе с начальником штаба выбрали позицию, с которой стали наблюдать за ходом боя. Первая, а затем и вторая атаки батальона были отбиты. По разведчикам били минометы, несколько раз ухнули пушки. Укрепрайон ожил и тем самым раскрыл себя. А тут ребята Петрова, разведчики-ползуны, приволокли пленного.

На следующий день полк, поддержанный артиллерией, шел в атаку не вслепую. И все же бой был упорным и продолжался почти двое суток. Исход его решил подошедший 273-й полк с гаубичным дивизионом.

В этом бою геройски погиб командир 596-го стрелкового полка майор Степан Терентьевич Казаков. 21 мая 1940 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Сохранился дневник начальника оперативного отдела 146-го стрелкового полка Э. А. Аппеля: «Неужели до дня Красной Армии мы не рассчитаемся с белофиннами? Это уже не хорошо. Во-первых: это отсрочка белофиннам, а во-вторых, пятно на нашей армии… В чем дело? Неужели сил у нас мало?».

Сил у фронта, который с 7 декабря 1939 года стал именоваться Северо-Западным, действительно не хватало, и новый его командующий командарм 1 ранга С. К. Тимошенко[26] произвел перегруппировку и подтянул резервы.

На Кандалакшское направление, которое считалось не менее важным, чем линия Маннергейма, был переброшен шведский экспедиционный корпус. Сопротивление противника нарастало. Об этом говорят и выдержки из боевых донесений:

«8 декабря противник сжег Куомиярви. Жаркий двухчасовой бой. Засады».

«9 декабря. Вылазки в тылу».

«15, 16, 17 декабря. Противник отбил все атаки наших частей».

«23 декабря. Полк начал отход. Противник, активно действуя на флангах и тылах, нападал на обозы и портил линии связи».

«25 декабря. В налете на штаб и тылы дивизии принимал участие 1-й Сальский батальон».

Проникнувшие в тыл финны не гнушались ничем и вырезали до последнего человека весь медсанбат, не пощадив ни раненых, ни медсестер. Трудно представить, какие чувства испытывали комдив Шевченко и комиссар Лисицын, глядя на гору трупов, застывших в страшных предсмертных позах. Увиденное взывало к возмездию. Приказ командира дивизии Маргелову был коротким:

– Действуй, капитан.

Прежде чем отправиться в рейд, Маргелов построил лыжников и без слов повел к медсанбату, подвергнувшемуся нападению извергов. Картина, представшая перед глазами, была ужасающей, кровь стыла в жилах. Поиск привел разведчиков в глубокий тыл 4-го армейского корпуса финнов. Под ударами штыков и ножей пал весь банно-прачечный отряд, беззаботно отдыхавший после дневных трудов. Разведчики разбросали листовки: «Месть сальцам за русский медсанбат».

…Откровенно говоря, не любил В. Ф. Маргелов вспоминать о войне с Финляндией. Все на ней шло как-то не так, не по привычной логике, и порой трудно было определить, где передний край, где фланги, где тыл. Приноровиться к такой обстановке мог лишь тот командир, который имел особое чутье, мгновенную реакцию и, конечно, отменные физические данные. Отмахать сотню верст по тылам врага незамеченным и вернуться с отрядом в полном составе удавалось немногим. К слову, весть о каре, постигшей финских тыловиков в отместку за гибель советских бойцов, находившихся на излечении, мгновенно распространилась по всем финским штабам. Больше такими жестокими выпадами стороны не обменивались.

Согласно боевым донесениям, 26 декабря 122-я дивизия перешла к обороне северо-западнее Куолаярви. Попала в очень сложное положение, так как фактически не имела соседей ни справа, ни слева. Облегчение наступило только после того, как 27 декабря начальник Генштаба Б. М. Шапошников приказал: «88 стрелковую дивизию, переводимую маршем из Архангельска в Кемь, повернуть на Кандалакшу, включить в состав 9-й армии и направить вслед 122-й стрелковой дивизии».

Пожалуй, это были самые тяжелые дни для измотанного в боях разведбата, которым командовал Маргелов. В мерзлой земле с помощью кирок и ломов устроили нечто подобное

оборонительным позициям и жилым землянкам. В них под завывание пурги, и встретили Новый, 1940 год. Мороз достигал тридцати двух градусов. Командир полка майор Буковский был поставлен перед печальным фактом – боезапасы и горючее на исходе. Финны безнаказанно бесчинствовали на тыловых коммуникациях. И все же опыт борьбы с мобильным противником уже имелся. Об этом свидетельствует и распоряжение: «Командиру 2-го батальона В.Ф. Маргелову выделить один пульвзвод 4-пулеметного состава для курсирования по маршруту Меркеярви – Келоселькн согласно графику. На стыках между батальонами установить фугасы и заграждения».

Как только снабжение было налажено, 596-й полк, а следом за ним и вся дивизия приступили к выполнению новых боевых задач. Особая роль, как видно из приказа этих дней, опять отведена батальону Маргелова: «2/596 без 4 ср (стрелковой роты. – Á. Е.) выполняет задачу в интересах дивизии».

Нашел-таки Маргелов лазейку в системе укреплении финнов и вывел полк к высоте, получившей название «Груша». Финны сражались за нее с яростью обреченных и, сковав главные силы, дождались подкреплений и перешли в наступление. Порой дело доходило до рукопашной. Выяснив, где находится штаб 122-й дивизии, ударили по его расположению. Ближе всех к месту боя оказались лыжники Маргелова. Не подоспей они – и наверняка случилась бы беда, а соединение лишилось бы управления.

И вновь пришлось думать не о наступлении, а об организации обороны. Финны наседали на полки со всех сторон и нещадно обстреливали их из минометов. Хотя до паники дело не и не доходило, но и порядка особого не наблюдалось. Поступил приказ командарма В. И. Чуйкова: «Частям дивизии с целью занятия прочной круговой обороны начать отход на рубеж Меркеярви».

Со стороны могло показаться, что это вовсе не отход, а бегство. Однако это было не так. Батальон Маргелова перед отступлением вынес с поля боя всех убитых и раненых. Делом воинской чести всегда было похоронить погибших, или, как тогда писалось в извещениях, убитых в бою «с белофинской бандой», по-человечески.

В бедственное положение попала и соседняя 44-я дивизия. Нужны были виновные – очевидные причины болезненных неудач анализировать не хотели.

ДОКЛАД

командующего 9-й армией начальнику Генерального штаба

о суде над виновными в поражении 44-й дивизии и исполнении

приговора 11 января 1940 г.

Докладываем. Суд над бывшим командиром 44 сд Виноградовым, начальником штаба Волковым и начальником политотдела Пахоменко состоялся 11.01 в Важенваре под открытым небом в присутствии личного состава дивизии. Обвиняемые признали себя виновными в совершенных преступлениях. Речи прокурора и общественного обвинителя были одобрены всеми присутствующими. Суд тянулся пятьдесят минут. Приговор к расстрелу был приведен в исполнение немедленно публично взводом красноармейцев… Выявление всех предателей и трусов продолжается.

Чуйков, Мехлис.

ДОКЛАД

командира особого стрелкового корпуса командующему 9-й армии

о недостатках в материальном обеспечении 122-й стрелковой дивизии 17 января 1940 г.

Прошу принять меры по существу. Дивизия находится в крайне тяжелом положении. До сих пор дивизия не получила валенок, перчаток, шинелей (получаем старые и из них большое количество

маломерок, негодных к носке). Для работы штабы не имеют свечей, ламп, фонарей, а на месте достать негде…

Шмырев, Капник.

ПРИКАЗ

командующего 9-й армией командиру Особого корпуса

о докладе причин недостатков в организации боевых действий частей 20 января 1940 г.

Немедленно донести, почему оборонительный рубеж 122 сд имеет промежутки, не защищенные пулеметно-ружейным огнем? Почему в 420-м полку целые роты убегают с поля боя, передавая в руки противника блиндажи? Почему отдельные танки без пехоты посылаются в бой в лесу для очистки района, захваченного противником?

Чуйков, Мехлис.

У капитана Маргелова на эти вопросы были удручающие ответы: бойцы шили рукавицы из одеял, дабы не обморозить руки, ели кашу кружками из-за недостатка ложек, берегли каждый патрон, каждую гранату, ибо подвоз боеприпасов был налажен из рук вон плохо.

10 февраля наступательный порыв финнов все-таки иссяк. К тому же и погода позволила авиации крепко насолить атакующим. В оперативных сводках этого периода появилась характерная фраза: «Противник активности не проявляет. Занятия проводятся по плану». Полки и на самом деле не бездействовали, они не только приводили себя в порядок, но и принимали пополнение.

Два дня передышки – сущая благодать для разведчиков. Затем снова в рейд. Об одном из них сохранились воспоминания самого Василия Филипповича:

«Однажды, совершая поиск, мои бойцы обнаружили свежую лыжню противника. Устроим засаду, – решил я и распорядился: первая рота – направо, вторая – налево, третья – отрезает путь противнику к отходу. В этом подразделении были собраны вчерашние выпускники спортивных учебных заведений Москвы и Ленинграда.

Но вот показались вражеские лыжники, не заметившие ловушки. Шквальный огонь разметал их ряды, но и противник, видать, был не новичок и оказал яростное сопротивление. Как ни скоротечен был бой, я все же заметил странность – форма у некоторых лыжников совсем не та, что у финнов. Никто из наших бойцов не мог даже подумать, что здесь Карелии, мы встретились с солдатами нейтральной страны».

Сделаем небольшое отступление от воспоминаний: Швеция, Норвегия и другие скандинавские страны официально соблюдали нейтралитет, который в действительности являлся всего лишь фиговым листком. Советская агентурная разведка докладывала в Кремль не только об антисоветской истерии, развернувшейся в печати этих стран, но и о точном количестве вербовочных пунктов, на которых формировались добровольческие части, готовые оказать поддержку финнам. Так, например, в Швеции действовало 47 вербовочных бюро. Им удалось поставить под ружье более десяти тысяч добровольцев, которые были сведены в два экспедиционных корпуса под общим командованием генерала Эрнста Линдера. Их-то и встретили на лыжне наши разведчики. Далее события, по воспоминаниям Маргелова, разворачивались так:

«Раз вместе с финнами, значит – противник, – подумал я и приказал ребятам взять в плен в первую очередь врагов, одетых в эту странную форму. В ходе боя шесть человек были взяты в плен».

При штабе любой дивизии имелся отдел НКВД, туда и доставил плененных вояк Маргелов. На стол начальника отдела легла топографическая карта с нанесенной обстановкой, полевая сумка с документами, подтверждавшими принадлежность офицеров к шведскому генеральному штабу. Особист схватился за голову.

«– Что ты наделал, стервец! Ведь это же нейтралы, шведы.

– А разве под маскхалатом, да в круговерти боя разберешь, где финн, где швед…

– Чую, быть грандиозному скандалу. Надо бы тебя основательно взгреть, капитан.

– За что?

– За превышение полномочий.

– А вы свяжитесь с командармом».

Неизвестно, чем бы обернулся для Маргелова сей «проступок», но В. И. Чуйков сходу определил, что поимка «нейтралов» – пища для политиков, и распорядился немедленно отправить пленных шведов самолетом в Москву. Упоминалась ли при этом фамилия «Маргелов» – неизвестно. Не получил капитан и достойной награды.

Многие годы спустя, вспоминая этот эпизод, Василий Филиппович шутил: «Ничего, что без ордена остался, зато шведов до смерти напугал». А между тем это был не единичный случай боевых столкновений со шведскими подразделениями в практике Маргелова и его подчиненных. Об этом свидетельствуют строки боевых донесений:

«2.03.40 г., 10:00. В десяти километрах северо-западнее Меркеярви по р. Космян-Иоки засадой 596 сп встречена группа противника в 6 человек (фельдфебель и 2 солдат убиты. Пленных – 3 человека (сержант, прапорщик, солдат). Все пленные и убитые шведы».

«10.03.40 г., 18:00, м. Меркеярви. Собраны и доставлены РО (разведывательным отрядом. – Á. Е.) капитана Маргелова в полк бойцы и командиры, павшие в бою с белошведами следующие товарищи:

Пом. ст. адъютанта л-т Наприенко

Ком. взв. 4-й роты л-т Самохин

Всего – 15 человек.

Раненых – 15 человек.

Пропали без вести 3 красноармейца».

Судя по потерям, бой был необычайно жестоким. Но каково же было удивление Маргелова, когда числившиеся без вести пропавшими бойцы явились целыми и невредимыми и поведали следующее. Финны взяли их в плен, когда у них кончились патроны. Пробовали отбиться ножами, да не тут-то было. Их на каждого по трое, а то и по четверо навалилось. А затем случилось невероятное. Пройдя с десяток километров, финский офицер скомандовал: «Кругом! Марш!» – и враги разошлись в разные стороны.

Уже знакомый нам офицер НКВД, прознав о приключении с невероятно удачным исходом, засадил всю троицу под арест и назначил следствие. Понадобились поистине самоотверженная стойкость Маргелова, его убежденность в храбрости, мужестве и искренности своих подчиненных, с которыми он доказывал их невиновность, для того чтобы они вышли на свободу.

Очередная передышка подошла к концу и командир 596-го полка, доукомплектовав в первую очередь разведбат, доложил по команде: «2-й батальон подготовлен для маневра и нанесения удара».

Не заставила себя ждать и директива Ставки Главного Военного совета по началу наступательной операции силами «пяти стрелковых дивизий с мощной артиллерией», в числе которых находилась и 122-я. Основным направлением для наступления этой ударной группировки были определены Кемиярви, Рованиеми, Кемь.

Наступил март с его утренниками, ярким, но холодным солнцем. Обученное пополнение, лыжные эскадроны, вооруженные легкими пулеметами и минометами, заметно усиленная артиллерия, готовая сокрушить завалы и надолбы,

порождали надежду в долгожданном переломе в ходе боевых действий.

Еще далеко не все знали, что прорыв хваленой линии Маннергейма, взятие Выборга и угроза высадки десанта у Хельсинки словно холодный душ подействовали на руководство Финляндии. 7 марта 1940 года премьер-министр Р. Рюти, сопровождавшие его Ю. К. Паасикиви, генерал К. Вальден и профессор Войонмаа сели за стол переговоров, которые завершились подписанием мирного договора между СССР и Финляндией. Оно состоялось в Москве 12 марта, а на следующий день, ровно в 12 часов, военные действия должны были прекратиться на всех участках фронта.

За несколько дней до этого в штабе дивизии, куда был вызван Маргелов, шла деятельная подготовка к решительному наступлению. Командарм определил и сроки его начала – между 15 и 17 марта. Было далеко за полночь, когда Маргелов прилег и тотчас крепко заснул. Разбудил его громкий голос:

– Подъем, комбат, войне конец!

– Неужто?

– Только что об этом сообщило радио.[27]

В 7 часов утра комдив приказал построить всех, кто находился поблизости от КНП дивизии, с тем чтобы сообщить радостное известие. И тут внезапно начался мощный артналет. Финны и шведы, словно в отместку за поражение, обрушили на расположение дивизии град снарядов и мин. Погибать, зная, что ты всего лишь в шаге от мира… Но в то мартовское победное утро радость и горечь шествовали рука об руку. Потери от обстрела были значительны. Не миновал вражеский осколок и Маргелова.

Он не помнил, как оказался в медсанбате, откуда его переправили в полевой госпиталь. Едва сознание стало возвращаться, Маргелов стал упрашивать сестричку сообщить, что сейчас происходит в 122-й дивизии. Сестра милосердия разводила руками, а вскоре надобность в ее информации отпала – разведчики разыскали раненого командира. Они рассказали, что дивизия отошла от мест боев километра на два, на новую государственную границу, которую наши установили совместно с финнами. Вновь приходится рыть землянки и окопы.

К концу войны разыскала Маргелова его жена.

Они познакомились в Минске, где Феодосия Ефремовна учительствовала, а затем стала студенткой Белорусского Государственного университета. Маргелов был настойчивым ухажером, и все же «нежному и преданному солдафону», как иногда называла Василия Феодосия, понадобилось больше года, прежде чем его избранница сказала «да». Произошло это в 1935

году, и спустя некоторое время у супругов Маргеловых появился на свет сын Анатолий. Только вот видел его отец чрезвычайно редко. За походом в Западную Белоруссию последовала финская война, и лишь в середине 1940 года семья собралась под одной крышей в Муравьевских казармах – гарнизоне, расположенном недалеко от Новгорода. В сентябре 1941 года казармы оказались на переднем крае фронта. В невообразимой кутерьме, царившей на новгородском вокзале, Феодосии Маргеловой, которая была на сносях, чудом удалось сесть в эшелон, отправлявшийся на Урал. В Молотове (ныне Пермь. – Á. Е.) она второй раз стала матерью. Сына назвала Виталием.

Однако не предполагала Феодосия Ефремовна, что война и долгая разлука с мужем круто изменит ее жизнь. Не опускалась она до мелочных обид и упреков, когда узнала, что у Василия Филипповича, тогда уже комдива, новая семья. А любовь к нему пронесла через всю жизнь.

* * *

Ценою больших потерь Красная Армия все же одержала победу. Очевидным было нежелание высшего руководства страны и армейской верхушки признаться в откровенных просчетах, а порой и в обычном головотяпстве. Многое из того, что ранее составляло государственную тайну, в последние годы увидело свет. И все же в истории советско-финляндской войны еще много недомолвок. К их числу можно отнести и вопрос о возможности применения Воздушно-десантных войск.

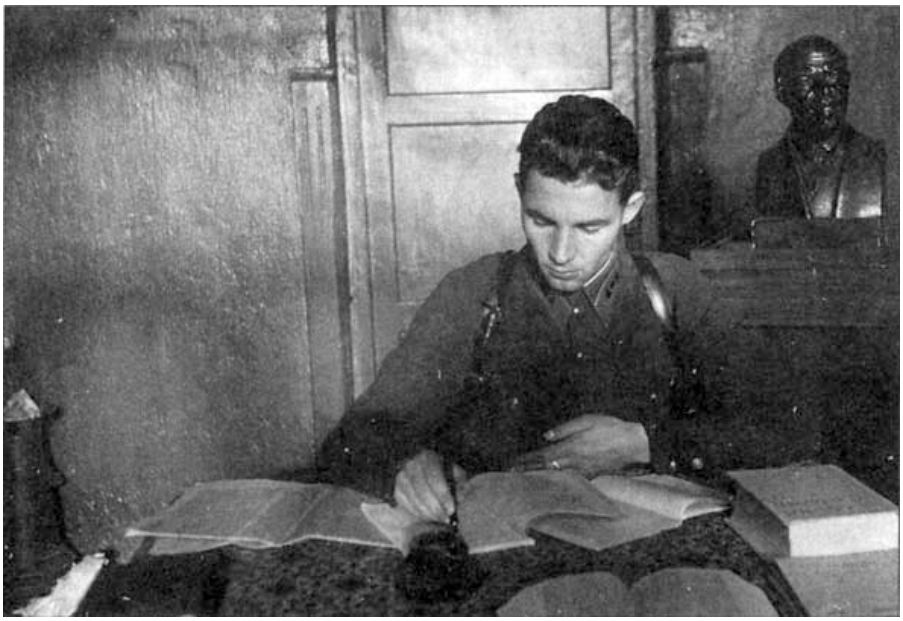
Известно, что только 11 февраля 1940 года Ставка Главного Военного совета директивой № 01663 распорядилась ввести в состав 15-й армии (командарм М. П. Ковалев, член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Ватутин) три авиадесантные бригады и 3-й транспортный авиационный полк. Выброска десанта, вероятно, планировалась, но пока осуществлялись формирование и переброска армии, война подошла к концу. И Ставка вынуждена была с горечью констатировать: «Либо армия теперь же в ближайшие 4–5 дней добьется успеха, либо, если она опоздает, как до сих пор опаздывала, то ваши операции могут оказаться излишними и никому не нужными».

Все именно так и произошло, и десантники остались без дел.

Филипп Иванович Маргелов.

Агафья Степановна Маргелова.

Город Костюковичи, Могилевская область, Беларусь. *2004 год.*



Командир курсантской роты Минского военно-пехотного училища имени М. И. Калинина старший лейтенант В. Ф. Маргелов.

Василий и Феодосия Маргеловы*, 1938 год.*

Анатолий и Виталий Маргеловы, *1955 год.*

Красном В. Ф. Маргелов, *1939 год.*

Волховский фронт, февраль 1942 года. Приезд в 218-й стрелковый полк командующего 54-й армией И. И. Федюнинского и члена Военного совета бригадного комиссара Д. И. Холостова (в кожаном пальто), справа от него В. Ф. Маргелов.

Командир 218-го стрелкового полка 80-й стрелковой

дивизии майор В. Ф. Маргелов. ***Ленинградский фронт, ноябрь 1941 года.***

Командир 13 гв. стрелкового корпуса гвардии генерал-лейтенант П. Г. Чанчибадзе. ***Декабрь 1943 года.***

Командир 49-й дивизии гвардии генерал-майор В. Ф. Маргелов. ***Болгария, Селистра, сентябрь 1943 года.***

Матвеев курган находился в центре обороны «Миус-фронта».

В. Ф. Маргелов и А. А. Куракина. ***Южный фронт, 1943 год.***

Гвардии рядовой Геннадий Маргелов. ***Май 1944 года.***

Генерал-майор Геннадий Васильевич Маргелов. ***1976 год.***

Командир 10-го гв. стрелкового корпуса генерал-лейтенант И. А. Рубанюк, командир 49-й гв. стрелковой дивизии генерал-майор В. Ф. Маргелов и командир 11-й американской танковой дивизии генерал Х. Э. Дегер размечают места дислокации дивизий. *Австрия, район г. Линца, май 1945 года.*

Командир 11-й танковой дивизии США генерал Холмс Дегер (слева) вручает знамя командиру 49-й гвардейской стрелковой дивизии СССР Василию Маргелову. *Австрия, май 1945 года.*

Парад Победы, 24 июня 1945 года. Сводный полк 2-го Украинского фронта. Правофланговый – гвардии генерал-майор В. Ф. Маргелов.

Создатель первого в мире ранцевого парашюта (РК-1) Г. Е. Котельников.

Перед первым прыжком. Командир 76-й гв. воздушно-десантной дивизии В. Ф. Маргелов.

Глазунов Василий Афанасьевич ***(сентябрь 1941 – июнь 1943)***

Капитохин Александр Георгиевич ***(июнь 1943 года – август 1944)***

Затевахин Иван Иванович ***(август 1944 – январь 1946)***

Глаголев Василий Васильевич ***(1946 – 1947)***

Казанкин Александр Федорович ***(октябрь 1947 – декабрь 1948, январь 1950 – март 1950)***

Руденко Сергей Игнатьевич ***(декабрь 1948 года – сентябрь 1949)***

Горбатов Александр Васильевич ***(март 1950–1954)***

Тутаринов Иван Васильевич ***(март 1959 – июль 1961)***

Будапешт, *1956 год.*

Командующий ВДВ В. Ф. Маргелов вручает капитану Н. И. Харламову Звезду Героя Советского Союза. *1956 год.*

Начальник штаба ВДВ генерал-лейтенант Павел Федосеевич Павленко.

Заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Иван Иванович Лисов.

ВДВ на учениях «Днепр», ***1967 год.***

Офицеры 350-го гв. парашютно-десантного полка 103-й гв. вдд. ***Брно, 1968 г.***

Автор публикации «Мы могли разбить Гитлера в пух и

прах»[28] Ф. Морозов не без основания утверждает: «…Действия десантников могли бы в считанные дни решить все проблемы, связанные с необходимостью прорыва знаменитой линии Маннергейма. В тылу у третьей линии обороны финской армии не было ничего, что бы могло помешать свободному перемещению по финским тылам наших десантников».

Г. К. Жуков воспроизводит слова Сталина, которые он услышал во время памятной, своей первой встречи с ним в мае 1940 года:

«К сожалению, в войне с Финляндией многие наши соединения и армии показали себя в первый период плохо. В неудовлетворительном состоянии армии во многом виноват бывший нарком обороны Ворошилов, который длительное время возглавлял вооруженные силы. Он не обеспечил должной подготовки армии, его пришлось заменить. Тимошенко лучше знает военное дело. Итог войны с финнами мы подробно обсудили на совещании при ЦК…»

Как известно, состоялось это совещание в Москве в период с 14 по 17 апреля 1940 года. Сохранившаяся стенограмма отчета командующего 9-й армией В. И. Чуйкова и замечаний И. В. Сталина позволяет оценить и действия 122-й стрелковой дивизии:

«Чуйков: Нужно сказать, что такой дикой местности, как на участке 9-й армии, нигде не было. Это сплошные леса, озера, болота, и, кроме того, как ни удивительно, компас изменял направление ввиду наличия магниторудных озер. Вместо того чтобы показывать на запад, компас показывал на восток.

Сталин: Все-таки чем объяснить, что 122-я дивизия, имея такие условия, неплохо действовала?

Чуйков: Она дралась с одним Сальским батальоном, и когда противник подбросил силы, она уже сделать ничего не могла.

Сталин: Сколько было в 122-й дивизии?

Чуйков: В 122-й дивизии было около 12 тысяч человек.

Сталин: Все же 130 километров она прошла…

Чуйков: Товарищ Сталин, если бы эту дивизию не отвели, то уже в направлении с юга [финны] готовили сделать этой дивизии то, что было с другими дивизиями. Она отошла на 35–40 км.

Сталин: Она остановилась на 120 версте от границы, 20 раз ее можно окружить. От командира дивизии зависит все».

Мы же от себя можем добавить: и от разведки тогда зависело многое. А она в дивизии была на высоте.

…В конце июня 1941 года 122-я стрелковая дивизия на тех же самых рубежах, которые она занимала после советско-финляндской войны, дала решительный отпор частям 169-й

немецкой стрелковой дивизии группы «Норд» и 6-й финской дивизии «Норвегия».

«Прощаемы за храбрость»

Боеспособность войск основывается на жесткой дисциплине. В разные времена крепилась она по-разному. В 1878 году в вооруженных силах Российской империи были учреждены дисциплинарные части, которые существовали в качестве отдельных батальонов, рот, команд. Они формировались из нижних чинов, осужденных «полковыми и военно-окружными судами за грубые нарушения воинской дисциплины, нежелание выполнять воинские обязанности, за уклонение от военной службы по религиозным мотивам…» Максимальный срок наказания для преступивших закон равнялся трем годам.

Чуть позже появился даже воинский устав о наказаниях, установивший правило: «Воинские чины могут быть прощаемы лишь в виде награды за храбрость в сражении или за другие отличные подвиги». Этот принцип, несколько видоизменяясь, сохранялся в разные эпохи армейской жизни.

Дисциплинарная практика Красной Армии, а затем и Советской, многое почерпнула из дооктябрьского времени. М. В. Фрунзе, опираясь на опыт прошлого, сделал вывод: «Поддержание служебной дисциплины в рядах армии является обязательным и необходимым условием ее мощи, и в этом отношении требования Советского государства самые решительные». При его непосредственном участии был разработан «Временный дисциплинарный устав РККА», который действовал с 1925 по 1940 год.

В дисциплинарные части, созданные в 1919 году, направлялись в основном дезертиры, не желавшие служить в Красной Армии.

После Гражданской войны дисциплинарные части стали пополняться военнослужащими срочной службы, осужденными на срок до одного года. Просуществовав до 1934 года, дисбаты были ликвидированы. Основанием для такого решения послужило мнение высшего военного руководства о том, что в Красной Армии изжиты случаи откровенного неповиновения и дезертирства и со всеми солдатскими прегрешениями вполне может справиться командир или начальник, отправив нарушителя на гауптвахту, предельный срок пребывания на которой ограничивался двадцатью сутками.

Советско-финляндская кампания преподнесла целый «букет» воинских преступлений, для которых рамки временного дисциплинарного устава оказались тесны. Так появилось на свет «Положение о дисциплинарных батальонах РККА» № 214 от 15

июня 1940 года. Согласно этому положению должность командира дисциплинарного батальона приравнивалась к должности командира полка, а формировался дисбат из рядовых и младших командиров, осужденных военными трибуналами за самовольное оставление части, за невыполнение приказаний и другие тяжелые проступки. Срок пребывания в батальоне, в зависимости от тяжести содеянного, составлял от шести месяцев до двух лет.

В верстах двадцати от Великого Новгорода, на левом берегу Волхова, граф Муравьев, николаевский вельможа и устроитель русской армии, заложил небольшой военный городок, который даже в советское время продолжал носить имя своего основателя. В путеводителе по Новгородской губернии начала XX века эти места описаны так: «Унылый и однообразный вид берегов Волхова несколько облагораживают усадьбы[29] и постройки времен Аракчеева, так называемые «штабы»… Близ штабов построены пристани. В Муравьевских казармах некогда квартировал уланский полк, который сменила 1-я резервная артиллерийская бригада…»

Решением военного совета Ленинградского военного округа Муравьевские казармы были признаны самым подходящим местом для размещения в них 15-го отдельного дисциплинарного батальона. Командовать им был назначен майор Маргелов. Такой выбор нельзя назвать случайным. Во-первых, это было повышение по службе, а во-вторых, дисциплинарная часть находилась не только под пристальным вниманием командования и политуправления округа, но и военной прокуратуры и, конечно, НКВД. И только офицер с незапятнанной репутацией, пользовавшийся безусловным авторитетом у начальства, мог быть назначен на должность. Дисбат этот хотя и носил порядковый номер пятнадцать, но был, по сути, первым в Красной Армии. Майору Маргелову предоставлялось право отбора офицеров, только должность заместителя командира батальона по политической части находилась в ведении политуправления округа. В помощники Маргелову был назначен старший политрук Николай Петрович Бастин, который одновременно являлся и секретарем партийной организации. Говорить о том, что все офицеры дисбата были либо членами, либо кандидатами в члены ВКП(б), не имеет смысла. Идеологическая «подкованность» краскомов рассматривалась как основа борьбы с «пережитками капитализма» в красноармейской среде. Пережитки эти, впрочем, свойственны всем временам: наколки на теле, похабщина, утверждение собственного «я» или попросту мордобой.

Времени на раскачку Маргелов не имел. В батальон

этапировали партиями, иногда превышавшими сотню человек. «Исправление» начиналось сразу, но без унижения человеческого достоинства. Маргелов был тверд в понимании задач дисбата – это не исправительная колония, не тюрьма, а воинское подразделение, где труд соседствовал с боевой учебой. По численности личного состава дисбат был более схож с линейным полком: к декабрю 1940 года в нем насчитывалось 2500 человек.

Напряженный служебный ритм Маргелова отражает книга приказов. По частым его командировкам в Ленинград можно судить, с каким повышенным интересом в штабе ЛВО относились к нововведению. Характерно одно из донесений, подписанных Маргеловым: «Добиться полного исправления осужденного дело чести ОДБ, вернуть его в свою часть, полностью загладив вину перед родиной честной работой».

Сухие строчки, конечно, не передают сложной атмосферы, в которой проходили будни дисбата. По прибытии новой группы все личные вещи, деньги и облигации складывались в индивидуальный чемодан. Пропажа, а тем более кража чего-либо из небогатого красноармейского скарба приравнивались к ЧП. «Вплоть до отдачи под суд», – гласил приказ Маргелова. Это в том случае, если неблаговидный поступок совершался кем-либо из постоянного состава. Если на добро товарища по несчастью покушался отбывавший наказание, срок пребывания в дисбате увеличивался вдвое.

В оружейной комнате – идеальный порядок: ровные ряды винтовок, вещмешки, противогазы. Маргелов, имевший за плечами две войны, планировал время таким образом, чтобы хозяйственные работы никоим образом не доминировали в распорядке дня. Тактические учения, марш-броски на лыжах, действия в ночных условиях и стрельбы – вот далеко не полный перечень боевых предметов, без получения положительной оценки по которым немыслим был перевод из разряда «проштрафившихся» в разряд «исправляющихся».

Первый экзамен по боевой подготовке батальон держал в феврале 1941 года.

«Товарищи бойцы, командиры и семьи командного и начальствующего состава, – говорилось в праздничном приказе командира дисбата. – Поздравляю вас с днем 23-й годовщины Красной Армии. Этот день – торжество всего советского народа.

У Красной Армии – славная новейшая история, и подтверждением тому победы, одержанные у озера Хасан, на Халхин-Голе, в борьбе с финской белогвардейщиной. Однако для победы в современном бою мало одной храбрости и преданности, надо еще уметь воевать. “Смелость и отвага, – учит тов. Сталин, –

это только одна сторона героизма. Другая сторона – это умение…”

Народный комиссар обороны в своем приказе № 30 “О боевой и политической подготовке войск на 1941 учебный год” требует: “Учить войска только тому, что нужно на войне”.

Выполняя это требование, батальон достиг определенных результатов. В соревнованиях по стрельбе из винтовок и ручного пулемета победителями стали: л-т Бондаренко М. Л. – 100 р. премия, ст. л-т Бояринов И. Н. – 75 р. Жены начальствующего состава в стрельбе из винтовки выбили: Бояринова – 26 очков из 30, Швецова – 22 очка из 30. Денежная премия, соответственно, – 30 и 20 рублей».

В этом, казалось бы, оторванном и заброшенном в глухомань, замкнутом мире действовали не только суровые законы, но и налаживалась нормальная жизнь, чему немало способствовали жены офицеров, или, как тогда их величали, боевые подруги. Наряду с мужьями они изучали политическую грамоту, что в общем-то было обычным для многих гарнизонов, и проявляли недюжинную изобретательность в проведении праздников и торжеств.

Неприглядным и неуютным выглядело помещение, где разместился клуб части. Однако уже к 8 марта 1941 года его прибрали и украсили. На танцы под радиолу потянулись девчата из соседних деревень – Дубровки, Горбов, Кирилловки. Женорг М. В. Никульшина и ее добровольная помощница Н. А. Будникова могли в любое время обратиться к Маргелову, заведомо зная, что комбат поддержит их начинания.

Маргеловы без сожаления расстались с домашней библиотекой, которую передали в клуб. Феодосия Ефремовна обратила на общую пользу и свой незаурядный музыкальный дар: усилиями женского комитета была организована солдатская самодеятельность – ведь армейская среда во все времена была щедра на таланты. Были в дисбате и свои солисты, умельцы игры на баяне и балалайке.

Сам Василий Филиппович всегда любил хорошую песню, имел и слух, и голос. В то время, когда он командовал Воздушно-десантными войсками, в любом солдатском клубе или доме офицеров, даже в самом глухом гарнизоне, можно было видеть, сколь вдохновенно и напряженно шла подготовка к полковым и дивизионным смотрам художественной самодеятельности. Они были подлинной отдушиной в суровой десантной жизни и отнюдь не ставили целью потрафить «бате». Для некоторых из тех, кто при В. Ф. Маргелове выходил на армейскую сцену, она становилась трамплином в профессиональное искусство…

В дисбате случалось всякое. Были в нем и свои «вожачки», и «подпевалы», были и дезертиры, были и выездные заседания военного трибунала, были и случаи рукоприкладства. Как мы помним, «Временный дисциплинарный устав» не возбранял применять «силу и оружие». Ходили слухи о том, будто бы тяжелый кулак Маргелова расставил в подразделении все и вся по своим местам. Но подобные домыслы никак не вяжутся с характером и принципами Василия Филипповича, который никогда не был костоломом и всегда следовал не только букве, но и духу уставных требований, требовал от своих подчиненных неукоснительного исполнения строжайшей директивы Главного политического управления «О воспитательной работе в дисбатах РККА». На его рабочем столе среди фундаментальных работ М. В. Фрунзе, И. В. Сталина можно было обнаружить и труды А. С. Макаренко, которого он почитал и чьи педагогические принципы сформировали взгляды Маргелова-воспитателя.

Вскоре к этим книгам прибавилась небольшая по размерам брошюрка – новый «Дисциплинарный устав РККА»[30], в котором подчеркивалось, что «советская военная дисциплина зиждется на однородности классовых интересов всего личного состава Красной Армии, на беззаветной преданности своему народу и на чувстве высокой ответственности каждого военнослужащего за вверенное ему дело обороны Социалистической Родины».

Здесь будет уместно заметить, что еще 8 июля 1934 года Президиум ЦИК СССР, «учитывая нарастающую военную опасность для СССР со стороны капиталистического окружения», принял постановление «О защите Родины», многие положения из которого вошли в «сталинскую» Конституцию 1936 года. 23 февраля 1939 года весь личный состав Красной Армии принял новую «Военную присягу». Первые фразы звучали так: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным бойцом…» Исчезли из текста намеки на защиту завоеваний «мировой революции», возросла и ответственность за отказ от выполнения священного воинского долга. Дисциплинарный устав между тем в основе своей остался незыблем. Статья 6-я гласила: «В случае неповиновения, открытого сопротивления или злостного нарушения дисциплины и порядка командир имеет право применить все меры принуждения, вплоть до применения силы и оружия».

Однако Маргелов жестко пресекал вольные трактовки этого положения. Однажды ему стало известно, что младший политрук Н. А. Корниенко избил красноармейца Симонтабова, при этом

выхватил пистолет и выстрелил вверх. Другой политрук – И. Ф. Ромашко вмешался в происходившее и добавил несколько тумаков насмерть испуганному дисбатовцу. Их действия комбат посчитал необоснованными и потребовал обсуждения политруков на партсобрании. Даже сухие строчки протокола собрания передают эмоциональный накал выступления Маргелова: «Я считаю, что этот выстрел был сделан не случайно, а с тем, чтобы запугать красноармейца. Наша Красная Армия воспитывается в духе сознательности, а не на мордобитии. А поскольку таким делом занимаются политруки, то, без сомнения, на них глядя, и другим захочется испробовать силу в качестве такой методы. У меня такие сведения есть». Маргелов настоял на исключении ретивых политработников из партии. Лишенные партийных билетов, они продолжали службу, но уже командирами взводов.

Между тем дисциплинарные батальоны Красной Армии были вовлечены в соцсоревнование за достойную встречу 1 Мая – Дня международной солидарности трудящихся. Задача, которую Маргелов в своем приказе поставил перед подчиненными, уложилась в одну строчку: «Добиться и приложить все знания и усилия, чтобы к 1 Мая 15 ОДБ занял первое место». А на словах перед строем добавил: «Помните, что мы работаем не на дядю, а для народа». В ходе Сталинской вахты перевыполнили план сапожный и портновский цехи, а в Ленинград и Москву были отправлены дополнительные составы со щебнем – отгружали его по 100 тонн в сутки.

Стоило дробильной машине стать на ремонт, как дисбатовцы переходили к военной подготовке: штурмовали горки, учились окапываться, вести меткий огонь из винтовки. Тяжелый подневольный труд по 12–14 часов вкупе с боевыми заданиями служил и основным мерилом исправления. В итоговом приказе Маргелова объявлялось: «Красноармейцев, отбывших одну треть срока наказания и показавших высокую воинскую дисциплину и образцовое отношение к работе, перевести в разряд исправившихся и направить для прохождения службы в свои части». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1941 года позволял командиру дисбата самому принимать решение о зачислении в списки постоянного состава красноармейцев, отбывших наказание.

В субботний вечер 21 июня 1941 года майор Маргелов по обыкновению принимал доклад своего заместителя по строевой части лейтенанта Гусева. Ему и старшему политруку Бастину, который присутствовал в кабинете, удалось наконец-то привести в порядок учет «в поросячьем и конском княжестве», как шутливо в дисбате именовался хозяйственный двор. Накормить и напоить

три тысячи человек – задача не из простых. Маргелов умел находить общий язык с руководителями местных колхозов и никогда не отказывал им в помощи. Вот и в этот день он распорядился, чтобы колхозники могли посещать военторг по средам, пятницам и воскресеньям.

Гусев доложил, что купальня на Волхове готова, но вода еще холодная.

– Добавь еще, что сырая и мокрая… Здоровье бойцов – понятие святое, но война времени года не выбирает. Я на финской снег килограммами ел. Завтра первым совершу омовение.

В разговор вступил Бастин:

– В клубе сегодня «Александра Невского» будут показывать, а завтра, после спортивного праздника, «Трактористов».

– Я в Ленинграде чуть живот не надорвал, – вспомнил Маргелов про то, как, находясь в командировке, нашел-таки время и вырвался в кинотеатр. – А вот «Невского» посмотреть не удалось. Запамятовали мы, однако, что отсюда, от стен Великого Новгорода, Александр Ярославич полки свои на немцев повел. Кстати, не верю я, Николай Петрович, хоть режь, их заверениям в дружбе. Имел несчастье на собственной шкуре в том убедиться.

Гусев положил перед командиром подготовленный на подпись приказ № 216 от 22 июня 1941 года. Параграф первый:

«Дежурным по гарнизону назначить старшего лейтенанта Поддубного, дежурным по кухне и красноармейской столовой – помощника политрука Зыбина, дежурным по штабу – ефрейтора Анисимова…» Далее шли строчки, в которых до мелочей была расписана жизнь дисбата: исправившихся направить в части, не оправдавших доверия «для пользы службы» возвратить в разряд наказанных, объявить благодарность за лучшую ленкомнату…

…Воскресенье шло к полудню, когда на купальню прибежал вестовой и сунул Маргелову записку, которая содержала всего одно лишь слово: «Война». Последующие распоряжения замелькали словно в калейдоскопе. «Собрать батальон в казармы. Зачитать речь В. М. Молотова. Усилить караулы. Подать в штаб ЛенВО сведения о связистах, шоферах, танкистах, артиллеристах».

Первым, кто покинул дисбат, оказался старший политрук Бастин. Его затребовал к себе обратно начальник политпропаганды Ленинградского гарнизона. Маргелов и Бастин недолго служили вместе, но, как говорится в народе, успели за год пуд соли съесть и крепко подружиться. Они свиделись еще раз, когда Маргелова вызвали в штаб ЛенВО, где он получил разнарядку, которую начальник Ленинградского МГБ управления

П. Н. Курбаткин сопроводил такими словами:

– На вышку нарвешься, комбат, коль шваль в войска задумаешь сплавлять, время-то военное.

Но Маргелов за «политико-моральный облик» своих «питомцев» не опасался. Конечно, в семье не без урода, но таких в дисбате можно было пересчитать по пальцам. И все же ни одна партия красноармейцев без санкции присланного в дисбат представителя военного трибунала в действующую армию не направлялась. Ряды дисбата редели с быстротой, пропорциональной неудачам на фронте. В распоряжение Северного фронта было направлено: в разведбат – 16 человек, в стрелковый полк – 120, в рембат – 76, на авиабазу – 9, в автобат – 11…

Ускоренными темпами шло формирование дивизий и полков народного ополчения. В конце июля 15-й отдельный дисциплинарный батальон Ленинградского военного округа перестал существовать. Гарнизон в Муравьевских казармах, дав кров военному госпиталю, перешел в ведение Северного фронта. В сентябре 1941 года он стал передним краем обороны.

* * *

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года, в котором разрешалось «военным советам фронта, округов и флотов освободить всех военнослужащих из дисциплинарных батальонов и направить их в действующие части Красной Армии», оказался явно запоздалым. Дисбаты западных военных округов давно уже сражались с фашистами и только на Дальнем Востоке они просуществовали до 1945 года.

Прежде чем поставить точку на этой теме, оказавшейся связанной с судьбой нашего героя, заметим, что даже в солидных изданиях существует путаница в понятиях «дисбат» и «штрафбат». Предыстория создания последних такова. В один из самых тяжелейших периодов Великой Отечественной войны перед угрозой полного развала фронта Ставка Верховного главнокомандования с целью укрепления дисциплины издает приказ «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий» (№ 270 от 16 августа 1941 года). Имелись там и такие строки: «…Позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы…» К трусам и дезертирам предписывалось

принимать крайние меры: «уничтожать их всеми средствами», «при необходимости расстреливать их на месте».

В дни новой смертельной опасности, нависшей над страной после военных неудач в Крыму и под Харьковом, Сталин подписал 28 июля 1942 года приказ № 227, вошедший в историю под названием «Ни шагу назад!». Им, в частности, предусматривалось «сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной». Предполагалось «сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить свои преступления против Родины… Сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной».

28 сентября 1942 года было утверждено «Положение о штрафных ротах, батальонах и заградотрядах действующей армии», один из пунктов которого гласил: «Штрафники, получившие ранение в бою, считаются отбывшими наказание, восстанавливаются в звании и во всех правах».

Ленинградская застольная

21 июля 1941 года Маргелов сдал гарнизон в Муравьевских казармах и на следующий день поутру вместе с Гусевым прибыл в Ленинград. На Московском вокзале царило столпотворение и неимоверный гвалт – отправляли в эвакуацию детей. От вокзала до Смольного, где располагался штаб фронта, прошлись пешком. На Суворовском проспекте их дважды останавливал патруль и тщательно проверяли документы, ссылаясь на то, что в город засланы немецкие лазутчики. Дежурный долго не мог связаться с начальником штаба фронта полковником Н. В. Городецким, но наконец в трубке раздался его голос: «Жду тебя, майор, ровно в 18 часов».

В распоряжении офицеров был почти целый день! В мирное время о таком подарке приходилось только мечтать. Теперь же Ленинград стал прифронтовым городом, и даже яркое июльское солнце казалось блеклым, а вода в Неве свинцовой. Невский изменился до неузнаваемости. Дворцы и памятники скрывали холщовые полотнища, маскировочные сети и нелепые пейзажи. На площадях торчали устремленные ввысь жерла зенитных орудий. Хотя в городе вот уже несколько дней действовала карточная система, офицеры смогли без проблем «отовариться» продуктами в Елисеевском магазине по «коммерческим» ценам. Они примостились перекусить на скамейке в Летнем саду, на аллеях которого шла поразившая их работа: группа людей, по внешнему виду мало напоминавшая саперов, рыла траншеи, в которые бережно укладывались скульптуры. Они молчаливо и сосредоточенно занимались своим делом даже после того, как надрывно завыли сирены и по соседству, с Марсова поля, заухали зенитки.

Разговор в Смольном был краток. Предписание гласило: «Майору Маргелову немедля прибыть в райком ВКП(б) Невского района и приступить к формированию полка 1-й гвардейской дивизии народного ополчения». От себя начштаба добавил: «Решение назрело и будет принято не сегодня-завтра.

Остатки дисбата использовать по твоему усмотрению. Даю двое суток на передислокацию».

Гусев отправился на Волхов, а Маргелов, скоротав ночь у Бастина, наутро без труда отыскал новое место службы.

…Ополченцы. Слово это появилось на устах ленинградцев в конце июля 1941 года. Вновь ожил в нем великий патриотический смысл, поднимавший на защиту родной земли от вражеских нашествий народные ополчения Минина и Пожарского,

фельдмаршала Кутузова… Война с фашистскими захватчиками едва ли не с первых дней стала народной.

Еще 27 июня 1941 года Военный совет фронта и городской комитет ВКП(б) приняли решение о формировании ленинградской «Армии народного ополчения» численностью в 200 тысяч человек. Каждый район Ленинграда, а их к началу 1941 года насчитывалось 15, обязан был отправить на фронт одну дивизию. Командующим этой армией был назначен генерал-майор А. И. Субботин.

О составе дивизии вспоминает ленинградец В. Щеглов: «… Многие из них (ополченцев. – Á. Е.) впервые возьмут винтовку, впервые увидят миномет, первое время плохо будут бросать гранату, плохо переползать – все это так! Все знают это! И знают, что крови прольется много, но другого выхода нет».

Через две недели работы по комплектованию соединений из добровольцев стало ясно – районный принцип негоден. Дивизии получались куцые, без артиллерии, боевой техники. Вместо запланированных 15 формирований к середине июля удалось отправить на фронт всего лишь 4 дивизии народного ополчения.

Тем временем обстановка на Ленинградском фронте катастрофически ухудшалась. 14 июля командующий СевероЗападным направлением маршал К. Е. Ворошилов отдал приказ: «Товарищи красноармейцы, командиры и политработники. Над городом Ленина – колыбелью пролетарской революции – нависла прямая опасность вторжения врага… Требую отстоять Ленинград во что бы то ни стало… Наша земля должна стать могилой гитлеровскому фашизму».

25 июля Военный совет Северо-Западного направления и бюро Ленинградского горкома партии решили создать еще четыре гвардейские дивизии народного ополчения. Как известно, почетное звание гвардейских частей и соединений было официально установлено позднее, в сентябре 1941 года после боев под Ельней. Применительно к ополчению это решение утвердил секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов, объяснив свое решение многочисленными просьбами ополченцев, связавших судьбу города с событиями 1918 года, когда отряды Красной гвардии оставили немцев на подступах к Петрограду.

В «Очерках истории Ленинграда» упоминается, что «в относительно лучшем положении находилась 1-я гвардейская дивизия, куда влилось несколько кадровых подразделений». Добавим, что в их числе были остатки 15-го дисциплинарного батальона ЛенВО. Впрочем, в полку Маргелова насчитывалось всего лишь три кадровых офицера. После трех суток, отпущенных

на формирование, 27 июля дивизия[31] выступила к Красному Селу. Здесь бывшие дисбатовцы основательно взялись за обучение новобранцев, но… Майор с горечью смотрел на вооружение своих подчиненных: винтовок – одна на двоих, гранаты и бутылки с зажигательной смесью – наперечет, несколько пулеметов. И это против до зубов вооруженного врага!

В автобиографии Василий Филиппович Маргелов о своем участии в героической обороне Ленинграда сообщает скупо: «Июль 1941 по октябрь 1941 г. Командир 3-го гвардейского полка, 1-й гвардейской дивизии Ленфронта. Действовал в районе Луги, Волосово, Ропши, Ораниенбаума. Два раза был в тылу противника с полком по приказу вышестоящего командования».

Уже только по одним названиям городов можно судить, что ополченцы дрались с фашистами на самом болевом участке фронта, от Нарвы до Кингисеппа, протяженностью семьдесят километров. В корреспонденциях многотиражной газеты народного ополчения «На защиту Ленинграда» говорилось, что «при отбитии у врага поселка N отличились воины Энского полка под командованием майора М.». По этим прошедшим строжайшую цензуру строчкам трудно понять и оценить весь драматизм ситуации. Что мог в такой обстановке и с такими силами сделать командир полка, который был обязан выстоять любой ценой? Выстояли. Командование фронта по достоинству оценило стойкость и мужество гвардейцев-ополченцев, приняв решение о переформировании дивизий в кадровые. 1 сентября 1941 года Дивизия, в которой сражался Маргелов, стала 80-й, а его полк получил порядковый номер 218-й стрелковый.

6 сентября фашисты, получив приказ Гитлера покончить с Ленинградом «во что бы то ни стало», начали наступление по всему фронту. К периоду ожесточенных оборонительных боев относится служебная характеристика Маргелова:

«Бойцы и командиры 218 с.п. 80-й с.д. с основания полка, организатором которого является тов. Маргелов, по праву гордятся званием маргеловцев.

На всем протяжении боевых действий полка личный состав любил его как принципиального, отважного командира, зажигательного агитатора и как честнейшего товарища.

В период боев у станции Молосковицы тов. Маргелов вместе с небольшой группой бойцов уничтожил 7 танков противника… В течение 7 дней т. Маргелов сковал и продержал с группой бойцов превосходящего по силе противника у поселка Ропша. Дважды попав в окружение, он вывел оставшихся с ним бойцов.

Под его руководством полк организовал и оснастил

неприступную для противника линию обороны…

Дважды раненный… тов. Маргелов уходил с поля боя тогда, когда получал строжайшее указание вышестоящего командования».

Всю неделю на позиции, которые занимала 80-я дивизия, обрушивался шквал атак, прижавших оборонявшихся к Стрельне и Петергофу.

Как известно, в эти критические для города дни по приказу Ставки командование Ленинградским фронтом принял Г. К. Жуков. Принятые им жесткие меры по укреплению организованности и порядка обороняющихся, мобилизации всех ресурсов породили уверенность в успехе и возымели свое действие. В двадцатых числах сентября наступательный порыв фашистов иссяк. Немецкие войска перешли к позиционной осаде Ленинграда.

Понимая, что преодолеть оборонительные рубежи с ходу уже не по силам, Гитлер подписал 22 сентября директиву «О будущем города Петербурга». Суть ее отчетливо выражена в следующих строках: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования такого населенного пункта. Предложено жестко блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей…»

…В истории Великой Отечественной войны немало примеров, когда целые части, проделав кратковременный боевой путь, запечатленный лишь в памяти тех, кому удалось дожить до светлого победного дня, исчезали бесследно из каких-либо официальных упоминаний. Нечто подобное произошло и с 1-м особым стрелковым полком, сформированным из моряков Краснознаменного Балтийского флота и получившим почетное название «Полк имени Ленсовета». А ведь события, связанные с историей этой части, в какой-то мере повлияли на судьбу целого поколения десантников. Речь идет об одной из главных составляющих воинской формы ВДВ, без чего не мыслит себя ни один современный десантник, – тельняшке с голубыми полосами. Первыми их одели части и соединения Воздушно-десантных войск, принимавшие в 1968 году участие в событиях в Чехословакии. Предыстория появления тельняшек у десантников такова. На одном из совещаний в Министерстве обороны СССР при утверждении новых образцов воинской формы адмирал флота СССР С. Г. Горшков недовольно пробурчал:

– Мыслимое ли дело, товарищ министр (маршал А. А. Гречко. – Á. Е.), десантники – в тельняшках. Анахронизм какой-

то!

Командующий ВДВ резко возразил:

– Я воевал в морской пехоте и знаю, что заслуживают десантники, а что – нет!

И ведь Маргелов в действительности знал, чего стоят «братишки», сошедшие с кораблей на берег и сеявшие панику среди фашистов. Не случайно прозвали враги морских пехотинцев «черной смертью».

…Начальник штаба Краснознаменного Балтийского флота Ю. А. Пантелеев в начале ноября 1941 года сделал в дневнике такую запись: «Для ледового фронта… мы сформировали лыжный отряд и две пулеметные роты». Поставить матросов на лыжи для выполнения особых задач – проблема не из легких. К тому же на кораблях оказалось их не слишком много. На призыв откликнулись добровольцы из частей береговой обороны, вспомогательных служб.

Н. Шувалов в книге «Мы становимся солдатами» (Л., 1973) так описывает представление командира полка:

«Как известно, моряки народ своеобразный. Влюбленные в морскую стихию, они не особенно жалуют сухопутных собратьев. Когда Маргелова назначили командиром морских пехотинцев, некоторые поговаривали, что он там не приживется, “братишки” не примут. Однако это пророчество не сбылось.

…Когда полк моряков был построен для представления новому командиру, Маргелов после команды “Смирно!”. Увидев много хмурых лиц, смотревших на него не особенно дружелюбно, вместо обычных, положенных в таких случаях слов приветствия “Здравствуйте, товарищи!” крикнул: “Здорово, клешники!” Мгновенье – и в строю ни одного хмурого лица».

А между тем новоиспеченный комполка едва сдерживал смех. И было от чего. Один из краснофлотцев, П. Ф. Орлов свой внешний вид впоследствии описал так: «На мне поверх ватных брюк были натянуты флотские клеши, напуском свисавшие из-за голенищ сапог. Из-под расстегнутого бушлата на фоне тельняшки торчал наган и свисали ленточки от спрятанной бескозырки. Поверх маскхалата – ремень и торчащие из-под него гранаты, а за голенищами сапог – финский нож».

Приказ командования Ленинградского фронта об операции по деблокаде города, намеченной на 20 октября, был расписан до малейших деталей. Но попытка эта, как известно, была сведена на нет взятием немцами Тихвина. Об очередном намерении отбросить немцев с южного берега Ладоги и выбить их из Шлиссельбурга можно судить лишь по косвенным документам и воспоминаниям участников этого героического десанта.

К концу ноября 1941 года лед на Ладоге устоялся и позволил начать строительство ледовой трассы, получившей название «Дорога жизни». Вдоль нее в ночь с 27 на 28 ноября и отправились в свой поход лыжники Маргелова, не имея ни малейшего представления о противнике. Ориентиром для наступавших служил Бугровский маяк, к слову, давно уже бездействовавший. Надо отдать должное немцам – они не сидели сложа руки и узкую полосу местности, отделявшую Ленинград от Большой земли фашисты превратили в мощный оборонительный плацдарм. Закрытые артиллерийские позиции, системы дотов, проволочные заграждения и минное поле – вот что ожидало отважных моряков.

Они шли в бой без поддержки артиллерии, в надежде на то, что пехотинцы ударят с востока и немцам придется отбиваться с двух сторон. Увы, ожидания эти не сбылись. При явной несогласованности в действиях «братишкам» все же удалось изрядно насолить немцам. Но какой ценой! От полка осталась лишь горстка бойцов, которые уходили по льду туда, откуда они вышли в ночной рейд. Двое балтийцев тащили на себе волокушу, на которой лежал израненный комполка, поскрипывая зубами от невыносимой боли.

На острове Зеленец Маргелов стал подавать признаки жизни. Горечь подкатывала к горлу. С такими орлами, которыми он командовал, горы можно было воротить. А тут полный конфуз. Вины за собой комполка не чувствовал, однако людей было бесконечно жаль. Пали они героями.

Совершенно неожиданным в госпитальной палате, где Маргелов залечивал раны, стало появление военного дознавателя из окружного трибунала. «Сам товарищ Жданов, – сообщил офицер, – кровно заинтересован в наказании виновных». Скрывать что-либо Маргелову было нечего. А через некоторое время его доставили на заседание военного трибунала. Он поставил радом с собой костыли и вгляделся в лица тех, кто так и не пришел к нему на помощь. Приговор был суров – командир и комиссар дивизии за проявленную трусость были приговорены к расстрелу. Такие же суровые наказания ожидали и других начальников, сорвавших штурм. После вынесения приговора комдив и комиссар попросили у Маргелова прощения.

* * *

Пожелтевшие листы центральных советских газет начального периода Великой Отечественной войны свидетельствуют о том,

что, невзирая на откровенные неудачи, на тяжелые поражения Красной Армии, высшее руководство страны отнюдь не преуменьшало героизма и самоотверженности бойцов и командиров. Указы Президиума Верховного Совета СССР со списками награжденных публиковались почти ежедневно. Только вот фамилию «Маргелов» отыскать в них невозможно. Парадоксально, но факт: имея за плечами две войны, командуя боевыми частями, выполнявшими невероятно трудные задачи, Маргелов был обойден боевыми наградами. Да и в воинском звании «майор» отважный командир, по меркам военного времени, явно засиделся. Справедливость восторжествовала в июне 1942 года, когда приказом народного комиссара обороны Маргелову было присвоено звание подполковник. Бесценной реликвией считал Василий Филиппович медаль «За оборону Ленинграда». Вручили ему награду уже под Сталинградом в декабре 1942 года.

Любил Маргелов песни военных лет. В его домашнем репертуаре имелась и «Песня лыжного батальона», написанная на мотив «Раскинулось море широко». Но с особым вдохновением пел Василий Филиппович «Ленинградскую застольную», ведь каждая ее строфа напоминала об огненных верстах, холоде окопов, завывании ладожской пурги и о том отчаянии, с которым бойцы, ведомые им, шли в атаку на позиции фашистов.

А между тем у этой песни была сложная судьба. Написанная на стихи М. Косенко и А. Тарковского Исааком Рубаном, вначале она называлась «Наш тост». Были там и такие слова:

Выпьем за русскую удаль кипучую,
За богатырский народ,
Выпьем за армию нашу могучую,
Выпьем за доблестный флот.

Выпьем, товарищи, выпьем за гвардию,
Равных им в мужестве нет.
Тост наш за Сталина, тост наш за партию,
Тост наш за знамя побед!

Корреспондент газеты «Фронтовая правда» Павел Шубин, известный ленинградский поэт, который участвовал в боях в тех же местах, где сражался Маргелов, внес в текст свои изменения. Произошло это в 1943 году. Песня прозвучала уже как «Волховская застольная», а после 1953 года она еще раз изменила свое название, став «Ленинградской застольной». Вот ее текст:

Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось.

Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладоге, бился на Волхове.
Не отступал ни на шаг.

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу!

Будут навеки в преданьях прославлены
Под пулеметной пургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой!

Пусть вместе с нами семья ленинградская
Рядом сидит у стола.
Вспомним, как русская сила солдатская
Немца за Тихвин гнала!

Встанем и чокнемся кружками стоя мы –
Братство друзей боевых.
Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за встречу живых!

Участники боев под Ленинградом, соединив два приведенных текста, предложили широкой публике народный вариант, который неизменно заканчивался так: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем!» Осталась неизвестной причина, по которой П. Шубин не включил «Волховскую застольную» ни в один из своих поэтических сборников, и только однажды, во «Фронтовой правде», она была напечатана под его именем.

А между тем «Ленинградская застольная» стала семейной песней Маргеловых.

Военврач Анна Александровна Куракина по праву могла считать себя ленинградкой, хотя родилась и выросла вдалеке от города на Неве. Родилась она в многодетной крестьянской семье

на Ярославщине, где труд был мерилом всей жизни, а достаток резал глаза лодырям и экспроприаторам «непомерных излишков». Куракины, причисленные к «середнякам», лишились большей части имущества и в голодные годы старшие дети отправились на заработки в Питер, как по старой привычке продолжали называть Ленинград.

Следом за ними подалась и Аннушка, вовсе не рассчитывая, что городской хлеб и сытнее, и доступнее. Она закончила рабфак, работала в типографии, а вот профессию врача выбрала по зову сердца и до конца дней своих была верна ей. В Ленинграде она с отличием закончила медицинский институт, а в начале 1941 года – курсы врачей-хирургов при Военно-медицинской академии. Медаль «За оборону Ленинграда» и знак «40-летие снятия блокады Ленинграда» с надписью «Защитникам В. Ф. и А. А. Маргеловым» – свидетельства признательности земляков, ленинградцев за спасенные жизни бойцов и командира. Неизвестно, как бы сложилась фронтовая судьба Маргелова, если бы не заботливые руки Анны Александровны, которую раненые называли не иначе как «матушка».

Они встретились на Ленинградском фронте и больше никогда не расставались, опровергнув превратное представление о скоротечности фронтовых романов.

Василий Филиппович неизменно отшучивался, когда ему кто-то наступал на «больную мозоль», выспрашивая: как это так у прославленного комдива, а затем комкора супруга ходит в младших офицерах, хотя имеет высокие награды – ордена Отечественной войны II степени, Красной Звезды и с добрый пяток боевых медалей? «Отзывчивый и заботливый врач», а именно такими словами заканчивается одна из военных аттестаций капитана медицинской службы, Анна Александровна также превращала ответ на уже прозвучавший вопрос в шутку: «В семье я на одну ступень всегда выше мужа». И Василий Филиппович не возражал.

Командир железной воли

В своем фундаментальном труде, посвященном танковым сражениям Второй мировой войны[32], немецкий историк Ф. Меллентин пишет: «…Не будет преувеличением сказать, что битва на берегах этой безвестной речки привела к кризису Третьего рейха, положила конец надеждам Гитлера на создание империи и явилась решающим звеном в цепи событий, предопределивших поражение Германии». Речь идет о сражении на реке Мышковой, левом притоке Дона.

Совершенно беспристрастными выглядят строки «Военного энциклопедического словаря» (1983): «Мышкова, река в Волгоградской области… на рубеже которой во время Сталинградской битвы с 19 по 24 декабря в ходе Котельниковской операции 1942 года войска 2-й и 51-й гвардейских армий отразили удар сильной группировки немецко-фашистских войск и сорвали планы немецко-фашистского командования по деблокаде окруженных под Сталинградом войск противника». Группировкой этой, носившей название «Гот», командовал генерал Герман Гот.

Под Сталинград Маргелов попал, повоевав на Волховском и Южном фронтах, а когда стала формироваться 2-я Ударная армия (командующий генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский), он получил назначение на должность командира 13-го гвардейского полка 3-й гвардейской дивизии, входившей в состав 13-го гвардейского стрелкового корпуса, командовал которым генерал П. Г. Чанчибадзе. Над Маргеловым и его начальником солдаты незлобиво посмеивались, называя и того и другого «командирами чертовой дюжины». Но эта, казалось бы, недобрая народная примета на этот раз действовала на руку нашим войскам.

Однако до первого военного успеха понадобилось совершить воистину суворовский марш-бросок по занесенной снежной пургою степи. От железнодорожной станции Большие Липки, на которой выгрузился 13-й гвардейский полк, до Мышковой – более ста километров. Весь путь Маргелов находился в голове колонны, поддерживая запредельный темп марша к оборонительному рубежу. Вот, наконец, и дошли. Ни бугорка, ни балки, ни кустика. Земля – словно бетон. И все же полк за двое суток сумел создать полосу обороны, на которой захлебнулось фашистское наступление. Наградной лист кратко, но вполне правдиво передает происшедшее на берегах Мышковой:

«…Командир 13 гв. сп. гв. подполковник Маргелов В. Ф. своим умелым руководством обеспечил выполнение боевых задач.

Под его руководством гв. сп. сдержал наступление крупных сил противника, которые пытались при поддержке 70 танков прорвать оборону полка в районе деревни Васильевки и выйти на соединение с вражеской группировкой, окруженной в районе Сталинграда.

В трехдневных боях, с 20 по 23.12.42 г. 13 гв. сп. нанес противнику большие потери в живой силе и технике. Этим самым полк блестяще выполнил задачу сдержать противника до подхода главных сил 2-й гв. армии.

Руководимый Маргеловым полк не менее успешно провел последующие наступательные операции против укрепившегося противника в дер. Антоновка, Кругляков, Шестаков. В результате этих боев 13 гв. сп. захватил в качестве трофеев 2 танка, 12 пушек, 2 зенитные установки, 6 пулеметов и уничтожил 900 солдат и офицеров противника, 26 танков и бронемашин. В бою за деревню Шестаков тов. Маргелов был серьезно контужен, но через двое суток вернулся в строй.

Волевой и бесстрашный командир. Полк своими успехами обязан его твердому и умелому руководству.

Достоин награждения орденом “Красного Знамени”.

Командир 3-й гв. сд гв. генерал-майор Цаликов».

С непосредственным начальником генералом К. А. Цаликовым у Маргелова сложились добрые отношения. И не случайно, что именно комдив, характеризуя командира 13-го гвардейского полка, назвал его «талантливым офицером». А вот от командира корпуса, имевшего привычку обращаться к подчиненным через голову комдива, Маргелову доставалось изрядно. Сказывался неуемный кавказский темперамент П. Г. Чанчибадзе. Угроза расстрела в устах командира корпуса выглядела едва ли не обыденной.

Как известно, операция немецко-фашистского командования по вызволению из сталинградского «котла» 6-й армии генерала Паулюса получила название «Зимняя гроза». Воины-маргеловцы оказались среди тех, кто окончательно похоронил надежду противника на ее благополучный исход. В одну из ночей уходящего 1942 года Маргелов на свой страх и риск, оставив в окопах перед Котельниковым один батальон, с двумя другими обошел населенный пункт, выйдя на его юго-западную окраину. В книге о боевом пути 2-й гвардейской армии содержатся страницы, посвященные сражениям в районе Котельникова. Упоминается в ней, что «боевые порядки атаковавших войск возглавлял стрелковый полк под командованием мужественного и талантливого офицера В. Ф. Маргелова…»

Свой первый боевой орден командир 13-го гвардейского

стрелкового полка подполковник Маргелов получил из рук командарма Р. Я. Малиновского. Как показало время, генерал, а впоследствии маршал Советского Союза, не выпускал из поля зрения боевого офицера. На многих представлениях к наградам и боевых характеристиках Маргелова можно встретить резолюцию «Достоин» и подпись прославленного полководца.

Неоднократно в послужном списке В. Ф. Маргелова встречается аббревиатура «и. д.» – «исполняющий должность», вызывающая ассоциации с затхлой канцелярской атмосферой и парусиновым портфелем чиновника. Но путь Маргелова к вершинам карьеры пролегал не по коридорам учреждений, а через траншеи и окопы, блиндажи и КП. Мало сказать, что в бою он всегда находился на передовой – часто оказывался в самой гуще событий, был там, где считал нужным. За что и получал нагоняи от начальства.

Три месяца Василий Филиппович исполнял обязанности начальника штаба 3-й гвардейской стрелковой дивизии, семь месяцев он был заместителем комдива, правой рукой генерала К. А. Цаликова, а когда Кантемир Александрович получил ранение, исполнял обязанности командира дивизии. Это было время беспрерывных кровопролитных боев. К началу февраля 2-я Ударная армия, преодолев жесточайшее сопротивление фашистов, освободила левобережье Дона. 13 февраля 1943 года был взят Новочеркасск, на очереди был Ростов. В марте 1943 года Гитлер прилетел в штаб группы армий «Юг» и потребовал от фельдмаршала Манштейна ни при каких обстоятельствах не отдавать Донбасс большевикам, «даже временно». Наступление застопорилось перед «Миус-фронтом» – так немцы называли мощную оборонительную полосу, возведенную ими еще в 1941–1942 годах, которая прикрывала «подбрюшье» Донбасса. Близок был город, да не возьмешь – силы бойцов и командиров не беспредельны. Например, 3-я гвардейская дивизия потеряла в боях половину своего личного состава. Все же топтание перед «Миус-фронтом» не было бесцельным – части и соединения 2-й Ударной армии под командованием генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера сковывали значительную группировку фашистов, которую Гитлер окрестил «Армией мстителей». Была она создана из самых боеспособных частей вермахта и имела тот же порядковый номер – шестой, что и плененная в Сталинграде армия Паулюса.

В советской военной историографии содержится не много упоминаний о первом штурме «Миус-фронта», кровопролитном и неудачном. Ошибкой или недоразумением была попытка прорыва, предпринятая 17 июля 1943 года командованием

Южного фронта, судить было не замначдиву Маргелову. Своих забот у него было невпроворот. Он головой отвечал за подготовку пополнения, прибытие которого в некоторой степени компенсировало убыль в личном составе. Тревожило его и то, что опыта преодоления подобной обороны противника дивизия не имела. А ожесточившиеся немцы превосходили даже самих себя. Не позволяя противнику вести фронтовую разведку, фашисты вместо пассивного сидения в траншеях широко использовали маневрирование и контрудары. В лоб не возьмешь. Ко всему прочему, усилить 2-ю Ударную армию механизированными соединениями у Ставки не было возможности. На Курской дуге уже неделю шли тяжелейшие бои.

Вот в такой обстановке командующий фронтом генерал-полковник Ф. И. Толбухин отдал приказ: «Товарищи красноармейцы, командиры, политработники! На советско-германском фронте начались решающие сражения. Временное затишье кончилось». Полковника Маргелова ожидало «первое свидание» с отборной дивизией СС «Мертвая голова», вооруженной новейшими танками – «тиграми». Немцам удалось сорвать наступление ударных частей 2-й Ударной армии. Но и гвардейцы лицом в грязь не ударили, развеяв миф о неуязвимости и несокрушимой мощи «тигров».

О трехдневных ожесточенных боях на «Миус-фронте» в сводках говорилось весьма сухо: «Части 3-й гвардейской дивизии… отважно и храбро дрались в окружении, сковав своими действиями большие силы противника, чем облегчили действия армии». А между тем дело принимало порой трагический оборот. Окружение есть окружение. Конечно, если в первые месяцы войны это слово звучало с мрачным оттенком, сея панику, то в 1943 году к нему относились спокойнее: случаются же на войне неудачные боевые эпизоды, из которых находится выход.

Маргелов, оказавшись в круговерти сражения на КП своего родного полка, подменять командира не собирался. Но создать ударный кулак, который сработал на направлении прорыва, помог. Миусский «котел», невзирая на все усилия фашистов, не состоялся.

В организацию второго штурма «Миус-фронта» вмешалась Ставка, и вместо удара в лоб 18 августа было предпринято концентрическое наступление силами двух фронтов, Юго-Западного и Южного. Противоборствующие стороны отчетливо сознавали, что судьба Донбасса решается именно здесь. Накануне наступления армейская многотиражка призывала: «Нынче пробил час решительной битвы. Перед нами порабощенная гитлеровцами Советская Украина, перед нами угольный Донбасс – наша

всесоюзная кочегарка. Дело нашей гвардейской чести вышибить немецких захватчиков из Донбасса, освободить Украину. Этого требует от нас Родина».

Родина не только требовала – Родина помогала. И эту помощь теперь уже в полной мере ощущали Маргелов, все его бойцы и командиры. Накануне штурма дивизия пополнилась боеспособными подразделениями, танками, минометами, гаубицами, пушками. С неба позиции фашистов беспрерывно утюжили десятки «Илов».

Несмотря на все усилия, за первый день боев части 3-й гвардейской дивизии вклинились в оборону противника всего на два километра. За первой полосой у обороны фашистов обнаружилась вторая, еще более мощная, разведать которую прежде не представлялось возможным. Вот тут-то замкомдив и решил «тряхнуть стариной» и вместе с разведвзводом 9-го полка, которым командовал младший лейтенант М. И. Рогачев, отправился в ночной поиск. Но фашисты не дремали и обнаружили разведчиков. Ввысь полетели ракеты, и началось преследование. Уйти удалось только чудом.

Но при этом цепкая память Маргелова запечатлела тот злосчастный рубеж, на который наткнулись в первый день наступления. Генерал Цаликов, заметив, что Маргелов сильно припадает на правую ногу, спросил: «Что с тобой, Маргелыч?» – «Пустяк, царапина», – ответил заместитель. Однако, набросав на небольшом листке схему расположения обороны немцев, почувствовал, что с ногой творится что-то неладное. Когда Маргелов снял сапог, военврач 3-го ранга Анна Куракина, ахнула: в ноге засел крупный осколок, и она уже начала синеть. Впрочем, все закончилось благополучно: ведь операцию делала любимая женщина и в успешном исходе ее гвардии полковник не сомневался. К тому же ранение предоставило им редкую возможность провести несколько дней вместе.

…Командующему 6-й армией генералу Карлу Холлидту удалось избежать участи своего предшественника, генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, с большим трудом – была потеряна едва ли не половина армии. Русские дивизии, взломав, казалось бы, неприступный «Миус-фронт», устремились к Таганрогу и Сталино[33]. Маргелов нагнал дивизию, когда она подходила к Краснодону.

Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн в книге «Утерянные победы» цинично признал, что, отступая из Донбасса, он отдал распоряжение о создании зоны «выжженной земли». То, что предстало перед взорами гвардейцев, в действительности потрясало воображение. Опустошенные города и поселки, остовы

шахт и цехов и, самое страшное, – колоссальные человеческие жертвы. Трупы извлекали из штолен, ими были завалены степные балки, следы злодеяний фашистов виднелись на каждом шагу. Безумная жестокость врага ничего, кроме ненависти, у освободителей Донбасса не вызывала.

3-я гвардейская дивизия, изрядно поредевшая в августовских боях, расположилась в Краснодоне на отдых и доукомплектование, как могла помогала наладить в городе мирную жизнь. Вот тогда-то Маргелов и услышал рассказ о подпольной организации «Молодая гвардия». Уже многие годы спустя, прочитав роман А. Фадеева о славных делах и подвигах молодогвардейцев, Василий Филиппович, отдавая должное художественной стороне произведения, замечал, что «события, описанные в романе, имели мало общего с тем, что было на самом деле». Трудно сейчас сказать, что именно имел он в виду, скорее всего, не мог позабыть потрясения и ужаса от увиденного.

В Краснодоне на гимнастерке полковника Маргелова появился еще один орден – Отечественной войны I степени. Судя по боевой характеристике гвардии полковника В. Ф. Маргелова, заместитель командира 3-й гвардейской стрелковой дивизии, отличившийся в боях за взятие города Волновахи, был представлен к ордену Красного Знамени. Вот несколько выдержек из этого документа:

> «Полковник Маргелов… командир железной воли, требователен к себе и подчиненным. Решительный. В боевой обстановке вынослив, несмотря на четыре ранения… В боях на реке Миус систематически находился в частях дивизии… осуществлял личный контроль и проверку исполнения всех приказов командования. В трудную минуту боя помогал командирам частей в руководстве боем.
>
> 17.09.43 при выбытии из строя командира 9-го гвардейского стрелкового полка принял на себя командование полком. Смелым маневром полк под командованием тов. Маргелова успешно овладел крупным железнодорожным узлом Приазовья, станцией и городом Волноваха… За личную отвагу и успешное выполнение боевых задач тов. Маргелов награжден правительственной наградой – орденом Красного Знамени и вторично представлен».

Где затерялся наградной лист – и по сей день неизвестно. Но с той поры 3-я гвардейская стрелковая дивизия стала носить почетное наименование «Волновахская».

ЗВЕЗДА ГЕРОЯ

К концу сентября 1943 года Красная Армия, освободив левобережную Украину, вышла к Днепру по фронту протяженностью более семисот километров.

…Уже после окончания войны дивизионный художник, изрядно поднаторевший на оборонительных и наступательных схемах, прочертил боевой путь 49-й гвардейской Херсонской Краснознаменной, ордена Суворова стрелковой дивизии. Эта «не пыльная», по солдатским понятиям, работа заняла у него несколько часов. А вместила в себя эта схема боевой путь длиною почти в четыре года. Валдай, Дмитров, Вязьма, Сталинград, Новочеркасск, и вот, наконец, Херсон.

Вызов в штаб армии для Маргелова был делом обыденным. Новый командарм генерал Г. Ф. Захаров, приступая к очередной операции, стремился, чтобы начальники всех степеней знали боевую задачу назубок. Но на этот раз Маргелов оказался в штабе в гордом одиночестве, а Захаров, пожав полковнику руку, вручил ему приказ: «Сдать должность временно исполняющего обязанности комдива 3-й гвардейской стрелковой дивизии и приступить к исполнению должностных обязанностей комдива 49-й стрелковой дивизии…» Произошло это событие 15 января 1944 года. Заметим, что и 3-я, и 49-я гвардейские дивизии входили в 13-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта П. Г. Чанчибадзе. Имея характер горячий и вспыльчивый, комкор все же был отходчив и не злопамятен, а в таком сложном деле, как форсирование Днепра, лучшего помощника, чем Маргелов, ему было трудно сыскать.

Еще 9 сентября 1943 года Ставка Верховного Главнокомандующего издала директиву, в которой указывалось, что «быстрое и решительное форсирование рек, особенно крупных, подобных реке Десна и реке Днепр, будет иметь большое значение для дальнейших успехов наших войск». Доводилось до сведения командиров соединений и частей, что начальствующий состав будет представляться к награждению орденом Суворова – за форсирование Десны и к присвоению звания Героя Советского Союза – за форсирование Днепра. Как известно, высшими наградами Отечества И. В. Сталин не разбрасывался, но случай здесь был иной. Красная Армия в 1941 году так и не сумела создать прочную оборону, отступив за Днепр. Напротив немцы превратили правобережье Днепра в мощный оборонительный вал, предварительно уничтожив все, что могло быть использовано советскими войсками при переправе. В

соперничество с немецкой основательностью и педантичностью вступила смекалка бойцов и командиров Красной Армии. Дивизия Маргелова не составляла исключения. Пустые бочки из-под ГСМ, порожние снарядные ящики, доски, вязанки камыша, которого в днепровских плавнях было предостаточно, – все эти подручные средства шли на создание «Херсонской флотилии».

О том, как развивались последующие события, Василий Маргелов помнил всю свою жизнь:

«9 марта 1944 года я отдал приказ командиру 149-го гвардейского стрелкового полка подполковнику Тюрину совершить марш и сосредоточиться напротив Берислава… Ночь была адская. Дождь хлестал как из ведра. Неистово завывал ветер. Днепр недавно освободился ото льда и плескался у самых ног. “А не попытаться ли форсировать Днепр прямо сейчас? – пришла мне в голову неожиданная мысль. – Ночь хоть глаза выколи. Немцы, наверное, попрятались по блиндажам. Пока они очухаются, не то что полк, дивизию можно будет переправить… Да и бойцы, узнав, что их комдив уже на правом берегу, совершат бросок через Днепр…”

Не думал, не гадал я тогда, что мне придется с 67-ю бойцами почти трое суток удерживать плацдарм, и в живых нас останется только 14 человек».

Помышлял ли полковник Маргелов о Звезде Героя? Вероятно, нет. Да и действовал он на свой страх и риск, не предупредив высшее командование. Самовольство вполне могло обернуться суровым наказанием. К тому же немцы, обнаружив поутру наш десант, принялись утюжить его из орудий, минометов, над гвардейцами непрестанно кружились «Юнкерсы», атаки пехоты следовали одна за другой. Шквал огня не позволил основным силам полка прийти на помощь зацепившейся за правый берег группе ни в первый, ни во второй день. Но, невзирая на то что ситуация складывалась непредсказуемо, Маргелов умудрялся поддерживать связь со штабом дивизии, возглавлял который подполковник В.Ф. Шубин.

Нашел-таки он у немцев прореху в обороне, через которую 11 марта переправил на правый берег целый батальон. Все усилия фашистов отбить плацдарм оказались безрезультатными. Маргелов под непрерывным огнем переправился на свой берег и тотчас попал «в объятия» Чанчибадзе. Отборный мат, привычные угрозы отдать под трибунал и расстрелять… Когда словесный запал иссяк, командир корпуса потребовал доложить обстановку.

– Один полк уже воюет на том берегу, второй заканчивает переправу. Мы с бойцами выстояли и обеспечили успех соединению. Разрешите продолжить наступление? Список героев

готов представить вам на утверждение после взятия Херсона.

Наступило молчание. Безусловно, Маргелов был виновен в том, что бросил дивизию и предпринял авантюру, которая вполне могла закончиться для него печально. Но ведь плацдарм-то завоеван! И причем малой кровью. У соседей Маргелова дело с форсированием Днепра явно не ладилось.

Остывший Чанчибадзе распорядился:

– 49-я дивизия действует на основном направлении; 295-я – ее сосед справа.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

генералу армии Малиновскому

Войска 3-го Украинского фронта, форсировав реку Днепр в нижнем течении, заняли город Берислав и, развивая наступление, сегодня, 13 марта, в результате уличных боев овладели городом Херсон – крупным узлом железнодорожных и водных коммуникаций и важным опорным пунктом обороны немцев устья реки Днепр.

В боях отличились войска генерал-лейтенанта Гречкина, генерал-майора Рубанюка, полковника Маргелова, полковника Дорофеева; артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии Неделина, генерал-майора артиллерии Осмалковского; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск Свиридова, летчики генерал-лейтенанта Судец и понтонеры генерал-лейтенанта инженерных войск Котлярова, полковника Сергеева.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение городов Херсон и Берислав, представить к присвоению наименований «Херсонских» и «Бериславских» и награждению орденами.

Сегодня, 13 марта, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Украинского фронта, овладевшими городами Херсон и Берислав – двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение городов Херсон и

Берислав.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий,

Маршал Советского Союза И. Сталин.

13 марта 1944 года.

Когда Москва салютовала воинам 3-го Украинского, героям-маргеловцам, бои под Херсоном не утихали ни на сутки… А в штабе 28-й армии, в которую входила 49-я гвардейская дивизия, готовился наградной лист: «За умелое управление войсками при форсировании р. Днепр и овладении г. Херсон, проявленные при этом инициативу, настойчивость и личную храбрость полковник Маргелов достоин звания «Герой Советского Союза». 16 марта представление подписали командующий 28-й армией генерал-лейтенант А. А. Гречкин и член Военного совета генерал-майор А. Н. Мельников, а на следующий день под ним поставил свою подпись командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский. 19 марта 1944 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, и Малиновский направил Маргелову поздравительную телеграмму, текст которой читался во всех частях дивизии. Громче всех кричали «ура» чудом уцелевшие на «Бериславском пятачке» бойцы 3-го батальона 149-го гвардейского полка. Вместе с Маргеловым звание Героя получил и командир пулеметной роты старший лейтенант С. Гуменюк. Командир 149-го гвардейского стрелкового полка подполковник Тюрин был награжден орденом Ленина, его заместитель по политической части майор Грачев – орденом Александра Невского. Не остались без боевых наград и остальные участники ночной переправы. Маргелов умел держать свое слово.

…Солдатский фольклор не всегда отвечает высоким художественным и эстетическим канонам, зато всегда исходит от души. Как память о пережитом, о подвигах, совершенных воинами 49-й гвардейской дивизии на Днепре, о бесстрашном комдиве В. Ф. Маргелове долгое время жила в соединении песня, стихи к которой написал старший лейтенант Аркадий Питанов. Распевали ее бойцы на мотив популярной в свое время «Песни о Щорсе»:

Песня славит сокола
Храброго и смелого…
Близко ли, далеко ли

Шли полки Маргелова.

Шли полки могучие
Шагом молодецким,
По Задонским кручам,
По степям Донецким.

Шла большая сила
Грозно на врага,
Но перегородила
Путь ей Днепр-река.
…..

«Не печалься очень,
Храбрый командир,
Коль солдат захочет –
Обойдет весь мир.

Нам искать ли броду!
Немец, только тронь…
За тобой мы в воду,
За тобой в огонь!

Ой, как заиграли
Пушки поутру,
Немцы нас не ждали
На крутом яру».

Колет, гонит ворога
Первый батальон.
Здравствуй, славный город,
Городок Херсон!

…В марте 1968 года Василий Филиппович Маргелов неожиданно получил письмо из Херсона, в котором сообщалось, что городской комитет КПСС и Исполнительный комитет решили поддержать просьбу ветеранов Великой Отечественной войны и трудящихся ряда предприятий о присвоении ему звания «Почетный гражданин города Херсона».

«Ближним зарубежьем» стали называть Украину, ставшую с распадом СССР независимым государством, в котором историческое прошлое братских славянских народов и совместная борьба против фашизма воспринимается далеко не однозначно.

Однако из памяти жителей Херсона оказалось невозможным вытравить подвиги гвардейцев-маргеловцев в 1944 году и имена тех, кто сложил голову при форсировании Днепра. В год 65-летия Великой Победы в одном из городских скверов, отныне носящем имя Маргелова, был торжественно открыт памятник советскому военачальнику, командиру 49-й гвардейской дивизии, на красном знамени которой красовалось гордое название «Херсонская».

Сталинские благодарности

В первую годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне Министерство Вооруженных Сил выпустило персональные книжки, по образцу напоминающие орденские, – «Сталинские благодарности». Они вручались офицерам и генералам Красной Армии, заслужившим в боях благодарности от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. У Героя Советского Союза гвардии генерал-майора Василия Филипповича Маргелова (генеральское звание ему было присвоено 13 сентября 1944 года) их двенадцать. Первая – за освобождение городов Берислава и Херсона. Вторая – за участие дивизии в освобождении города Николаева.

И вот тут-то комдива В. Ф. Маргелова поджидал сюрприз. Собственно говоря, организовал он его сам. А дело обстояло так. После долгих мытарств Агафья Степановна с внуком оказались в Молотове у дочери Марии. Здесь-то их и разыскал адъютант комдива. Имя командира 49-й гвардейской Херсонской дивизии гремело на всю страну, а рассказы очевидца о славных делах сына вызывали у Агафьи Степановны чувство материнской гордости. К тому же ей, как матери Героя Советского Союза, полагались и помощь, и пособие. О внуке Генке особый разговор. В 1944 году ему исполнилось тринадцать лет. Пацан, да и только. Но в войну дети взрослели необычайно рано, и желание бить фашистов так, как делал это отец, росло с каждым рассказом. Дело оставалось за малым: уговорить бабушку и адъютанта. Бабушку пришлось скрепя сердце обмануть, а вот сержант Е. Иванов был ошарашен, когда в вагон поезда, увозящего его из Молотова, протиснулся Генка.

Можно представить, что творилось на душе бывалого воина на всем долгом пути, который он проделал с сыном комдива до фронта. Ведь никаких полномочий, касающихся Генки, он не имел. Напротив, мальчишка был необычайно доволен – мечта побывать в настоящем бою и предчувствие радости от встречи с отцом соседствовали в его сердце. Но вот и КП дивизии. Землянка, грубо сколоченный стол с разбросанными на нем картами, над которыми при свете коптилки склонился генерал. Генерал – это отец, с которым не виделся целых пять лет! Обнялись крепко, по-мужски. Адъютанту комдив пригрозил, для порядка, наказанием. Затем оглядел сына: «Экий ты худой!» И тут же распорядился: «В медсанбат его, на откормку, а там поглядим, куда пристроить». Анна Александровна Куракина, тайком наплакавшись, приняла Генку как родного, и вскоре у

мальчугана, откормленного на армейской каше, на щеках заиграл румянец. А тут и форма подоспела, новенькая, с иголочки. Нашелся и фотограф. В далекий Молотов полетело письмо с фотографией – гляди, мол, бабуля, каков я молодец! Маргелов-старший пристроил сына в запасный учебный батальон, где уже проходили службу братья Шубины, сыновья начштаба дивизии.

…Генка, надрывая глотку, вместе с другими бойцами громко кричал «ура», когда зачитывался приказ о награждении дивизии орденом Красного Знамени. Такую оценку получили действия соединения при взятии Николаева. На очереди была Одесса, на ближние подступы к которой части дивизии вышли 4 апреля. И тут Генка нарушил слово, которое он дал отцу, – не лезть на передний край. Но разве в той обстановке, которая предшествовала штурму Одессы, усидишь в тылу? Вместе с братьями Шубиными, такими же ослушниками, пробрались на передовую. В уличных боях понятия фронт и тыл – относительные. Не растерялся Маргелов-младший, когда лицом к лицу оказался с фашистом. У того в руках автомат, у него – карабин. Генка выстрелил первым.

Когда отгремели бои и Одесса начала возвращаться к мирной жизни, комдив потребовал к себе сына. Генка стоял понурив голову и на все вопросы отца отвечал односложно: «Виноват. Так точно. Никак нет». – «Трое суток ареста!» – подвел итог семейному разговору Маргелов-старший. За взятие Одессы комдив 49-й гвардейской Херсонской дивизии получил очередную благодарность от Верховного Главнокомандующего, а Генка, отбывая наказание на «губе», в обычной землянке, гадал, что будет с ним дальше. Через сутки его вызвал к себе отец и без слов показал журнал «Красный Воин», на обложке которого красовался розовощекий, улыбающийся суворовец. «Хочешь учиться?» – спросил Маргелов-старший. «Да!» – ответил, не раздумывая, Генка.

Анна Александровна засела с ним за учебу. Мальчишка оказался смышленым, и вступительные экзамены в Тамбовское суворовское училище, куда она его отвезла, сдал успешно.

…На завершающем этапе войны Ставка, полагая, что 49-я гвардейская Херсонская дивизия и ее командир способны решать самые сложные задачи, переподчиняла соединение то 2-му, то 3-му Украинским фронтам, которыми командовали соответственно Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин. Кишинев маргеловцы освобождали в составе 2-го Украинского фронта, участвуя в широко известной Ясско-Кишиневской операции, а на Дунае дивизию передали в подчинение командованию 3-го Украинского фронта.

8 сентября 1944 года войска 3-го Украинского фронта вступили на территорию Болгарии, правительство которой лишь накануне объявило о разрыве отношений с Германией и запросило условия перемирия с СССР. Продвижение частей Красной Армии проходило без единого выстрела. Маргеловцев встретила ликующая Силистра. Комдива и офицеров подбрасывали на руках, громогласно звучало: «Добре дошли!» То же самое приветствие, которым встречали русских воинов-освободителей в 1877 году.

…3 марта 1978 года, когда Болгария торжественно отмечала столетний юбилей со дня обретения независимости, командующему ВДВ генералу армии В. Ф. Маргелову на приеме в болгарском посольстве была вручена медаль «100 лет освобождению Болгарии от османского ига». Всего же у Василия Филипповича было пять болгарских наград.

…«Грузиться на пароходы и баржи!» – получил Маргелов приказ и невольно присвистнул. Всякое бывало на его армейском веку, но командовать флотилией, состоящей из разношерстных судов и барж, приходилось впервые. Невольно вспомнилась мелодия старинного вальса «Дунайские волны», когда «флагман» – пассажирский пароход, на который погрузились штаб дивизии и разведка, отошел от пристани. Над строем судов барражировали истребители и штурмовики. Ровно сутки продолжалось это удивительное водное путешествие, и 16 сентября дивизия выгрузилась в румынском городе Корабия, незадолго перед тем освобожденном от фашистов. Напомним, что еще 24 августа 1944 года Румыния выступила на стороне Советского Союза против фашистской Германии.

Позже Маргелов вспоминал:

«Честно говоря, еще задолго до Ясско-Кишиневской операции я не замечал у румын особого боевого рвения. Допрашивая пленных, чувствовал их нелюбовь к своим германским союзникам, нежелание воевать за чуждые Румынии, румынскому народу интересы… Без единого выстрела сдавались в плен целые румынские части, добровольцы принимали участие в боях против гитлеровцев.

В те времена в состав 2-го Украинского фронта вошла румынская пехотная добровольческая дивизия имени Тодора Владимиреску. А позже, в Венгрии, я уже воевал с механизированной румынской дивизией против общего врага».

Добавим, что среди наград Василия Филипповича были ордена и медали Румынии.

8 октября 1944 года 49-ю Херсонскую дивизию, занявшею после упорных боев с эсэсовцами румынский город Турну-

Северны, командующий 46-й армией неожиданно повернул на юг. Маргеловские полки прочно оседлали шоссейную дорогу, ведущую в Югославию, – не использовать столь благоприятную возможность было бы непростительно. К тому же Маргелов был проинформирован, что одновременно с вступлением его дивизии в Югославию по тылам фашистов должны ударить партизаны.

Но внезапно в планы вмешалась непогода. Холодный дождь превратил горные дороги в сплошное месиво. И все же гвардейцы вышли на позиции немцев и обрушили на них смертоносный огонь. Фашисты пытались закрепиться в городке Бела-Церква, но тот был уже взят югославскими партизанами. Вскоре туда вступил и передовой, 144-й гвардейский полк. В воспоминаниях командира роты старшего лейтенанта Л. Н. Ефременко это событие выглядело так: «…Гвардейцы подтянулись, стройно зашагали в ногу. Все население города высыпало на улицу и со слезами радости на глазах хлебом-солью встречало, по славянскому обычаю, своих братьев-освободителей… Идешь по городу, а к тебе бегут с поцелуями, цветами, выпивкой, закуской… просят зайти в дом, чтобы в доме остался хотя бы дух воина-освободителя».

На следующий день Бела-Церкву ожидал необычный совместный строевой смотр частей Красной Армии и Югославской Освободительной Армии, на который прибыли маршалы Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин. Звучали слова команд, не требовавшие перевода, произносились на русском и сербском языках речи, смысл которых был ясен и понятен всем – враг будет непременно добит и долгожданная победа не за горами. А затем местное население проявило настоящее сербское гостеприимство – веселье било через край. Не остался в долгу и Маргелов – разве кто откажется пробовать крепость русской водки?

До конца своих дней вспоминал Василий Филиппович незабываемый поход по горным отрогам, сербские города и села, которые брала с боями его дивизия, открытость сердец братского народа, его признательность и благодарность – самую большую награду и для солдата, и для генерала.

Маргелов помышлял уже о походе на Белград, когда 46-ю армию перебросили в Венгрию. За боевые действия на венгерской территории 49-я гвардейская Херсонская дивизия и ее командир получили от Верховного Главнокомандующего целых пять благодарностей. 147-й гвардейский стрелковый полк стал именоваться «Будапештским», а 144-й гвардейский стрелковый полк был награжден орденом Александра Невского.

В отличие от Болгарии и Румынии, где освободительные

движения имели реальную силу, и, свергнув ненавистные режимы, обратили оружие своих национальных формирований против фашистской Германии, режим М. Хорти, пребывавший у власти почти четверть века, сумел вовлечь венгров в гитлеровскую авантюру, сулившую обширные территориальные приобретения. Венгры ожесточенно сражались против Красной Армии под Сталинградом, Кишиневом, в Югославии. Не собирались они складывать оружие перед советскими войсками и теперь, в преддверии очевидного исхода войны, пытались не допустить вступления Красной Армии на территорию страны, гарантировать немцам свободный отход и предоставить право хозяйничать в Венгрии американцам и англичанам. Конечно, комдиву гвардейской 49-й о сложной политической игре, которая шла на переговорах в Москве осенью 1944 года, ничего известно не было. Но ясно было, что противник стремится выиграть время, с тем чтобы создать в северной части Трансильвании и Среднедунайской низменности оборонительные рубежи. Один из них получил поэтическое название «Маргарита».

Даже всякое повидавшие сталинградцы спустя годы неизменно отмечали, что им не доводилось участвовать в таких жесточайших боях, которые шли в Венгрии. Дело порой принимало непредсказуемый оборот. Мощная танковая группировка немцев рассекла 3-й Украинский фронт и вышла на КП командующего Ф. И. Толбухина. И тогда на помощь пришли соседи – 46-я армия 2-го Украинского фронта.

Если взглянуть на карту, Венгрия – небольшое государство, площадью чуть больше 90 тысяч квадратных километров. И вот на этом пространстве сражались сразу целых три советских фронта. 2-му, 3-му и 4-му Украинским фронтам Ставка поставила твердую задачу: не позволить немцам деблокировать будапештскую группировку.

Дивизия Маргелова отбивала атаки немцев на внешнем кольце окружения. Комдива с неизменным маузером в руке видели в самых горячих точках. Вновь, как и на Мышковой, зазвучал призыв: «Ни шагу назад! Стоять насмерть!» К концу декабря немецкое наступление застопорилось.

Перед самым новым, 1945 годом по войскам разошлась листовка: «На подлое убийство советских парламентеров капитанов М. Штеймеца и И. Остапенко ответим взятием Будапешта». Речь шла о представителях 2-го и 3-го Украинских фронтов, предъявивших противнику 9 декабря ультиматум о прекращении сопротивления. Но немцы и венгры, превратившие Будапешт в неприступную крепость и уповавшие на скорое избавление из «котла», сражались за каждую улицу, каждый дом,

и только 13 февраля 1945 года столица Венгрии капитулировала.

В то время, когда советские войска штурмовали Будапешт, в городе Дебрецен заседало Временное национальное собрание – верховный законодательный орган переходного периода. 22 декабря оно образовало Временное правительство, а 28 декабря Венгрия вступила в войну против Германии. Первая венгерская награда – Звезда и Знак Ордена «Венгерская Народная Республика» появилась на груди генерала В. Ф. Маргелова в 1950 году. Второй – медали «Братство по оружию» Золотой степени – он был удостоен спустя тридцать пять лет. Все это время советский военачальник, командующий Воздушно-десантными войсками, в памяти некоторых венгров олицетворялся с образом «душителя венгерской свободы». Маргелова это не смущало. Пройдя через жестокие бои на территории Венгрии, он по-своему воспринял события 1956 года. Поэтому позволим себе в следующей главе нарушить хронологию нашего повествования.

Венгерский октябрь

В 1946 году Венгрия была провозглашена республикой, а в 1948 году венгерские коммунисты и социал-демократы, объединившись, образовали Венгерскую партию трудящихся (ВПТ). Провозглашенная в 1949 году Венгерская Народная Республика избрала советскую модель социализма. Методика и знания, почерпнутые руководителями ВПТ и государства М. Ракоши, Э. Гере, М. Фаркашом, И. Надем и другими в коридорах Коминтерна во время пребывания в эмиграции в СССР, породили в стране систему жесткого администрирования. Хозяйственная машина стала давать существенные сбои, а попытки заарканить частника в коллективные хозяйства и кооперативы провалились. Идеология сталинизма приживалась в умах венгров с превеликим трудом. Репрессии, жертвами которых становились невинные и оболганные, вызывали среди населения серьезное недовольство.

Смерть И. В. Сталина, арест и расстрел Л. П. Берии, наконец, XX съезд КПСС, развенчавший культ личности, вызвали небывалый и противоречивый всплеск эмоций. Первый секретарь ЦК ВПТ Матьяш Ракоши считал, что «никакая особая необходимость не требовала вынесения этого вопроса на суд общественности в такой форме, и Хрущев оперировал каменным топором там, где нужно было применить тончайший медицинский ланцет».

Волна дискуссий о дальнейшей судьбе Венгрии захватила все слои общества. Центром оппозиционных сил, в котором сходились все нити недовольства, стал «Кружок Петефи», названный именем поэта и демократа, погибшего во время революции 1848–1849 годов. Историческая аналогия была очевидна: когда в ходе революционных событий Габсбурги едва не потерпели поражение, на выручку им пришли войска царской России. Пребывание на территории страны советских войск рассматривалось кружковцами как оскорбление национальных чувств венгерского народа.

Особым корпусом, расположенным в Венгрии, командовал видный советский военачальник, Герой Советского Союза генерал-лейтенант П. Н. Лащенко. Корпус подчинялся непосредственно министру обороны и состоял из двух механизированных, двух авиационных дивизий, частей боевого обеспечения. В Будапеште, городе с двухмиллионным населением, имелась лишь комендатура. В развитие внутривенгерских событий комкор не встревал, поскольку у него и других задач было в достатке. Особый корпус являлся

единственным звеном, связующим оккупационные советские войска, находившиеся в Австрии, с родиной.

Между тем внутрипартийная чехарда сменилась правительственной, и руль государственной политики, словно в шторм, кренился то вправо, то влево. Попытки руководства ЦК КПСС стабилизировать обстановку с помощью лидера, способного вывести Венгрию из кризиса, привели на вершину власти Имре Надя.

Сохранился любопытный документ – подписка по «форме № 6» сотрудника 2-го отдела ОГПУ Надя Имре Иосифовича, где он обязывался, «состоя на службе, или будучи уволенным… хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе ОГПУ и его органов, ни под каким видом их не разглашать и не делиться ими даже со своими родственниками и друзьями». За агентом «Володя» (под таким псевдонимом вошел в историю ОГПУ Имре Надь) числилось немало очернительных доносов, которые легли в основу многих громких и печально известных дел. Осужденные, проходившие по этим процессам, либо отправлялись в ГУЛАГ, либо приговаривались к расстрелу. Странная метаморфоза случилась с И. Надем: большевик и агент ОГПУ, деятельный член Коминтерна, «человек с довольно-таки туманной биографией» превратился в «последовательного борца со сталинизмом», «сторонника демократии и коренного обновления социализма»[34]. Однако Имре Надь ничего не мог противопоставить тому движению, которое не было объединено ни общей дисциплиной, ни единым руководством, но которое питалось враждой к существующему порядку вещей. В Венгрии назревала кровавая драма.

…С начала октября вызовы командующего ВДВ В. Ф. Маргелова в Генеральный штаб стали почти ежедневными. Обстановка в Венгрии накалялась, но в сложных политических маневрах последнее слово оставалось за высшим руководством страны. А оно ошибочно полагало, что сил Особого корпуса вполне хватит для наведения порядка в Будапеште. У Генерального штаба имелось особое мнение – уже 19 октября В. Ф. Маргелов получил указание: «Части 31-й и 7-й гвардейских воздушно-десантных дивизий привести в повышенную боевую готовность в гарнизонах». 31-я дивизия располагалась в Киевском военном округе, в Новоград-Волынском и Александрии, 7-я – вблизи Каунаса. 20 октября два полка 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии – 80-й и 108-й и два полка 31-й гвардейской воздушно-десантной дивизии – 114-й и 381-й были подняты по боевой тревоге. Вариант десантирования частей не рассматривался, и командующий ВДВ избрал комбинированный

способ выхода полков в районы сосредоточения.

108-й гвардейский парашютно-десантный полк на самолетах Ил-12 и Ли-2 перебрасывался в Венгрию по воздуху с задачей захватить аэродром Текель. 80-й гвардейский парашютно-десантный полк двигался по железной дороге. Конечная точка маршрута – станция Берегово, от которой до Будапешта четыреста километров. Это расстояние предполагалось преодолеть своим ходом.

114-й гвардейский парашютно-десантный полк погрузился в самолеты на львовском аэродроме. 381-й гвардейский парашютно-десантный полк должен был взлетать с аэродрома близ города Хмельницкий.

В то время, когда шло сосредоточение воздушно-десантных частей в исходные районы для десантирования, накаленная обстановка в венгерской столице вырвалась из-под контроля. Началось со свержения памятника И. В. Сталину и штурма радиокомитета. Бронзовый гигант был повержен, а вот охрана административного здания оказала сопротивление. Пролилась первая кровь. Поздно вечером 23 октября Президиум ЦК КПСС отдает распоряжение начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил СССР маршалу В. Д. Соколовскому ввести танковые части Особого корпуса в Будапешт. Одновременно границы Венгрии пересекли моторизованная дивизия, расквартированная в Румынии, и две дивизии Прикарпатского военного округа.

Очевидец этого события, начальник оперативного отдела Особого корпуса полковник Е. И. Малашенко вспоминал: «23 октября 1956 года в 15 часов (в Будапеште. – Á. Е.) началась демонстрация. В ней участвовали десятки тысяч человек. Ее участники скандировали лозунги, требуя восстановления венгерской национальной эмблемы и старого венгерского национального праздника, отмены военного обучения и уроков русского языка, проведения свободных выборов и вывода из страны советских войск. Прикрываясь настроением ослепленных, взбудораженных людских масс, на арену выступили вооруженные отряды и группы».

24 октября премьер-министром венгерского правительства стал Имре Надь, а в три часа ночи по среднеевропейскому времени в Будапешт вошли танки, получившие приказ огня не открывать. Советские воины ценой немалых потерь поставили под охрану важнейшие объекты венгерской столицы: Здание ВПТ, парламент, вокзалы, мосты через Дунай, главпочтамт. Сил для таких действий было явно недостаточно, а венгерские военные и органы правопорядка бездействовали, более того, без всякого

сопротивления сдавали оружие и боеприпасы повстанцам. Имели место случаи перехода целых частей на сторону «контрреволюционеров». В венгерском министерстве обороны царили нервозность и неразбериха. Начальник Генерального штаба венгерской армии Бела Кирай, бывший хортистский офицер и командир еврейской штрафроты, переметнулся на сторону восставших, встал во главе «Национальной гвардии» и взял на себя обязанности военного коменданта Будапешта.

Советское правительство, в надежде, что И. Надю удастся обуздать стихию, решило проявить политическую гибкость и дало распоряжение на отвод войск Особого корпуса в места постоянной дислокации. 29 и 30 октября на улицах Будапешта не осталось ни одного советского танка и бронетранспортера. И вот тут-то «борцы за демократию» вовсю проявили свой норов. Оголтелые толпы, в которые влились повылазившие из подполья хортисты и выпущенные на свободу уголовники, чинили зверские расправы над людьми, чья вина состояла лишь в том, что они являлись коммунистами, работниками, служившими в органах безопасности и правопорядка, носили форму солдат венгерской армии, не пожелавших изменить присяге. По так называемому «Суду народа» запылал Национальный музей – сокровищница венгерской культуры, в начале ноября рухнула наземь статуя Свободы, кувалды вандалов прошлись по памятнику, стоявшему на горе Геллерт.

Интерес в этой связи представляет заметка в австрийской газете «Österreichische Volksstimme» («Голос австрийского народа»), в которой говорилось о том, что так называемая «венгерская канцелярия», расположенная в американской зоне оккупации в Зальцбурге, «работает на полный ход и через австрийскую границу, словно вороны, летят сотни шаров, начиненных подстрекательскими листовками с призывами установить западную демократию». Далее в заметке говорилось: «Почти непрерывно с австрийских аэродромов в Будапешт отправляются самолеты. Наблюдатели могли убедиться в том, что в Венгрию переправляются сотни бывших венгерских военнопленных, офицеры армии Хорти, сотни офицеров и солдат, служивших в гитлеровской армии». От себя добавим: и пронизанных жгучей ненавистью к советскому строю, к армии-победительнице, реванш над которой был «голубой мечтой» недобитков всех оттенков и мастей.

В. Ф. Маргелов не находил себе места в Москве. Однако главком Сухопутных войск маршал И. С. Конев, по совместительству командовавший войсками Варшавского договора, вежливо сдержал порыв боевого генерала. Не убедили

Конева и слова командующего ВДВ о том, что однажды ему уже приходилось брать Будапешт: «Ты нужнее здесь! Что последует за Венгрией – неизвестно».

Мирный путь решения венгерской проблемы после того, как И. Надь отменил 31 октября действие комендантского часа и в Будапеште рабочие советы заявили, что не приступят к работе, пока не будет полного и немедленного удовлетворения всех их требований, оказался зыбким. Выступление И. Надя по радио и вовсе сделало его эфемерным. Повстанцам был дан карт-бланш, и очередной прилив «демократии» кровавой волной прокатился по городам и весям Венгрии. «Выбора у нас другого нет», – заявил 31 октября на заседании Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущев и поручил министру обороны СССР Г. К. Жукову «разработать соответствующий план мероприятий». Подготовленный в Генштабе план получил название «Волна». Тем временем уже не управляемый из Кремля венгерский премьер-министр преподнес очередной сюрприз. В ноте, врученной послу СССР в Венгрии Ю. В. Андропову, сообщалось, что Венгрия выходит из Варшавского договора, становится нейтральным государством и советским войскам на ее территории делать нечего. Это лишь ускорило развитие событий.

1 ноября командующий ВДВ В. Ф. Маргелов отдал приказ «на взлет» и транспортные самолеты взяли курс на Венгрию – Текель и Веспрем, а 80-й гвардейский полк двинулся походной колонной к Будапешту. Все части поступали в распоряжение командующего Особым корпусом генерал-лейтенанта Н. Н. Лащенко. Саму же операцию, получившую название «Вихрь», возглавлял маршал Советского Союза И. С. Конев, командный пункт которого находится в городе Сольнок.

Части 7-й и 31-й гвардейской дивизии обрушились с неба на землю – на венгерские подразделения, прикрывавшие аэродромы Текель и Веспрем, и после скоротечной схватки обеспечили бесперебойную посадку самолетов военно-транспортной авиации. На аэродром Текель, куда сходились не только военные нити, но и нити политического решения венгерского кризиса, переместился штаб Особого корпуса. Янош Кадар, выйдя из правительства Имре Надя, начал группировать вокруг себя людей, которые взяли ответственность за судьбу Венгрии и обратились к командованию советских войск с просьбой помочь «разбить черные силы реакции и контрреволюции, возродить народный социалистический строй, восстановить порядок и спокойствие в стране».

Не сидели сложа руки и путчисты. Вокруг Будапешта был создан оборонительный пояс, усиленный сотнями зенитных

орудий, поставленных на прямую наводку. В пригородах и районах венгерской столицы были расположены небольшие гарнизоны, в составе которых имелись танки и артиллерия. Численность венгерских частей в Будапеште достигала 50 тысяч солдат, более 10 тысяч человек входило в отряды «Национальной гвардии» и дружины.

Три дня в подразделениях десантников и частей шла боевая учеба. Ведь им предстояло действовать в двухмиллионном незнакомом городе. И тут на помощь пришел боевой опыт участников Великой Отечественной войны, а они имелись почти во всех звеньях от роты до полка. Для захвата важнейших объектов были созданы штурмовые отряды в составе армейского батальона, ста пятидесяти десантников на бронетранспортерах и танках. В этих отрядах находились ответственные работники Комитета государственной безопасности, в задачу которых входил захват членов правительства Имре Надя и его приближенных, а также руководителей восстания. Готовность к действиям – к исходу 3 ноября, начало операции – по сигналу «Гром».

…Маргелов практически не покидал своего служебного кабинета. Уж он-то доподлинно знал, что значит вести уличные бои, когда с превеликим трудом можно определить, где укрылся противник. В том, что венгры будут сражаться с ожесточением, Маргелов сомнений не имел. А вот как проявят себя десантники? К сожалению командующего, Генштаб дозировал информацию. Ну а страна уж тем более пребывала в полном неведении о происходящем в Венгрии.

«Правда» от 1 ноября 1956 года: «С 31 октября на 1 ноября в Будапеште было тихо. Радио сообщило о нескольких бандитских налетах и ограблениях, совершенных лицами, впущенными из тюрем».

«Правда» от 2 ноября 1956 года: «Трудящиеся Венгрии не одиноки в своей борьбе за социализм. Китай, Польша, Чехословакия, ГДР, Румыния, Болгария проявляют сочувствие и моральную поддержку».

«Правда» от 4 ноября 1956 года: «Сегодня силы реакционного заговора против народно-демократического строя Венгрии сокрушены. Образовано новое Венгерское Революционное Рабоче-Крестьянское правительство во главе с Яношем Кадаром, которое выступило с обращением к венгерскому народу. Все банды успешно подавлялись и капитулировали».

«Правда» от 7 ноября 1956 года: «Положение в стране с каждым часом принимает все более нормальный характер. Спокойствие царит как в столице, так и в большинстве районов

провинции».

В этот день отмечалась очередная годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Накануне по обыкновению прошло торжественное собрание, на котором произнес традиционную речь М. А. Суслов, а утром на Красной площади состоялся военный парад. Лица партийных и государственных лидеров выглядели усталыми и выражали явное беспокойство.

Впрочем, как всегда, праздничные газеты рапортовали о трудовых свершениях и, по традиции, публиковали торжественные вирши. Среди военных поэтов отличился гвардии капитан Тютиков:

Когда мы идем в походы,
Когда рубежи берем,
Доносится нам сквозь годы
Пушек «Авроры» гром.
……
Слышится, будто рядом,
К штурму зовущий клич…
Смело ломать преграды
Нас научил Ильич.

Но были и другие стихи. До боли правдиво звучат строчки, написанные поэтом И. Рассихиным по следам венгерских событий:

Седьмого ноября в Москве парад,
Эффектны войск могучие колонны,
А в Будапеште – настоящий ад!
Здесь истекают кровью батальоны.

Полное умолчание о боевых действиях в Будапеште и других венгерских городах породило в стране массу слухов и домыслов. Родителям воинов, погибших на венгерской земле и похороненных вдалеке от Родины, категорически воспрещалось показывать похоронки и добиваться каких-либо льгот. По официальным данным, потери советских войск за время «оказания венгерскому народу интернациональной помощи» составили 720 человек убитыми и пропавшими без вести. В 7-й и 31-й гвардейских воздушно-десантных дивных недосчитались в своих рядах 85 человек убитыми, 12 – попавшими без вести, 265 – ранеными.

В. Ф. Маргелов недоумевал. В Венгрии силы советских войск по численности личного состава и техники были соизмеримы с теми, которые применялись во фронтовые времена Великой Отечественной войны. Но если в 1941–1945 годах боевые операции разрабатывались в строжайшей тайне (план «Волна» в этом отношении не являлся исключением), то победные результаты неизменно становились достоянием всего советского народа, вызывая у людей гордость за полководческий талант военачальников, за беспримерный героизм воинов.

3 ноября председатель КГБ И. А. Серов с группой сотрудников госбезопасности на аэродроме Текель арестовали венгерскую правительственную делегацию, в состав которой входили министр обороны Пал Малежер, начальник Генерального штаба Иштван Ковач, полковник Миклош Сточ и член правительства Имре Надя Ференц Эрдеш.

4 ноября Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора маршал И. В. Конев отдал приказ № 1. В нем говорилось:

«Товарищи солдаты и сержанты, офицеры и генералы! В конце октября в братской нам Венгрии силы реакции и контрреволюции подняли мятеж с целью уничтожить народно-демократический строй, ликвидировать революционные завоевания трудящихся и восстановить в ней старые помещичье-капиталистические порядки.

События показали, что активное участие в этой авантюре бывших хортистов ведет к возрождению в Венгрии фашизма и создает прямую угрозу нашему Отечеству и всему социалистическому лагерю. Нельзя забывать, что в минувшей войне Венгрия выступала против нашей Родины вместе с гитлеровской Германией.

В соответствии с просьбой правительства Венгерской Народной Республики, на основании заключенного между странами социалистического лагеря Варшавского договора, обязывающего нас принимать «согласованные меры, необходимые для укрепления их обороноспособности, с тем чтобы оградить мирный труд их народов, гарантировать неприкосновенность их границ и территорий и обеспечить защиту от возможной агрессии», советские войска приступили к выполнению союзнических обязательств.

Нет сомнения в том, что рабочий класс и трудовое крестьянство Венгерской Народной Республики поддержит нас в этой справедливой борьбе…

Приказываю:

Всему личному составу советских войск с полным сознанием

своего воинского долга проявить настойчивость и твердость в выполнении задач, поставленных командованием. Оказывать помощь местным органам власти в их деятельности по наведению общественного порядка на установление нормального образа жизни в стране.

Высоко держать честь и достоинство советского воина крепить братскую дружбу с трудящимися Венгрии, уважать их национальные традиции и обычаи.

Выражаю твердую уверенность, что солдаты, сержанты, офицеры и генералы советских войск с честью выполнят свой долг».

4 ноября в 6 часов утра в части поступил сигнал «Гром» и начался штурм Будапешта. Генерал Бела Кирай руководил обороной венгерской столицы с горы Яноша. В тот же день Имре Надь и его ближайшие сподвижники покинули парламент и укрылись в посольстве Югославии. Перед этим глава венгерского правительства заявил, что «он находится на своем месте».

Информация Г. К. Жукова о положении в Венгрии по состоянию на 12:00 4 ноября 1956 года: «Советские войска… овладели основными опорными пунктами реакции в провинциях Дьер, Мишкольц, Дьендьеш, Дебрецен… Захватили радиостанцию в городе Сольнок… склады боеприпасов и оружие, сломив сопротивление мятежников, заняли здание парламента, ЦК ВПТ, 3 моста через Дунай… Весь состав контрреволюционного правительства Имре Надя скрылся, ведутся поиски».

К вечеру мятежники сосредоточили значительные силы в центре города в районе площади Москвы, кинотеатра «Корвин» и Королевской крепости и в кварталах, прилегающих к горе Геллерт. Попытки частей 128-й гвардейской стрелковой дивизии овладеть этими объектами успеха не имели. И. С. Конев усилил Особый корпус двумя танковыми полками, 80-м и 381-м гвардейскими парашютно-десантными полками. Весь день десантники вели тяжелые бои. О накале их свидетельствует такой эпизод. Казарма «Киллиана» была центром обороны, на котором каждый этаж приходилось брать штурмом. Целый день взвод десантников под командованием старшего лейтенанта И. Ящика, отрезанный от основных сил, вел неравный бой. Вот одно из донесений комвзвода. «4.11.56. 21.00. Десантники дрались по-гвардейски. Если погибнем, считайте верными сынами Родины. Осталось 10 человек, которые могут вести бой… Не сойдем с места, пока не выполним приказ».

Могли ли что-нибудь вразумительное противопоставить отваге и мужеству десантников венгры? Не унижая противника, скажем, что шансов у него не было. К слову, венгры не особенно

щепетильны в выборе средств обороны, «венгерские фрицы», по образному выражению, зародившемуся во время боев в Будапеште, насильно заставляли женщин и детей «маячить» в окнах. Из-за такого живого щита и вели огонь снайперы и гранатометчики.

В 15:00 5 ноября по району улиц Юллии и переулка Корвин был нанесен мощный артиллерийский удар. Обстрел по оборонительным позициям венгров вели 11 артиллерийских дивизионов, имевших в своем составе 170 орудий и минометов. Думалось, после такого шквала огня сопротивление повстанцев будет сломлено. Но когда в атаку пошли десантники, которыми командовал гвардии капитан Н. И. Харламов, казармы ожили и обдали гвардейцев ливнем свинца.

Участник Великой Отечественной войны, командир 3-й роты 108-го гвардейского парашютно-десантного полка, казалось бы, попал в безвыходное положение. Рота изрядно поредела, было много раненых, боеприпасы на исходе, и, видимо, почувствовав, что помощи гвардейцам ждать неоткуда, мятежники предложили десантникам сдаться. Последовал ответ в непечатных выражениях. К счастью, на выручку пришли танкисты из 33-й механизированной дивизии, и сопротивление засевшего в казармах противника было подавлено.

6 ноября десантникам предстояло взять кинотеатр «Корвин». Штурм его начался с мощного артналета, который лишил сопротивлявшихся всех противотанковых средств. Но сдаваться засевшие в кинотеатре и прилегавших к нему зданиям не собирались. Гвардейцы, уже имевшие подобный опыт, «выкуривали» венгров из каждой щели, из каждого укрытия. Выстрел орудия, рывок вперед в образовавшуюся брешь, бросок ручной гранаты, автоматная очередь. Порой дело доходило и до рукопашной. К вечеру 7 ноября в кинотеатре «Корвин» раздавались лишь одиночные выстрелы.

В это время подразделения 381-го гвардейского парашютно-десантного полка, усиленные танками, вели бои на подступах к Университетскому городку. Участник венгерских событий полковник Е. И. Малашенко вспоминал: «7 ноября, в день годовщины Октябрьской революции на улицах Будапешта продолжались бои. Части дивизии генерала Г. И. Обатурова уничтожали вооруженные группы в центре города, к югу от улицы Ракоци и овладели радиостанцией «Кошут»… Подразделения 321-го гв. пдп получили задачу овладеть казармами Петефи… 100-й гвардейский танковый и 80-й гвардейский парашютно-десантный полки завершили очистку кварталов в треугольнике улиц Фиумэ, Непсинхаз, Ракоци… Мне пришлось ставить задачи и

организовывать взаимодействие десантников и танкистов… Десантники стремительно врывались в дома, откуда вооруженные группы вели огонь, и решительными действиями очищали их, уничтожая или разоружая повстанцев».

9 ноября главный очаг сопротивления повстанцев находился в районе промышленного района Чепель. Десантники 80-го гвардейского полка и танкисты продолжали освобождать от вооруженных групп пригороды Кишпешт, Петтсентлеринц… В тот же день Бела Кирай бежал из Венгрии. Спустя некоторое время он объявился в США, где подвизался преподавателем в военной академии.

11 ноября вооруженное сопротивление было сломлено не только в Будапеште, где создавалась сеть военных комендатур, но и на всей территории Венгрии.

12 ноября операция «Вихрь» подошла к концу, остатки вооруженных отрядов ушли в подполье, но политическая борьба вокруг венгерских событий не стихала.

В конце ноября части 31-й и 7-й гвардейских воздушно-десантных дивизий сосредоточились на аэродромах Текель и Веспрем, куда один за другим прибывали самолеты с медикаментами и продовольствием для жителей венгерской столицы. Шли в Будапешт и эшелоны со строительными материалами, сырьем, топливом для промышленности – «безвозмездная братская помощь».

22 ноября в 18.30 у посольства Югославии в Будапеште выстроились легковые автомобили и небольшой автобус, в котором разместились Имре Надь и члены его правительства, югославские дипломаты и несколько советских офицеров. У комендатуры старший из них, подполковник, предложил югославам покинуть автобус. Не успели опешившие дипломаты и рта раскрыть, как автобус был взят в «тиски» бронетранспортерами, и «кортеж» скрылся в неизвестном направлении. Председатель КГБ Серов докладывал в ЦК, что «И. Надь и его группа арестованы, доставлены в Румынию и находятся под надежною охраной».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1956 года, где перечислялись имена и фамилии героев, для печати не предназначался. Война называлась «оказанием братской помощи», боевые действия – «выполнением интернационального долга», в счет не шли ни раны, ни увечья полученные воинами в Венгрии, отвергалось даже сравнение их подвигов с подвигами воинов Красной Армии в Великой Отечественной войне. А ведь участники венгерских событий не посрамили славы отцов, поставивших победную точку в Берлине. Приведем, к примеру,

текст представления к Званию Героя Советского Союза командира роты 114-го гвардейского парашютно-десантного полка гвардии старшего лейтенанта Зиннукова Михаила Семеновича:

«Тов. М. С. Зиннуков в бою 4 ноября 1956 года проявил личное геройство. Ворвавшись в здание студенческого общежития, огнем обеспечил успешное движение батальона. Отрезанный от батальона в группе из 7 человек, мужественно в течение часа отбивал попытки мятежников овладеть частью здания, обороняемой его группой, уничтожив при этом 20 мятежников. Четыре раза был ранен. Но не покинул поля боя до тех пор, пока не прибыло подкрепление. От потери крови тов. Зиннуков умер».

Подписывая представление на командира роты, Василий Филиппович Маргелов долго не мог вывести тяжкое слово «посмертно». Кроме этого представления на его столе лежали еще два подобных: на старшего лейтенанта П. Г. Волокитина и старшего лейтенанта Н. В. Муравлева. А вот подпись под представлением капитана Н. А. Харламова к Звезде Героя командующий ВДВ поставил с превеликой радостью. Гвардейцы Харламова – истинная гордость командующего. Тридцать человек из них были награждены медалью «За отвагу», один – орденом Славы III степени. На погонах кителей других отважных командиров-десантников заблестели ордена Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды.

Вручение орденов и медалей происходило в штабе Воздушно-десантных войск, в довольно скромной обстановке. Стопка коробочек с правительственными наградами уменьшалась и, наконец, осталась одна, главная. Что припомнилось командующему ВДВ в тот миг? Возможно, крепкое рукопожатие Р. Я. Малиновского, вручившего ему в свое время высшую награду Родины. Когда начштаба объявил фамилию «Харламов» и зачитал Указ, командующий нарушил ритуал награждения: сначала обнял капитана, а потом под аплодисменты вручил ему Золотую Звезду Героя и орден Ленина.

Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай

Весна 1945 года была бурной и вселяла в сердца надежду на скорую победу. Однако каждый шаг на пути к ней по-прежнему давался неимоверным напряжением сил, солдатским потом и кровью. 49-ю гвардейскую Херсонскую дивизию командарм поставил на стык границы Венгрии и Австрии. Ставка, назвав наступательную операцию 2-го и 3-го Украинских фронтов «Венской», отчетливо сознавала, сколь тяжким будет взятие столицы Австрии. Ведь немцы в течение десяти месяцев беспрерывно вели оборонительные работы, привлекая к ним тысячи военнопленных. В результате советские дивизии имели перед собой целых три оборонительных полосы, нашпигованные железобетонными оборонительными сооружениями, опоясанные несколькими рядами колючей проволоки. Вену обороняли восемь танковых, одна пехотная дивизия и до пятнадцати отдельных батальонов пехоты и батальонов фольксштурма. Но, имея уже за плечами богатый опыт прорыва укрепленных полос, В. Ф. Маргелов создал ударный кулак в составе 144-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал подполковник А. Г. Лубченко, и дивизиона штурмовых орудий Дунайской речной флотилии. Им противостояли части дивизии СС «Мертвая голова». Но и на берегах Дуная встреча с маргеловцами оказалась не в пользу эсэсовцев. Комдив на сей раз на передовую не лез, хотя желание быть в рядах атакующих так и подмывало его. И не потому он не отходил со своего КП, что существовал строгий приказ командарма, а потому, что прочно был уверен в подчиненных.

Преодолев, казалось бы, неприступную оборону немцев, дивизия, совершив маневр, с боем заняла город Вольфсталь и вместе с другими соединениями 46-й армии образовала северный пояс окружения Вены. Здесь, на подступах к австрийской столице, произошло знакомство В. Ф. Маргелова с десантниками. Соединения 39-го гвардейского стрелкового корпуса, который прежде именовался гвардейским воздушно-десантным, 7 апреля 1945 года вышли на окраину Вены, а 13 апреля положили конец сопротивлению фашистов. В приказе Верховного Главнокомандующего дивизиям, принимавшим участие в штурме столицы Австрии, им было присвоено наименование «Венских», а фамилия командира корпуса генерал-лейтенанта М. Ф. Тихонова звучала рядом с фамилией В. Ф. Маргелова, которому также была объявлена очередная сталинская благодарность.

Но пожалуй, наивысшей благодарностью для В. Ф. Маргелова

были слезы радости и улыбки на изможденных лицах советских людей, освобожденных его воинами из фашистской неволи. Быстрота, с которой продвигались маргеловцы вглубь Австрии, не позволила фашистским извергам привести в действие план поголовного уничтожения невольников. Не мог предположить тогда отважный комдив, что слова «военнопленный» и «заключенный концлагеря» словно клеймо предателя и пособника фашистов на долгие годы укрепятся за этими людьми, которые обрели долгожданную свободу в апреле 1945 года.

«Невелика Европа», – рассуждал В. Ф. Маргелов, когда его дивизию командарм опять круто развернул и направил в Чехословакию с задачей не допустить прорыва фашистов, готовых сложить оружие перед американцами. В ночь с 8 на 9 мая 1945 года, когда в Берлине шло подписание Акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, советские войска штурмовали Прагу, добивали остатки немецких гарнизонов. И тут выяснилось, что немцы особого желания сложить оружие перед победителями не испытывали.

10 мая в три часа дня Маргелову поступил доклад, что на окраине города Грейна, незадолго до этого освобожденного 49-й дивизией, появилась колонна американских танков. Возглавляла ее боевая машина командира 11-й дивизии генерала Деггера. Рукопожатия и объятия союзников были искренними. Искренними были и слова, произносимые на совместных застольях. Победа была общей, заслуженной. Генерал Деггер имел полномочия американского командования передать символическое знамя США советскому военачальнику, соединение которого первым выйдет на рубеж встречи союзных войск. Таким военачальником оказался комдив 49-й гвардейской Херсонской генерал-майор В. Ф. Маргелов. Но и это был не предел расположения американцев к истинным победителям, и на гимнастерке советского генерала рядом со Звездой Героя засиял орден «Легион Почета» и медаль «Бронзовая Звезда». Увы, наше командование явно оплошало: Маргелов чувствовал неловкость положения (ведь он был только комдивом) и на такой дружеский жест мог ответить только хлебосольством. Ну а оно у Василия Филипповича жило в крови.

12 мая как гром среди ясного неба прозвучал приказ: «Оседлать горные дороги, ведущие из Чехословакии в Австрию и не допустить прорыв немецких дивизий танкового корпуса СС “Мертвая голова”, “Великая Германия” и 1-й полицейской дивизии в зону ответственности американцев». Отпетым головорезам, оставившим кровавый след на территории СССР, терять, по сути, было нечего. Расплата за злодеяния была

неминуема, неизбежны были и новые жертвы. Целых три дня стояла непривычная для солдатского слуха тишина. Три дня с уст воевавших не сходило долгожданное слово «мир». И надо же, вновь в бой. Да еще в какой! С матерым врагом, с которым маргеловцам приходилось сражаться уже не раз. И Маргелов решился на отчаянный шаг. В логово фашистов он отправился в сопровождении начальника штаба полковника В. Ф. Шубина, начальника связи подполковника Д. М. Котляревского, отменно владевшего немецким языком, и нескольких офицеров. Прикрывала «операцию» рота старшего лейтенанта В. Я. Хомченко и батарея артполка старшего лейтенанта Е. П. Криницина.

– Установишь орудия на прямую наводку, – обратился к комбату Маргелов, – и если я через десять минут из штаба фашистов не выйду, дашь залп.

Маргелов оказался в ситуации, отдаленно напоминавшей ту, в которой он без боя разоружил целый полк польской пехоты. Здесь же случай был иной. К слову, за бескровную сдачу немцев в плен Маргелову была обещана вторая Звезда Героя. Но разве о ней думал в те минуты комдив! Упрутся немцы, и что тогда? Необычайно собран и грозен был Маргелов. И немцы дрогнули. Непривычно на лицах закоренелых вояк было видеть растерянность. Но угроза неминуемой смерти сработала. Ультиматум был таким: «К 4.00 утра – фронт на восток. Легкое вооружение: автоматы, пулеметы, винтовки – в штабеля, боеприпасы – рядом. Вторая линия – боевая техника, орудия и минометы – жерлами вниз. Солдаты и офицеры – строем на запад». Минуты, прошедшие со времени предъявления ультиматума, показались Маргелову целой вечностью. Не меньшее напряжение испытывали и его гвардейцы. Но прибывший парламентер рассеял сомнения. Картина капитуляции эсэсовцев действительно была впечатляющей. Уже позже, когда был произведен точный подсчет пленных и трофеев, оказалось, что цифры их таковы: генералов – 2, офицеров – 806, солдат и унтер-офицеров – 31 258, танков и САУ – 77, автомашин грузовых – 5874, легковых – 493, минометов – 46, пушек – 120, паровозов – 16, вагонов – 397.

Хлопот с пленными выпало немало: их надо было накормить и напоить, сдать в комендатуру, наладить охрану. Да и за нашими бойцами приходилось присматривать, чтобы удержать от жестокости. Грешным делом, Маргелова и самого иногда подмывало достать свой безотказный маузер…

Многие части возвращались на Родину пешим порядком. Не стала исключением и 49-я гвардейская Херсонская

Краснознаменная, ордена Суворова стрелковая дивизия. 17 июня торжественным маршем прошла дивизия по улицам Братиславы, затем приняла участие в параде советских войск в венгерском городе Дебрецен.

…30 июля из Москвы в румынский город Бакэу, который был определен местом постоянной дислокации дивизии, возвратился ее командир с офицерами и солдатами, принимавшими участие в Параде Победы. О том, как родилась идея его проведения, рассказывается в мемуарах Г. К. Жукова:

«В середине мая 1945 года И. В. Сталин приказал мне прибыть в Москву. Цели вызова я не знал, а спрашивать было неудобно… В кабинете были, кроме членов Государственного Комитета Обороны, нарком Военно-морского флота Н. Г. Кузнецов, А. И. Антонов, начальник тыла Красной Армии А. А. Хрулев.

…И. В. Сталин спросил: “Не следует ли нам в ознаменование победы над фашистской Германией провести Парад Победы и пригласить наиболее отличившихся героев – солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов?”

Эту идею все горячо поддержали и начали тут же вносить ряд практических предложений».

Обобщив их, начальник Генерального штаба А. И. Антонов подготовил необходимые расчеты и представил их Верховному Главнокомандующему. Решения выглядело таким: все фронты, начиная с Карельского, самого северного и заканчивая самым южным, 4-м Украинским фронтом, Военно-морской флот и Военно-воздушные силы должны были выставить на парад по одному сводному полку. Состав полков – Герои Советского Союза, кавалеры орденов Славы и наиболее отличившиеся в боях солдаты, сержанты и офицеры. Возглавлять полки должны были командующие фронтами.

В Братиславе В. Ф. Маргелов получил приказ командующего 2-м Украинским фронтом маршала Р. Я. Малиновского отобрать десяток гвардейцев, чьи ратные дела отмечены боевыми орденами, и прибыть вместе с ними в штаб фронта. Сияние Звезд Героев, блеска орденов и медалей слепило глаза. Сводный полк выглядел внушительно, однако со строевой выправкой дело обстояло неважно. Пришлось героям наверстывать на плацу. Пример показывал и сам командующий фронтом, на кителе которого красовались две Золотых Звезды. В начале июня 1945 года эшелон со Сводным полком 2-го Украинского фронта прибыл в Москву и без раскачки приступил к подготовке к Параду Победы. Испытывая особое расположение к комдиву 49-й гвардейской Херсонской дивизии, маршал Р. Я. Малиновский

поставил генерал-майора В. Ф. Маргелова в первом ряду Сводного полка. И не ошибся, хотя и знал прославленный полководец, что у боевого командира с десяток ран, побаливала и сломанная нога.

Боль отступила, когда раздались звуки оркестра и полк, держа равнение под боевыми знаменами, двинулся торжественным маршем. «Не подкачайте, орлы!» – просил подчиненных Р. Я. Малиновский, и «орлы» постарались на совесть. А вот погода явно подвела. На генеральной репетиции небо нахмурилось и заморосил дождь. Не прекращался он и 24 июня, в день, назначенный для проведения Парада. Накануне в Сводном полку зачитали приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина: «В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск действующей армии, Военно-морского флота и Московского гарнизона – Парад Победы… Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, командовать парадом Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому».

…Застыли в парадных строях полки, замерли знаменосцы, и никто не обращал внимания на надоедливый дождь, который, сколь ни старался, не испортил настроение у участников величественного и символического действа, путь к которому – четыре военных года. Генерал-майор В. Ф. Маргелов взглянул на часы на Спасской башне, до десяти оставалось минуты три-четыре. Прозвучала команда: «Парад, смирно!» – и на трибуну Мавзолея первым поднялся И. В. Сталин. Гул аплодисментов и радостных возгласов прокатился над Красной площадью. Еще бы! Вот человек, с именем которого на устах его гвардейцы шли в атаку, отбивали натиск фашистов, а у него самого целых двенадцать благодарностей от Сталина. Рядом с Верховным Главнокомандующим – «Всесоюзный староста», Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, подпись которого стояла под Грамотой Героя.

Но вот, наконец, забили куранты и полилась мелодия Глинки «Славься!». Маршалы Жуков и Рокоссовский совершили объезд войск. В могучее «Ура!» воины вкладывали всю силу легких, и раскатистое эхо, казалось, повисло в воздухе. Вслед ему раздался бой барабанов, и двести солдат бросили к подножию Мавзолея В. И. Ленина двести знамен поверженного врага. Сколь ни скоротечен был этот волнующий жест, но Маргелов отчетливо увидел фашистские знамена с символикой эсэсовских дивизий «Мертвая голова» и «Великая Германия». Эти трофеи принадлежали воинам 49-й гвардейской Херсонской дивизии.

…Соединение, едва обжив казармы в румынском городе Бакэу, вынуждено было вскоре покинуть их. Председатель коалиционного правительства демократических сил Румынии Петру Гроза нанес визит в Москву и упросил И. В. Сталина отменить решение о постоянной дислокации частей и соединений на территории страны. Доводы, приведенные П. Гроза: неурожаи последних лет, развал промышленности, неустроенность общества, – казались серьезными, но все же прямого отношения к делу не имели. Советские воины ни в одной стране не являлись нахлебниками. Как бы то ни было, дивизии пришлось вновь выстроиться в походную колонну. Конечной точкой маршрута стал Кишинев, в окрестностях которого и расположились части…

Под штаб комдив получил старинный дом, а сам с Анной Александровной занял «благоустроенную» землянку, отрытую дивизионными саперами. Не хоромы, конечно, однако не протекает, да и молдавский климат не сравнить с финским и ленинградским. В этой походной обстановке 21 октября 1945 года появились на свет близнецы – Александр и Василий.

Вероятно, во время пребывания в Москве, на Параде Победы, состоялся разговор, который в очередной раз изменил судьбу В. Ф. Маргелова. Маршал Р. Я. Малиновский отправлялся на Дальний Восток, где в скором времени начались боевые действия против Японии. Однако нашел-таки он время и написал рекомендацию, по которой Герой Советского Союза генерал-майор В. Ф. Маргелов мог беспрепятственно поступать в Высшую военную академию имени К. Е. Ворошилова, как в то время называлась Академия Генерального штаба.

Новое назначение

Николай I был, пожалуй, одним из немногих российских императоров, получивших в свое правление множество колких, обидных и зачастую несправедливых прозвищ. Одно из них – «Палкин» – характеризовало его военные дарования и систему, в которой доминировал аракчеевский принцип: «Двух забей, а третьего выучи». Но такое мнение о самодержце было далеко от действительности. И в том можно наглядно убедиться, прочитав указ о создании в Санкт-Петербурге «Центральный стратегической школы» и ее Устав, утвержденный императором, в котором как в капле воды отражается глубокий государственный подход к военному образованию. В основе его был заложен принцип «непоколебимой приверженности Престолу и Отечеству».

Отечество наше, ставшее в октябре 1917 года социалистическим, в вооруженной защите и преданных командирских кадрах нуждалось не менее, чем в дооктябрьский период. В. И. Ленин это прекрасно понимал, и вывеска на Николаевской академии Генерального штаба на Суворовском проспекте Петрограда красовалась аж до декабря 1918 года, пока в академии не произошел раскол преподавателей и питомцев, одни из которых стали на сторону «белых», другие перешли к «красным».

4 декабря 1918 года в Москве Председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий и председатель ВЦИК Я. М. Свердлов торжественно открыли военную академию Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В таком качестве академия благополучно просуществовала до 5 августа 1921 года. С той даты она стала именоваться Военной академией РККА (с 1925 года – имени М. В. Фрунзе). К 1936 году со всей очевидностью стало ясно, что никакие высшие курсы и факультеты не способны удовлетворять потребности РККА в командирах высшего командного звена. 1 ноября 1936 года в Академии Генерального штаба Красной Армии начались занятия, и с тех пор, несмотря на смену адресов, она верой и правдой служила военной науке. В 1941 году на знамени академии вместо слов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» появился лозунг: «Смерть немецким оккупантам!», а само высшее военно-учебное заведение стало именоваться «Высшая военная академия имени К.Е. Ворошилова». 4 мая 1945 года на ее знамени появился орден Суворова I степени.

С каким чувством переступил генерал-майор В. Ф. Маргелов

порог прославленного учебного заведения? Можно предположить, что имея за плечами богатейший боевой опыт, Герой Советского Союза все же реально оценивал свою теоретическую подготовку. По сути, он перешагнул через важную ступень в образовании, которую давала академия имени М. В. Фрунзе, и с первых дней учебы вынужден был наверстывать этот пробел.

В 1946 году академия впервые перешла на двухгодичный срок обучения, по завершении которого офицеры и генералы должны были уметь управлять соединениями и объединениями от корпуса и выше, работать в оперативно-тактическом звене.

В годы учебы В. Ф. Маргелова в Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова ее возглавлял Герой Советского Союза генерал армии М. В. Захаров. Пути Маргелова и Захарова уже пересеклись – в Белорусском военном округе. Матвей Васильевич был выходцем из крестьян Тверской губернии. Петроградский рабочий, он стал с первых дней Октябрьской революции преданным защитником ее завоеваний. Обладавший недюжинной природной сметкой, Захаров в 1919 году одним из первых был направлен командованием РККА в Высшую школу штабной службы, учеба в которой во многом определила будущее краскома. В школе преподавали военспецы из бывшего Генерального штаба русской армии, а у них было чему поучиться.

Ко времени поступления Маргелова в академию за плечами Захарова были уже академия имени М. В. Фрунзе и Академия Генштаба, а в годы Великой Отечественной войны в качестве начальника штаба армий и нескольких фронтов он принимал участие в разработке крупных наступательных операций. Утверждая М. В. Захарова на должность начальника академии, народный комиссар обороны И. В. Сталин подписал 30 января 1946 года примечательный приказ. В нем говорилось:

«Генералы и офицеры, окончившие высшую военную академию должны:

а) хорошо знать основы боя корпуса, технику и тактику родов войск и уметь организовывать взаимодействие всех сил и средств корпуса в бою;

б) изучить организацию и проведение армейской операции, уметь применять в ней артиллерийские, танковые авиационные соединения и материально обеспечивать операцию;

в) изучить решающие операции Великой Отечественной войны, этапы развития военного искусства;

г) знать организацию, тактику и оперативное искусство иностранных армий;

д) знать основы оперативной подготовки приграничного округа к войне и основы отмобилизования военных округов;

е) совершенствовать знания одного из иностранных языков…»

Как следует из документа, упор в обучении слушателей был направлен на глубокое изучение и обобщение опыта минувшей войны, на широкомасштабное мышление военачальников. В приказе привлекают внимание два пункта. Кого в ходе учебы предлагалось рассматривать в качестве вероятного противника? И почему только приграничные округа должны были стать базовыми в разработке оперативно-мобилизационных мероприятий на случай военного столкновения? Ответы были обусловлены прежде всего коренным изменением во взаимоотношениях бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Об организации, стратегии и тактике вооруженных сил США и Англии известно было очень немного. И вовсе не случайно, что в названии кафедры «Вооруженных сил иностранных государств», которую в 1945–1947 годах возглавлял генерал-майор П. Н. Рубцов, спустя некоторое время добавились слова: «и разведки». В 1946 году на горизонте замаячила угроза ядерной войны, что коренным образом меняло представление о характере возможных военных столкновений.

1 февраля 1946 года В. Ф. Маргелов сел за академическую парту.

Академия тогда находилась на Кропоткинской улице, но спустя два месяца ее перевели в здание бывшего военно-политического училища им. В. И. Ленина, которое располагалось в 5-м Донском проезде. Слушатели же вместе с семьями размещались в тесных, разделенных фанерными перегородками каморках Чернышевских казарм. По длинному коридору с утра до вечера с гвалтом носились «эскадроны красных конников», которым «сестры милосердия» перевязывали раны. Тут же, на общей кухне готовились незатейливые завтраки и обеды. Людской муравейник по вечерам затихал – это было время, когда главы семейств готовились к занятиям.

В группе, в которой учился В. Ф. Маргелов, было 12 человек. Все – офицеры и генералы с изрядным боевым опытом и собственными взглядами на события Великой Отечественной войны. Однако ошибки и просчеты Верховного Главнокомандования если и обсуждались слушателями, то с великой осторожностью. К тому же не стоит забывать, что целый сонм историков и военных ученых без устали трудился над образом «гениального стратега» генералиссимуса И. В. Сталина, непогрешимого в своих взглядах и решениях, которые привели к Великой Победе. Они-то и оставили последующим исследователям немало недомолвок и «белых пятен».

В образовательную программу будущих командиров корпусов

и армий входил целый ряд наук, предназначение которых в формировании личности военачальника неоспоримо. Управлять огромными массами войск, насыщенных вооружением и техникой, невозможно без оперативно-стратегического кругозора, без знания тактики высших соединений, без глубокого осмысления военной истории. Во время учебы В. Ф. Маргелова «идеологическая подкованность» слушателей определялась знанием марксистско-ленинской философии. Среди множества учебных предметов В. Ф. Маргелов выделял курс стратегии, кафедру которой возглавлял генерал-лейтенант Е. А. Шиловский. Чудом уцелевший в армейской чистке 1937–1938 годов, доктор военных наук, профессор, он стремился, чтобы слушатели воспринимали само понятие «стратегия» не как нечто застывшее, неизменное, а умели проводить параллели: война и политика, научно-технический прогресс и вооружение, военная наука и способы вооруженной борьбы. Очень многое почерпнул у видного ученого Василий Филиппович и, уже будучи командующим Воздушно-десантными войсками, ставшими стратегическим родом войск, добивался от штаба не только тщательной разработки операции, но и увязки ее с политической обстановкой, с оперативными возможностями собственных и приданных сил.

Не следует полагать, что академия растила кабинетных теоретиков, оторванных от процессов, происходивших в Вооруженных Силах СССР. Генеральный штаб неизменно приглашал «академиков» на командно-штабные игры, размах их заставлял напряженно работать воображение, принимать взвешенные решения, иногда идти на оправданный риск. Ежегодно слушатели на целый месяц отправлялись в Ленинградский военный округ, где принимал деятельное участие в разработке планов крупных учений, в которых назначались либо посредниками, либо помощниками командиров корпусов, начальников штабов армий. Для Маргелова это время было особенно плодотворным. Ведь с Ленинградом его связывали теплые воспоминания о фронтовых друзьях, месяцы нечеловеческого напряжения, горечь потерь и непоколебимая вера в победу. Город вновь ожил и поднимался из руин, а афиши театров зазывали зрителей на премьеры. Ну как тут устоять!

Искренне влюбленный в театр, Василий Филиппович с завистью глядел на завсегдатаев. Стать театралом не позволяла занятость по службе. Но как только появлялось «окно» в жестком распорядке, всей семьей отправлялись на спектакль. Не зря назначение в Ленинградский военный округ многие выпускники академии расценивали как подарок судьбы. Мечтал об этом и Маргелов.

Невольно складывается впечатление, что выпускные аттестации слушателей военной академии написаны словно под копирку. Не балует глубиной и характеристика генерал-майора В. Ф. Маргелова: «Тов. Маргелов, дисциплинированный, волевой, решительный и в строевом отношении хорошо подготовленный генерал. Обладает усидчивостью и напористостью в работе. Здоров. Политически и морально устойчив. Скромный в быту и хороший товарищ. Принимал активное участие в партийно-коммунистической жизни курса. Неоднократно делал доклады по предприятиям города Москвы с хорошей оценкой слушателей». Выводы: «Достоин занятия должности командира стрелковой дивизии или заместителя начальника штаба армии».

Случаи, когда «академики» после окончания обучения направлялись на прежние должности, были единичны. Как правило, генералы уходили на повышение. Маргелов не составлял исключение, и генерал-лейтенантская должность была ему обеспечена. Но дело приняло неожиданный оборот. При разработке перспектив дальнейшего укрепления и развития Вооруженных Сил страны, когда в Минобороны речь зашла о Воздушно-десантных войсках, выяснилось, что вся система их подготовки держится либо на боевом опыте командиров, либо на энтузиазме. Единственное военно-учебное заведение, в котором по-настоящему готовили офицеров-десантников, перебравшись из Куйбышева в подмосковное Нахабино, в конце 1943 года прекратило свое существование. Курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС) ВДВ, обосновавшиеся в Рыбинске, лишь в малой степени возмещали потребности войск в квалифицированных кадрах. Воздушно-десантное училище в городе Фрунзе (ныне Бишкек), образованное в 1946 году, а затем переведенное в Алма-Ату[35], по сути, латало дыры в нижнем и среднем офицерском звене. Академическая наука о применении воздушных десантов с тридцатых годов не сдвинулась с мертвой точки.

Вопрос укрепления высшего командного звена ВДВ офицерами и генералами, которые закончили Общевойсковую академию имени М. И. Фрунзе и Высшую военную академию имени К. Е. Ворошилова, со всей очевидностью встал на повестку дня. Офицеры из Главного управления кадров Вооруженных Сил засели за личные дела выпускников названных академий и исподволь принялись «прощупывать» их настроение. Конечно, на первом плане были показатели здоровья – ведь к десантникам того времени предъявлялись такие же требования, как и к летно-подъемному составу.

В уже известной нам выпускной аттестации генерал-майора

Маргелова чьей-то рукой жирно подчеркнуто красным карандашом слово «здоров». На фотографии, сделанной в сентябре 1945 года в болгарском городе Силистра, на гимнастерке комдива 49-й гвардейской Херсонской видны три нашивки: две – обозначающие легкие равнения и одна – свидетельствующая о тяжелом ранении. Куда же подевались остальные ранения? Нет о них упоминания и в личном деле командующего ВДВ. Тут необходимо знать, что представляла собой полевая медицина. Медсанбат о ранениях и уж тем более о контузиях справок не давал. Либо в строй, либо – в госпиталь. Третьего не дано. На госпитальных койках В. Ф. Маргелов не любил залеживаться, да и богатырский организм быстро восстанавливал силы. Вот почему неизвестный нам кадровик и сделал отметку, которая предопределила назначение выпускника.

…В марте 1947 года министром Вооруженных Сил СССР стал Николай Александрович Булганин. Неожиданно для себя, впрочем, как и для всей Советской Армии. Боевых заслуг, равных тем, что имели выдающиеся полководцы Великой Отечественной войны Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, И. Х. Баграмян и другие, он не имел, да и в его облик явно не соответствовал маршальскому. Многие годы Н. А. Булганин возглавлял крупный завод в Москве, затем трудился на посту председателя Московского Совета депутатов трудящихся, а затем в 1937 году занял кресло председателя Совета народных комиссаров РСФСР и одновременно возглавлял Правление Государственного банка СССР. Во время войны Булганин надел шинель с генеральскими знаками различия и занимал поочередно должности члена военных советов Западного, 2-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов.

Незадолго до выпуска из академии Маргелова пригласил военный министр. Н. А. Булганин говорил о Воздушно-десантных войсках так, словно долгие годы был с парашютом на «ты», совершал рейды по тылам противника, а в конце присовокупил, что И. В. Сталин придает большое значение развитию этого сравнительно молодого рода войск. С этой целью и принято решение об укреплении их офицерами и генералами, известными не только своей отвагой и мужеством, но и обладающими военными знаниями.

Что думалось В. Ф. Маргелову, когда военный министр, блистая красноречием, уговаривал боевого генерала, «кандидата в ВДВ», согласиться с назначением? Он имел полное право дать отказ, сославшись на раны, годы, отсутствие опыта и прочее. Он понимал, что придется начинать с нуля и как новичку постигать мудреную десантную науку. Но он знал и другое: есть в этом роде

войск особая притягательность, дерзость, прочная мужская спайка. Знал и то, что фронтовой лозунг «Сам погибай, а товарища выручай» – для десантника не просто слова, а жизненный принцип, в действии которого он убедился, сражаясь бок о бок с гвардейцами в Венгрии.

В. Ф. Маргелов дал согласие на назначение командиром 76-й гвардейской воздушно-десантной Черниговской дивизии, и 30 апреля 1948 года приказ о его назначении был подписан министром Вооруженных Сил СССР.

После окончания академии полагался отпуск, и будущий комдив использовал его своеобразно. Он засел за литературу, в которой были сведения об истории парашютизма. И здесь его ждало разочарование. Имя «врага народа» М. Н. Тухачевского, одного из разработчиков Полевого устава РККА, в котором были заложены основы применения воздушно-десантных частей, и соавтора реферата «Действия воздушного десанта в наступательной операции» категорически запрещалось упоминать, а его труды были преданы забвению. Немного могли дать Маргелову брошюрки ДОСААФ или книжка А. А. Белоусова «Воздушные десанты и борьба с ними», выпущенная в 1942 году. Более полезными оказались «Руководство по применению воздушно-десантных войск» и «Инструкция по транспортировке грузов и бойцов на самолетах ВВС Красной Армии и Гражданского Флота». Вышли они в свет незадолго до войны. Как видим, обилием и разнообразием литература о ВДВ в то время не баловала. Хотя Воздушно-десантные войска накопили к тому времени значительный боевой опыт.

Что такое ВДВ

Парашют – слово, вобравшее в себя греческие и латинские корни, в буквальном смысле означающее «предотвратить падение». Идею «устройства для торможения объекта движущегося в воздушной среде» сформулировал еще в 1495 году Леонардо да Винчи. Но летательные аппараты появились в воздухе многие столетия спустя, и осуществляли помыслы великого ученого лишь смельчаки. Они экспериментировали с разными, немыслимыми по сегодняшним меркам конструкциями парашютов и бросали вызов высоте, которая, не желая уступать, покорялась с превеликим трудом, зачастую унося жизни испытателей.

Каждый из первопроходцев прокладывал в небе свою дорогу, далеко не безупречную и не гарантировавшую безопасность покорителям пятого океана. Проблему «спасательного устройства», так в начале XX века называли парашют, решил в 1911 году русский изобретатель-самоучка Глеб Евгеньевич Котельников. Его ранцевый парашют РК-1[36] оказался надежным и небольшим по габаритам и совершил подлинный переворот в парашютном деле. Однако инерция и узость мышления стали тормозом в широком применении парашюта Котельникова в российской авиации. И только Первая мировая война открыла глаза на это изобретение высшему командованию русской армии, неосмотрительно затянувшему обеспечение летного состава «спасательными ранцами с автоматическим выбрасыванием парашюта». Между тем идея, разработанная и внедренная Г. Е. Котельниковым, получила распространение в армиях Франции, Англии, США. И казалось, что российскому парашютостроению никогда уже не выйти на передовые позиции.

Все изменила новая, советская власть. Военная реформа поставила решение вопросов оснащения Красной Армии, морского флота и Военно-воздушных сил передовой техникой и вооружением на научную основу. В созданном научно-исследовательском институте Военно-воздушных сил (НИИВВС) рассматривали разработку надежного парашюта не только как средства спасения летчиков, но и средства десантирования личного состава и боевой техники. И если Г. Е. Котельникову удалось довести количество изготовленных парашютов РК-1 почти до одной сотни, то в парашютной мастерской, которую возглавлял военный летчик и инженер Михаил Алексеевич Савицкий, к исходу 1928 года были подготовлены лишь три образца. Однако это была уже победа! Небольшая мастерская

вскоре выросла в фабрику, трудовой коллектив которой, экспериментируя и созидая, выдал к 1930 году первый серийный советский парашют. Он медленно, но верно вытеснял иностранные образцы далеко не лучшего качества.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор». Эти слова известной песни тридцатых годов отражали атмосферу, в которой проходило становление советской авиации. Растущие скорости самолетов породили «тканевую» проблему, но и она была успешно решена силами отечественных предприятий легкой промышленности. По самым скромным подсчетам, на ПТ-1 («парашютно-тренировочный»), состоявшем на вооружении Красной Армии вплоть до 1940 года, было установлено 22 рекорда СССР! В 1931 году М. А. Савицкий представил на суд командования РККА свой новый парашют ПД-1, предназначенный для вновь создаваемых десантных войск.

Исключительную роль в становлении десантных войск сыграл М. Н. Тухачевский, возглавлявший в те годы Ленинградский военный округ. Он проявил не только завидную самостоятельность в организации боевой подготовки частей и соединений, но и создал целый ряд военно-теоретических работ, развивавших мировой опыт. Будущий маршал предвидел боевые действия, в которых на первый план выдвигалось оперативное мышление военачальников; огневая мощь артиллерии сочеталась с маневренностью бронетанковых войск, авиационная поддержка пехоты – с высадкой в тыл противника воздушных десантников. В 1928 году Реввоенсовет Республики поручил М. Н. Тухачевскому возглавить комиссию по разработке Полевого устава РККА. Тухачевский как основатель теории применения воздушно-десантных частей был не одинок и находил полное понимание и поддержку у видных военачальников – И. П. Уборевича, А. И. Корка, И. Э. Якира, Я. И. Алксниса, А. И. Егорова.

Совершенно по-иному смотрели на их теоретические изыскания первые красные офицеры С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов. Здесь уместно привести ту оценку, которую дал последнему в своих воспоминаниях Г. К. Жуков: «Ворошилов, бывший нарком в 30-х годах, в этой роли был человеком малокомпетентным. Он так до конца и остался дилетантом в военных вопросах и никогда не знал их глубоко и серьезно…» Можно утверждать, что не благодаря, а вопреки Ворошилову состоялось внешне не слишком примечательное событие, которое вошло в историю Вооруженных Сил СССР. На 26 июля 1930 года начальник ВВС А. И. Баранов назначил на аэродроме под Воронежем учебные сборы комсостава Военно-воздушных сил Московского военного округа. Незадолго до этого из США

возвратился военный летчик Л. Г. Минов, который не только получил диплом спасательной службы США, но и совершил там три прыжка с парашютом. В этот день Л. Г. Минов совершил показательный прыжок с самолета. Следом за первопроходцем поднялись в воздух А. Стоилов, К. Затонский, И. Поваляев и И. Мухин. Все они приземлились благополучно, и через три дня ряды совершивших первые прыжки увеличились до трех десятков человек.

И тут у начальника ВВС зародилась мысль. Было бы хорошо, обратился он к Л. Г. Минову, если бы оказалось возможным по ходу учений продемонстрировать выброс группы вооруженных парашютистов для диверсионных действий на территории противника.

2 августа 1930 года все было готово к десантированию. Группа добровольцев из десяти человек была разделена на две команды, поскольку в самолет «Фарман-Голиаф» помещалось лишь семь человек. Первую группу возглавил сам Л. Г. Минов, вторую – Я. Д. Мошковский. В перерывах между высадкой десантников три самолета Р-1 должны были сбросить два мягких мешка и 4 грузовых контейнера с оружием и боеприпасами.

Понадобилось всего несколько минут после приземления грузов, чтобы 12 десантников, вооруженных двумя ручными пулеметами, винтовками, револьверами и гранатами, были в полной готовности к боевым действиям.

2 августа стало днем рождения Воздушно-десантных войск Красной Армии. Однако самостоятельным праздник ВДВ стал позднее, а до этого он отмечался в рамках Дня Военно-воздушного флота СССР, который ежегодно проводился с большим размахом. В программу этого праздника неизменно включался знаменитый Тушинский авиапарад, составной частью которого было десантирование войск.

В 1929 году перед штабными учениями Ленинградского военного округа Тухачевский поручил оперативному отделу подготовить доклад «Действия воздушного десанта в наступательной операции». Будущий «член военно-троцкистской фашистской организации, раскрытой в 1937 году» и «враг народа» мыслил широко, масштабно и вскоре после обсуждения доклада принял решение о формировании во вверенном ему округе нештатного парашютно-опытного отрада. 18 марта 1931 года штаб РККА издал директиву, в которой этот отряд был назван «авиамотодесантным», а в его состав вошли стрелковая рота, взводы – саперные, связи и легковых машин, две динамореактивные пушки, две танкетки Т-27, три легкие бронемашины, 10 грузовиков, 16 легковых автомобилей, 4

мотоцикла. Очевидно, что решение это было половинчатым. Отряд мог совершить десантирование только посадочным способом, что явно не устраивало Тухачевского, да и на практике не сулило особых выгод наступающей стороне. Чтобы доставить в тыл противника десантников даже в таком небольшом количестве, требовалась целая авиационная армада численностью в двадцать два транспортных самолета.

Распоряжением штаба РККА командиром отряда был назначен К. Д. Лукин. Однако Тухачевский пошел несколько дальше и присовокупил к данному формированию отряд парашютистов-десантников, закрепив его за 1-й авиационной бригадой. Теперь все стало на свои места – воздушный десант захватывает аэродром противника, посадочный развивает успех и, действуя на тыловых коммуникациях, способствует успеху наступательной операции. К слову, отряд был сформирован только из добровольцев, которых к моменту его создания насчитывалось 46 человек. Уж каким образом М. Н. Тухачевскому удалось «переманить» в Ленинградский военный округ Л. Г. Минова, осталось загадкой, но уже 15 августа 1931 года в пригороде Ленинграда, Красном Селе, в месте традиционных маневров русской армии, добровольцы-десантники воочию продемонстрировали свою боевую выучку. М. Н. Тухачевский, передав бразды правления в ЛенВО И. П. Белову, сосредоточился на службе в наркомате обороны, однако еще несколько раз в 1931 году его детище – комбинированный авиамотодесантный отряд участвовал в показательных учениях в Московском и Украинском военном округах.

Такой подход возымел воздействие, и 5 января 1932 года Реввоенсовет СССР под председательством К. Е. Ворошилова рассмотрел вопрос «Об авиамотодесантном отряде Ленинградского военного округа». Сделанный вывод для будущего ВДВ был обнадеживающим. В Ленинградском, Украинском, Белорусском и Московском военных округах был решено создать в 1932 году по одному штатному авиамотодесантному отряду. Структура их была такова: общая численность 140–150 человек, на вооружении, кроме автоматического оружия и ручных пулеметов, состояло шесть 76-мм орудий. Техническое оснащение отряда выглядело следующим образом: грузовых автомобилей – 5, мотоциклов – 8, самокатов – 36. Десантирование отряда обеспечивали три транспортных авиаэскадрильи АНТ-9, Р-5, ТБ-1 и даже У-2. В перспективе, как докладывал на заседании Реввоенсовета М. Н. Тухачевский, каждый из этих отрядов должен стать ядром воздушно-десантной дивизии.

Увы, планы эти в течение нескольких лет так и не были осуществлены, и к тому имелись объективные причины.

Худо-бедно к 1931 году творческая мысль конструкторов-создателей людских парашютов позволила Осоавиахиму[37] превратить увлечение молодежи парашютным спортом в массовое движение. Надо отдать должное: на протяжении многих лет истории воздушно-десантных войск подлинной кузницей кадров для самого молодого рода войск стал комсомол. ВЛКСМ стал застрельщиком многих начинаний и в 1931 году взял шефство над Красной Армией. Уже в 1935 году в системе Осоавиахима (ДОСААФ) действовало 140 аэроклубов, 115 парашютных секций, были построены сотни парашютных вышек. В этом же году была создана Высшая парашютная школа, ставшая в 1936 году всесоюзным парашютным центром.

Август 1935 года стал отправной точкой в организации слетов-соревнований спортсменов-парашютистов. Знаком «Конструктор № 1» был награжден Г. Е. Котельников, без детища которого – ранцевого парашюта – невозможно было развитие молодежного спорта. По этому поводу «Комсомольская правда» писала: «Парашютизм в нашей стране стал… самым любимым, самым популярным видом спорта у советской молодежи. Парашютизм – это смелость, а где смелость, там неизменно молодежь. Вне всякого сомнения, что в будущей войне парашютисты будут самыми смелыми и самыми бесстрашными бойцами». И никакого преувеличения в этом высказывании не было. По самым скромным подсчетам, Воздушно-десантные войска в годы Великой Отечественной войны пополнились отменно подготовленными воинами, число которых превысило сотню тысяч человек. Так была заложена основа подготовки юношей для воздушно-десантных формирований.

Стремительно нарастали и темпы производства парашютов. В 1931 году их было уже выпущено пять тысяч штук, а на смену устаревшим моделям приходили новые. Значительной вехой стал выпуск парашютов, оснащенных полуавтоматическими приборами ППД-1, которые сконструировали в 1939 году братья Николай, Владимир и Анатолий Доронины.

Тем временем в Научно-исследовательском институте Военно-воздушных сил, не зная усталости, трудился коллектив под руководством подлинного новатора и энтузиаста парашютно-десантного дела Павла Игнатьевича Гроховского. В прошлом военный летчик, он стоял перед непростой задачей. Как мы уже знаем, 2 августа 1930 года орудия и боеприпасы отечественного десанта сбрасывались в мягких почтовых мешках и контейнерах конструкции Б. Благина. Напрашивался закономерный вопрос:

что произойдет с грузом, если вдруг подует сильный ветер, промахнется летчик или не раскроется парашют? Ответ прост: десант останется безоружным и беспомощным. Так зародилась мысль о выделении особого конструкторско-исследовательского направления: создания парашютно-десантной техники, призванной обеспечить надежную доставку грузов, артиллерии, боевых машин. Практическое применение создаваемых образцов должно было осуществляться на базе уже известного нам авиамото-десантного отряда ЛенВО. Но так называемые «крылья десанта» – традиционные для того времени самолеты имели между собой не только существенные отличия во внешнем виде, но и различную грузоподъемность. Требовался особый род изобретательности, чтобы приспособить их для выброски грузов и техники.

Теперь только старые десантники могут припомнить, что в шестидесятые годы был запущен проект выброски личного состава с самолета Ан-12 транспортерами, включаемыми по сирене и зеленому сигналу «Пошел!». Как правило, разброс людей на площадке приземления при обычном способе десантирования был велик, да и технику, грешным делом, особенно ночью, отыскать можно было с превеликим трудом. Задачу «компактного десантирования» и призван был решить механический способ выброски. Командующий ВДВ В. Ф. Маргелов вскоре был вынужден отказаться от этой затеи. А между тем она ведет свое начало к августу 1931 года, когда были испытаны подвесные люльки (правильнее – кассеты. – Á. Е.) конструкции Гроховского. Они прикреплялись к днищу фюзеляжа ТБ-1 и одновременно открывались над площадкой десантирования.

Оба описанных способа оказались неприемлемыми, по одной причине, которая кроется в психологии человека совершающего парашютный прыжок. Маргелов, употребив несколько непереводимых слов по адресу навязавших ему эту идею, добавил, что «десантник – не кролик и не пушечное мясо» и что «момент прыжка – момент истины и преодоления страха. И сам прыжок – не самоцель, а средство вступления в бой».

Усилия Гроховского в облегчении участи десанта можно приравнять к стоическим. Они привели его к противоположным схемам – десантированию грузов с воздуха, при помощи планеров, на грузовых платформах и скользящим способом, так называемыми авиабусами. Такие резкие перепады обусловлены одним – в довоенное время советской авиационной промышленности оказалось не по силам создание специального военно-транспортного самолета, приспособленного для задач, выполняемых воздушно-десантными войсками.

Свой первый по-настоящему серьезный экзамен самый молодой в РККА род войск держал на маневрах Киевского военного округа в сентябре 1935 года. Руководителем учений являлся И. Э. Якир как командующий округом. Наркомат обороны представляли К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Я. Б. Гамарник, М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров. В число приглашенных были партийные и государственные деятели Украины: секретарь ЦК КП(б)У С. В. Косиор, председатель ВЦИК Г. И. Петровский, нарком просвещения В. П. Затонский и секретарь Харьковского обкома КП(б)У П. П. Постышев. Наркомат обороны пригласил на апофеоз маневров – высадку десанта военных представителей Англии, Франции, Чехословакии, Италии, Польши, Германии и других государств, с которыми Советский Союз не был связан никакими дипломатическими соглашениями об обмене наблюдателями на войсковых учениях.

Если хотя бы вкратце окинуть взглядом историю становления воздушно-десантных формирований ведущих в военном отношении европейских государств, становится ясно что, употребляя любимое высказывание Ворошилова, мы здесь «обскакали», причем обскакали не только Европу, но и весь мир. Полковник чехословацкой армии Дасних свидетельствовал: «Авиадесант – это новый вид войск, созданный большевиками». Вторил ему американский генерал Риджуей: «родиной воздушно-десантных войск является Советский Союз».

Выступая 17 ноября 1935 года на Первом всесоюзном собрании стахановцев, К. Е. Ворошилов не преминул с бахвальством упомянуть и о десантниках: «Парашютизм – это часть авиации, в которой монополизм принадлежит Советскому Союзу. Нет страны в мире, которая могла бы сказать, что она может в этой области хоть приблизительно сравниться с Советским Союзом». Вывод, казалось бы, напрашивался сам собой: совершенствуй и укрепляй эти перспективные войска, которые в солнечный сентябрьский день явили многочисленным военным специалистам отвагу и нацеленность на выполнение боевой задачи.

Осенью 1936 года картина, представшая на маневрах Белорусского военного округа, была не менее впечатляющей, чем год назад под Киевом. Руководил учениями командующий войсками округа И. П. Уборевич. Наркомат обороны был представлен его главой К. Е. Ворошиловым, первым заместителем М. Н. Тухачевским, начальником Генштаба РККА А. И. Егоровым. Вместе с наркомом опять прибыла большая группа иностранных наблюдателей и корреспондентов, и вполне понятно, что все лавры достались ему.

Кстати, позднее, при определении вины И. П. Уборевича по делу все той же печально известной «военной троцкистско-фашистской организации» фигурирует его склонность к формированию мобильных соединений, в том числе десантных, за счет сокращения численности кавалерии и расходов на нее. Упрек этот, как показала вся последующая история Вооруженных Сил, не выдерживает никакой критики. А в то время, когда эти обвинения выдвигались против талантливого военачальника, 47-я авиационная бригада уже была одним из самых боеспособных соединений Белорусского округа.

Корпоративная кавалерийская солидарность многих известных военачальников явно мешала реальной оценке возможностей воздушно-десантных войск. В том числе и Г. К. Жукову. Вот как он, служивший в то время командиром 4-й кавалерийской дивизии, описывает, например, ход маневров, состоявшихся в Белоруссии, в своих «Воспоминаниях и размышлениях»:

«…В целом, благодаря упорной работе с кадрами… удалось осуществить перелом в овладении командирами, штабами и войсками военным искусством.

В этом отношении показательны маневры 1936 года, проведенные в нашем Белорусском военном округе с целью проверки боевой подготовки войск. В маневрах принимали участие крупные соединения, насыщенные техникой. Командиры и войска в целом продемонстрировали умение управлять боем во взаимодействии всех родов войск в условиях быстро меняющейся обстановки. Эти и многие другие учения и маневры свидетельствовали о растущей мощи Красной Армии, о том, что она превращается в первоклассную армию».

Как видим, о десантниках – ни слова.

Успехи, достигнутые десантниками в 1936 году, получили справедливую и заслуженную оценку наркомата обороны СССР: «Первый и труднейший этап десантного дела – массовое освоение выброски войск – можно считать пройденным вполне удовлетворительно».

И вот после такой лестной оценки наступило многолетнее топтание на месте. «Классовая борьба» уносила жизни не только «врагов народа», но и отбрасывала напрочь их идеи. В корне изменила отношение к Воздушно-десантным войскам только советско-финляндская война 1939–1940 годов, обнажившая много проблем в боеготовности наших войск.

Об этом свидетельствуют и действия Красной Армии по «освобождению Северной Буковины и Бессарабии из-под оккупации Румынии» летом 1940 года. Две воздушно-десантные

бригады, 204-я и 201-я, десантировались соответственно в районах городов Болграда и Измаила, предопределив успех всего похода. Отступавшим румынским войскам не удалось ни вывести материальные ценности, ни уничтожить значимые объекты – железнодорожные узлы, порты, электростанции.

Подстегнули наркома обороны СССР маршала С. К. Тимошенко и события на европейском театре военных действий, где немецко-фашистское командование сплошь и рядом применяло воздушно-десантные войска. Первый успешный опыт немцы приобрели в Австрии 12 марта 1933 года. Десантники обрушились с неба на охрану Ваграмского аэродрома и захватили его, обеспечив высадку воздушно-десантных подразделений и артиллерии.

После так называемого «аншлюса» – насильственного присоединения Австрии к Германии Гитлер форсировал создание новых воздушно-десантных формирований, боевые действия которых предполагалось начать в случае отказа Чехословакии от предъявленного ей ультиматума. К броску были готовы 7-я парашютная (авиационная) и 22-я посадочно-десантная дивизии. Задача их была предельно ясной, ударить по тылам чехословацкой армии и, взаимодействуя с танковой дивизией, заставить противника сложить оружие. Гитлеру не пришлось в отношении Чехословакии применять силу, все свершилось «полюбовно», и чешское правительство капитулировало на милость победителя. И все же Гитлер распорядился провести показательную устрашающую воздушную операцию, которая состоялась 7 октября 1938 года.

9 апреля 1940 года настал черед Норвегии. И здесь воздушно-десантные части, заняв важные стратегические объекты, принудили страну капитулировать. Немецкие десантники таким же образом действовали и в Дании. Словно по накатанной дорожке прошли воздушно-десантные операции в Голландии и Бельгии. Захват аэродромов, мостов, дезорганизация управления войсками, внезапность и напористость, которой действовали немецкие парашютисты, отлаженное взаимодействие с танковыми частями со всей очевидностью подтверждали эффективность нового рода войск и их способность во многом изменить характер войны.

Наркомат обороны СССР спешно приступил к формированию новых воздушно-десантных бригад, штатная численность каждой из которых достигала трех тысяч человек. За этим шагом последовал важный организационный этап – на базе имеющихся частей были развернуты пять воздушно-десантных корпусов, в состав которых входило по три воздушно-десантных бригады,

танковый батальон, артиллерийский дивизион, подразделения связи, инженерно-саперные подразделения, тылы. Всего в каждом корпусе насчитывалось до десяти тысяч человек. Командирами вновь сформированных соединений были назначены: 1-м воздушно-десантным корпусом – М. А. Усенко, 2-м – Ф. М. Харитонов, 3-м – В. А. Глазков, 4-м – А. С. Жадов, 5-м – И. С. Безуглый.

Личный состав воздушно-десантных войск носил форму летных частей РККА и, согласно распоряжению комиссариата обороны, получал усиленное питание, а начальственный состав – повышенный оклад денежного содержания. Было установлено денежное вознаграждение за прыжок.

Полевой устав РККА (ПУ-40) определил роль и задачи ВДВ: «Воздушно-десантные войска являются средством высшего командования. Они используются для решения таких задач в тылу противника, которые в данный период не могут быть выполнены другими родами войск, но решение которых может иметь самое серьезное влияние на исход всей операции (боя). Воздушно-десантные войска должны применяться внезапно для противника в больших массах, самостоятельно и во взаимодействии с наземными силами…»

В июне 1941 года было создано Управление Воздушно-десантных войск Красной Армии, членом Военного совета ВДВ был назначен генерал-лейтенант Г. П. Громов. В сентябре 1941 года приказом народного комиссара обороны было создано командование Воздушно-десантных войск. Однако, несмотря на все усилия государства, к началу войны укомплектованность Воздушно-десантных войск личным составом оставалась неудовлетворительной. Не могли похвастать ВДВ достатком вооружения и техники, а малочисленный парк военно-транспортной авиации не в состоянии был обеспечить решения боевых задач в полном объеме.

Поскольку принципиальное значение для строительства Воздушно-десантных войск имели директивные документы первых месяцев Великой Отечественной войны, воспроизведем некоторые из них полностью.

ПРИКАЗ

об улучшении руководства Воздушно-десантными войсками

№ 0329 29 августа 1941 г.

В целях улучшения руководства Воздушно-десантными войсками Красной Армии приказываю:

1. Сформировать по прилагаемому штату аппарат управления Воздушно-десантными войсками Красной Армии.

2. Утвердить положение.

3. Подчинить Воздушно-десантные войска непосредственно командующему Воздушно-десантными войсками Красной Армии, изъяв их из подчинения фронтам действующих армий.

4. Для начальствующего состава Воздушно-десантных войск установить среднюю зарплату между окладами начсостава ВВС и стрелковых войск.

Для рядового и младшего начальствующего состава Воздушно-десантных войск Красной Армии установить курсантский паек и заработную плату в размере на 25 % больше, чем в стрелковых частях соответствующих специальностей других родов войск.

5. Установить, что за каждое участие в боевой десантной операции весь состав, принимающий непосредственное участие в таковой, получает:

начальствующий состав – месячный оклад;

рядовой и младший начальствующий состав – по 500 рублей.

6. Снабжение Воздушно-десантных войск всеми видами имущества и запасными частями, а также хранение запасов всех видов довольствия возложить на центральные и окружные довольствующие управления Красной Армии.

7. Назначить:

Командующим Воздушно-десантными войсками Красной Армии генерал-майора Глазунова В. А.

Военный совет Воздушно-десантных войск Красной Армии в составе: генерал-майора Глазунова В. А., членов Военного совета полкового комиссара Белякова И. С, полковника Иванова Е. В.

Начальником Главного управления Воздушно-десантных войск Красной Армии, он же первый заместитель командующего – полковника Иванова Е. В.

Комиссаром Главного управления Воздушно-десантных войск – бригадного комиссара Кизевича С. Г.

Зам. командующего Воздушно-десантными войсками Красной Армии полковника Досика А. М.

Начальником штаба Воздушно-десантных войск Красной Армии генерал-майора Ионова.

Инспектором Воздушно-десантных войск Красной Армии полковника Спирина М. П.

Народный комиссар обороны СССР

И. Сталин

ПОЛОЖЕНИЕ

о Воздушно-десантных войсках Красной Армии

29 августа 1941 г.

1. Воздушно-десантные войска Красной Армии являются специальным родом войск и состоят из парашютных, посадочных и авиационно-планерных частей.

2. Воздушно-десантные войска находятся в распоряжении народного комиссара обороны СССР и только с его разрешения могут быть использованы в операции для решения следующих задач:

– содействовать наземным войскам в окружении и уничтожении противника;

– дезорганизовать управление войсками противника и работу его тыла;

– захватывать и удерживать важные рубежи, переправы и пункты в тылу противника;

– захватывать и разрушать аэродромы и авиационные базы противника;

– обеспечивать высадку морского десанта путем захвата прибрежного района.

3. Во главе Воздушно-десантных войск Красной Армии стоит командующий Воздушно-десантными войсками.

Формирование, укомплектование и снабжение Воздушно-десантных войск осуществляется Главным управлением Воздушно-десантных войск Красной Армии.

Начальник Главного управления Воздушно-десантных войск является одновременно первым

заместителем командующего Воздушно-десантных войск Красной Армии.

Главное управление Воздушно-десантных войск ведет работу по заданиям и указаниям Военного совета Воздушно-десантных войск.

4. При Военном совете Воздушно-десантных войск Красной Армии создается: а) штаб, б) инспекция, в) политический отдел, г) авиаэскадрилья управления и связи.

5. Главное управление Воздушно-десантных войск организуется в составе: а) управления формирования и комплектования, б) управления вооружения, снабжения и эксплуатации, в) отдела ВУЗ, г) канцелярии.

6. Задачи штаба:

а) руководство оперативной подготовкой штабов воздушно-десантных соединений;

б) разработка наставлений, инструкций и указаний по боевому применению и материальному обеспечению воздушных десантов;

в) изучение и обобщение опыта боевого применения воздушных десантов Красной Армии и иностранных армий;

г) подготовка и проведение воздушно-десантных операций под руководством командующего Воздушно-десантными войсками.

7. Задачи инспекции:

а) разработка указаний и программ по боевой подготовке наземных и летных частей Воздушно-десантных войск;

б) инспектирование хода боевой подготовки и проверка боевой готовности наземных и летных частей Воздушно-десантных войск.

8. Задачи управления формирования и укомплектования: укомплектование воздушно-десантных частей командным составом, младшими командирами и красноармейцами, определение пригодности каждого по физическим и политико-моральным признакам для службы в воздушно-десантных войсках.

Воздушно-десантные войска укомплектовываются:

а) начсоставом Воздушно-десантных войск за счет Главного управления кадров Красной Армии;

б) начсоставом для авиационных и авиационно-планерных частей за счет Управления кадров ВВС Красной Армии;

в) младшим начсоставом – за счет выпусков из воздушно-десантных школ младшего начальствующего состава;

г) рядовым составом из числа лучших красноармейцев наземных войск и призывников.

9. Задачи управления вооружения, снабжения и эксплуатации:

а) составление расчетов и распределение вооружения, снаряжения, парашютно-десантного и авиационного имущества, контроль за выполнением заказов на вооружение, снаряжение и авиационно-десантное имущество, проверка хранения и эксплуатации его в частях и складах текущего довольствия;

б) составление планов и осуществление контроля за выполнением опытного строительства воздушно-десантного имущества;

в) организация и контроль за правильностью эксплуатации материальной части самолетов, планеров и десантного оборудования.

10. Задачи отдела ВУЗ – руководство учебными заведениями и курсами, разработка методических указаний и программ подготовки курсантов и слушателей, контроль за выполнением сроков и качества прохождения программ в школах и на курсах усовершенствования.

11. Авиационное обеспечение воздушно-десантных операций осуществляется ВВС Красной Армии, на которые возлагается:

– обеспечение боевой и разведывательной авиацией боевых действий воздушных десантов;

– дополнительное (к имеющимся в составе Воздушно-десантных войск) выделение транспортных самолетов и самолетов боевой авиации, могущих быть использованными для переброски личного состава и грузов воздушных десантов.

Народный комиссар обороны СССР

И. Сталин

ПРИКАЗ

о развертывании Воздушно-десантных войск Красной Армии

№ 0083 4 сентября 1941 г.

1. Утвердить план развертывания Воздушно-десантных войск Красной Армии.

2. Начальникам управлений и главных управлений НКО обеспечить развертывание Воздушно-десантных войск Красной Армии вооружением и материальной частью в сроки, указанные в плане.

3. Рядовой и младший начальствующий состав выделить на укомплектование Воздушно-десантных войск по специальному отбору Главного управления Воздушно-десантных войск из войсковых частей и соединений сухопутных и воздушных сил Красной Армии, а также за счет призыва молодежи рождения 1922 года и добровольцев.

4. Укомплектование начальствующим составом развертываемых воздушно-десантных частей и соединений произвести Главному управлению Воздушно-десантных войск за счет войсковых частей, штабов и центральных управлений сухопутных и воздушных сил Красной Армии.

5. Для подготовки кадров начальствующего состава Воздушно-десантных войск Красной Армии создать:

а) курсы усовершенствования старшего и среднего командного состава с количеством слушателей в 500 человек. Курсы дислоцировать в г. Саратов;

б) воздушно-десантное училище для подготовки командиров взводов всех специальностей с числом курсантов в 1000 человек. Училище сформировать на базе Куйбышевского пехотного училища;

в) планерную школу Воздушно-десантных войск для подготовки планеристов-буксировщиков численностью переменного состава в 400 человек. Школу сформировать на базе Саратовской школы пилотов первоначального обучения Военно-воздушных сил Красной Армии…

Народный комиссар обороны СССР И. Сталин

Воздушно-десантные операции, проведенные советским командованием в годы Великой Отечественной войны, можно выстроить в следующий хронологический ряд.

22 сентября 1941 года в боях под Одессой за полчаса до высадки десанта с моря в расположение фашистов была выброшена группа парашютистов. Внезапно напав на позиции дальнобойной артиллерии, они вывели орудия из строя, посеяли панику, дезорганизовали управление.

31 декабря 1941 года на Керченском полуострове был высажен воздушный десант в составе батальона, которым командовал майор Няшин. Десантники успешно взаимодействовали с высадкой с моря в районе Феодосии и Керчи.

27 января 1942 года. Началась выброска в районе Вязьмы 8-й бригады 4-го воздушно-десантного корпуса, которая продолжалась шесть суток и закончилась 2 февраля 1942 года. По одним сведениям, в этот период в тыл противника было выброшено 2081 человек, по другим данным – 2497 человек.

18 февраля 1942 года. Начало Юхновской воздушно-десантной операции. Десантирование продолжалось до 23 февраля. Всего в тыл противника было выброшено 7373 человека, 1525 парашютно-десантных мягких мешков с боеприпасами, продуктами, медикаментами. Погиб командир корпуса генерал-майор А. Ф. Левашов. На этом посту его заменил начальник штаба полковник А. Ф. Казанкин. Запланированное соединение 50-й армии, наступавшей с фронта, с 4-м воздушно-десантным корпусом не состоялось, и корпус, обороняясь и ведя диверсионные действия, «задержался» за линией фронта на целых пять месяцев.

29 мая 1942 года. Начало вызволения 4-го воздушно-десантного корпуса из окружения. По распоряжению командующего Западным фронтом в тыл противника было десантировано более 4000 человек из состава 23-й и 211-й воздушно-десантных бригад. Десантирование закончилось 5 июля, и к 28 июля остатки 4-го воздушно-десантного корпуса с боем прорвались через оборонительные порядки немцев и вышли на передовую полосу 10-й армии.

24 сентября 1943 года. Днепровская воздушно-десантная операция, предпринятая с целью овладения плацдармом на правом берегу Днепра. Состав десанта: 1-я, 3-я и 5-я отдельные воздушно-десантные бригады под командованием генерал-майора И. И. Затевахина, заместителя командующего ВДВ. Цель боевых действий – не допустить выхода резервов противника к Букринскому плацдарму – не была выполнена. Только 6 октября командование фронта установило связь с десантниками. Всего в тыл противника было выброшено 4575 парашютистов и 600 мешков с грузами. Немцы организовали настоящую охоту за

десантниками и объявили о вознаграждении за каждого пойманного, которое составляло 6 тысяч оккупационных марок. 28 ноября можно считать днем завершения операции. Примечательна реакция Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина на неудачное проведение десантной операции на Днепре. В приказе, в частности, говорилось: «Выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела».

Весьма существенной является деталь: сформированные по ходу боевых действий воздушно-десантные дивизии, в каком бы качестве они ни применялись, носили звание гвардейских. Страницы истории Великой Отечественной войны наполнены примерами непревзойденного мужества и героизма воинов-десантников.

Дважды удостаивались звания Героя Советского Союза генералы В. А. Глазунов и А. И. Родимцев.

В 1-м воздушно-десантном корпусе, преобразованном в 37-ю гвардейскую стрелковую дивизию, было 18 Героев Советского Союза. Во 2-м воздушно-десантном корпусе, преобразованном в 32-ю гвардейскую стрелковую дивизию, этого звания удостоены 10 человек, в 3-м воздушно-десантном корпусе (13-я и 33-я гвардейские стрелковые дивизии) – 29 человек, в 4-м воздушно-десантном корпусе, преобразованном в 38-ю гвардейскую стрелковую дивизию, – 6 человек, в 5-м воздушно-десантном корпусе, преобразованном в 39-ю гвардейскую стрелковую дивизию, – 29 человек. Звания Героя Советского Союза удостоились также 5 человек из 6-го воздушно-десантного корпуса (преобразован в 40-ю гвардейскую стрелковую дивизию), 16 – из 7-го воздушно-десантного корпуса (преобразован в 34-ю гвардейскую стрелковую дивизию), 20 – из 8-го воздушно-десантного корпуса, преобразованного в 35-ю гвардейскую стрелковую дивизию (среди них – испанец Рубен Ибаррури, сын Долорес Ибаррури), 10 – из 9-го воздушно-десантного корпус (преобразован в 36-ю гвардейскую стрелковую дивизию), 8 – из 10-го воздушно-десантного корпуса (преобразован в 41-ю гвардейскую стрелковую дивизию). И этот перечень можно было бы продолжить. Всего за годы Великой Отечественной войны звания Героев Советского Союза удостоилось 295 десантников.

В 1946 году Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР, учитывая довоенный и военный опыт, выработал целостную программу по развитию и укреплению Воздушно-десантных войск. 10 июня 1946 года приказом министра обороны войска были выведены из состава ВВС, стали самостоятельными и включены в состав резерва Верховного Главнокомандующего.

Непосредственным начальником ВДВ стал военный министр. Этим же приказом вновь была учреждена должность командующего и определены его обязанности. Возглавил Воздушно-десантные войска генерал-полковник В. В. Глаголев.

В период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы должность командующего ВДВ занимали видные советские военачальники.

Генерал-лейтенант Глазунов Василий Афанасьевич (1896–1967). Участвовал в Первой мировой и в Гражданской войнах. В Советской Армии с 1918 года. В 1929-м окончил курсы «Выстрел». В начале Великой Отечественной войны командовал 3-м воздушно-десантным корпусом, с сентября 1941 года по июнь 1943 года – командующий Воздушно-десантными войсками. Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В послевоенное время – генерал-инспектор ВДВ.

Генерал-майор Капитохин Александр Георгиевич (1898–1954). Участник Гражданской войны. Окончил военную академию имени М. В. Фрунзе. С начала войны – командир стрелковой дивизии, а затем командир 8-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. С июня 1943 года по август 1944 года командующий Воздушно-десантными войсками. После реорганизации ВДВ – командир 38-го гвардейского воздушно-десантного корпуса Отдельной гвардейской воздушно-десантной армии. С декабря 1944 года командир 39-го гвардейского стрелкового корпуса 9-й гвардейской армии.

Генерал-лейтенант Затевахин Иван Иванович (1886–1956). Участник Гражданской войны. Окончил военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1936 году командовал отдельным авиадесантным полком на Дальнем Востоке. С 1938 года – командир 212-й воздушно-десантной бригады. В 1939 году принимал участие в боевых действиях на реке Халхин-Гол. В составе 3-го воздушно-десантного корпуса оборонял в 1941 году Киев. Заместитель командующего ВДВ. С августа 1944 года – командующий Отдельной гвардейской воздушно-десантной армией. С августа 1944 года по январь 1946 года – командующий ВДВ.

Генерал-полковник Глаголев Василий Васильевич (1896–1947). Герой Советского Союза (1943). Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. В 1941 году окончил курсы усовершенствования высшего состава при военной академии имени М. В. Фрунзе. В годы войны – командир кавалерийской, затем стрелковой дивизии, командир корпуса. С 1943 года – командующий 9-й гвардейской армией. Командующий ВДВ с июня 1946 года по сентябрь 1947 года.

Генерал-лейтенант Казанкин Александр Федорович (1900–

1955). Участник Гражданской войны. В 1934 году окончил военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1941–1943 годах – начальник штаба 4-го воздушно-десантного корпуса, командир 1-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Командир стрелкового корпуса. Командующий ВДВ с октября 1947 года по март 1950 года. Генерал-инспектор ВДВ.

Начальник псковского гарнизона

Управление Воздушно-десантных войск с военных времен располагалось в продуваемом всеми ветрами деревянном здании, находившемся рядом с Петровским дворцом, который занимала Военно-воздушная академия имени Н. Е. Жуковского.

По сложившемуся правилу, выпускники военных академий представлялись командующему ВДВ. Генерал-майор В. Ф. Маргелов, зачисленный в его распоряжение, не являлся исключением. В точно назначенный день и время он оказался в приемной А. Ф. Казанкина, в кабинет которого вела ковровая дорожка. Совершенно неожиданно в приемную зашел молодцеватый полковник. Им оказался не кто иной, как Иван Иванович Лисов. Вот как последний описывает встречу с собратом по Минским курсам имени ВЦИК БССР:

«После окончания военной школы в Минске мы с Василием Филипповичем, моим грозным старшиной, разъехались в разные стороны… Через друзей-однокашников мы, конечно, знали друг о друге не очень много, а когда я стал “полузасекреченным” парашютистом-десантником, мы потеряли всякую связь…

Закончилась Великая Отечественная. Я работал в штабе командующего Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенанта А. Ф. Казанкина… Был сентябрь[38] 1948 года. В приемной командующего толпились незнакомые мне офицеры. Каждый, естественно, волновался – ведь решалась судьба: кем быть и где нести нелегкую офицерскую службу. Я… чуть не вскрикнул от удивления: в затемненном углу сидел Василий Маргелов. Я его сразу узнал, хотя прошло много лет.

Я подошел к нему со стороны, взглянул на генеральские погоны и Геройскую Звезду и, чуть оробев, подумал – как ему представиться. И решил:

– Товарищ старшина! Помощник командира второго пулеметного взвода Иван Лисов. Здравия желаю!

Он удивленно поднял голову, узнал меня сразу, обхватил за плечи, и мы крепко при всех расцеловались.

– Ваня, дорогой ты мой товарищ, наконец-то встретились! Давно ты здесь? Что делаешь?

– Да нет, Вася, всего год. А ты к нам на работу?

– Что это у вас за войска: летчики, пехота…

Я пригласил его в свою рабочую комнатку поговорить “про жизнь десантную”.

– Напрасно, дорогой мой Маргелыч, расстраиваешься, я ведь хорошо тебя знаю по нашей курсантской жизни как сильного,

волевого человека, инициативного, да еще с партизанским характером. Наши войска для тебя и ты для них – находка.

…Тут к нам подошел адъютант и передал, что Маргелова ждет командующий для беседы. Маргелов встал, расправил гимнастерку, опустил гармошкой еще ниже блестящие голенища сапог и направился в двери вслед за офицером.

У меня была бумага на подпись командующему, и я вошел вместе с Маргеловым… Василий представился. Его личное дело лежало на столе командующего. Он пригласил его сесть, быстро пробежал глазами по моей бумаге, подписал ее и передал мне. Уходя, я сказал:

– Вася, когда командующий тебя отпустит, зайди ко мне.

– Что это за обращение к генералу, полковник Лисов? Он что – родственник ваш, сват, брат?

– Прошу прощения, товарищ командующий. Он мне больше чем родственник, он мой друг и наставник – старшина курсантской роты, а я его подчиненный – помощник командира взвода, почти три года были вместе и три пятилетки не встречались.

– Надо же где встретились! Успели вы рассказать вашему другу о наших войсках, завербовали в десантники?

– Не совсем, товарищ командующий. Но генерал Маргелов очень нужный нам командир, он просто по своему характеру десантник».

…76-я гвардейская Черниговская Краснознаменная стрелковая дивизия летом 1946 года стала десантной, неожиданно для всех, кто сражался в ее рядах под Сталинградом, кто форсировал Днепр и Вислу, кто освобождал Польшу и в победном 1945 году вышел на соединение с союзными войсками на побережье Балтийского моря. Пятьдесят Героев Советского Союза, тысячи орденоносцев – таков итог боевых действий соединения в 1941–1945 годах. Весной 1947 года дивизия была передислоцирована в Псков и, сохранив геройскую атрибутику и номер, стала именоваться 76-й гвардейской воздушно-десантной.

Командующий ВДВ генерал-лейтенант А. Ф. Казанкин прекрасно сознавал, что каким бы названием Генштаб ни наградил, даже такое заслуженное соединение, как Черниговская Краснознаменная дивизия, в одночасье десантной не станет. Для этого требовалось время, и притом немалое. Прежде всего, дивизия обрела структуру, единую для всех соединений Воздушно-десантных войск. Затем штаб ВДВ разработал особый план, по которому боевая подготовка в частях дивизии строились с учетом специфики Воздушно-десантных войск, с упором на совершение прыжков с аэростатов и самолетов. Вначале азы

воздушно-десантной подготовки (ВДП) осваивали офицеры на специальных сборах. Каждому из командиров предстояло совершить как минимум три прыжка. Такое же количество прыжков должны были иметь и солдаты. Весь зимний период в 1947 году ушел на изучение материальной части укладки ПД-47, массового парашюта, поступившего в ВДВ.

На своем веку древний русский город Псков, ровесник Киева и Новгорода, трижды пережил немецкую оккупацию. Последняя, длившаяся с сентября 1941-го по июль 1944 года, оставила глубокие шрамы на чудных строениях Кремля и бесчисленные руины. Псков очень медленно возвращался к нормальной жизни.

Накануне войны в Пскове проживало 60 тысяч жителей. Встречать освободителей на улицы вышло всего 143 человека. Город и его окрестности являли собой обширное минное поле. Сюрпризы, оставленные оккупантами, унесли немало жизней как мирных жителей, так и тех, кто обезвреживал опасные находки.

Постановлением Советского правительства Псков в числе прочих древнерусских городов был включен в планы первоочередного восстановления. К моменту приезда туда В. Ф. Маргелова на разборке руин города трудились немецкие военнопленные, заключенные ГУЛАГа и вольнонаемные рабочие. Их усилиями были приведены в божеский вид 13 уцелевших домов и развернулись работы на наиболее важных объектах жизнеобеспечения: ТЭЦ, хлебозаводе, железнодорожном узле. В конце 1944 года Псков стал центром новообразованной Псковской области[39].

Жизнь российской глубинки во все времена немыслима была без присутствия в городах и весях военных. До революции в Пскове размещался кадетский корпус и 96-й пехотный Енисейский полк. В тридцатые годы в нем, как городе, граничившем с территорией буржуазной Эстонии, размещался 5-й кавалерийский корпус. В 1936 году на должность комкора был назначен К. К. Рокоссовский, который, как старший начальник, возглавлял Псковский военный гарнизон. В августе 1937 года К. К. Рокоссовский был арестован и почти три года провел в тюрьме. Псковичи – на редкость отзывчивые и памятливые горожане, и на схеме города без труда можно найти улицы, носящие имена прославленного полководца маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского и генерала армии В. Ф. Маргелова.

Квартировавшая в городе десантная дивизия была весомым подспорьем для местных властей в благоустройстве города. Десантники разбирали завалы, обезвреживали боеприпасы, восстанавливали дороги и мосты. К великому сожалению, сами

гвардейцы обитали в бараках и даже в палатках.

Время было нелегкое. Неустроенный быт, очереди за хлебом, который выдавали по талонам, латаные гимнастерки и не раз поменявшие набойки сапоги. Напомним, у Маргеловых на руках – трехгодовалые малыши, накормить которых зачастую удавалось, как говорится, чем Бог послал. Однако ни Василий Филиппович, ни Анна Александровна на судьбу не сетовали. Они были полны сил, и самое худшее – страшная война – осталось позади.

Вновь назначенный комдив устроился с семьей в одной из комнат дивизионного клуба. Об этом периоде службы Маргелова сохранилось свидетельство очевидца, начальника штаба дивизии П. Ф. Павленко: «Трудное это было время: везде были следы недавно закончившейся войны, особенно страдало обустройство войск и жилье офицерского состава… Материально-техническая база боевой подготовки фактически была на нуле. К тому же прежний комдив крайне мало занимался делом и отличался нерешительностью, пассивностью… Учеба в дивизии шла кое-как, организованность и дисциплина оставляли желать лучшего. Некоторые командиры частей и офицеры штаба дивизии увлекались личными делами, даже завели коров и свиней. Дивизия была одной из отстающих в ВДВ. Картина была удручающая».

В том, что дивизия доведена до плачевного состояния, В. Ф. Маргелов убедился, проведя строевой смотр частей. Гвардейцы мало походили на испытанных десантников. Участник Парада Победы с подобной строевой выправкой, а точнее с ее полным отсутствием, конечно, мириться не мог.

Василий Филиппович начал с офицеров штаба дивизии. Избегая механической муштры, он организовал соревнование по строевой подготовке и конкурс лучшее исполнение солдатской песни. И военный городок, в котором царила явная скука, словно ожил.

Нельзя думать, что Маргелов с наскока, без должной подготовки попытался в короткий срок стать вровень с бывалыми десантниками. Дни и ночи он осваивал новое для себя дело, проявляя свойственные ему упорство и въедливость. Известно, сколь скудны были запасы специальной и методической литературы по воздушно-десантной подготовке. В то время многое в ней определялось небезызвестным армейским принципом: «Делай как я». И комдив, не стесняясь, выспрашивал, выведывал у знатоков секреты этой военной профессии, постигал опыт ветеранов ВДВ, которых впрочем, в дивизии можно было пересчитать по пальцам. Освоил он и мудреную науку укладки парашюта.

Уже тогда в ВДВ стали бытовать выражения: «Мастерство десантника куется на земле» и «За внешней простотой снарядов наземного воздушно-десантного городка кроется их серьезное содержание». Простота снарядов действительно для несведущих была обескураживающей: один-два трамплина для прыжков, люлька для аэростата, подвешенная между двумя столбами, и остов летательного аппарата, смутно напоминающего самолет или планер. Но именно на них отрабатывались основные приемы и навыки, без которых дальнейшая подготовка десантников была немыслима.

В 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии эскадрилью легких транспортных самолетов Ан-2, которую от расположения 234-го гвардейского Черноморского полка отделял невысокий забор, шутливо называли «Зазаборной эскадрильей». «Летуны» об этом прозвище знали и не обижались, поскольку происхождение оно вело от тех времен, когда на этом же месте располагался воздухоплавательный парк, оснащенный аэростатами. Завершив свою военную службу по обороне Ленинграда в годы войны, они стали незаменимыми для подготовки десантников. Получилось будто в поговорке – «дешево и сердито». Лебедка, трос, небольшая гондола, некоторое время для надувки – и вот блестящая махина через несколько минут, словно фантастическое животное, зависает на высоте 400–500 метров. Красота и жуть! Кому посчастливилось стать «гондольером», то есть совершить прыжки с аэростата, никогда не забудет захватывающего чувства высоты, тишину, убаюкивающую слух, и, словно пушечный выстрел, команду «Пошел!».

Чтобы понять, что значила для десантников специальная подготовка, надо представлять, с чем им приходилось сталкиваться в реальности. Травматизм и гибель людей в Воздушно-десантных войсках в послевоенные годы была распространенным явлением. Приведем лишь некоторые факты. В 1948 году на оснащение Воздушно-десантных войск поступил людской парашют ПД-47, который был сшит из перкалевого полотна и имел квадратную форму с усеченными углами. Весил парашют 16 килограммов, а площадь купола составляла 71,8 м^2. Чтобы управлять им в воздухе, требовалась немалая физическая сила, а приземление со скоростью 7 метров в секунду было настоящим испытанием для ног десантников. В этом же году было совершено 67 325 прыжков при 12 отказах, которые закончились катастрофами, сотни человек получили травмы.

Настало время, когда боевому генералу пришлось выступать в роли, выражаясь языком десантников, перворазника. На взлетном поле шла обычная размеренная работа. Натружено

гудел мотор лебедки, аэростат бесшумно поднимался ввысь, над черными точками – людскими фигурками – в считанные секунды раскрывались купола парашютов, и воздух наполнялся восторженными криками «ура».

Вот как рассказывал о своем первом прыжке В. Ф. Маргелов корреспонденту «Красной звезды». Вопрос звучал так: «Правда, что о вас говорят, будто вы родились десантником?»

– Какое там родился! – ответил Маргелов. – До 40 лет я смутно представлял, что такое парашют, мне и во сне прыжки не снились. Получилось это само по себе, а точнее, как положено в армии, по приказу.

В 1948 году после окончания Академии Генерального штаба меня вызвали в кадры и говорят: во время войны вы командовали морской пехотой, а сейчас на передовом рубеже десантники. Я человек военный, если нужно, готов хоть к черту в зубы. Вот так и пришлось, уже будучи генералом, совершить первый прыжок с парашютом. Впечатление, скажу вам, ни с чем не сравнимое. Над тобой открывается купол, ты паришь в воздухе как птица, – ей-богу, петь хочется! Я запел… Но на одних восторгах не уедешь. Заспешил, за землей не следил, в итоге пришлось недели две ходить с перевязанной ногой. Получил урок. Парашютное дело – не только романтика, но и огромный труд и безукоризненная дисциплина…»

А было все так. Маргелов приехал в 234-й полк, командовал которым полковник М. П. Аглицкий. Комполка, как полагается, доложил о том, что полк совершает тренировочные прыжки. Первый батальон отпрыгал, очередь был за вторым батальоном. Комбат, майор Смирнов, представив присутствующих.

– Секретарь комсомольского бюро гвардии сержант Михалев.

– А почему не в офицерском звании? – спросил Маргелов.

– Готовлюсь к поступлению в военно-политическое училище в Ярославле.

В разговор вклинился начальник парашютно-десантной службы дивизии А. И. Зигаев.

– Василий Филиппович, Николай Михалев не только один из лучших комсомольских вожаков, но и отличный парашютист.

– Возьмешь меня в свою команду?

– Так точно, товарищ генерал!

Старшина Михалев и полковник Зигаев помогли надеть и подогнать парашют, приладили сбоку кобуру с любимым маузером. Каким образом на старте оказался фотограф многотиражки «Солдатская правда», осталось неизвестно. Но боец оказался мастером своего жанра, и фотография перворазника Героя Советского Союза генерал-майора В. Ф. Маргелова

получилась настолько удачной, что несколько лет спустя армейский художник В. Конюченко написал по ней замечательный портрет, вложив в работу всю душу. Кстати, в характере Василия Филипповича нередко проявлялось своеобразие. Так, он категорически не желал позировать для портрета. Напрасны были уговоры родных и близких, в своем упорстве «батя» был непреклонен и либо отшучивался, либо употреблял ядреное словцо, навсегда отбивавшее охоту возвращаться к обсуждению этой темы.

Но возвратимся на старт. Первым зашел в гондолу Михалев и сел на «хлеборезку» – так на солдатском жаргоне называется сиденье, выступающее за корзину. За ним разместился Маргелов, третьим – полковник Зигаев и последним – аэронавт-инструктор.

…С площадки приземления Маргелова на скорой помощи доставили в медсанбат, на сломанную ногу наложили гипс, вручили костыли. Вот в таком виде отец родной и предстал перед домашними. Каково же было удивление Василия Филипповича, когда его близнецы-сорванцы, одетые в солдатские кителя, сшитые по такому знаменательному случаю, дружно пролопотали: «Поздравляем с первым прыжком», – и вручили букетик полевых цветов, собранных на площадке приземления.

По выражению П. Ф. Павленко, 76-я гвардейская воздушно-десантная дивизия до прихода Маргелова «плелась в хвосте» среди соединений ВДВ, что вызывало беспокойство и недовольство у командования. Все изменилось с появлением «настоящего командира». И если в десантном деле Маргелов был новичок, то в организации боевой подготовки, как говорится, «собаку съел». Маргеловские методы – смелость и ответственность командиров в принятии решений, дерзость и внезапность действий на поле боя, отменная огневая выучка, глубокое изучение противника, твердая политическая убежденность – стали мерилом для всех частей дивизии.

Параллельно с боевой учебой шла не менее важная работа по обустройству личного состава, семей офицеров. И здесь всех удивляла настойчивость Маргелова. «Солдат должен быть сыт, чист телом и силен духом» – любил повторять суворовское высказывание Василий Филиппович. В нем неожиданно раскрылся природный дар архитектора. Конечно, в полном смысле листы, на которых был изображен дивизионный городок, на проектный шедевр не тянули, но идея была проста и, самое главное, жизнеспособна. Казармы полков – в одну линию, в другую – дома командного состава, на каждую часть – строевой плац, парашютно-десантный комплекс, столовая, полигон.

К солдатскому здоровью – самое серьезное внимание. Пустые

кровати в полковых медицинских пунктах – признак командирской заботы. Хромающий солдат с мозолями или потертостями на ногах – основательный повод для разговора с младшими командирами.

Постепенно набирала силу мысль о возрождении полковых школ. Маргелов, имевший за плечами значительный педагогический опыт, положил его в основу создания дивизионной школы по подготовке младших командиров. Без сомнения, в таком деле невозможно было обойтись без надежных помощников. Ими стали начальник штаба дивизии полковник Попов, заместитель по воздушно-десантной службе полковник Зигаев и начальник политотдела полковник Воронцов. Начпо, можно сказать, был душой просветительской работы – ведь солдат, имевших десятилетнее образование, в дивизии насчитывалось всего несколько десятков человек. Из них формировались курсы слушателей вечерней дивизионной партийной школы, выпускники которой ставились помощниками политруков. В полках функционируют свои «ликбезы», в которых трудились жены офицеров. Ход боевой подготовки и жизнь дивизии широко освещала дивизионная многотиражка «Солдатская правда». Попасть под острое перо критики считалось позорным, и наоборот, репортаж об успехах того или иного гвардейца или целого подразделения служил ориентиром в социалистическом соревновании. Развернулось оно под лозунгом: «Отличники боевой подготовки – золотой фонд Воздушно-десантных войск».

В. Ф. Маргелов и А. И. Воронцов в отношении целей и задач этого соревнования были единодушны и от лозунгов перешли к делу. Больным местом в боевой подготовке дивизии являлось отсутствие полноценного аэродрома. С кочковатого поля близ деревеньки Кресты Ли-2 взлетали с превеликим трудом. Вот бы укатать взлетную полосу, пройтись по ней механическим катком – да где ж его взять! Возможно, в то время и зародилось выражение: «отделение десантников – экскаватор, взвод – асфальтовый каток». До седьмого пота подразделения дивизии лопатами и мотыгами скребли, уминали, ровняли землю. Все прекрасно понимали, что это не прихоть и не блажь комдива, а насущная потребность.

И когда в небо одновременно поднялась парочка Ли-2, уносивших первый десантный взвод, в задачу которого входила высадка в тыл «противника» с боевой стрельбой, Маргелов первый раз облегченно вздохнул. Ритм подготовки соединения постепенно стал набирать обороты. И за взводными учениями последовали ротные, батальонные.

Учитывая тот подъем, на котором находилась дивизия, начпо А. И. Воронцов предложил В. Ф. Маргелову вызвать на соревнование соседнюю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, располагавшуюся в городе Острове. Командовал ею генерал-майор Н. Т. Таварквеладзе. Но на такое действие необходимо было согласие командира корпуса генерала И. В. Грибова. Иван Владимирович дал «добро».

В то время каждый из командиров ВДВ, можно сказать, вел на ощупь поиск путей и решений проблем как одиночной подготовки воина-десантника, так и отработки тактического взаимодействия подразделений и частей. У генерала Таварквеладзе был накоплен свой, уникальный опыт руководства десантными соединениями, и он живо воспринял инициативу 76-й гвардейской дивизии.

Несколько дней Маргелов с офицерами штаба дивизий и командирами полков провел на огневых и парашютных полигонах, в учебных классах и на командных пунктах. В конечном счете дивизионная команда парашютистов продемонстрировала свое высокое мастерство и превосходство над «гостями», совершив отлаженные прыжки на точность приземления. И хотя комбриг был доволен, Маргелов с большим трудом скрывал свое разочарование. Учебная база дивизии в сравнении с увиденным у соседей была примитивной, и ни 0 какой победе в соревновании в ближайшее время не могло быть и речи.

На обеде, устроенном Таварквеладзе с кавказским гостеприимством, хозяева и гости обменивались дружественными тостами, спели, как водится, и любимые застольные. Настало время прощаться.

– Не покривлю душой, – сказал В. Ф. Маргелов, – хотелось бросить вам вызов, но теперь вижу, что он не созрел. Мы отстали, но, как говорится в народе, долг платежом красен.

Потерзали маргеловцы на осенних учениях дивизию Таварквеладзе. Не случайно комкор подписал аттестацию:

«Тов. Маргелов, 76 гв. ВДД командует с апреля 1948 года после окончания ВВА им. Ворошилова. Участник Отечественной войны, в должности командира стрелкового полка с 1941 до 1943 года и с 1943 года до конца войны в должности начальника штаба, заместителя и командира стрелковой дивизии. Как командир дивизии, за форсирование Днепра и взятие г. Херсон награжден званием “Герой Советского Союза”. За время войны на всех должностях характеризовался положительно.

С командованием дивизией справляется успешно. Большую заботу генерал Маргелов проявил в деле создания и улучшения материальной базы, боевой и политической подготовки и

установлении культуры в быту солдат и офицеров. Парашютные городки дивизии, учебные классы по всем специальностям, стрельбище являются лучшими в корпусе и не раз ставились в пример другим. Столовые, склады, автопарки приведены в хорошее культурное состояние. Большую заботу генерал Маргелов проявил в создании благоприятных условий, боевой и политической подготовки учебных подразделений дивизии; подготовка их и быт – хорошие. Командирской подготовкой генерал Маргелов занимается успешно, не перекладывая ее на других лиц. Свой штаб готовит умело; штаб дивизии, несмотря на явное несоответствие занимаемой должности НШ дивизии, генералом Марковым сколочен и подготовлен вполне удовлетворительно.

Программа парашютной подготовки дивизией как в 1948, так и в 1949 г. выполнена полностью. За 1949 г. дивизией совершено 39 855 прыжков с аэростата и самолетов. При совершении прыжков в 1948 году катастроф в дивизии не было; в 1949 году произошла 1 катастрофа, в которой погиб 1 человек; тяжелых травм от прыжков в 1949 году было 17.

В текущем году под руководством и при участии генерала Маргелова были проведены тактические учения с фактической выброской и высадкой рот, батальонов и полков штабные учения штабов дивизии и полков. Все учения организовывались лично генералом Маргеловым и проведены поучительно. При проведении занятий с офицерами на учениях с войсками генерал Маргелов успешно применяет опыт Отечественной войны и богатый личный опыт действий в тылу противника и знания, полученные в Академии.

Вступив в командование ВД дивизией, генерал Маргелов быстро, энергично, умело изучил ВД подготовку войск, штабов и офицеров. Лично совершил три прыжка, хотя по имеющимся последствиям ранения на войне прыгать не должен».

Когда осенью островчане по договоренности нанесли ответный визит псковичам, комкор не мог поверить своим глазам: «хилое хозяйство Маргелова», которое он прежде посещал лишь наездами, радовало глаз, везде чувствовалась заботливая рука. По-иному выглядели даже лица и осанка солдат – на них читалась гордость за принадлежность к прославленному соединению. Не скрывал восхищения и генерал Таварквеладзе: «ученик» оказался достойным «учителя» и преподнес ему неожиданный сюрприз.

Во время десантирования в тыл врага в годы Великой Отечественной войны желание любого десантника при спуске на парашюте «полить свинцом» место своего приземления было

неисполнимым. Автоматическое оружие облегчало эту задачу, и в воздушно-десантную подготовку стали внедряться приемы стрельбы с воздуха и метание гранат. В частях и соединениях ВДВ прыгали с парашютом все – и фельдшера, и повара, и оркестранты. Для последних В. Ф. Маргелов усложнил задачу, приказав совершать прыжки с инструментами. Начальнику воздушно-десантной службы дивизии капитану Г. Н. Панькову понадобилось немало поразмыслить над тем, как трубу, кларнет или баритон привести в воздухе в «боевое» положение. Две проведенные репетиции показали, что такое возможно. Наверно, не стоит говорить, что подготовка к такому необычному концерту велась в строжайшей тайне.

И однажды после показательного десантирования с боевой стрельбой и выступлением парашютистов-спортсменов в воздухе раздалась мелодия «Польки-бабочки». И. В. Грибов и Н. Т. Таварквеладзе открыли рты от удивления. Эффект музыкального номера был впечатляющим. Зрители смеялись, хлопали в ладоши, качали на руках участников «музыкального десанта». И конечно, после этого комдив 76-й гвардейской дивизии не ударил в грязь лицом: праздничный обед отличался истинным маргеловским хлебосольством.

Но не обильное застолье, а реальные дела Маргелова позволили командиру корпуса генералу Грибову сделать вывод: «После годичного срока закрепления навыков в командовании дивизией может быть выдвинут на должность командира корпуса». Аттестация В. Ф. Маргелова легла в декабре 1949 года на стол командующего воздушно-десантной армией Вооруженных Сил СССР (так в то время именовали ВДВ. – Á. Е.), который поставил свою подпись под резолюцией: «К осени 1950 года… может быть выдвинут на должность командира воздушно-десантного корпуса». Решение высшей аттестационной комиссии под председательством маршала Советского Союза А. М. Василевского гласило: «Должности командира корпуса соответствует. Зачислить кандидатом на должность командира воздушно-десантного корпуса».

В. Ф. Маргелов на учениях. ***1970 год.***

После совместных учений стран Варшавского договора. ***1976 год.***

Первый секретарь КПЧ Густав Гусак, Президент Чехословакии Людвик Свобода и командующий Центральной группой войск Александр Майоров.

В. Ф. Маргелов и И. И. Лисов поздравляют десантников 76-й гвардейской вдд, принимавших участие в войсковых учениях «Двина». *1970 год.*

В. Ф. Маргелов, маршалы А. А. Гречко и П. К. Кошевой, министр национальной обороны ГДР генерал армии Хайнц Хофман. *ГДР, 1970 год.*

На тактическом учении «Весна-75» в Белоруссии. П. М. Машеров *(2-й слева)* и В. Ф. Маргелов всегда хорошо понимали друг друга.

«Хлеб-соль». Встреча в десантном гарнизоне.

Боевой машине десанта БМД-1 не страшны ни бездорожье, ни водные преграды.

Перед десантированием, Экпипаж «Кентавра-1» Л. Зуев и А. Маргелов.

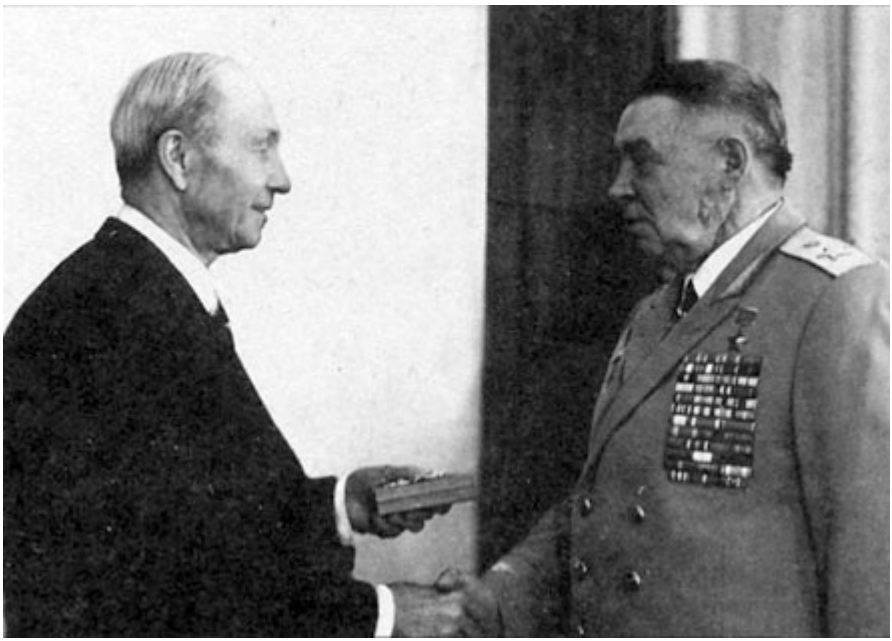
Экипаж БМД-1 в КСД (комплексе совместного десантирования) после приземления, 26 августа 1975 года. Слева направо: А. Маргелов, Л. Щербаков, А. Петриченко, В. Волокушин, В. Антонов, В. Алферов.

А. В. Маргелов докладывает командующему ВДВ о выполнении задания.

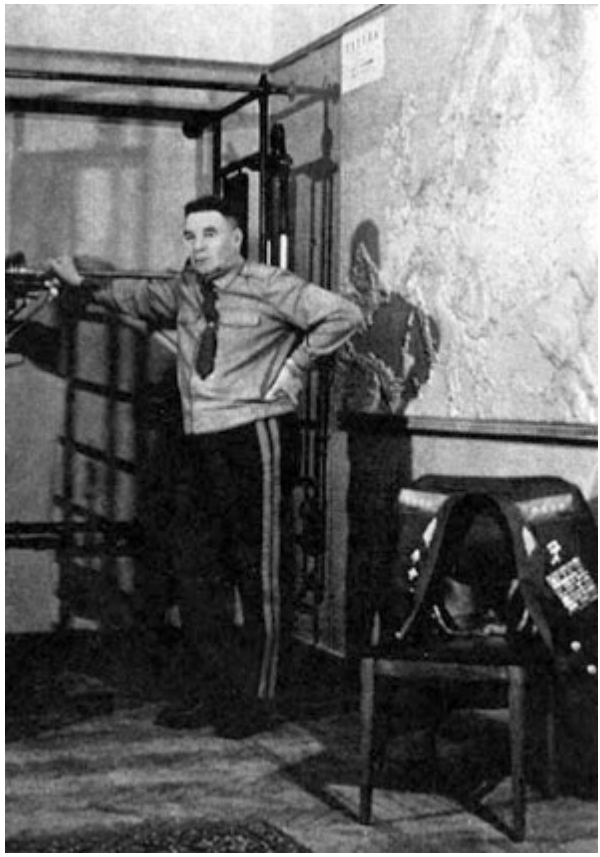
Родион Яковлевич Малиновский.

Андрей Антонович Гречко.

Дмитрий Федорович Устинов.



Первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов вручает генералу армии В. Ф. Маргелову орден Ленина. ***1978 г.***



В дружбе со спортом. Тренажеры в рабочем кабинете Маргелова.

Чемпионская медаль Международного турнира по армейскому рукопашному бою имени генерала армии В. Ф.

Маргелова.

Исторический памятник. Главный учебный корпус Рязанской духовной семинарии (1814), пехотного училища (1918), воздушно-десантного училища (1964). С 1972 года – Музей истории ВДВ.

Генерал-майор Александр Степанович Леонтьев, начальник Алма-Атинского училища ВДВ (1959) и первый начальник Рязанского высшего воздушно-десантного училища.

В. Ф. Маргелов в своем кабинете в Генеральной инспекции Минобороны СССР.

В. Ф. Маргелов с группой генеральных инспекторов в Рязани у Музея истории ВДВ. *1982 год.*

Памятник Герою Советского Союза В. Ф. Маргелову в Днепропетровске (Украина). ***Скульптор Ю. Щедров, 2000 год.***

27 декабря 2008 года. Выстрел с бастиона Петропавловской крепости в честь 100-летия В. Ф. Маргелова.

Кабинет руководителя Ассоциации имени Маргелова. Награды и кубки – свидетельства побед в рукопашном и универсальном боях.

Памятник В. Ф. Маргелову в Санкт-Петербурге, созданный при содействии Ассоциации, носящей имя легендарного командующего ВДВ.

Президент Ассоциации А. И. Турков с сыновьями и

внуками В. Ф. Маргелова.

Памятник В. Ф. Маргелову в Рязанском училище ВДВ. Копия памятника, установленного на Новодевичьем кладбище в Москве. *Скульпторы В. и Н. Никифоровы, 1993*

ɾoɗ.

В краю дальневосточном

Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Сергей Игнатьевич Руденко, впоследствии маршал авиации и первый заместитель Главкома ВВС, был назначен в декабре 1948 года командующим Воздушно-десантными войсками после очередной послевоенной перетасовки, затеянной И. В. Сталиным в высшем командном эшелоне Вооруженных Сил. Существуют все основания предполагать, что назначение этот прославленный военачальник воспринимал как временное (что, в общем, и подтвердилось в январе 1950 года), ибо даже в собственных мемуарах он упоминает о нем как бы вскользь. Н. А. Булганин поставил перед С. И. Руденко четкую задачу: должности командиров воздушно-десантных дивизий и корпусов должны занимать люди, имевшие не только боевой опыт, но и мыслившие инициативно, самостоятельно.

Перед началом нового учебного года командующий решил провести Военный совет Воздушно-десантных войск, справедливо полагая, что он поможет выявить именно таких людей. Открывая заседание совета, Руденко задал деловой тон: необходимо конкретно определить, чему и как следует обучать десантные войска, отбросив в сторону словесные упражнения.

Начали, как было принято, с политической учебы. Выяснилось, что политработникам не хватало просветительской литературы. Даже популярную в то время книгу И. В. Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)», обязательную для изучения офицерским составом, передавали из рук в руки. Не лучше обстояло дело и с политическим образованием рядового и сержантского состава. Проводить в жизнь мысль. «Сталин – гениальный полководец и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне», не подкрепленную теоретическими изысканиями и соответствующей учебной литературой, политрукам было весьма сложно. Поэтому с неподдельной радостью было встречено известие начальника политуправления, который сообщил о выпуске специального учебника. Может быть, в наши дни обсуждения проблем подкованности командиров и солдат кажется наивным и не вполне необъяснимым. Но стоит перелистать газеты тех времен, как станет ясно, что призрак тридцать седьмого года исподволь вновь пробивал себе дорогу на страницы печати, в том числе и армейской. Широко обсуждалось громкое «ленинградское дело» и сотни других, не получивших такого резонанса, дел «о предательстве и измене» Родине.

Пожалуй, главное значение проведенного Военного совета заключалось в том, что впервые после войны командиры и политработники Воздушно-десантных войск имели возможность не только познакомиться друг с другом, но и определить единые подходы в боевой подготовке, в организации десантирования частей и подразделений. На фоне обсуждения общих бед и ссылок на отсутствие опыта выделяется своей конкретностью и деловитостью выступление командира 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майора В. Ф. Маргелова. Приведем его тезисы:

«– В 1948 году в дивизии было много чрезвычайных происшествий. Причина – низкая дисциплина, в том числе и командирская, исполнительская. Основные ошибки – слабая воспитательная работа с личным составом. Командование дивизии разработало план, и я, как командир, от него не отступлю, недостатки и упущения будут устранены.

– Мои соображения по огневой подготовке Воздушно-десантных войск. Решая схожие задачи, что и стрелковые войска, ВДВ имеют значительно меньше артиллерийских и минометных средств. Предлагаю в программу по огневой подготовке включить только такие упражнения, которые необходимы для Воздушно-десантных войск, а если необходимо, то ввести новые, например, стрельбу с воздуха по наземным целям. Если Военный совет мне разрешит, то к осенней проверке я подготовлю две роты…

– Карабины, находящиеся на вооружении, – военного выпуска и требуют замены на автоматическое оружие.

– Предлагаю ввести в воздушно-десантные дивизии разведывательный батальон, а в парашютно-десантных полках – разведроту.

– В воздушно-десантной дивизии есть рота связи. Считаю, что эта рота со своими задачами в бою не справится. Предлагаю ввести в штат воздушно-десантной дивизии батальон в составе: радиороты, телефонно-кабельной учебной роты.

– Считаю необходимым лыжную подготовку в Воздушно-десантных войсках ввести как обязательную и снабдить войска доброкачественными лыжами.

– Считаю совершенно необходимым ввести в программу групп командиров дивизий вопросы общевойсковой подготовки… такие, как ввод в бой механизированных армий, наступление стрелковой дивизии и корпуса с целью прорыва фронта противника.

– Считаю совершенно необходимым ввести в состав воздушно-десантной дивизии третий полк, так как такая система оправдала себя на протяжении ряда войн.

– Констатирую. Наши воздушно-десантные дивизии укомплектованы так, что примерно 30 процентов негодны к службе в ВДВ. Считаю такое положение неприемлемым. Вся дивизия до одного человека должна прыгать с парашютами.

– Хочу передать Военному совету просьбу солдат и офицеров и лично мою просьбу о пересмотре формы одежды воздушно-десантных войск. Я предлагаю ввести авиационную форму, так как она является традиционной».

Забегая вперед, можно сказать, что многие из поставленных проблем В. Ф. Маргелову пришлось решать самому, уже после того, как он стал командующим ВДВ. Конечно, тогда комдив 76-й воздушно-десантной дивизии о таком повороте событий не помышлял, и многие его предложения, в том числе о введении в курс огневой подготовки стрельбы при снижении на парашюте, командиры частей и соединений поддержали. Близка им была и затронутая болезненная тема вооружения десантника – карабин с появлением с уникального автомата АК-47 конструкции М. Т. Калашникова стал анахронизмом. Но задача массового оснащения им десантников наряду с внедрением других модификаций в последующем также легла на плечи самого Маргелова.

Генерал-полковник С. И. Руденко, слушая выступление комдива 76-й гвардейской Черниговской дивизии, что-то записывал в блокнот. Сразу же после совещания Военного совета он, не откладывая дела в долгий ящик, заглянул в выводы, сделанные аттестационной комиссией. По ним, как мы помним, генерал-майор В. Ф. Маргелов был рекомендован «кандидатом на должность командира корпуса». Надо ли говорить, что без согласования кандидатуры у военного министра такое назначение не могло состояться. С марта 1949 года оборонное ведомство страны возглавлял маршал А. М. Василевский, не терпевший волокиты в кадровых делах, тем более что речь шла о выдвижении на вышестоящую должность шла о боевом генерале, который за два года командования дивизией доказал, что он в ВДВ человек не случайный.

15 апреля 1950 года В. Ф. Маргелов был назначен на должность 37-го гвардейского Свирского Краснознаменного воздушно-десантного корпуса. Как ни грустно было, пришлось расставаться с теми, кто учил его десантному делу и кого он обратил в свою, маргеловскую веру. Впереди ждал Дальний Восток.

Корпус, которым предстояло командовать Василию Филипповичу, был сформирован накануне войны из десантников 11-й, 14-й и 15-й дивизий. Оказался он на Дальневосточном

театре военных действий в результате переброски туда войск, победоносно завершивших войну в Европе. В истории Великой Отечественной войны есть немало примеров исключительного героизма, но случай, когда в одном стрелковом батальоне воевало двенадцать Героев Советского Союза, – редчайший. Все они были удостоены этого звания за форсирование реки Свирь в июле 1944 года. Имена гвардейцев-свирцев мы находим среди участников Парада Победы. После завершения разгрома Квантунской армии корпус под тем же наименованием вновь перешел в состав Воздушно-десантных войск. Дивизиям также были оставлены их порядковые номера – 98-я и 99-я. 13-я воздушно-десантная дивизия была включена в состав корпуса во время мероприятий по усилению ВДВ в 1948 году.

После завершения войны с Японией три советских фронта – Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные – были преобразованы в военные округа. Одним из них, Забайкальско-Амурским с управлением в Хабаровске, командовал дважды Герой Советского Союза Маршал Р. Я. Малиновский, который после нескольких реорганизаций, в основном связанных с увольнением в запас старших призывных возрастов, возглавил Главное командование войсками Дальнего Востока. Вот так пути В. Ф. Маргелова и Р. Я. Малиновского пересеклись вновь. А непосредственным начальником комкора Маргелова стал командующий 1-й отдельной Краснознаменной армией дважды Герой Советского Союза А. Д. Лелюшенко. Одержимый любовью к бронетанковым войскам, обладавший завидной храбростью и властным характером, Лелюшенко воспринимал 37-й воздушно-десантный корпус как некую вынужденную обузу, личный состав которой «закопался в тряпках» и от командиров которой исходили постоянные просьбы о необходимости строительстве парашютных хранилищ.

Все просьбы, которыми Маргелов атаковал Лелюшенко, диктовались главным образом заботой о жизни и здоровье десантников. Будучи сам человеком отважным, Дмитрий Данилович прекрасно понимал, с чем связаны парашютные прыжки, так как не раз наблюдал за учениями гвардейцев-десантников. Впрочем, желания самому сесть в гондолу аэростата он не выказывал.

А вот для В. Ф. Маргелова прыжки стали делом обычным. В корпус приходили офицеры из общевойсковых училищ и академий, спецподразделения пополнялись командирами, не имеющими понятия о воздушно-десантной подготовке. Один из таких офицеров, ставший впоследствии начальником разведки ВДВ, А. В. Кукушкин, вспоминает:

«Вместе с войсками учился и штаб корпуса – к десантной подготовке подключили и нас, новичков. Формальная медкомиссия в медсанбате, две тренировочные укладки парашюта ПД-47, и вот мы уже на предпрыжковой подготовке, точнее, на только что построенном тренажере – “костоломе Проничева”. Опытные десантники наотрез отказались прыгать с него и со смехом предложили опробовать тренажер на новичках.

Первым поднимаюсь по скрипучим ступеням на нелепое сооружение на высоких столбах. На самой верхотуре напяливаю на себя подвесную систему… Складываю руки на запасном парашюте и по команде инструктора прыгаю вниз. Метра через 3–4 свободного падения меня тряхнуло так, что слетела шапка и валенки. Я, как дурак, босой и с голой головой, болтался на тросах в метрах трех-четырех над землей. Внизу, забыв о морозе, хохотали офицеры. Напялив кое-как брошенные мне валенки, старательно выполнил команду инструктора: “Развернуться по ветру!”, а затем по команде “Земля” снова кирпичом полетел вниз и шлепнулся на кучу опилок.

Товарищи со смехом и шутками поздравили меня с “первым прыжком”…

Вторым прыгал другой новичок. Его первый опыт был более печален. Разбитый нос и ушибленное колено вынудили прекратить “тренажерный эксперимент”…

2 марта 1952 года где-то часов в десять мы, офицеры корпуса, прибыли на площадку приземления “Украинка”. Прыжки шли уже вовсю. Работали два аэростата, третий, запасный, огромным перезрелым огурцом стоял в загородке высоченного забора. Комкор Маргелов был уже на площадке и распекал командира корпусного батальона связи. Этот “отец солдату” половину батальона вывел на прыжки в сапогах. Досталось от комкора и кое-кому из корпусных начальников за бесконтрольность и наплевательское отношение к здоровью и заботе о солдатах.

Разобравшись с начальниками, Василий Филиппович пошел к связистам, весело поздоровался с ними и шутливо попросил: “Что это, товарищи десантники, скрючились? Радуйтесь, на прыжки пришли. А что в сапогах, то домой бежать будет легче!” Потом добавил какую-то байку о десантнике и… пожелал им мягкого приземления. А командиру батальона приказал: “Всех в сапогах пропустить на прыжок вне очереди!” – чем еще больше подбодрил замерзающих связистов.

Обычная предстартовая суета с парашютами, проверка готовности, и мы уже на старте.

Первым на прыжок пошел комкор. В гондолу с ним сел начальник парашютно-десантной службы (ПДС) подполковник

Паньков Н. П. – он всегда лично выпускал командира корпуса.

Впервые я видел, как поднимается аэростат, и с замиранием сердца ждал, когда генерал отделится от гондолы. Наверное, за прыжком комкора следили сотни глаз. Наконец аэростат остановился, развернулся по ветру, еще мгновение, и вот черная точка отделилась от него. Еще миг, и над человеком вспыхнул зонтик парашюта. Вздох облегчения. Невольная гордость за генерала всколыхнула, наверное, не только меня, но и многих… Ведь комкор был уже в летах, избит на войне и обременен массой забот… Возникла подленькая мысль, а нужно ли командиру корпуса лезть вперед и рисковать здоровьем и даже жизнью? И тут же возник ответ: надо! Вот так и только так должен поступать настоящий командир!»

«Обременен массой забот». Эта фраза нуждается в пояснении. В 1946 году Генеральный штаб, разрабатывая штаты воздушно-десантных корпусов и дивизий, определял и места их постоянной дислокации. Согласно плану, управление 37-го гвардейского Свирского Краснознаменного корпуса и спецподразделения должны были расположиться в районе Монастырище. 98-й дивизии отводилась местность близ села Покровка, а для 99-й дивизии определен район железнодорожных станций Манзовка и Мучная. Но, как говорится в народе, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Из Приморского края корпус был передислоцирован в Амурскую область, где балок и лесов не перечесть, да и климат не райский. Всю десантную махину обеспечивала 1-я военно-транспортная авиационная дивизия, а это десятки самолетов Ли-2, планеров Як-14, сотни планеристов, инженеров и техников. Дивизия распоряжением Главкома войск Дальнего Востока была включена в состав 37-го гвардейского воздушно-десантного корпуса.

Как и в Пскове, на В. Ф. Маргелова легла вся тяжесть обустройства частей и соединений на голом месте. К тому времени, когда он был назначен командиром корпуса, части и соединения располагались в приамурских городах и поселках. Управлению корпуса, спецподразделениям, 98-й и 13-й дивизиям пришлось обживать затерявшийся среди сопок районный центр Куйбышевка-Восточная (ныне г. Белогорск. – Á. Е.). Город, стоявший на перепутье железных дорог, одна из которых вела в Благовещенск, расположенный на левом берегу Амура, всколыхнула война с Японией.

Сильная и величественная река, безудержно сносившая в половодье даже самые мощные преграды, вызывала у Василия Филипповича невольное восхищение… А между тем в жизни комкора возникало немало подводных преград и течений. Не все

ладилось в отношениях с Д. Д. Лелюшенко. Во всяком случае, мелочная опека и постоянные накачки со стороны прославленного военачальника, командующего 1-й стрелковой Краснознаменной армией, на пользу делу явно не шли, а необходимой свободы действий и поддержки Маргелов не получал.

Два года понадобились для того, чтобы захолустный городок стал именоваться военным гарнизоном. Пришли и первые радостные события. Появилась пристройка к родильному дому – жизнь брала свое, и в офицерских семьях чуть ли не еженедельно принимали пополнение. Напутствуя главврача, В. Ф. Маргелов понимал, что идет на явные нарушения – строительные материалы, отпущенные на казармы, складские помещения и учебные классы, были в Приамурье на вес золота. Безо всякой иронии Василий Филиппович называл себя заправским прорабом, ибо на его рабочий стол вперемешку с планами боевой подготовки, учений, десантирования ложились расчеты, сметы, проекты…

Аэростату, как известно, ни аэродрома, ни взлетной полосы не требуется. Другое дело – транспортный самолет или планер. Ни тот, ни другой никакими заклинаниями с кочковатого поля в воздух не поднимешь. Летчики – армейская интеллигенция, которую трудно представить в роли обслуживающего аэродромного персонала. Неизвестно, какие слова нашел комкор, но на строительстве корпусного аэродрома, не считаясь со временем, трудились те, кто поднимал в небо самолеты и планеры, и те, кто обслуживал полеты, и когда первый самолет, бессменный труженик Ли-2, совершив пробежку, взлетел ввысь, унося на борту группу десантников, наблюдавшие за этим зрелищем невольно зааплодировали. Местные юмористы, окрестив аэродром «малым Тушином», даже не предполагали, что В. Ф. Маргелову уже в ранге командующего ВДВ не раз придется руководить десантной частью знаменитого на весь мир Тушинского парада.

В соответствии с требованиями «Положения о прохождении службы офицерским составом» по прошествии двух-трех лет офицеры и генералы подлежали аттестации. Как правило, этой процедуре предшествовали проверки боеготовности частей и соединений. В 1952 году 37-й воздушно-десантный корпус проверяли и Главком войск Дальнего Востока, и командующий Отдельной Краснознаменной армией. Маршал Р. Я. Малиновский слыл в Вооруженных Силах человеком выдержанным, с уважением относящимся к солдатским мозолям и поту. По служебным меркам, между Маршалом Советского Союза и

генерал-майором – дистанция огромного размера. Но Р. Я. Малиновского и В. Ф. Маргелова свело знакомство не в буфете Дома офицеров, а в окопах Сталинграда. А это значило очень многое. На бескрайних просторах военного округа, которым командовал Малиновский, могли бы уместиться три Франции или пять Англий со Швейцарией в придачу, и даже воздушно-десантный корпус – всего лишь боевая единица среди бесчисленных гарнизонов, разбросанных на этом огромном пространстве. Родион Яковлевич жаловал своими визитами по-простому, по-домашнему не всякого. А вот к Маргеловым заглянул, да не один, а с супругой и дочерью. Правда, перед этим объехал «хозяйство» комкора, откровенно заявив в начале пути: «Я в десантном деле – полный несмышленыш. Так что, Василий Филиппович, будь мне поводырем».

В этот день десантники старались на совесть. Спортсмены демонстрировали технику владения парашютом, стрелки поражали меткими выстрелами мишени, взводы успешно атаковали опорные пункты «противника», в воздушно-десантных городках тщательно отрабатывались элементы прыжка.

Маргеловы жили в половине одноэтажного дома неподалеку от штаба корпуса. Анна Александровна, работая в гарнизонной поликлинике, успевала и за братьями-близнецами присмотреть, и чистоту с уютом в доме блюсти.

Пока маршал с генералом совершали объезд частей и полигонов, их жены приготовили ужин, а дети отрепетировали концерт. Александр и Василий исполнили любимые военные песни отца, а Наташа, дочь Малиновского, ровесница близнецов, продекламировала стихи. За столом вспоминали о трудных военных годах. Маргелов рассказал о том, как его гвардейцы освобождали Одессу, родной город Малиновского. В свою очередь Родион Яковлевич поведал о том, как громили Квантунскую армию, и о том, какую роль в разгроме японцев сыграли десанты.

– Правда, прыгать гвардейцам не пришлось, – заметил маршал, – однако даже посадочный способ показал эффективность воздушно-десантных подразделений. А у тебя, Василий Филиппович, в руках целый корпус.

– Не у меня, товарищ маршал, – поправил Маргелов, – а у вас.

– И то верно. Прав ты и в том, что самолетов для большого десанта явно маловато. Впрочем, как и звезд у тебя на погонах, – с улыбкой добавил Малиновский.

Но только в августе 1954 года, после трех лет командования корпусом, Василий Филиппович Маргелов стал генерал-лейтенантом. Аттестацию подписал его непосредственный начальник командарм Д. Д. Лелюшенко:

«Генерал Маргелов В. Ф. командует 37-м воздушно-десантным корпусом с апреля месяца 1950 года, выдвинут с должности командира воздушно-десантной дивизии.

Имеет хорошую оперативно-тактическую подготовку. В 1948 году окончил военную академию имени К. Е. Ворошилова. Любит воздушно-десантное дело и хорошо его знает. Присвоено звание инструктора парашютно-десантной службы.

Использование ВДК и взаимодействие с другими родами войск знает хорошо. Настойчиво работает по воспитанию и выращиванию офицерского состава.

В повседневной жизни добивается выполнения требований приказа военного министра за № 0085 от 1951 года. Воинская дисциплина в корпусе заметно улучшилась и укрепляется авторитет командира-единоначальника.

По сколачиванию штаба, как органа управления, работает, но штаб еще недостаточно контролирует выполнение войсками требований приказов и воинских уставов.

По боевой подготовке корпус имел за 1950/51 год посредственную оценку. За 1951/52 год войска корпуса получили оценки: 13 ВДД – удовлетворительно, 98 ВДД – хорошо, 99 ВДД – удовлетворительно.

В 1952 году значительно повысилась парашютно-десантная подготовка. Во всех частях успешно проведены ротные, батальонные и полковые учения с практическим десантированием.

В частях корпуса заметно улучшился воинский порядок, однако еще имеется значительное количество чрезвычайных происшествий и воинских правонарушений, непосредственно влияющих на воинскую подготовку.

Состояние боевой техники и вооружения в корпусе удовлетворительное, но в содержании автотранспорта имеются существенные недостатки.

Уют и благоустройство войск созданы удовлетворительно.

Тов. Маргелов политически достаточно развит. Правильно ставит задачи перед политорганами и партийной организацией по обеспечению боевой подготовки и укреплению воинской дисциплины и единоначалия. Активно участвует в партийно-политической работе.

Над усовершенствованием знаний работает, воинские уставы знает и настойчиво их требования проводит в жизнь.

Волевой, честный, инициативный, исключительно трудолюбивый и дисциплинированный командир. Иногда бывает вспыльчив. В отдельных случаях не продумывает вопросы до конца. Физически здоров. В морально-политическом отношении

устойчив. Пользуется достаточным авторитетом.

Партии Ленина – Сталина и Социалистической Родине предан.

Вывод: Корпус боеготовен к выполнению боевых задач».

…С 5 марта 1953 года, после смерти Сталина, страна начала новый отсчет времени. Вместе со Сталиным ушла целая эпоха – эпоха открытий и свершений, сотворенных народом, которому не было преград «ни в море, ни на суше», которому были «не страшны ни льды, ни облака», эпоха разнузданной клеветы и доносов, громких процессов над «врагами народа», эпоха невиданных просчетов и Великой Победы в Отечественной войне, эпоха зарождения ракетно-космической и термоядерной науки, сделавшей подлинный переворот в военном деле.

В образном выражении У. Черчилля: «Сталин принял страну с сохой, а оставил с ракетой», – присутствует неоспоримая истина. Неоспорим и факт кулуарной борьбы, развернувшейся в Кремле после ухода из жизни Сталина. Так, в кресле военного министра в марте 1953 года оказался Маршал Советского Союза Н. А. Булганин, покинувший его в 1949 году. Главнокомандующим сухопутными войсками стал Маршал Советского Союза И. С. Конев. Произошли перестановки военачальников и в других видах Вооруженных Сил, и только командующий ВДВ Герой Советского Союза А. В. Горбатов сохранил свой пост. В одном из приказов, подписанных им в траурные мартовские дни, говорилось: «Воздушно-десантные войска, скорбя вместе со всем народом о кончине Иосифа Виссарионовича Сталина, проявили патриотизм, приняв повышенные обязательств успешно закончить зимний период обучения, полностью и без тяжелых травм выполнить план парашютных прыжков, организованно провести учения с боевой стрельбой».

Десантный корпус Маргелова по праву считался одним из лучших соединений в войсках Дальневосточного округа. Ведь любое отступление от планов боевой подготовки, а тем более ее срывы, карались комкором беспощадно. В середине 1953 года в войну в Корее вступили США, и Дальневосточный округ после нескольких провокационных вторжений американской авиации и бомбежек оказался на положении прифронтового.

А. В. Кукушкин вспоминает:

«Комкор в полной мере требовал отдачи от штаба. К этому обязывала и обстановка. В войне в Корее американцы широко применяли напалм и бактериологическое оружие. Личному составу корпуса была проведена вакцинация от чумы и холеры. Василий Филиппович постоянно был в войсках. Мы, офицеры штаба, сопровождали его на всех учениях и проверках. Это была

хорошая школа для нас.

Как-то по тревоге был поднят 116-й гвардейский воздушно-десантный полк, который за ночь совершил двадцатикилометровый марш-бросок и утром возвратился к месту дислокации. Я… прошел с полком весь маршрут и вроде бы хорошо знал промахи и успехи в его действии.

На совещании офицеров управления корпуса Василий Филиппович приказал мне сообщить о действиях полка. Я по порядку доносил обо всем. И вдруг комкор задает мне вопрос: “Сколько в полку было отставших на марше и сколько человек с потертостью ног?”

Я ответил, что отставших было человек тридцать-сорок, потертостей много, а сколько точно, не знаю.

– Вот как – “приблизительно” – работают наши офицеры! – с возмущением заметил комкор и сам назвал точные цифры.

Я готов был провалиться сквозь землю от стыда и позора».

А. В. Горбатов, отважный кавалерист времен Первой мировой и Гражданской войн, командир кавалерийской дивизии, после окончания курсов усовершенствования Высшего командного состава в 1930 году неожиданно оказался в пехоте и в годы Великой Отечественной войны командовал стрелковой дивизией 3-й гвардейской армии. Сменив в 1950 году командующего ВДВ генерал-полковника авиации С. И. Руденко, Александр Васильевич чувствовал себя белой вороной среди бывалых десантников и поэтому стремился окружить себя помощниками, в деловых качествах которых сомнений не имел. И хотя 37-й корпус располагался в значительном отрыве от других частей и соединений ВДВ, Горбатов при каждом удобном случае «вытаскивал» комкора Маргелова в Москву. Такой случай представился и в июне 1953 года.

26 июня 1953 года был арестован Л. П. Берия. Москва жила слухами, домыслами, тревогой. Танки гвардейской Кантемировской дивизии стояли на Ленинских горах, на Горьковском шоссе. Под усиленной охраной находились вокзалы, почта, телеграф, улица Горького, Кремль. Трое суток не спадало напряжение. И наконец стало ясно: операция по устранению от руководства Берии и его ставленников из органов МВД, МГБ и Минобороны прошла бескровно.

Оказалась вакантной должность военного коменданта. Излишне говорить, что комендант столицы СССР – лицо, приближенное не только к Минобороны, но и к правительственным кругам. Какой веский довод нашел Василий Филиппович Маргелов, чтобы отказаться от назначения на эту должность, осталось неизвестным. Сохранились лишь его слова,

высказанные в кругу близких людей: «Не хочу быть милиционером».

А между тем все равно работа в Москве Маргелову нашлась: вместе с другими военачальниками он до окончания следствия и заседаний Специального судебного присутствия Верховного суда СССР охранял Берию и его подручных.

Но пребывание в течение нескольких месяцев в Москве для В. Ф. Маргелова не прошло без последствий – уезжал он из Первопрестольной генерал-лейтенантом и с неприятным осадком на душе от соприкосновения с той политической борьбой, в которую были втянуты видные военачальники.

Менее чем через год, в начале мая 1954 года, генерал-лейтенант Маргелов вновь оказался в Москве, в уже известном нам кабинете министра обороны, из которого он в свое время вышел командиром 76-й гвардейской Черниговской воздушно-десантной дивизии. Генералу армии А. В. Горбатову не требовалось представлять подчиненного – Н. А. Булганин был чрезвычайно памятлив на людей.

– Моим приказом, – начал без предисловий военный министр, – Александр Васильевич назначен командовать Прибалтийским военным округом. – Булганин улыбнулся. – Рука у меня легкая. В 1948 году после академии вы согласились стать десантником. Не раскаиваетесь в том?

– Никак нет! – ответил Маргелов.

– Как же вы это от «хлебного» места в Москве отказались?

– Комендантом я был бы никудышным.

– Возможно, вы правы. Горбатов предложил мне замену. Ознакомьтесь с моим приказом.

Маргелов пробежал глазами по строчкам: «Назначить на должность командующего Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенанта Маргелова Василия Филипповича, бывшего командира 37-го гвардейского Свирского Краснознаменного воздушно-десантного корпуса. Прием и передачу должности осуществить в срок до 1 июня 1954 года, о чем доложить мне лично».

Вот так, минуя должность заместителя командующего, в мирное время Василий Филиппович Маргелов впервые перешагнул через одну ступеньку военной карьеры. А рука у Н. А. Булганина, который в феврале 1955 года стал Председателем Совета Министров СССР, действительно оказалась легкой.

Сдав корпус, Маргелов приехал в Хабаровск с докладом к командующему Дальневосточным округом. Маршал Малиновский, не скрывая удовлетворения, пожал на прощание руку: «Дерзай, Василий Филиппович!» Менее чем через два года

Р. Я. Малиновский был назначен главнокомандующим Сухопутными войсками.

На правах пасынка

Получив в послевоенные годы существенное преимущество в области ядерного вооружения, США и их союзники по Североатлантическому блоку принялись за переустройство мира по своему образу и подобию, успешно применяя доктрину «ограниченной войны». И здесь выяснилось, что эффективность боевых действий в значительной мере зависит от мобильных, воздушно-десантных соединений. Генерал Д. Гейвин, опираясь на свой опыт командования 82-й воздушно-десантной дивизией, считал, что «больше шансов на победу будет иметь страна, обладающая лучше обученными и лучше вооруженными воздушно-десантными войсками». Отставной военачальник в своей общепризнанной книге «Воздушно-десантная война» также утверждал, что «воздушные десанты могут наносить сокрушительный удар из любого места по любому пункту земного шара».

Надо отметить, что в 1948 году численность воздушно-десантных сил США составляла 150 тысяч человек. Мнения и рекомендации известного теоретика воздушно-десантных войн, коим являлся Д. Гейвин, не оставались без внимания. В 1950 году в Северной Корее в боях за Пхеньян американцы высадили усиленный 177-й десантный полк, который решал тактическую задачу – содействовать войскам, действующим с фронта, в разгроме отходящего противника. Этот же полк с аналогичной задачей был десантирован под Сеулом.

Действуя в русле стратегического партнерства, в ноябре 1953 года в Индокитае французы попытались сломить сопротивление бойцов Национальной армии Вьетнама и высадили десант под Дьен-Бен-Фу. Однако в конечном счете французские части потерпели здесь сокрушительное поражение.

В 1965 году во Вьетнам отправилась 173-я отдельная воздушно-десантная бригада, которая, действуя на вертолетах, прочесывала джунгли, а затем совместно с 1-й аэромобильной дивизией, 1-й бригадой 1-й воздушно-десантной дивизии участвовала в крупных операциях по ликвидации очагов сопротивления частей Национального фронта освобождению Южного Вьетнама.

Успешные действия мобильных соединений американцев и их союзников во Вьетнаме – лишь эпизоды, которые, однако, не могли повлиять на бесславный финал войны. И все же при этом приобретался колоссальный опыт. Вертолетная авиация, ранее считавшаяся «извозчиком и подвозчиком» не утратив этих

функций, заявила о себе в полный голос как боевая единица, без которой в условиях джунглей части и сухопутные соединения были попросту беспомощны.

Доктрина «гибкого реагирования», официально принятая в 1967 году в качестве военной стратегии всех стран НАТО предполагала многообразие форм и методов применения воздушно-десантных войск. Как известно, в основе ее лежала мысль о том, что грядущая война будет коалиционной. Столкновение двух противоборствующих систем, Запада и Востока непременно превратит войну в мировую, в которой главным станет ракетно-ядерное оружие. Вослед его сокрушающим ударам и должны десантироваться или приземляться посадочным способом мобильные соединения и части. «Диапазон использования воздушно-десантных войск широк, – писал немецкий военный журнал «Wehrkunde» (№ 1, 1963). – Участие парашютистов и воздушно-посадочных подразделений является характерной чертой военных боевых действий в современных условиях».

Сравнение темпов развития и совершенствования в послевоенный период воздушно-десантных войск армий стран НАТО и Вооруженных Сил СССР приводит к неутешительному выводу. Противники Советского Союза, обобщив военный опыт и избрав магистральное направление, сделали ставку на качественное усиление боеспособности частей и соединений ВДВ, повышение их мобильности, огневой мощи, на проведение широкомасштабных учений с практическим десантированием. Все наши шаги в области применения воздушно-десантных войск по сути носили ответный характер.

К концу 1948 года у нас были дополнительно развернуты пять воздушно-десантных дивизий и две авиатранспортные дивизии. Все имевшиеся соединения: 8-й гвардейский воздушно-десантный корпус (103-я и 114-я гвардейские воздушно-десантные дивизии), 15-й гвардейский воздушно-десантный корпус (76-я и 104-я гвардейские воздушно-десантные дивизии), 37-й гвардейский воздушно-десантный корпус (98-я и 99-я гвардейские воздушно-десантные дивизии) и 38-й гвардейский воздушно-десантный корпус (105-я и 106-я гвардейские воздушно-десантные дивизии), 39-й гвардейский воздушно-десантный корпус (100-я и 107-я гвардейские воздушно-десантные дивизии), 1-я, 3-я, 6-я, 12-я, 281-я авиатранспортные дивизии и дополнительно сформированные 7-я, 11-я, 13-я, 21-я, 31-я воздушно-десантные дивизии составили Воздушно-десантную армию (ВДА) численностью до 150 000 человек. Впоследствии 37-й воздушно-десантный корпус был передан в

подчинение главнокомандующему войсками Дальнего Востока.

Желание превзойти воздушно-десантные войска стран вероятного противника не совпадало с возможностями государства. Такие неутешительные результаты показали как командно-штабные, так и практические учения. Моторы «тружеников неба» – Илов и Ли-2 – натружено гудели, доставляя десант «порциями», проку от которых в деле решения боевых задач было немного. В апреле 1953 года Совет Министров СССР по представлению Министерства обороны реорганизовал Воздушно-десантную армию в Воздушно-десантные войска. В 1955 году была частично упразднена корпусная форма организации ВДВ.

Наступил 1959 год, когда в ЦК КПСС состоялось памятное для многих совещание по вопросу сокращения Вооруженных Сил СССР. На него были приглашены командующие видами Вооруженных Сил, командующие военными округами, начальники штабов и члены военных советов. В докладе, сделанном Первым секретарем ЦК КПСС и Председателем Совета Министров Н. С. Хрущевым, была показана сравнительная динамика численности Вооруженных Сил. В 1941 году они насчитывали в своих радах 4 миллиона 206 тысяч человек, в 1947-м – 3 миллиона 929 тысяч, в 1949-м – 3 миллиона 838 тысяч, в 1955-м – 4 миллиона 806 тысяч. «Пять миллионов бойцов и командиров при наличии ракетно-ядерного оружия – большая роскошь для государства!» – вот суть выступления Н. С. Хрущева. К сказанному он добавил: «Мы будем стрелять с нашей территории в район Перл-Харбор, где ведут стрельбы американцы и англичане… Мы считаем, что и нам придется к этому коллективу присоединиться, хотя от нашего полигона всего 12 тысяч километров». Прославленные военачальники встретили эти слова дружным смехом. И только рассудительный министр обороны Р. Я. Малиновский заметил, что рубить сплеча неразумно – ведь речь идет о судьбах десятков тысяч офицеров, имевших за плечами богатый боевой опыт. Хрущев отмахнулся – они, мол, не старики и найдут еще свое место в новой жизни.

1959–1961 годы были самыми трудными в биографии командующего ВДВ В. Ф. Маргелова. С одной стороны, требовалось выполнить приказ. При этом Василий Филиппович отчетливо сознавал, что сколь ни плоди дивизии, без надлежащего оснащения военно-транспортной авиацией они никогда не станут по-настоящему боевыми десантными соединениями. Но существовала еще и моральная сторона сокращения. В 1959 году окончательно ушли в небытие управления корпусов, а вслед за ними прекратили свое

существование 107-я и 31-я гвардейские воздушно-десантные дивизии. В кабинете командующего столы были завалены личными делами офицеров.

Росчерком пера Василию Филипповичу предстояло решить судьбы сотен людей. Не щадя сил и не жалея времени, он перелистывал аттестации, карточки взысканий и поощрений. С выпивохами и офицерами, относившимися к службе спустя рукава, все было ясно – в запас. Другая категория – командиры, прошедшие войну, но не имевшие сколь-нибудь основательного военного образования. С ними командующий «утряс» вопрос в своем стиле: в течение двух-трех месяцев офицеры, не имевшие десятилетки, с утра до поздней ночи грызли науки в гарнизонных школах, чтобы получить столь необходимые аттестаты зрелости. Так появлялась возможность пристроить их на всевозможные курсы усовершенствования и тем самым сохранить для дальнейшей службы в ВДВ. Сущая беда была с теми, кому немного оставалось до пенсии. По «подсказке» командующего комдивы как могли тянули с представлением к увольнению в запас, направляя в отпуска и на лечение офицеров, которые могли в одночасье лишиться заслуженных льгот.

Остались неизвестными обстоятельства, при которых у Н. С. Хрущева родилась идея приравнять ратную службу офицера к труду инженера. Во что это вылилось, можно увидеть на примере ВДВ. В 1951 году И. В. Сталин поддержал предложение Военного министерства о выслуге лет офицерского состава Воздушно-десантных войск. Приказом № 0163 от 16 августа 1951 года год службы в Воздушно-десантных войсках, при обязательном выполнении программы прыжков, приравнивался к полутора годам, а в конце определенного периода выплачивалось единовременное денежное вознаграждение. В 1961 году на этих льготах был поставлен крест, а десантников по всем нормам обеспечения приравняли к пехоте, заодно лишив войска собственной формы. Малиновый околыш на фуражке и каска, становившаяся никчемной при десантировании, закрепила за Воздушно-десантными войсками прозвище «крылатая пехота».

На «судьбоносном» совещании, определявшем удел десантников, В. Ф. Маргелов не присутствовал, и единственным, кто выступил в защиту ВДВ, оказался министр обороны Р. Я. Малиновский, который подверг сомнению значительное сокращение Воздушно-десантных войск. «Для обеспечения высокой маневренности боевых действий, – сказал Р. Я. Малиновский, – необходимость существования воздушно-десантных дивизий несомненна».

Заметим, что в это время руководители НАТО действенность

и значение своих воздушно-десантных войск под сомнение не ставили. В США основным оперативным звеном стала воздушно-десантная дивизия. Численность ее составляла 13 500 человек и более, огневую поддержку осуществляли 54 гаубицы калибра 105 мм и сотни безоткатных орудий, 47 самоходных установок с 90-мм пушкой, 88 самолетов и вертолетов обеспечивали воздушно-десантную подготовку. В аэромобильной дивизии количество летательных средств насчитывало 434 единицы, количество автомобилей превышало 1500, а общая численность соединения составляла 16 000 человек. Для переброски войск по воздуху в США было создано военно-транспортное авиационное командование и гражданский авиационный резерв. По данным самих американцев, их воздушный корпус в 1968 году насчитывал 490 военно-транспортных самолетов и 60 самолетов десантного обеспечения. Гражданский авиационный резерв имел в своем составе на тот период 371 пассажирский и грузовой самолет. Дополняли воздушную армаду около 500 самолетов ВВС национальной гвардии США. Транспортно-десантная авиация тактических авиационных командований имела 500 самолетов. Самые современные из них – С-130Е «Геркулес», способный поднять на борт 21 тонну полезного груза или 92 человек, С-141А «Старлифтер» с грузоподъемностью 43 тонны и возможностью десантировать 127 парашютистов. Самолет С-5А «Гэлэкси» стал новым шагом по пути увеличения десантных характеристик и был способен поднять в воздух до 100 тонн груза и взять на борт 700 десантников, то есть целый батальон.

Говоря о бедах нашего десанта, надо еще на некоторое время возвратиться к апрелю 1955 года, когда было принято Решение о переподчинении военно-транспортной авиации непосредственно Военно-воздушным силам. Это означало, что командующий ВДВ должен был любое свое действие организации десантирования частей, а также по проведению прыжков согласовать и увязывать с командованием ВВС, считавших такую работу побочной. Неизвестно, сколько кабинетов Минобороны и Генштаба обошел Маргелов, прежде чем ему удалось возвратить в лоно ВДВ семь эскадрилий самолетов Ан-2. Без них вся воздушно-десантная подготовка в дивизиях сводилась к проведению прыжков с аэростата. Основательные коррективы приходилось вносить и в планы боевой подготовки – количество учений с практическим десантированием уменьшилось не в два и не в три, а в целых десять раз! Американцы же в это время провели 80 (!) широкомасштабных учений с комбинированной высадкой десанта. О таком размахе командующему советскими ВДВ В. Ф. Маргелову приходилось только мечтать.

Но и это не все! В период так называемой «хрущевской оттепели» серьезно пострадали многие научные разработки в области вооружений, так как приоритет был отдан исключительно ракетно-космической отрасли. Такой однобокий подход ослабил плодотворное сотрудничество В. Ф. Маргелова с создателями военно-транспортных самолетов. Своими резкими суждениями по этому поводу и отнюдь не безобидными оценками Маргелов у многих стал вызывать раздражение.

Оборонное ведомство на протяжении многих лет приспосабливало и подстраивало под нужды Воздушно-десантных войск уже имевшиеся типы самолетов. Так, в 1947 году дальний бомбардировщик Ту-4 с экипажем в 11 человек, подобие американской «летающей крепости», был переоборудован под десантный вариант. В двух грузовых контейнерах, подвешенных под крыльями, размещались либо две машины, либо две авиадесантные самоходно-артиллерийские установки (АСУ-57), а в бомболюках, словно сельди в бочках, теснились десантники. Человек – не бесчувственная бомба, и надо было обладать завидным мужеством, чтобы десантироваться в таких условиях. Нетрудно предположить, что и организованный сбор на земле после этого был весьма проблематичен.

Необходимо было радикально менять подход к решению проблемы десантирования, искать конструктивные решения, которые бы удовлетворили авиаторов и десантников. Наиболее успешно с этой задачей справилось конструкторское бюро под руководством О. К. Антонова, создав в 1953 году двухмоторный транспортный самолет Ан-8. Но при всех его достоинствах самолет мог взять на борт только 30 человек и чуть больше тонны груза. Напомним, что численность парашютно-десантной роты – до 100 человек, и командующий ВДВ В. Ф. Маргелов отлично сознавал, что даже при таком удачном варианте транспортного самолета, каким являлся Ан-8, получивший шутливое прозвище у десантников «Пузатый воздушный дельфин», о полной компактности десантирования подразделений не могло идти и речи.

«Не подведи, наука!» – по-дружески обращался В. Ф. Маргелов к Олегу Константиновичу Антонову, делясь с ними болезненными проблемами ВДВ. Генеральный конструктор был человеком, который не нуждался в понукании, и все, что разрабатывалось сотрудниками его КБ, становилось предметом глубокого и детального обсуждения с представителями Управления ВВС. Будучи единомышленниками, Василий Филиппович и Олег Константинович как бы со стороны наблюдали за жаркими спорами, и когда конструктивное решение

выходило, что говорится, на поверхность, закрепляли его рукопожатием.

В 1956 году с аэродрома КБ Антонова поднялся в воздух военно-транспортный самолет Ан-12, способный вместить 60 человек десантников или взять на борт 8,5 тонны груза. Модификация и модернизация Ан-8 оказалась настолько эффективной, что когда самолет оторвался от взлетной полосы, раздался взрыв аплодисментов. Аплодировали члены государственной комиссии, офицеры и генералы, рабочие, инженеры и механики.

– Красивый самолет! – только и выдохнул с восхищением В. Ф. Маргелов. В 1962 году за создание Ан-12, летательного аппарата, вобравшего в себя высокое техническое совершенство и эстетический подход, ведущим специалистам КБ, которое возглавлял Антонов, была присуждена Ленинская премия. На торжественном вечере, посвященном этому событию, звучали приветственные речи, а сквозь гул несмолкаемых аплодисментов генеральному конструктору уже слышался рев мощных двигателей «Антея».

Увы, все работы, которые велись по этому самолету, во времена Хрущева были признаны второстепенными и шли ни шатко ни валко. Лишь в 1965 году гениальное творение О. К. Антонова обрело жизнь. Патриарх советской авиации и командующий ВДВ, наблюдая за испытательным полетом «Антея», эмоций не сдерживали.

…Возрождая немецкие вооруженные силы – бундесвер, американские стратеги, не мудрствуя лукаво, сформировали и оснастили в 1956 году из остатков старых парашютно-десантных войск 1-ю воздушно-десантную дивизию. Прямо скажем, не лучшие образцы преемственности поколений просматривалась в ее гимне, в который вошли слова из военной песни нацистских десантников:

> Нарвик, Роттердам, Коринф и Крит –
> Вехи наших побед.

Не остался без дела бывший организатор и командующий ВДВ гитлеровской Германии генерал-полковник Курт Штудент, о котором пелось в том же гимне. Продержав его несколько месяцев в лагере для военнопленных, американцы предоставили ему возможность возвратиться на излюбленное поприще. В подручных у Штудента пребывал вышедший в 1951 году из французской тюрьмы генерал парашютных войск Герман Рамке. Этим военачальникам не надо было занимать ни организаторских

способностей, ни боевого опыта, ни отменного знания восточного театра военных действий.

Невзирая на нажим американцев, английское командование не ставило перед собой целью увеличение воздушно-десантных войск и, напротив, после окончания войны значительно сократило их количество: с трех полноценных дивизий, нескольких бригад и отдельных батальонов до одной, 5-й бригады, численностью в 5 тысяч человек. Англичане сделали упор на превращение воинского контингента, размещенного в Западной Германии, в мобильные силы, способные преодолеть любое расстояние и произвести высадку после нанесения ядерных ударов в заданном районе. Выполнение такой задачи было возложено на транспортное авиационное командование ВВС Великобритании, куда, кроме американских «Геркулесов», самолетов С-130Е, входили английские. «Беверли С» был способен взять на борт 90 солдат или 70 парашютистов и до 10 тонн груза. «Эндовер С1» по летным характеристикам был схож с Ан-8: вместимость – 30 парашютистов или 44 солдата, максимальная нагрузка – 5,5 тонны. Тяжелый военно-транспортный самолет «Белфаст С1», поступивший на вооружение в 1966 году, полностью отвечал требованиям мобильных частей и мог взять на борт 150 человек или бронетанковую технику весом до 37 тонн.

Особняком в НАТО стояли французские аэромобильные и воздушно-десантные войска. Это была подлинная элита, на которую твердо рассчитывало правительство, проводя политику удержания в узде заморских колоний. 11-я воздушно-десантная дивизия была сформирована в 1961 году на базе известной «Железной дивизии», оставившей недобрый след в Алжире и Индокитае. Получив название «легкой дивизии вторжения», это соединение специализировалось на введении воздушно-десантных операций глубиной в несколько сотен километров с захватом ключевого района или рубежа и срыва управления противника. Имея в своем составе 12500 человек, дивизия была оснащена большим количеством противотанковых средств, что позволяло ей, создав прочную оборону, успешно отражать массированные удары бронетанковых сил противника.

Советским Воздушно-десантным войскам ставились задачи, тесно увязанные с действиями Сухопутных войск. По своему принципиальному характеру они немногим отличались от тех, которые получали командиры 4-го воздушно-десантного корпуса, 3-й и 5-й гвардейских воздушно-десантных бригад в годы Великой Отечественной войны. На языке тогдашних десантников смысл их сводился к следующему: перелететь через линию фронта, «сигануть» в тыл противника, окопаться и ждать подхода войск,

ведущих наступление на оборонительные порядки врага. Как говорил командующий ВДВ В. Ф. Маргелов: «Тут тебе не до фантазий и не до прогулок по тылам».

Жесткие оперативно-тактические рамки долгое время сковывали действия штаба Воздушно-десантных войск, превращая его в передаточное звено, лишенное возможностей осуществлять стратегические замыслы и подкреплять их действиями, направленными на повышение общей боеспособности войск.

Операция «Дунай»

В период «перестройки и гласности» стали доступны для широкого пользования секретные документы, хранившиеся в так называемой «Особой папке». И как тогда водилось, по страницам этой «Папки» потопталось немало тех, кто не без удовольствия выхватывал из контекста материалы, компрометирующие людей, с честью и достоинством выполнявших свой гражданский и воинский долг во время событий 1968 года в Чехословакии.

Обострение предшествующего этим событиям политического кризиса было во многом связано с именем Александра Дубчека, избрание которого на пост первого секретаря ЦК Компартии Чехословакии стало отправной точкой «обновления» страны. Довольно быстро демократические преобразования, связанные со свободой печати, перестройкой экономики, открытостью границ, наполнялись духом открытого антисоветизма. Посол СССР в Чехословакии С. В. Червоненко охарактеризовал Дубчека «антипартийным явлением», а сложившуюся обстановку – «взрывоопасной», проводя параллели с венгерскими событиями 1956 года.

Было бы наивно полагать, что спецслужбы США и их союзников по НАТО сидели сложа руки. Учитывая венгерский опыт, они пытались свести до минимума влияние Компартии в рабочих коллективах, деполитизировать вооруженные силы, создать в среде интеллигенции очаги свободомыслия и противления коммунистической идеологии, накалить взаимоотношения между «отцами и детьми». Походя очернялось значение освобождения Чехословакии Советской Армией от фашистов…

В «Особой папке» в разделе «О деятельности контрреволюционного подполья в Чехословакии», отмечалось:

«Задачи подполья: отрыв от стран социалистического содружества, реставрация капитализма, разложение армии, органов госбезопасности, возрождение деятельности социал-демократической партии.

Роль ударного отряда сил контрреволюции выполняет “Клуб-231”, объединивший в своих рядах 40 тысяч человек из числа репрессированных за антигосударственную деятельность.

Генеральный секретарь клуба бывший фашист Бродский открыто призвал к расправе с коммунистами. “Клуб беспартийных активистов” объединяет творческую, научную интеллигенцию, осуществляет связь с сионистской организацией “Джойнт”. Возглавляет клуб философ Иван Свитак.

3 мая 1968 года эти силы организовали митинг на Староместской площади в Праге. Главный лозунг митинга – изъять из Конституции ЧССР положение о руководящей роли Коммунистической партии.

В “Клуб ПТП” входят бывшие военнослужащие, отбывшие наказание в штрафных батальонах.

В распространяемых в Праге и других городах листовках КПЧ приравнивается к фашистской, карательной организации.

С января (1968 г.) началось наступление на якобы продажные государственные учреждения – суд и прокуратуру.

Нападкам подвергается участие ЧССР в Варшавском договоре. Готовится выход из него».

…8 апреля 1968 года в кабинет командующего Воздушно-десантными войсками позвонили по «вертушке» из Минобороны. А через час фельдъегерь доставил В. Ф. Маргелову пакет, содержащий директиву министра обороны и начальника Генерального штаба. Командующий вызвал начальника штаба генерал-лейтенанта П. Ф. Павленко, начальника политуправления генерал-майора В. П. Лысенко и ознакомил их с полученным документом:

«Контрреволюционные силы Чехословакии при активной помощи США и ФРГ дезорганизовали государственный порядок в этой стране. Используя эти события, войска НАТО угрожают завоевать Чехословакию, свергнуть в ней народную власть и установить угодный им режим…

Приказываю: с получением сигнала “Буря” привести в полную боевую готовность в пунктах постоянной дислокации 7-ю и 103-ю гвардейские воздушно-десантные дивизии, вывести их в исходный район для подготовки к высадке в Чехословакии парашютным и посадочным способами… Задачи дивизиям: оказание помощи органам народной власти в подавлении сил контрреволюции, взятие под контроль важнейших государственных учреждений, радиостанций, телевидения, почты, телеграфа, аэродромов, а также важнейших узлов дорог. Не допустить проникновения контрреволюционных сил в район Праги.

…В случае если войска ЧНА[40] будут враждебно относиться к десантникам и поддержат контрреволюционные силы, необходимо принимать меры.

…Названным дивизиям надлежит быть готовым ко взлету через 20 часов после получения сигнала “Буря”.

…Открывать огонь без моего приказа запрещаю».

Далее следовали подписи министра обороны Маршала Советского Союза А. А. Гречко и начальника Генштаба

Вооруженных Сил СССР Маршала Советского Союза М. В. Захарова.

Вся операция по наведению порядка в стране с населением свыше 14 миллионов человек мыслилась таким образом, что внезапные действия соединенных сил государств Варшавского договора не позволят даже опомниться союзникам по НАТО.

Среди государственных институтов Чехословакии вооруженные силы были, пожалуй, менее всего втянуты в политическую борьбу. Многие офицеры Чехословацкой народной армии прошли подготовку в военно-учебных заведениях СССР и имели прочные деловые и дружеские связи в различных командных звеньях. Вот почему организация и проведение на территории Чехословакии командно-штабных учений Варшавского договора с кодовым названием «Шумава», в которых, кроме чехословацких и советских войск, принимали участие части Войска польского, не вызвали отторжения в армейской среде. Советских воинов повсеместно встречали тепло и сердечно. Руководил учениями первый заместитель министра обороны СССР и главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора маршал И. И. Якубовский. Местом проведения учений был избран Либавский полигон в Словакии, находившийся в изрядном запустении.

В газете «Руде Право», официальном органе КПЧ, генерал-майор Чепицкий сообщил, что «через два-три дня Советская Армия покинет Чехословакию». Вторил ему тогдашний министр иностранных дел ЧССР Иржи Гаек: «Командно-штабные учения стран – участниц Варшавского договора закончились и Вооруженные Силы СССР в ближайшие дни возвращаются в Советский Союз».

Пребывание советских войск в Чехословакии политическое руководство СССР считало фактором, сдерживающим «сползание к контрреволюции». Сами же чехи высказывались несколько иным образом и более чем откровенно: «Вторую Венгрию русские здесь не получат».

Мнение словаков значительно отличалось от последнего: «Мы добиваемся федерации для словаков. Нас пугают тем, добившись своего, мы будем лишены финансирования Праги. Но мы от своих требований не отступим. Если же в Чехии победят правые силы, то мы пойдем на разрыв с чехами и будем просить у русских поддержки для создания своего Словацкого социалистического государства».

В штабе ВДВ между тем изучали информацию о руководстве Чехословакии. Так, например, А. Дубчек характеризовался как «честный, хотя и недостаточно принципиальный человек,

положительные качества которого превратили его в ширму в чехословацком обществе, за которой правые пытаются проводить свою политику. Первый секретарь жил в СССР 14 лет, и он умный коммунист».

12 июля 7-я и 103-я воздушно-десантные дивизии были подняты по тревоге и совершили марш в районы ожидания. Пока политики занимались политикой, десантники готовились к боевым действиям: совершали марш-броски, тренировались в швартовке грузов и боевой техники, обучали воинов, прибывших из запаса. Приказ министра обороны СССР и начальника Генерального штаба, полученный Маргеловым, каким бы конкретным он ни был, конечной ясности в будущие действия не вносил. Перед командующим ВДВ стоял непростой выбор: десантировать подразделения и части целиком или осуществить высадку десанта комбинированным способом – разведотряды вступают с воздуха в бой, захватывают аэродромы, обеспечивая высадку главных сил. Нужно было предусмотреть и вариант, при котором авиация подавляет систему ПВО и прикрывает посадочный десант.

В то время в армиях дружественных нам стран все вооружение, за редким исключением, было советским: самолеты, локаторы, зенитные комплексы… Боевая техника в руках людей, разуверившихся в социализме и поддавшихся на призывы о непредсказуемых действиях, могла привести и к непредсказуемым последствиям. Один боевой пуск, выстрел, и свинцовый смерч забушевал бы над Чехословакией. От наших военных требовалось не допустить такого развития событий.

У командующего ВДВ была еще одна трудность. Покров чрезвычайной секретности над подготовкой к операции «Дунай», по существу, сводил на нет суворовский принцип, который он постоянно отстаивал еще с тех памятных военных лет, когда начал командовать дивизией: «Каждый солдат должен знать свой маневр». Увы, сейчас его подчиненные вынуждены были питаться слухами. Боевая задача формулировалась в общих чертах: 7-я гвардейская воздушно-десантная дивизия захватывала аэродромы в Рузине и Водохи, стремительно входила в Прагу, затем, взаимодействуя с 11-й и 20-й танковыми дивизиями, брала под контроль правительство ЧССР и командование ЧНА, узлы связи и главпочтамт, телевидение, радиовещательную станцию, госбанк, редакции и типографии газет.

103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия должна была высадиться на аэродроме Туржани и выполнять аналогичные задачи в Брно. После выполнения поставленных задач 7-я воздушно-десантная дивизия переподчинялась генерал-

лейтенанту И. Л. Величко.

11 августа был вызван в Москву командующий 38-й армией генерал А. М. Майоров. Посетив последовательно кабинеты начальника Генерального штаба и министра обороны, он предстал с докладом перед Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Присутствовал на докладе и М. А. Суслов. Предоставим слово А. М. Майорову:

«В одно прекрасное утро, Леонид Ильич, под Чопом, Мукачевом, Ужгородом могут быть выброшены 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии НАТО. А через всю Чехию и Словакию на максимальных скоростях пойдут к ним на соединение пятый и седьмой армейские корпуса, а это 9–11 дивизий. Нам известно: маневры войск НАТО намечены на начало сентября.

Брежнев и Суслов переглянулись. А я продолжаю резать:

– А в ночь перед выброской воздушных десантов будет сформировано марионеточное правительство Чехословакии. Оно объявит о нейтралитете, о выходе из Варшавского договора, обратится с просьбой к НАТО – защитить страну от советского вторжения… Чехословакия может быть потеряна. Или небольшая война…»

Конечно же, Майоров не мог тогда знать, что советские руководители упорно искали авторитетных лидеров Компартии Чехословакии, готовых обратиться к ним с просьбой о вводе в страну войск Варшавского договора, чтобы предупредить в ней утрату социалистических завоеваний. К тому времени Польша, Германская Демократическая Республика, Болгария, Венгрия уже дали согласие на участие своих воинских контингентов в операции «Дунай». Румыния категорически выступила против, и Н. Чаушеску с тревогой ожидал часа «Ч», приказав своим вооруженным силам быть к готовности к отражению агрессии. Облегченно вздохнул он только спустя неделю после благополучного разрешения чехословацкого кризиса.

18 августа 1968 года на заседании Политбюро ЦК КПСС было принято решение о вводе войск Варшавского договора в Чехословакию. Долгожданное обращение «здоровых сил» главе с В. Биляком, хотя и не имело юридической силы, так как не было согласовано с высшими партийными и правительственными инстанциями ЧССР, дало повод для свободы действий. Теперь многое зависело от того, как будут действовать воздушные десантные дивизии в Праге и Брно.

Готовились ли «контрреволюционные силы» к вводу советских войск в августе 1968 года? Докладывая министру обороны Маршалу Советского Союза А. А. Гречко о действиях 7-й

и 103-й гвардейских воздушно-десантных дивизий, В. Ф. Маргелов отметил: «Когда десантники ворвались в здание Академии Запотоцкого, офицеры Чехословацкой народной армии сидели над картами и наносили положение наших войск, перешедших границу. Приход их в Брно ожидали в середине дня. Также решительно были блокированы и разоружены воинские части, расположенные в городе».

Командующий ВДВ не сковывал своим авторитетом комдивов генералов Л. Н. Горелова и А. И. Яценко, предоставив им возможность принимать решения самостоятельно, по обстановке. Мнения комдивов 7-й и 103-й десантных дивизий и штаба ВДВ сходились в главном: в первом эшелоне в составе двух транспортных самолетов – группы захвата и наведения. На всю операцию по захвату аэродромов, на взятие под охрану взлетной полосы и налаживание аппаратуры взлета и посадки – 30 минут.

Если бы кто-нибудь из охраны аэродромов умудрился оправиться от шока и перегородил бы взлетную полосу чем угодно – тогда о посадочном десанте и речи быть не могло.

В большой степени успех операции зависел от десантников, и они тренировались без устали на отечественных контрольно-диспетчерских пунктах, схожих с чехословацкими.

В тот же день, 18 августа, в Министерстве обороны состоялось совещание, на котором А. А. Гречко произнес запоминающиеся слова: «Ввод войск в Чехословакию будет осуществлен, даже если приведет к третьей мировой войне». Последствия, конечно, преувеличивалась, но решительность настроя не вызывала сомнений. О серьезности предстоящего свидетельствовал состав участников совещания: Главком Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора Маршал Советского Союза И. И. Якубовский, Главком ВВС, Главный маршал авиации К. А. Вершинин, Главком ракетных войск стратегического назначения Н. И. Крылов, Главком ВМФ адмирал флота С. Г. Горшков, Главком войск ПВО Маршал Советского Союза П. Ф. Батицкий. Совещание вел начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза М. В. Захаров.

Непосредственное исполнение операции «Дунай» возлагалось на командующего ВДВ генерала армии В. Ф. Маргелова, командарма 1-й танковой армии генерал-лейтенанта К. Г. Кожанова, командарма 20-й армии генерал-лейтенанта И. Л. Величко, командарма 38-й армии генерал-майора А. М. Майорова, командующего Группой советских войск в Германии генерала армии П. К. Кошевого, командующего Южной группой войск генерал-полковника К. И. Провалова, командующего Северной группой войск генерал-полковника И. Н. Шкадова.

Координатором наземной части операции назначался командующий Сухопутными войсками генерал армии И. Г. Павловский. Моральный дух советских войск, участвующих в операции «Дунай», должно было обеспечивать Главное политическое управление во главе с А. А. Епишевым.

Переход войск границы Чехословакии был намечен на 23 часа 20 августа. День ввода войск – 21 августа. Сигнал «Ч» – «Влтава-666».

О поведении командующего ВДВ на этом совещании красноречиво, однако с большой натяжкой на достоверность, рассказывает А. М. Майоров в книге «Вторжение»:

«Маршал А. А. Гречко обратился к генерал-лейтенанту Величко:

– Командарм, через 10–12 часов после “Ч” одной, а лучше двумя дивизиями вам следует соединиться с воздушно-десантной дивизией в районе аэродрома Рузине юго-западнее Праги…

В этот момент командующий ВДВ, генерал-полковник[41] Маргелов, не всегда умеющий совладать со своим темпераментом, выпалил:

– Товарищ министр, воздушно-десантная дивизия вовремя… – Слова, похоже, не поспевали за возбужденной мыслью десантника, – все вдребезги разнесем к чертовой матери.

Гречко замахал на него рукой: дескать, погоди…

– Товарищ министр. Все семь дивизий готовы разнести в клочья любого противника!

– Спокойно, генерал. Конкретно о 98-й дивизии[42].

– Докладываю. С военно-транспортной авиацией все согласовано. Дивизия готова к высадке парашютным способом. После получения сигнала не более как через два часа.

– Утверждаю. Садитесь…

Гречко закрыл свою тетрадь. Я посмотрел на часы… Все мероприятие заняло меньше часа. Точнее, 43 минуты.

…Все двинулись к двери. И вдруг кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся и увидел Маргелова.

– Ну что, понял, Саша?

– Так точно, Василий Филиппович.

– А что понял? – осклабился воздушный десантник.

– Действовать надо решительно и твердо управлять войсками.

– Е… надо и фамилию не спрашивать – вот что надо! Я остолбенел. В такое время и такой цинизм из уст прославленного героя войны».

Более служебные пути А. М. Майорова, назначенного на должность командующего Центральной группой войск в

Чехословакии, и командующего ВДВ не пересекались.

День 18 августа 1968 года был насыщен до предела: комдивы 7-й и 103-й дивизий получили от командующего боевую задачу, и тут же заработала цепочка, ведущая от командиров соединений к частям и подразделениям. Приближалось время сигнала «Влтава-666», и Василий Филиппович в эти часы не находил себе места – слишком короткий срок был отпущен подчиненным для подготовки. Справятся ли они? Однако командующий ВДВ не опускался до мелочной опеки, а его спокойствие и выдержанность придавали уверенность всем, на чьи плечи ложилась судьба операции.

Об этих чертах командующего ВДВ вспоминал генерал П. Ф. Павленко:

«Обстановка всякий раз бывает конкретная, не похожая на теорию. В том и искусство командира, что он способен (или не способен) правильно оценить ее. У нас порой даже в высоких инстанциях преуспевали и вышли в чины сугубые теоретики, не способные, однако, практически командовать ни на войне, ни в мирное время. Я никогда не слышал от Василия Филипповича “классических” формулировок замыслов, решений, как это преподается в академиях. Зато я много раз слышал его приказы и распоряжения как на учениях, так и в повседневной жизни – четкие, ясные и краткие, при которых подчиненный может проявить инициативу в способах выполнения задачи. А замысел решения командующий уже “отложил” в своем уме…

…Когда штаб докладывал командующему расчет времени на подготовку к операции, важнейшим элементом он считал заботу о том, чтобы дивизия и полки имели достаточно времени на подготовку к десантированию. Ведь нередко встречаются случаи, когда старшие “инстанции” съедают львиную долю времени… Грош цена всем умным замыслам начальника, считал Маргелов, если командиры взводов и рот не имели времени на уяснение своих задач и доведение порядка действий до всех солдат».

Не случайно в одном из документов уже упоминавшейся «Особой папки» относительно идеологической подготовки операции «Дунай» делается неутешительный вывод: «Войну за умы чехов мы проиграли». Действительно, советская пропаганда заняла откровенно оборонительную позицию. А между тем на территорию Советского Союза постоянно вещали на нескольких языках народов СССР радиостанции «Свобода» и «Голос Америки». Не отставала от них и радиостанция «Европа». Эти широко известные «рупоры империалистической пропаганды» дополняли десятки подпольных радиостанций, располагавшихся в Австрии и в самой Чехословакии.

А ведь у солдат и офицеров Советской Армии сложилось твердое представление, что Чехословакия – верный друг и надежный союзник по социалистическому лагерю. Трудно было разобраться в происходящем. А каково было тем, у кого в памяти жила победная весна 1945 года? Неужели Злату Прагу, спасенную однажды от фашистской нечисти, придется вновь освобождать ценою пролитой крови?

Заметим при этом, что слова министра обороны: «Огонь открывать только с моего разрешения!» – давали прекрасный повод для безответных провокаций. В. Ф. Маргелов, передав распоряжение маршала А. А. Гречко командирам 7-й и 103-й дивизии, от себя пояснил: «Действуйте по обстановке».

Больной вопрос – обеспечение связи (десантникам приходилось действовать в значительной оторванности от штаба ВДВ) – Маргелов решил, передав в группы захвата мощные автомобильные радиостанции. Сигнал о захвате аэродромов, поданный ими, – команда для летчиков военно-транспортной авиации на снижение.

Еще со времен подготовки к широкомасштабным учениям «Днепр» у Василия Филипповича сложилась прочная дружба с «летунами». Для обеспечения десантирования в Чехословакию привлекалось 440 самолетов Ан-12. Расчет на взлет был таков: два парашютно-десантных полка – один аэродром. 20 августа вся техника, грузы, боеприпасы двух воздушно-десантных дивизий были загружены в самолеты. В ночь с 20 на 21 августа в воздух поднялись первые «Аны», уносившие в Прагу и Брно разведывательные отряды. С небольшим отрывом со взлетных полос стартовали главные силы.

Обратимся к воспоминаниям одного из участников этих событий:

«Аэродром, расположенный невдалеке от небольшого белорусского городка Поставы, гудел, словно улей. Уже были получены карты Брно, на которых красными кружками были заботливо обведены объекты, которые необходимо было взять под контроль. Солдаты моего взвода без сожаления отполовинивали “сухие пайки”, беря в запас побольше патронов… Кто знает, как обернутся события… Я был назначен выпускающим и, когда захлопнулся люк, принялся за привычную работу: проверил, все ли гвардейцы зацепили карабины и т. д. и т. п. Самолет оторвался от земли и стал набирать высоту. Стрелка на приборе стала колебаться: 1000 м, 2000 м… “Будем прыгать или приземляться?” – спросил я борттехника, на что тот только пожал плечами. Заглянул в иллюминатор – летим над облаками, рядом, словно в почетном эскорте, “ястребки”. С высоты в несколько

километров – резкий спуск – до 150–200… Летим над Варшавой. Сияющий шпиль на высотке, схожей с московской, и вдруг команда пилота: “Садимся!” Десантник в самолете – неповоротливый тюлень, тяжелый рюкзак под задницей, парашюты, основной и запасный. В голове номера “бортов”, где мои упакованные СПГ-9, две “асушки” – артиллерия подвижной группы. Наш самолет на взлетной полосе первый. Командир полка получил доклад разведгруппы. Охрана разоружена, и началось то, что никогда не забудется. Чешский военный аэродром напоминал немыслимую круговерть. Из люков приземлявшихся самолетов выбегали люди, стремглав бросаясь к грузовым “бортам”. Зашвартовать и загрузить технику в самолет дело сложное. Но и привести ее в боевое состояние – не менее трудная задача. На землю летели замки крепления, пряжки, тугие стягивающие ремни. А самолеты тем временем взлетали и поднимались, и над всем этим морем техники и людей барражировали краснозвездные истребители. Не прошло и часа, как подразделения 350-го гвардейского парашютно-десантного полка начали выдвижение на свои маршруты. Я поглядел на часы – 6.00 по московскому времени, и тотчас в радийной машине зазвучал гимн Советского Союза».

Прикрытие 7-й воздушно-десантной дивизии осуществляли два полка истребителей-бомбардировщиков и два полка истребителей из состава 16-й воздушной армии. Десантирование 103-й воздушно-десантной дивизии обеспечивали два полка истребителей и один полк истребителей-бомбардировщиков. Подавить систему ПВО Чехословакии при таком многослойном перекрытии воздушных зон не составляло труда. Мастерство и мужество летчиков во многом предопределили ход операции в Праге и Брно.

Безо всякого сомнения, основную задачу решала 7-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. Генерал-майор Л. Н. Горелов в Праге ранее не бывал, но план города изучил словно свои пять пальцев. Была проведена тщательная подготовка командиров четырех подвижных отрядов, назначенных для захвата зданий Министерства обороны и Генерального штаба Чехословацкой народной армии, Министерства внутренних дел и Военно-политической академии, телевизионного и радиовещательного центров, главпочтамта, телеграфа и госбанка.

Вспоминает командир 119-го гвардейского парашютно-десантного полка полковник Ш. Х. Минигулов:

«Перед рассветом в четыре утра наш полк начал десантирование в 12 километрах от Праги, на одном из военных аэродромов. А за десять минут до нас на этом же аэродроме

приземлился военно-транспортный самолет, на борту которого находились командир дивизии и разведывательная рота. Она захватила аэродром, отрезала его от внешнего мира, обеспечила десантирование основных сил полка и других частей дивизии. Мгновенно были оцеплены боевые самолеты, блокирован гарнизон, где располагался летный состав. Все произошло без единого выстрела. И, как говорится, пошло-поехало… Через каждые полторы минуты на аэродром приземлялись самолеты. То есть не успевал один добежать до конца посадочной полосы, как на нее садилась следующая машина. Люди и техника тут же разворачивались и мчались на Прагу».

Механизированный арсенал разведчиков был невелик, и командующий ВДВ, памятуя об этой стороне дела, распорядился: «Все, что будет у гвардейцев под рукой, – автобусы, грузовики, машины – использовать для быстрого выхода к объектам». Действуя подобным образом, десантники, по воспоминаниям Ш. Х. Минигулова, захватили четыре главных моста через Влтаву, помещение клуба «231» (штаб-квартира оппозиционных сил), здание ЦК КПЧ, издательство «Руде Право», Министерство внутренних дел, главпочтамт, телецентр, национальный и государственный банки.

Под охрану были взяты советское посольство в Праге, вокзалы. Воинские гарнизоны, размещавшиеся в столице Чехословакии, оказались блокированными, и крупных военных столкновений в ходе операции не произошло. Но небольшие бои и перестрелки все же были.

Во многом на столь бескровное развитие событий повлияла фраза, произнесенная министром обороны СССР А. А. Гречко в телефонном разговоре с генералом армии И. Г. Павловским, когда тот с группой десантников уже находился в кабинете министра обороны ЧССР генерала Дзура: «Иван, передай министру: избави бог его открыть огонь по нашим войскам». И Дзур отдал приказ огня не открывать.

И тем не менее страсти накалялись с каждым часом. Представьте себе картину. Раннее утро в Праге и Брно, открываются парикмахерские и кафе, позевывая, открывают жалюзи владельцы мелких лавочек, на улицах появляются дворники и первые прохожие, и – о боже! – у всех правительственных зданий – люди в комбинезонах, в шлемах без знаков различия, с оружием в руках. Чья армия? Когда она вошла? Недоумение и страх перемешались в сердцах у чехов, и ненависть к советскому руководству, посягнувшему на свободу и независимость страны, выплеснулась в хлестких лозунгах: «Ленин, вставай! Брежнев сошел с ума!», «Иван, езжай домой

дрючить свою Машку и хлебать щи!»

Что ж, с русским языком у чехов проблем не было. Не имелось недостатка в Праге и Кошице масляной краски, которой незадолго до ввода в Чехословакию войск Варшавского договора неизвестные подонки прошлись по памятникам воинам-освободителям. Досталось бюсту маршала И. С. Конева, не пощадили вандалы захоронения советских воинов, павших в боях за освобождение Чехословакии. Мертвые сраму не имут, а живые?

Операция по вводу союзных войск предусматривала «деликатную» задачу, которую предстояло решить командующему ВДВ. Десантники, действовавшие в Праге, должны были арестовать А. Дубчека, ряд членов ЦК КПЧ и чехословацкого правительства. Маргелов потребовал от комдива 7-й воздушно-десантной дивизии «действовать по отношению к руководству ЧССР с чрезвычайной вежливостью и не бросаться понапрасну словами».

Разведрота дивизии и два взвода мобильного отряда, который возглавлял начальник разведки подполковник М. Серегин, перекрыли все улицы, прилегающие к зданию КПЧ, и взяли его под контроль, разоружив при этом охрану и нарушив телефонную связь. А. Дубчек находился в своем кабинете на втором этаже. Когда заместитель начальника политотдела подполковник М. Шишкин и старший лейтенант Б. Приталюк в сопровождении гвардейцев вошли в кабинет первого секретаря, в нем, кроме А. Дубчека, находилось еще 26 человек и среди них Й. Смрковский, Ф. Кригель, Й. Шпачек, Б. Шимон. Подполковник М. Шишкин громко поздоровался с присутствующими, в ответ – молчание. Нарушил его Ф. Кригель, вспылив: «Господа, что это за армия пришла?» М. Шишкин ответил: «Советская армия пришла для защиты социализма в Чехословакии. Прошу соблюдать спокойствие и оставаться на местах до прибытия наших представителей».

Спокойствие далось с трудом. Дубчек стал хвататься за телефоны, пытаясь связаться с послом в СССР С. В. Червоненко, а затем с самим Л. И. Брежневым. Пришлось вмешаться офицеру. Старший лейтенант Жаданов «в сдержанной форме отказал А. Дубчеку и обрезал телефон». Эти слова взяты из рапорта В. Ф. Маргелова министру обороны. Складывалась довольно затруднительная ситуация – все руководство КПЧ находилось в руках десантников, а люди из органов явно запаздывали. Этим воспользовались неугомонные Й. Смрковский и Ф. Кригель, которые выкрикивали из окон, что они схвачены, и пытались спровоцировать толпу к их освобождению. Это были самые напряженные минуты.

Только к вечеру началась эвакуация руководства КПЧ в здание советского посольства, а из него на аэродром в Рузине, где «под парами» стоял самолет, готовый к доставке членов ЦК и правительства в Москву.

О перевозке захваченных лидеров Чехословакии В. Ф. Маргелов докладывал А. А. Гречко так: «В первой группе были доставлены в советское посольство О. Швестка, Ф. Барбилек, О. Биляк, О. Павловский… Во второй группе… в бронетранспортере находились А. Дубчек и Ф. Кригель, напротив них сидели два наших офицера, в другом бронетранспортере Й. Смрковский и Й. Шпачек. При перевозке указанной группы на аэродром Рузине особенно возмущались Ф. Кригель и Й. Смрковский. Они требовали открыть люки и объяснить, куда их везут. В целом эвакуация членов ЦК КПЧ прошла быстро и без происшествий».

Оправившись от шока после ввода в Чехословакию войск социалистических стран, зарубежные «голоса» выплескивали на слушателей свидетельства невиданных «злодеяний», совершенных «бандитами Маргелова» в Праге и Брно. «В эти трагические минуты, – вещали в эфир через радио «Свобода» известные путешественники Мирослав Зигмунд и Иржи Ганзелка, – мы обращаемся к общественности Советского Союза. Вы всегда называли нас самыми преданными из всего социалистического лагеря. Неужели вы верите, что мы – контрреволюционеры! Требуйте объяснения этого беспримерного вероломства ваших государственных деятелей, которые замарали честь советских людей… Мы просим вас, не замалчивайте эту страшную агрессию!»

Отсутствие правдивой информации в советской прессе дало прекрасный повод идеологическим и разведывательным службам Запада для того, чтобы преподнести события в самом неприглядном виде. Одна из инструкций спецслужбам США гласила: «Делать упор на то, что ввод в Чехословакию войск пяти стран Варшавского договора свел на нет то смягчение, которое наметилось между Востоком и Западом. Под угрозу срыва поставлена судьба договора о нераспространении ядерного оружия. Курс советского руководства на насильственное подавление малейших проявлений самостоятельности создает военную угрозу вторжения в Румынию, Югославию, Албанию…»

Командующий ВДВ сдерживал себя с трудом. Его солдат на улицах чешских городов поносили на чем свет стоит, разъяренные толпы лезли на десантников с кулаками, забрасывали их камнями, стреляли исподтишка. Захваченные радиостанции, вещавшие на частотах советских войск, исчислялись десятками. Гвардейцы же в ответ только крепче

стискивали зубы. Лишь на пятый день пребывания войск в Чехословакии советские политорганы разродились листовкой. Называя командиров и солдат 7-й и 103-й гвардейских дивизий «политическими бойцами», В. Ф. Маргелов нисколько не ошибался. Комдивы Л. Н. Горелов и А. И. Яценко постоянно «ходили в народ», пытались наладить контакты с руководством Праги и Брно.

Труднее всего было удержать спокойствие в чехословацких воинских частях. Перед офицерами-десантниками предстала картина их полнейшего разложения. По сведениям контрразведки, в день 21 августа даже в частях постоянной боевой готовности – ПВО, авиации, связи – отсутствовала треть личного состава: то ли в увольнении находились, то ли в самовольной отлучке. Блокированные в своих гарнизонах воины Чехословацкой народной армии не ответили на подстрекательские призывы: «К оружию!» – и тем самым выбили важный козырь из рук националистического сопротивления.

Краткая хроника боевых действий десантников выглядела так.

21 августа (в ночь на 22-е). 2-я рота 108-го гвардейского парашютно-десантного полка была обстреляна одиночными выстрелами, при ответном огне выстрелы прекратились и больше не повторялись.

22 августа. Из здания телецентра был открыт огонь из автоматического оружия. В перестрелке были убиты 2 человека, 8 солдат ранено. В Брно в перестрелке погиб один человек.

23 августа. Около часа ночи разгорелся бой возле здания Национального собрания и министерства сельского хозяйства. В ходе ликвидации очагов сопротивления было взято: 200 единиц различного оружия, 17 пулеметов, 30 ящиков боеприпасов.

24 августа. Разведрота 7-й дивизии обнаружила склад оружия и сдала его в комендатуру. Десантники подвергались обстрелам с крыш зданий и окон. Открывался огонь на поражение. 7-я гвардейская воздушно-десантная дивизия перешла в непосредственное подчинение генерала армии И. Г. Павловского.

25 августа. Персонал аэродрома в Рузине отказался обслуживать наши самолеты. В здании министерства торговли изъяли арсенал с оружием.

26 августа. Десантники взяли под контроль тюрьму. Перестрелка у Дома журналистов. Изъято 13 пулеметов, 81 автомат, 150 ящиков с обмундированием и снаряжением. Ночью в Праге в ряде мест велась перестрелка.

27 августа. Предприятия Праги и Брно приветствовали гудками возвращение членов ЦК КПЧ и правительства из Москвы.

В Брно – отдельные выстрелы. Частями 103-й дивизии были изъяты две радиостанции, 15 автоматов, 14 пулеметов, 40 000 патронов.

В докладе министру обороны СССР В. Ф. Маргелов уточнил, что всего двумя десантными дивизиями было захвачено 97 пулеметов, 150 винтовок, 23 гранатомета, почти 90 000 патронов, 14 радиостанций.

Не успели отгреметь выстрелы, как командующий ВДВ прилетел в Прагу. Последовали краткие распоряжения: «Погибших солдат доставить на Родину и похоронить с почестями. Раненых – в стационарный госпиталь в Южной группе войск. Отличившихся представить к боевым наградам».

Более 1000 воинов-десантников были удостоены орденов и медалей СССР, а «действия 7-й и 103-й гвардейских воздушно-десантных дивизий, выполнивших интернациональный долг по защите социалистических завоеваний трудящихся Чехословакии, получили высокую оценку Политбюро ЦК КПСС, Советского правительства и министра обороны». Эти строчки, взятые из приказа командующего ВДВ, совпадают с выводом, содержащимся в одном из документов «Особой папки»: «В военном отношении операция по вводу наших войск в Чехословакию была проведена безукоризненно. Армия показала высокий уровень боевой готовности и великолепное профессиональное мастерство…»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1968 года командующий Воздушно-десантными войсками Герой Советского Союза генерал армии В. Ф. Маргелов за умелое руководство соединениями, принимавшими участие в операции «Дунай», был награжден орденом Ленина.

12 сентября части и 7-й и 103-й гвардейских воздушно-десантных дивизий, передав охраняемые объекты чешской милиции, были выведены за пределы Праги и Брно и без раскачки принялись за боевую подготовку. Требования командующего ВДВ были такими: обустроить нормальный быт, подвести итоги действий, наладить надежную охрану складов с оружием и боеприпасами и готовиться к выезду на Родину. В этой связи представляют интерес воспоминания командира взвода Б. Акимова:

«Жизнь в Брно постепенно налаживалась. Меньше во взглядах чехов стало злобы, с улиц исчезли провокационные лозунги. Общими усилиями мы привели в порядок братское захоронение советских воинов. Немецкое, находившееся на другой стороне, – не тронуто. Ожила знаменитая ярмарка. Патрулируя улицы города, мы только облизывались: пиво вовсю лилось, но однажды не удержались, поменяли наши рубли на кроны. “Настоящее

чешское!” – с восторгом произносил каждый, кому достался заветный глоток.

Наезд командующего ВДВ в наш 350-й гвардейский парашютно-десантный полк неожиданностью не стал. Мы знали, что Василий Филиппович в Праге и не преминет побывать в Брно. К этому времени полк полукругом располагался по горам, с которых город был виден словно на ладони. Немаловажная деталь: из Боровухи, места постоянной дислокации, прибыл оркестр. Загремели марши и, конечно, “Врагу не сдается наш гордый “Варяг” – любимая мелодия В. Ф. Маргелова. С нее и начался строевой смотр. Эхо нашего многоголосого десантного хора настроило чехов на более миролюбивый лад. На импровизированной трибуне представители городских властей не жалели ладоней. Ведь известно: “Когда поют солдаты, спокойно дети спят”…

Как командир знаменного взвода, я был причислен к лику особ, приближенных к комполка, и следовал за ним, внимательно вслушиваясь в то, что говорит ему командующий:

– Здесь поставить баню, здесь походный магазин, здесь, Колесов, устрой клуб. Я на фронте своих бойцов Чарли Чаплином вдохновлял, а в ЮГВ – целый арсенал нашенских фильмов и водки…

Командир полка недоуменно пожал плечами, а командующий продолжал:

– Да, да, водки. Боевых сто грамм для гвардейцев выбить не получилось. А вот водка и коньяк в магазине будут как поощрение…

– Так откуда взять деньги?! – воскликнул комполка. – Я ж выполнил приказ – распорядился: денег с собой не брать.

– Вот тебе, Колесов, мой сертификат для начала, а начфина пошли с охраной в штаб дивизии. Я их, этих бумажек, в достатке привез».

* * *

Перед началом нового, 1968/69 учебного года, который в Вооруженных Силах СССР по заведенному правилу начинался 1 декабря, в Управлении ВДВ проходило расширенное совещание. Сохранились тезисы выступлений, написанные рукой командующего ВДВ В. Ф. Маргелова:

«– Высокая оценка, данная Политбюро ЦК КПСС, Советским правительством и министром обороны, не означает, что у нас нет нерешенных вопросов.

– Мы далеко не всегда будем иметь такой продолжительный срок для подготовки к действиям, поэтому должны работать над сокращением времени выхода к аэродромам и завершения подготовки к десантированию.

– В боевой подготовке… в 1969 году запланировать и провести одно тактическое ротное учение «Ведение боя в населенном пункте». Эти же учебные вопросы включить и в батальонные учения.

– Научить личный состав грамотно и уверенно пользоваться планами городов, учитывая опыт действий в Чехословакии, когда были сорваны и уничтожены дорожные указатели и таблички с названиями улиц, номерами домов.

– Практический опыт 7-й и 103-й воздушно-десантных дивизий в Чехословакии показал – наиболее целесообразной группировкой является усиленный парашютно-десантный батальон. Требую “сколачивать” это подразделение как основную боевую единицу.

– Учить офицеров штабов, особенно в первые часы десантирования, писать краткие и ясные донесения, а радистов – хорошо работать в условиях радиопомех».

Выводы, представленные в Министерство обороны: «– Иметь в ВДВ воздушный пункт управления командующего ВДВ на самолетах АН-12 (АН-24), оборудованных надежными средствами связи.

– Штаты шифроорганов штабов Воздушно-десантных войск – дивизий, полков необходимо пересмотреть в сторону их усиления личным составом и оснащения спецавтобусами.

– На базе существующего батальона связи ВДВ сформировать отдельный полк связи.

– Создать для ВДВ переносную, десантируемую в контейнере радиостанцию дальней связи с радиусом действия 3000 км.

– Размещение командного пункта ВДВ в Генеральном штабе нецелесообразно, поскольку создает трудности в управлении дивизиями.

Действия 7-й и 103-й воздушно-десантных дивизий еще раз убедительно подтверждают необходимость оснащения воздушно-десантных соединений боевой машиной ВДВ».

Главное – маневры

В воздушно-десантных операциях существует термин «живучесть десанта». Противники массового применения Воздушно-десантных войск для решения стратегических целей в современной войне делали упор именно на это звено, считая его наиболее слабым. Их логика была такова: десант уязвим как на взлете, так и при переброске по воздуху к району боевых действий. По причине сильного разброса на площадке приземления людей и техники вступление в бой десанта при огневом воздействии противника – неосуществимая задача. То есть иметь в таком виде Воздушно-десантные войска, в каком их представлял Василий Филиппович Маргелов, – не более чем блажь человека, который довел «показуху» до совершенства.

Что ж, была и «показуха», чтобы не ударить лицом в грязь перед теми начальниками, кто имел весьма смутное представление о Воздушно-десантных войсках, но от которых нередко зависела их судьба. Но главное – это повседневная боевая учеба, тяжелый солдатский труд, неимоверное напряжение ума и воли командиров. В. Ф. Маргелов отлично сознавал, что выверенные планы окажутся бездейственными, а сложная техника так и останется недвижимой, вооружение будет неизменно давать осечку, если в ВДВ допустить атмосферу бездушия, в которой восторжествует живучий армейский принцип: «День прошел – и слава Богу». В многочисленных воспоминаниях о Десантнике № 1 нет ни одного упоминания таких слов, как «накачка» и «разнос». Командующий мог отпустить по адресу нерасторопного командира язвительное замечание, привести образное сравнение в оценке ленивого подчиненного, взорваться, когда к нему обращались за решением мелочных вопросов. Однако он никогда не опускался до скоропалительной раздачи взысканий. Требовательность в сочетании с заботой – неизменные принципы, которые исповедовал Маргелов и соблюдение которых он пытался сделать незыблемым правилом для командиров всех степеней.

Но главное, он обладал собственным видением перспектив применения десантных войск в тылу врага. При этом командующий ВДВ шел в ногу с развитием техники и вооружения, зачастую предвосхищал многие способы ведения боевых действий… Если в начале пятидесятых годов в действиях десантников доминировали ближний бой и оборона, в шестидесятых – начале семидесятых годов десант обрел достаточную мобильность и способность противостоять танковым ударам, решать оперативно-стратегические задачи. Показательны

в этом отношении учения, которые становились настоящими экзаменами на зрелость всех десантников от солдата до командира соединения.

В программе боевой подготовки десантников преобладающим стало слово «сколачивание». Процесс этот был длительным и начинался с индивидуального обучения солдата, а затем охватывал отделение, взвод, роту, батальон, полк. Венцом организаторской деятельности, проверки навыков и умения командного состава становились дивизионные тактические учения.

Можно вспомнить наиболее значимые учения Воздушно-десантных войск, которые стали важными вехами не только в биографии командующего, но и для всех Вооруженных Сил СССР.

Норвегия – северный сосед Советского Союза. Небольшая страна, напичканная военными базами и аэродромами, надежно сокрытыми шхерами и фьордами, занимала одну из ключевых позиций в стратегии НАТО. Лучшего плацдарма для нападения на СССР с севера не придумаешь. Во Второй мировой войне им воспользовался Гитлер. По его стопам шли и генералы Североатлантического блока. Демонстрация силы – вторжение натовских самолетов в воздушное пространство и военных кораблей в территориальные воды СССР – было делом обычным, и сигналы боевой тревоги часто звучали на наших аэродромах и морских базах.

В марте 1958 года, то есть через четыре года со дня своего вступления в должность командующего Воздушно-десантными войсками, В. Ф. Маргелов приказал комдиву 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майору А. А. Корещенко подготовить один усиленный полк для действий в условиях Заполярья. Уж кому-кому, а Маргелову со времен советско-финляндской войны были памятны трескучие морозы, умелые действия противника, отменно владевшего лыжами и со знанием дела использовавшего условия сложной местности. Поэтому помощь и советы командующего в подготовке полка к десантированию имели неоценимое значение.

Высадка десанта в Заполярье и совместные его учения с 122-й дивизией и авиацией Северного флота произвели на северных соседей внушительное впечатление. Гвардейцам Маргелова не стали помехой ни полярная вьюга, ни бездорожье, ни незнакомая местность. Задача по оседланию стратегически важных дорог, ведущих вглубь территории СССР и участков, которые «противнику» невозможно было миновать, была выполнена блестяще.

Поскольку части и соединения Воздушно-десантных войск

обладали своего рода «экстерриториальностью», то есть жили и существовали по собственным законам, то в военных округах почитали их за «пасынков» и не жаловали особым вниманием. Редко упоминались они и в армейской прессе. Для того чтобы ликвидировать этот информационный голод, командующий ВДВ совместно с политуправлением принял решение организовать в каждой дивизии многотиражку. Эти газеты, конечно, не могли соперничать ни по формату, ни по объему материалов с окружными. Однако десантники, находя в них имена известных командиров, фотографии и заметки об однополчанах, о примерах отваги и мужества, даже после увольнения в запас хранили газетные листы как драгоценные реликвии. И уж конечно, редакции дивизионных газет трудились не покладая рук накануне войсковых учений.

Можно наверняка утверждать, что боевую готовность армий стран Варшавского договора в решающей степени определяли солдаты и офицеры советских Вооруженных Сил, а апофеозом большинства совместных войсковых учений и маневров являлись выброски десанта. Так было в 1963 году на полигонах Группы советских войск в Германии, а в следующем году – в Болгарии.

В свою очередную командировку В. Ф. Маргелов отправился в Германскую Демократическую Республику, где с 16 по 23 октября 1965 года проходили учения стран Варшавского договора под кодовым названием «Октябрьский штурм». В составе участников были воинские контингенты армий ГДР, СССР и ЧССР. Польскую Народную Республику представляла Поморская воздушно-десантная дивизия, которой командовал Э. Разлубирский. От самолета до парашюта все было советским, нашего «производства» была тактика действий польских десантников. Маргелов бы вполне удовлетворен – его идеи прочно прижились в армии дружеских государств. Да и дружба с польскими товарищами была не показушной.

И по сей день в сквере перед курсантской казармой Рязанского высшего воздушно-десантного училища имени В. Ф. Маргелова растут голубые ели – символ памяти о совместной борьбе советских и польских воинов с фашистами. Посадили деревья В. Ф. Маргелов, В. Ярузельский и М. Спыхальский.

В конце сентября 1966 года В. Ф. Маргелов выехал на учения в Чехословацкую Социалистическую Республику. На завершающем этапе учений «Влтава» была введена «в сражение» воздушно-десантная часть национальной армии Чехословакии. Здешние воины также многое заимствовали из арсенала советских десантников, а то, что более половины офицеров национальной армии Чехословакии прошли обучение в военных

училищах и академиях Вооруженных Сил СССР, особого секрета не составляло.

Учения «Родопы», проводившиеся в начале августа 1967 года на территории Болгарии, немногим отличались по сценарию от предыдущих. В. Ф. Маргелов впервые увидел в деле болгарских десантников. Перед самым отлетом на Родину командующий ВДВ, пожимая руку министру обороны Болгарии генералу Д. Джурову, сказал: «Ждем вас в Киеве ровно через месяц».

Все министры обороны стран социалистического содружества получили официальные приглашения на учения «Днепр», которые начались 24 сентября 1967 года и охватывали территорию Белорусского, Киевского и Прикарпатского военных округов. Если в ходе предыдущих учений отрабатывались оперативно-тактические задачи, то на учениях «Днепр» на повестке дня стояли вопросы стратегического плана, а главный их замысел состоял в проведении фронтовой наступательной операции. Руководителем учений являлся министр обороны СССР маршал А. А. Гречко. Условные противники были разделены на «северных» и «южных», и каждая сторона готовила свои «сюрпризы».

Воинам танковой дивизии предстояло форсировать водную преграду с ходу, без плавсредств. Это была впечатляющая картина. Тяжелые боевые машины выдвигались на берег и медленно сползали под воду. Полкилометра двигались на глубине три-четыре метра. Все 330 танков благополучно переправились на берег «противника» и ударили по нему из всех стволов. Но главное было еще впереди. В то время, когда в наиболее выгодных для обозрения точках шла деятельная работа по строительству наблюдательных вышек, в штабе ВДВ готовились к проведению операции в необычном составе. В воздух должны были подняться две дивизии: 76-гвардейская (командир дивизии генерал-майор В. И. Ометов), 103-я гвардейская (командир дивизии генерал-майор М. И. Кашников). Обоим соединениям предстояло совершить десантирование со всей боевой техникой. Василий Филиппович, безусловно доверяя начальникам всех своих служб и офицерам штаба, взял на себя, пожалуй, самую ответственную работу: объяснить людям суть, цели и значимость предстоящих учений. Не было ни одного полка, ни одной отдельной части, в которых бы не побывал командующий.

Необычность задачи состояла в том, чтобы наглядно продемонстрировать возможности воздушно-десантных войск сообразуясь с реалиями боевой обстановки, предотвратить гибель людей, которая при такой массовой выброске допускалась, но была вовсе не обязательной. Была у десантников и еще одна

важная задача – повысить авторитет ВДВ в глазах руководства страны. «Не посрамите меня, – обращаясь к гвардейцам, сказал Маргелов, – зрителей на сей раз будет столько… Да еще каких!» Завершал командующий выступления своей привычной, расхожей армейской шуткой: «Война – ерунда, главное – маневры». Даже не раз услышанная из уст Маргелова, она неизменно вызывала оживление.

По замыслу министра обороны, штаб руководства учениями располагался в 150 километрах от Чернигова. Перед началом учений маршал А. А. Гречко и начальник Генштаба маршал М. В. Захаров решили заслушать доклады командующих родов войск, командующих военных округов и начальников служб Минобороны. На столь представительном совещании предстояло докладывать и командующему ВДВ. Как на грех, погода испортилась, и аэродром, на который должен был приземлиться вертолет с В. Ф. Маргеловым, заволок густой туман. Начальник штаба ВДВ генерал-майор П. Ф. Павленко и первый заместитель Маргелова генерал М. И. Сорокин занервничали. Каково же было их удивление, когда начальник контрольно-диспетчерского пункта доложил генералам: вертолет с командующим, несмотря на запрет всех полетов, минут через 40–50 будет на аэродроме. Что тут началось! Дважды Герой Советского Союза П. А. Таран, который присутствовал при этом рапорте, взорвался: «Я отдам пилота под суд! Разжалую его!» И тут из тумана вынырнула винтокрылая машина. Раздался всеобщий вздох облегчения.

Разговор В. Ф. Маргелова и П. А. Тарана воспроизводится в воспоминаниях П. Ф. Павленко: «Уважаемый Павел Алексеевич, приношу Вам и всему летному начальству самые искренние извинения за причиненное беспокойство, – сказал Маргелов. – Поймите мое положение: я не мог не прибыть, не выполнить приказ. А командир вертолета очень толковый офицер, он заслуживает всяческой похвалы. И вылетел он лишь после того, как я подписал ему письменное распоряжение. Прошу вас ни в коем случае не наказывать – он поступил, как на войне…»

Генерал П. Ф. Павленко продолжает описывать события того дня. «…Нас пригласили в зал, где Гречко и Захаров внимательно заслушали доклад Маргелова и наши добавления по деталям… Министр утвердил наши планы, сделав лишь замечание по району высадки десантно-штурмового полка на вертолетах (опытного формирования. – Á. Е.). Мы были довольны, что так быстро удалось утвердить планы».

А в это время в исходном районе десантирования 357-го гвардейского парашютно-десантного полка, командовал которым полковник Н. Т. Примак, «вечный взводный» Николай

Красницкий, выходец с Украины, морочил «салаг» – юных лейтенантов, выпускников 1967 года, мечтая о том, что как только он «оттарабанит» по плацу на смотре войск, сразу же махнет на Крещатик, «бо дивчата там дюже гарни и до офицеров охочи.

– А как же запрет командующего – в город в полевой форме ни шагу?

– А я и не в полевой вовсе. Вот, парадную в “асушку” упакую и…»

В. Ф. Маргелов, говоря перед учениями о зрителях, вовсе не преувеличивал. На этот раз их было действительно необычно много. Причем для членов Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем Л. И. Брежневым и Советского правительства, делегаций от стран Варшавского договора была подготовлена внушительная наблюдательная вышка. Чины и гости рангами пониже, представители прессы расположились на вышке меньших размеров.

При описании событий, происходивших на обширных приднепровских просторах 28 сентября 1967 года, их очевидцы неизменно употребляли слово «впервые». Впервые в рюкзаках десантника лежал не примитивный сухой паек – сухари да каша, а полноценный набор продуктов: мясные консервы, сгущенное молоко, галеты, пакетики с растворимым чаем, сухой спирт для быстрого приготовления пищи. Питание гвардейцев постоянно было предметом особой заботы командующего. Величайшим грехом тыловиков считал он любую задержку продовольствия или необеспечение солдат и офицеров горячей пищей в полевых условиях.

Впервые в практике десантирования боевых грузов и техники наряду с многокупольными парашютными системами применялись парашютно-реактивные системы. Стремительное снижение платформы на одном стабилизирующем куполе, несколько метров до земли – и мощная реактивная струя, сбивая скорость снижения до минимальной, плавно опускает груз. Срабатывают автоотцепки куполов, и боевая техника после нескольких несложных операций готова к действиям.

Впервые два полнокровных воздушно-десантных соединения находились в воздухе на военно-транспортных самолетах Ан-12, доказавших свою практичность и безотказность. Впервые авиация, сопровождающая и прикрывающая такую мощную группировку, действовала на всем протяжении полета десанта, подавляя наземные средства ПВО «противника», обеспечивала его безопасность и «расчищала» место для приземления. Минуты обработки истребителями-штурмовиками площадки приземления

были впечатляющими. Но вот грохот разрывов стих, тройки самолетов переключились на барражирующий полет, а в воздухе показалась армада транспортных самолетов. И по сей день кадры, снятые кинематографистами на учениях «Днепр», даже у видавших виды десантников вызывают невольный восторг и гордость. Гвардейцы не подвели Маргелова.

Не испортил настроения командующему ВДВ и курьезный случай, произошедший среди гостей.

«Я находился в дикторской будке, – рассказывал генерал П. Ф. Павленко, – установленной сверху над правой вышкой, а Василий Филиппович, командующий военно-транспортной авиацией маршал Скрипко Н. С. стояли рядом с министром обороны и гостями на левой вышке и давали по ходу дела пояснения.

Ведя репортаж, я вдруг заметил на левой вышке какое-то необычное волнение: многие начали быстро, потом бегом спускаться по лестнице вниз и отбегать в сторону. Через несколько секунд на вышке остались только Гречко, Маргелов и Скрипко. На нашей вышке произошло почти то же… И тут я увидел, что сброшенная с самолета артиллерийская установка АСУ-57 летит стремительно к земле и каждому кажется, что она упадет именно ему на голову. Все замерли… И когда она шлепнулась впереди вышек примерно в ста метрах, все облегченно вздохнули. Началось обратное восхождение на вышки…»

За выброской техники и грузов началось десантирование Витебской дивизии. Тысячи куполов в воздухе, стрельба, взрывы на земле – такова картина этого дня. Дополняла ее видимая с вышек выброска десантников Псковской дивизии. Трибуны рукоплескали, хотя это был не парад, а учения.

Красницкий, лишенный боевой машины, действовал как заправский пехотинец. «Асушка» лежала искореженной, ствол напоминал столовый штопор. «Эх, плакало мое повышение! – вымолвил взводный, глядя на груду металла, – Не бывать мне и на Крещатике». Парадная форма была изодрана в клочья, а фуражка напоминала маслянистый блин.

«Боевые действия» десантников были стремительны, энергичны и обеспечили приземление посадочного десанта – дивизионной артиллерии и вертолетов, несущих на борту штурмовые группы, что было также впервые в практике маневров и учений Советской Армии.

«Мне довелось присутствовать на учениях, где действовал большой вертолетный десант ВДВ, – рассказывал писатель В. М. Понизовский. – Как назло, в это утро (29 сентября. – А́. Е.)

метеорологическая обстановка оказалась особенно сложной для вертолетов – низкий, отложной туман. Василий Филиппович Маргелов повел винтокрылые соединения сам. Сорок минут вертолеты пробирались в сплошном “молоке”. И только у самого поля боя вынырнули на просматриваемую поверхность под косой дождь, под низкие облака».

Началась высадка десанта. Высший класс для экипажа – высадить солдат с подвесных лестниц, удержать машину в двух-трех метрах над землей. А для самих солдат? С оружием под бушующим от винта ветром, в кромешной тьме, поднятой не одной, а десятком машин. Коснулись подошвы земли – сразу в цепь и в атаку!

«Доктрина Маргелова» торжествовала и сработала на «отлично»: при такой массовой выброске и высадке – ни единой человеческой жертвы! Оценки Маргеловым собственных заслуг были чрезвычайно скромны. Командующий, подводя итог действиям десантников, в одном из интервью сказал: «Руководители Коммунистической партии и Советского правительства сердечно поздравили воинов-десантников с отличным выполнением задачи… А она, к слову, была аналогична той, которую получили 3-я и 5-я воздушно-десантные бригады в 1943 году. Но как не похожи эти два десанта по техническому оснащению! Словно между ними пролегли не двадцать четыре года, а целая эпоха».

Центральные газеты восторженно сообщали об учениях «Днепр». «Известия» от 28 сентября 1967 года писали: «Нужно сказать, что десантники – воины беспредельного мужества и отваги. Они никогда не теряются, всегда находят выход. Десантники в совершенстве владеют различным современным оружием, владеют им с артистическим мастерством, каждый боец «крылатой пехоты» умеет вести бой один против ста.

За эти дни, проведенные на учении, нам пришлось увидеть много умелых действий не только отдельных солдат и офицеров, но и целых подразделений, соединений и штабов. Но, пожалуй, самое сильное впечатление осталось от Воздушно-десантных войск, которые возглавлял В. Ф. Маргелов. Их воины показали высокую выучку и такую смелость, инициативу, что про них можно с ответственностью сказать – они достойно продолжают и умножают боевую славу отцов и старших братьев-десантников Великой Отечественной войны. Эстафета мужества и доблести в надежных руках».

Апофеозом учений «Днепр» стал величественный смотр. Именно смотр, а не парад, как предусматривалось вначале. Маршал И. И. Якубовский, которому было доверено его

проведение, взглянув на взлетную полосу испытательного аэродрома КБ Антонова, расположенного близ Киева, сделал однозначный вывод: это не брусчатка Красной площади и даже не дивизионный строевой плац, и строевым шагом по бетонным плитам, держа равнение, не пройти. Пришлось срочно менять сценарий. Подразделения и части приступили к репетиции прохождения в колоннах на боевой технике.

Для высшего руководства страны, представителей братских коммунистических партий, министерств обороны стран Варшавского договора соорудили трибуну. На противоположной стороне лицом к ним выстраивались войска в сводных полковых «коробках» под боевыми знаменами. За личным составом в многокилометровых рядах стояла техника: танки, бронетранспортеры, САУ, артиллерия, зенитные комплексы и установки, специальные машины – грозное оружие, на которое Отечество не скупилось. Лозунг: «Все, что создано народом, должно быть надежно защищено» – стал жизненным правилом для воинов Вооруженных Сил СССР, ответом на заботу советского народа.

Перед самым началом смотра командующий ВДВ В. Ф. Маргелов обошел строй гвардейцев. Слова благодарности в его устах звучали в этот день особенно проникновенно. Начальник управления кадров ВДВ полковник И. И. Григорьев и порученец с неизменными блокнотами записывали за командующим – одних представить к правительственным наградам, других – на поощрение ценными подарками, солдатам, отличившимся на учениях, – отпуска. Наконец Маргелов подошел к строю 357-го гвардейского парашютно-десантного полка. Пожав руку командиру, спросил:

– Примак, где тот аспид, который самоходку в Политбюро швырнул? Красницкого ко мне!

Взводный отрапортовал с явной дрожью в голосе.

– Тысячи платформ, ну, словно пушинки приземлились. А твоя возьми да и чуть не угоди в меня. Да ладно бы в меня… Со мной рядышком сам генсек и министр обороны стояли.

Лицо бедняги Красницкого покрылось испариной. А Маргелов между тем продолжил по-отечески:

– Да не дрожи ты как листок осиновый. Вины за тобой нет! Разобрались. Двигатель тормозной подкачал. А форму-то, небось, парадную жаль?

– Так точно, товарищ командующий!

– Примак, старшему лейтенанту после возвращения домой форму компенсируй. Не голыми яйцами ему же блистать перед девчатами.

Раздался такой оглушительный смех, что и зрители, и соседи десантников вытягивали шеи – пытаясь разглядеть, что же творится у гвардейцев Маргелова. В микрофоне послышались щелчки и голос И. И. Якубовского.

– Василий Филиппович, займи, пожалуйста, свое место на трибуне.

Рассказ об учениях «Днепр» был бы неполон, если не упомянуть о банкете, устроенном ЦК КПУ и правительством Украины в честь советских и зарубежных военачальников. Звучали тосты, гостеприимству хозяев не было предела. От глав оборонных ведомств Варшавского договора слово держал министр обороны ЧССР генерал армии Ломский. После традиционных слов благодарности, восхищения действиями войск министр заверил, что в следующем году учения, намеченные на территории Чехословакии, пройдут так же организованно и воины Чехословацкой народной армии не ударят лицом в грязь перед высшим руководством Организации Варшавского договора.

Увы, учения «Шумава», о которых упоминал Ломский, состоялись в 1968 году без него. Декабрьский Пленум ЦК КПЧ 1967 года освободил от занимаемых должностей и Президента ЧССР А. Новотного, и министра национальной обороны, утвердив на этом посту генерал-полковника Мартина Дзура. Что ни говори, но в чехословацких событиях со всей силой проявилось истинное братство по оружию, которому сочувствующие «Пражской весне» ничего не могли противопоставить, кроме осуждений и оскорблений.

1968 год был ознаменован важным событием в жизни Вооруженных Сил. С 1 января вступил в действие новый «Закон о всеобщей воинской обязанности», по которому устанавливался новый срок действительной военной службы для солдат и сержантов Советской Армии и для береговых частей Военно-морского флота – два года, для матросов и старшин ВМФ – три года. Объяснялись эти изменения прежде всего возросшим уровнем образованности и физической закалки советской молодежи. Возраст призывников с девятнадцати лет был снижен на год, а сам призыв на службу военным комиссариатам предписывалось проводить не один, а два раза в год.

Что это означало для Воздушно-десантных войск? Командующий ВДВ как-то сравнил себя с Генри Фордом, изобретателем конвейера. И никакого преувеличения в этом сравнении не было. За два года весь личный состав войск, за исключением офицеров и военнослужащих сверхсрочной службы (прапорщиков) обновлялся полностью. Необходимы были особые

изобретательность и умение, чтобы, невзирая на обстоятельства, а порой и откровенную чехарду, сохранить боевой дух частей и подразделений, преемственность и верность традициям, привить навыки и умения во владении новейшим оружием и техникой.

Трудно перечислить все учения, традиционно проводившиеся штабом ВДВ совместно с командованием различных военных округов. Однако отметим одно немаловажное обстоятельство – большая часть их выпадает на Краснознаменный Белорусский военный округ. В марте 1970 года Белоруссия стала «театром военных действий», на котором воины Вооруженных Сил держали экзамен, приуроченный к 100-летию со дня рождения основателя Советского государства В. И. Ленина.

Обратимся к одной из корреспонденций окружной армейской газеты «Во славу Родины»: «…Календарь уже начал отсчет весенних дней, а зима не сдавалась. Глубокий снег лежал на полях, в лесу, создавая дополнительные трудности участникам учений… Замерли в тишине военные полигоны и стрельбища, места, где куется боевое мастерство…»

Отменять учения из-за сложных климатических условий их руководитель, первый заместитель министра обороны маршал И. И. Якубовский, не собирался: они значились в рабочем плане Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, который прежде своими визитами Белоруссию не баловал. К тому же Леонид Ильич, оправившись от нелестных эпитетов, которыми направо и налево награждала его западная пресса по поводу ввода войск в Чехословакию, решился воочию доказать, что дело Ленина живет и побеждает и что всякое государство лишь тогда чего-нибудь стоит, если оно умеет защищаться. Поделив, как полагается, противоборствующие стороны на «северных» и «южных», руководители учений, получивших кодовое название «Двина», дали сигнал к началу «боевых» действий. Какие-либо аналогии относительно схожести двух учений «Днепр» и «Двина» проводить бессмысленно, хотя и на тех, и на других великие реки фигурировали в качестве рубежей, на которых укреплялся «противник». Ударный кулак «северных» составляла гвардейская Таманская танковая дивизия Московского военного округа, которая взаимодействовала с 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизией. Высадка десантников намечалась в тыл оборонительных позиций «южных». Две мотострелковые дивизии должны были взломать оборону и обеспечить наступающим частям выход на оперативный простор.

Была на учениях и красочная имитация ядерного взрыва, были и головокружительные виражи самолетов-штурмовиков. Белоруссия – страна лесов и озер, и найти площадку для

приземления неимоверно трудно. Сложно было выбрать и место для трибуны, с которой без напряжения можно было бы наблюдать за выброской десанта. Василий Филиппович, находившийся на вышке рядом с министром обороны маршалом А. А. Гречко и начальником Генштаба маршалом М. А. Захаровым, часто поглядывал на часы и на генсека, который о чем-то оживленно беседовал с Петром Мироновичем Машеровым. Погода не радовала, но и не давала повода для уныния. Проутюжили землю истребители-штурмовики, из комментаторской будки прозвучало: «Внимание!» – и взоры присутствующих обратились ввысь. Вот с первых самолетов отделились крупные точки – это боевая техника, артиллерия, грузы, а затем, как горох, из люков Ан-12 посыпались десантники. Но венцом выброски стало появление в воздухе четырех «Антеев». Считанные минуты – и вот на земле уже целый полк!

Когда последний десантник коснулся земли, В. Ф. Маргелов остановил секундомер на командирских часах и показал министру обороны. Двадцать две минуты с небольшим понадобилось для того, чтобы 8 тысяч десантников и 152 единицы боевой техники были доставлены в тыл «противника». В выброске 76-й гвардейской дивизии, кроме «Антеев», участвовало 280 самолетов Ан-12. Леонид Ильич расчувствовался и крепко пожал командующему ВДВ руку. П. М. Машеров поднял в воздух большой палец. Не скрывали своего восхищения и другие военачальники.

Пока на вышке звучали восторженные возгласы и поздравления, десантники делали свое дело: расшвартовывали и приводили в боевое состояние технику, орудия, становились на лыжи и на всех скоростях мчались, прицепившись к самоходкам и вездеходам. «Бой» в глубине обороны «южных» был нешуточный, но таманцы не подвели и вышли на помощь десантникам. Еще несколько дней бушевали встречные «бои» и «сражения» на белорусских полигонах. Итогом участия в них Воздушно-десантных войск стали почетные вымпелы министра обороны «За мужество и воинскую доблесть», врученные всем без исключения полкам соединения.

В мае 1970 года Василий Филиппович неожиданно получил приглашение в Югославию. Страна, в освобождении которой он принимал участие в памятном 1945 году, не входила ни в какие военные блоки, однако Югославская народная армия считалась одной из самых боеспособных в Европе, ее воздушно-десантные части в своем арсенале использовали приемы и методы, выработанные Маргеловым. Секрета в этом не было: в Рязанском высшем воздушно-десантном училище постигали маргеловскую

науку и слушатели из Социалистической Федеративной Республики Югославия.

В том же 1970 году на территории Германской Демократической Республики состоялись учения «Братство по оружию». Начались они с массового митинга, на котором воины армий стран Варшавского договора выразили убежденность в том, что учения станут новым этапом в деле укрепления обороны и безопасности социалистического лагеря. На соседа ГДР – Федеративную Республику Германию, на территории которой размещалась трехсоттысячная группировка войск НАТО, каждая демонстрация силы и мощи стран Варшавского договора действовала словно красная тряпка на быка. А тут еще объявился генерал Маргелов, гвардейцы которого на лексиконе западной пропаганды давно уже стали именоваться «бандитами». Воздушно-десантные войска СССР представлял 317-й гвардейский полк 103-й Витебской дивизии. Но хорошо известно, что у страха глаза велики, и стратеги из НАТО с тревогой ожидали: а вдруг из облаков, которые окутали район учений, вынырнет не полк, а целая дивизия, и не в ГДР, а где-нибудь поблизости от Ла-Манша.

В 1971 году в Воздушно-десантных войсках полным ходом шло освоение боевой машины десанта БМД-1, и учения «Юг», которые проводились на территории Крымского полуострова в начале июня, должны были продемонстрировать эффективность новой боевой техники. Честь представлять ВДВ на этих учениях выпала 98-й гвардейской Свирской воздушно-десантной дивизии, командовал которой генерал-майор Т. К. Самойленко. В 1969 году дивизия была передислоцирована из Приамурья в Молдавию, негласно стала именоваться «Болградской» и еще ни разу не участвовала в столь масштабных учениях. Смысл задачи на сей раз сводился к взаимодействию ВДВ с морским десантом. И дивизия осуществила ее блестяще.

В 1972 году, в период празднования 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик, Воздушно-десантные войска имели свои гарнизоны в России, Белоруссии, Молдавии, Литве, Азербайджане, Узбекистане и по своему составу были многонациональными. Выручка и взаимопомощь, моральная поддержка и истинная десантная дружба не позволяли подразделениям частей ВДВ скатиться в болото национальной розни, и вовсе не случайно, что в гвардейской десантной роте, которой выпала высокая честь представлять ВДВ 22 декабря 1972 года на торжественном заседании в Кремлевском дворце съездов, служили воины двенадцати национальностей.

«Предела повышения боевой готовности нет и не может быть, – утверждал В. Ф. Маргелов, – и то, что достигнуто сегодня,

уже не полностью отвечает требованиям завтрашнего дня. В силу этого в войсках большое внимание уделяется творческим поискам, широкому развертыванию научной и рационализаторской работы, ее точно выверенной направленности, которая подкрепляется персональной ответственностью, конкретными сроками и систематическим контролем за исполнением…»

Весь летний период обучения 1975 года и начало 1976 года Воздушно-десантные войска провели под знаком достойной встречи XXV съезда КПСС. Делегатами съезда были избраны командующий ВДВ Герой Советского Союза генерал армии В. Ф. Маргелов и его заместитель по политической части генерал И. И. Близнюк. Невольную улыбку вызывает список делегатов партийного форума, где Василий Филиппович Маргелов, представлявший Молдавскую республиканскую партийную организацию, значится военнослужащим без указания званий и заслуг. И. И. Близнюк представлял Тульскую областную парторганизацию.

На съезде Л. И. Брежнев дал такую оценку советским Вооруженным Силам:

«Все эти годы партия уделяла должное внимание укреплению обороноспособности нашей страны и совершенствованию Вооруженных Сил. Мы можем доложить съезду, что в этой области нами сделано немало. Улучшилось оснащение Вооруженных Сил современным оружием и боевой техникой, повысилось качество боевой подготовки и идейной закалки личного состава. Советский народ может быть уверен, что плоды его созидательного труда находятся под надежной защитой.

Ни у кого не должно быть сомнения и в том, что наша партия будет делать все, чтобы славные Вооруженные Силы Советского Союза и впредь располагали всеми необходимыми средствами для выполнения ответственной задачи – быть стражем мирного труда советского народа, оплотом всеобщего мира».

Сидевший в зале Василий Филиппович искренне воспринимал эти слова и не сомневался, что в деле укрепления безопасности Советского государства была и его лепта. «Быть верными традициям отцов, на учениях действовать по-фронтовому». Этот призыв стал лейтмотивом хода боевой и политической подготовки Воздушно-десантных войск в последующий период.

В 1976 году В. Ф. Маргелова порадовал О. Ф. Кулишев. Олег Федорович стал десантником по распределению, или по недоразумению, как незлобиво подшучивали старожилы ВДВ над выпускниками училищ и академий, не имевших ничего общего со

службой в Воздушно-десантных войсках. Кулишев получил назначение после окончания Академии имени М. В. Фрунзе «на самый отсталый батальон». В устах командующего слово «отсталый» имело несколько другой оттенок, но суть сказанного от этого не менялась. Реальна была и угроза: «выгнать из ВДВ через несколько месяцев», если дела в батальоне не пойдут на лад. Дела у молодого комбата пошли, о чем можно судить по его последующей карьере. Заместитель командира 119-го гвардейского полка (г. Капсукас, Литва), командир 137-го гвардейского полка (г. Рязань), слушатель Академии Генштаба, начальник Рязанского высшего воздушно-десантного училища, командир 7-й гвардейской (Каунасской) дивизии, командир 28-го («сухопутного») стрелкового корпуса в Чехословакии, командующий 6-й Краснознаменной Отдельной армии в Заполярье и, наконец, командующий Северной группой советских войск в Польше. Там-то вновь и встретился Маргелов со своим «протеже», ставшим вровень со своим «покровителем».

Учениями «Щит-76», проходившими с 9 по 16 сентября, руководил министр национальной обороны ПНР генерал армии В. Ярузельский. Состав участников был таков: части и соединения армий Польской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Чехословацкой Социалистической Республики и Советского Союза. Это были первые учения, на которых в качестве министра обороны СССР присутствовал генерал армии Дмитрий Федорович Устинов.

Впервые в послевоенное время на ключевой пост был назначен человек, имевший заслуженную репутацию крупнейшего руководителя и организатора оборонной промышленности[43]. Назначение Д. Ф. Устинова министром обороны вызвало неоднозначную реакцию у советского генералитета. Однако военачальники сошлись на том, что для многих из них дорога в министерство оборонной промышленности была нахоженной, и сам министр не кабинетный руководитель, а человек, прекрасно осведомленный о нуждах армии и флота, обладающий завидным умом, цепкой памятью и выдержкой. К тому же Д. Ф. Устинов имел у себя в помощниках в качестве начальника Генерального штаба маршала Николая Васильевича Огаркова, за плечами которого был огромный боевой опыт и которого отличали глубокие военные знания. И вовсе не случайно, что начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР явился инициатором издания Советской военной энциклопедии, а потом и возглавил ее творческий коллектив.

…Боевые действия в ночных условиях – способ, апробированный самим В. Ф. Маргеловым в годы советско-

финляндской и Великой Отечественной войн. Ночные действия ВДВ эффективны лишь тогда, когда каждый десантник не раз и не два совершал прыжки в непроглядную темень, а на полевых выходах отрабатывал умение ориентироваться на незнакомой местности, быстро находить «родную» БМДэшку или орудие, взаимодействовать с соседями. В ночном десантировании главное – внезапность, и достичь ее можно только при тщательной подготовке. Именно на это делал упор командующий, доверив на учениях Одесского военного округа, проводившихся в сентябре 1977 года, представлять Воздушно-десантные войска 103-й гвардейской Витебской дивизии.

Южные ночи в этот период – хоть глаз выколи. Десант поглощает ночь, и только бортовые огни «Илов», их натруженный гул да всплески огненных струй парашютно-реактивных систем свидетельствуют о том, что под ее покровом происходит что-то необычное.

На учениях летчики отрабатывали подлет к площадке приземления в колоннах, осуществляли перестроения в звенья, добивались без болезненных ощущений для десантников снижения с высот в несколько тысяч метров до оптимальных 500–1000 метров, с которых, как правило, производится выброска. Сколько на такую учебу тратилось авиационного топлива, трудно сказать. Однако не было ни единого случая, когда самолеты военно-транспортной авиации не могли подняться в воздух по этой причине и тем самым сорвать выполнение общей задачи. Не подвели летчики десантников и на этот раз, а гвардейцы 103-й образцово выполнили свою задачу.

В 1978 году, отмечая 60-летие Советской Армии и Военно-морского флота, воины всех видов и родов Вооруженных Сил стремились показать, что не зря едят народный хлеб, не напрасно государство расходует огромные средства на оборону. Во всех округах и флотах с размахом прошли учения с боевыми стрельбами, пусками ракет, выходами в море. И это в морозном феврале!

Не остался в стороне от напряженной учебы и Краснознаменный Белорусский военный округ. В период со 2 по 10 февраля на его территории вновь разгорелись жаркие «сражения», которые получили название «Березина». В истории военного искусства это слово глубоко символично. Небольшая речушка в 1812 году стала рубежом, на котором окончательно рухнули завоевательские планы Наполеона.

На сей раз воинам-десантникам 350-го гвардейского парашютно-десантного полка предстояло участвовать в завершающей фазе учений. В Боровуху, где располагался

«полтинник»[44], командующий ВДВ приехал не один, а с генеральным конструктором транспортных «Илов» Л. В. Новожиловым. Увидеть творца могучих воздушных машин – это настоящее счастье для тех, кто в повседневных тренировках доводил технику швартовки БМД-1 до совершенства, кто загружал их в самолет, твердо зная, что десантное оборудование не подведет, что гигантский разверзнутый люк Ил-76 не столь страшен, если рядом локоть товарища.

Гвардейцам также было чем поделиться с генеральным конструктором. На базе 350-гвардейского полка прошла конференция механиков-водителей боевых машин десанта. И на полигоне десантники творили подлинные чудеса: виртуозно водили машины, метко поражали цели, в парашютном городке отрабатывали приемы загрузки техники и десантирования.

На заснеженных полигонах Белоруссии вновь загрохотали разрывы и выстрелы, в небе шли яростные «схватки» за обладание воздушным пространством, столь необходимым для выброски десанта. Десантники не заставили себя ждать. Вновь звучали аплодисменты и восторженные возгласы присутствующих. Гвардейцы на сей раз доказали, что выражение «крылатая пехота» устарело и безвозвратно ушло в прошлое – боевые машины десанта с завидной легкостью преодолевали снежные заносы и бездорожье.

Возвратившись в Москву, Василий Филиппович Маргелов обнаружил на своем рабочем столе распоряжение министра: прибыть к 10 часам утра 23 февраля в министерство в парадной форме. Второе приглашение было правительственным – на торжественное собрание, посвященное 60-летию Советской Армии и Военно-морского флота. Проводилось оно в Кремлевском дворце съездов.

Необычное волнение испытывал Герой Советского Союза генерал армии Василий Филиппович Маргелов, когда с трибуны, к которой, как правило, всегда было приковано внимание и друзей, и недругов Советской страны, произносились поздравительные речи, когда огромный зал наполнился звуками фанфар и под торжественный марш вносились боевые знамена. Почему-то вспомнились ему далекая курсантская юность и первая боевая награда – медаль «За оборону Ленинграда», догнавшая его под Сталинградом. В эти минуты он еще раз подумал о том, что сделал правильный выбор в жизни и хорошо бы так же торжественно и мощно отметить 50-летие Воздушно-десантных войск. Они были достойны того.

Через несколько месяцев, 26 декабря 1978 года, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За большие заслуги в деле

укрепления обороноспособности СССР, за достижения в боевой и политической подготовке Воздушно-десантных войск и в связи с 70-летием со дня рождения, наградить генерала армии Маргелова Василия Филипповича орденом В. И. Ленина». Это была, как показало время, последняя высшая награда Родины.

…На 1979 год командующий ВДВ строил самые оптимистичные планы. В конце 1978 года в Минобороны шел разговор о намечаемых на территории Прибалтики войсковых учениях, которым Генштаб дал название «Неман».

Офицеры штаба округа и штаба ВДВ принялись деятельно «утрясать» детали, среди которых была и одна немаловажная – Советский Союз, демонстрируя свою открытость в вопросах европейской безопасности, пригласил на будущие учения иностранных наблюдателей и военных атташе Англии, Франции и Норвегии. Потому и вариант учений был избран оборонительный, необычный для действий десантников.

Увы, учения «Неман» прошли уже без Василия Филипповича Маргелова. В начале января 1979 года он сдал свои полномочия генералу Дмитрию Семеновичу Сухорукову, который два года, с 1969-го по 1971-й, был у него заместителем, а затем, уйдя из ВДВ, дослужился до должности командующего Центральной группой войск.

Учения, которые состоялись на территории Монгольской Народной Республики в конце февраля 1979 года, и по сей день вызывают массу вопросов. Не ясен ни их замысел, ни скоропалительность в принятии решения на десантирование в полном составе 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. К сожалению, тогдашний командир ее генерал-майор Е. Н. Подколзин, который впоследствии стал командующим ВДВ, уйдя из жизни, так и не поведал о тех злоключениях, которые выпали на долю туляков. Не смог в ход событий вмешаться и генеральный инспектор Министерства обороны генерал армии В. Ф. Маргелов. Воспользуемся описанием этих учений, взятым из книги-альбома «Воздушно-десантные войска России» (Москва, 2000):

«106-я воздушно-десантная дивизия… была поднята по тревоге и через несколько дней приняла участие в учениях на территории Монголии. Перелет проходил на большой высоте с несколькими посадками для дозаправки самолетов. Сконцентрировав свои силы на забайкальских аэродромах, дивизия в рамках проводимого учения изготовилась к броску. Условия десантирования в районе учений были поистине адскими. Голая, каменная, как цемент, пустыня, с разницей температуры дня и ночи в 20–30 градусов. В день десантирования

порывы ветра доходили до 40 м/сек. Решение о выброске десанта вызвало большие споры среди руководства учениями. Но в конце концов поступила команда “Вперед!”. Первой, как всегда, пошла разведывательная рота. Она действительно прыгнула в ад. Выброску основных сил десанта отменили. А десантники роты были уже внизу и несли потери. Погибли и получили травмы более десяти человек…»

Допустил бы такое В. Ф. Маргелов? Повременим с ответом на вопрос. Аноним, первый употребивший в отношении ВДВ нелестное высказывание «потешные войска», в годы командования ими Василия Филипповича Маргелова был изрядно посрамлен. При Маргелове ушло в небытие головотяпство, от которого страдали многие начинания. Сплошь и рядом бытовавшее в других рядах войск, оно, словно сорняк, с уходом Василия Филипповича вновь пробило себе дорогу в Воздушно-десантных войсках.

Наукоград ВДВ

4 декабря 1968 года командующий Воздушно-десантными войсками В. Ф. Маргелов защитил диссертацию и получил степень кандидата военных наук. На заседании Ученого совета Военной ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова академии имени М. В. Фрунзе (ныне Военный университет МО РФ) была высказана мысль о том, что глубина освещения концепции перспектив развития ВДВ и применения войск в глобальных стратегических операциях, новизна подходов вполне соответствует докторской диссертации.

На «остепененных» офицеров и генералов командование всегда смотрело косо. Но командующий ВДВ не особенно этим и гордился. «Знаешь что, – вежливо прерывал В. Ф. Маргелов теоретизировавших докладчиков, – я в теории не силен, ты разъясни мне просто, по-солдатски, как это сделать практически». В этом высказывании сокрыт глубокий смысл. Маргелов не терпел заумных, оторванных от реалий жизни речей, туманных, неконкретных докладов. В этом духе он и воспитывал офицеров штаба ВДВ. Но представлять их некими «штабными крысами» и сидельцами в уютных кабинетах было бы совершенно неверно. Кроме плановых выездов в соединения и части на итоговые проверки боевой и политической подготовки, контроль и помощь постоянно осуществлялись и в повседневной учебе. Василий Филиппович презирал тех, кто, словно в игре в испорченный телефон, доверял слухам, домыслам, а не увиденному собственными глазами. Такие офицеры в штабе долго не задерживались. Генеральная мысль командующего была такова – части и соединения ВДВ не должны замыкаться в себе. Все новое, совершенное должно становиться достоянием всех войск. И в этом деле штабу отводилась главенствующая роль.

Долгие годы начальником штаба ВДВ являлся генерал П. Ф. Павленко, предоставивший нам обстоятельные воспоминания:

«…Посоветовавшись в штабе, мы предложили командующему иную, отличную от академической методику расчета времени, а именно – начинать с готовности войск к выполнению задачи и идти “назад”, оставляя для командиров и штабов самый минимум на принятие решений и постановку задачи. Командующий внимательно разобрался и одобрил. С тех пор такой метод расчета практикуется во всех частях и вполне себя оправдывает.

Хочу отметить, что Василий Филиппович никогда не осуждал за промашки свой штаб перед Генштабом, наоборот, он всегда защищал нас…»

Среди управлений, служб, отделов штаба ВДВ особое место занимало организационно-мобилизационное управление, которое вело отсчет своего существования с 1941 года. С тех пор много воды утекло, и Воздушно-десантные войска, обретя в середине шестидесятых годов прошлого столетия стройную, отнюдь не закостенелую организацию, вошли в разряд частей и соединений постоянной боевой готовности. Это означало, что по сигналу «Тревога!» любой из полков или вся дивизия тотчас покидают места постоянной дислокации и выходят в районы сосредоточения или ожидания, где, как правило, получают боевую задачу и готовятся к десантированию. Одновременно осуществлялся переход на штаты и нормы снабжения военного времени, и потому задача в кратчайший срок поставить «под ружье» прибывающее пополнение была отнюдь не столь простая, как это может показаться на первый взгляд. Командующий ВДВ, побывав «в шкуре» НО-2 в начале военной карьеры, строго спрашивал с офицеров, которым было поручено заниматься комплектованием войск людьми и техникой. Взаимодействие с военными комиссариатами Маргелов считал не менее важным, чем с авиаторами. К тому же военные городки, казармы, имущество, оставленные десантниками при выходе на учения или боевые выходы, нуждались в обеспечении порядка и охране.

Но штаб – это не только начальники управлений, служб, отделов, это еще и добрая сотня технических работников, специалистов, на чьих плечах лежат, казалось бы, незначительные обязанности. Однако Маргелов необычайно ценил труд машинисток, чертежниц, телефонисток и питал особое уважение к тем, кто относился к документу не как к обычной бумаге, которая все стерпит, а как к средоточию мысли. У П. Ф. Павленко мы находим этому подтверждение: «За многолетнюю практику не было случая, чтобы командующий отнесся к документу свысока, пренебрежительно или, как поступали некоторые командующие, порвал или отбросил его. У Маргелова было какое-то благоговейное отношение к исполненному плану, графику, приказу или даже телеграмме. И если он с чем-то не соглашался, делал на полях пометку простым карандашом…»

Офицеры штаба были, как говорится, на виду у командующего и, пройдя его школу, направлялись в войска. К примеру, до командиров соединений выросли И. В. Кобзарь, А. И. Яценко.

Именно соединение в годы командования Воздушно-десантными войсками Василия Филипповича Маргелова стало той боевой единицей, на которую опирался штаб ВДВ, и все разработки по боевому применению дивизий Генеральный штаб

Вооруженных Сил СССР получал уже в готовом виде, утверждая их с небольшими коррективами. Так были окончательно сформулированы цели и задачи воздушно-десантной операции. На языке документа она сводилась к следующему: «Это – согласованные и взаимосвязанные единым замыслом и планом действия соединений воздушно-десантных войск, авиации и других видов вооруженных сил по переброске, высадке и решению боевых задач в тылу противника для достижения оперативных или оперативно-стратегических целей. Характер и содержание воздушно-десантной операции зависят от ее целей, состава воздушного десанта, дальности и глубины десантирования войск, продолжительности их действий в тылу противника».

Лаконичные формулировки, взятые из Советской военной энциклопедии, можно дополнить. Воздушно-десантные войска наравне с Ракетными войсками стратегического назначения высшее советское руководство рассматривало как важный военно-политический фактор. Об этом свидетельствует и география размещения воздушно-десантных дивизий. 7-я гвардейская воздушно-десантная дивизия – Каунас, Литва; 76-я гвардейская воздушно-десантная дивизия – Псков; 98-я гвардейская воздушно-десантная дивизия (Приамурская, с 1969 года – Болградская) – Молдавия; 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия – Витебск, Беларусь; 104-я гвардейская воздушно-десантная дивизия – Кировабад, Азербайджан; 105-я гвардейская воздушно-десантная дивизия – Фергана, Узбекистан; 106-я гвардейская воздушно-десантная дивизия – Тула.

«Никаких копирок и шаблонов!» – требовал В. Ф. Маргелов от командиров дивизий, предоставляя им самостоятельность в выработке вариантов боевых распоряжений. Ведь специфика того или иного театра военных действий обязывала принимать неординарные и дерзкие решения, порой пренебрегая даже самыми правильными расчетами и выкладками. И здесь на первый план выходило взаимодействие с силами, осуществляющими поддержку десанта. Командующий добивался, чтобы командиры полков ВВС твердо знали не только свои задачи, но и тесно увязывали их по целям, времени и месту с командирами воздушно-десантных дивизий. Ведь любая ошибка, допущенная в боевой обстановке, может привести к неоправданным потерям, а то и к полному истреблению десанта. Вот почему Маргелов делал упор на инициативу солдат и офицеров, а уж если кто и допускал промашку, то не было ничего страшнее услышать из его уст упрек: «Ведь ты же десантник!» Звучал он как осуждение за проявленное малодушие или

безынициативность.

«Какой бы сложной и совершенной ни была бы боевая техника, ее создает и управляет ею на поле боя человек. Поэтому воспитанию воинов – формированию у них коммунистического мировоззрения, идейной стойкости, советского патриотизма и интернационализма, высоких морально-боевых и психологических качеств в Воздушно-десантных войсках уделяется исключительно большое внимание… Цементирующей силой частей и подразделений, как и в суровые годы войны, являются коммунисты…» Возможно, этим высказыванием командующий ВДВ не делал большого открытия. Но ведь издревле известно, что победа на поле брани обусловливается состоянием духа войск, и потому к научным разработкам в области педагогики и психологии работы с личным составом Воздушно-десантных войск были привлечены лучшие научные силы Рязанского высшего воздушно-десантного училища, Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

Формула «Армия – вне политики и идеологических догм» всегда имела немало приверженцев, а в последнее время она и вовсе доминирует в военном строительстве. Но ведь достаточно только вспомнить октябрь 1917 года, чтобы уяснить, сколь целенаправленно и убежденно большевики, используя исторический опыт, вели борьбу за армию, а затем, придя к власти, всемерно укрепляли свое влияние среди красноармейской массы. Без мощного политического воздействия на умы и сердца бойцов не мыслилось укрепление боеспособности армейских рядов ни в годы Гражданской войны, ни в сражениях Великой Отечественной.

Мирная послевоенная жизнь предъявляла свои требования к политорганам Советской Армии, и, казалось бы, Воздушно-десантные войска, ее авангард и ударная сила, должны были находиться под пристальным вниманием Главного политического управления. В 1947 году, когда в ВДВ были образованы Военный совет и политуправление на организационных принципах отдельной армии, так оно и было. В качестве полноправного члена в состав Военного совета наравне с командующим и начальником штаба вошел генерал-лейтенант Г. П. Громов.

Долгое время политуправление пребывало как бы в тени, поскольку статус и принципы подчиненности ВДВ не однажды претерпевали радикальные изменения. Все окончательно утряслось только к началу 1967 года, после выхода 21 января постановления ЦК КПСС «О мерах по улучшению партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-морском флоте…», которое вновь восстанавливало институт заместителей

командиров подразделений по политической части. 8 сентября 1967 года распоряжением Главпура в Воздушно-десантных войсках был создан политотдел, возглавлял который генерал В. П. Лысенко. На многие годы он стал помощником В. Ф. Маргелова в решении задач воспитания воинов-десантников.

Кстати, Инструкция для армейских партийных организаций, утвержденная Президиумом ЦК КПСС в апреле 1957 года, просуществовала вплоть до 11 февраля 1973 года, пока не вышла в свет ее новая редакция. На первый план выступала непреложная мысль о том, что «враги социализма стремятся растлить армию, расшатать убежденность, посеять сомнения в умах и душах советских воинов». Известный советский поэт В. Федоров воспринимал это следующим образом:

Все испытав, мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займет наш враг,
Займет, сводя все те же счеты,
Займет, засядет,
Нас разя…
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

Лирика лирикой, а та же Инструкция гласила: «Основой партийно-политической работы в войсках является пропаганда идей марксизма-ленинизма». Кто и в каком объеме будет осуществлять эту работу? Вопрос этот для командующего ВДВ, человека по природе вдумчивого и исполнительного, был отнюдь не риторическим. Укомплектовать роты, батареи заместителями командиров по политической части в короткий срок было задачей трудновыполнимой. Выход подсказала жизнь.

Выпускники Рязанского высшего воздушно-десантного училища, командиры взводов, члены КПСС – вот тот контингент, которому по плечу решение задач «на идеологическом фронте». Лейтенанты, имевшие за плечами практический опыт работы с личным составом и не понаслышке знакомые со службой ВДВ, должны были стать надежными помощниками командиров. Немаловажная деталь: один лишний офицер в роте мог бы снизить нагрузку, которая ложилась на плечи взводных в повседневной жизни. А если учесть, что в полнокровных парашютно-десантных ротах имеется заместитель, то такому трио становится по силам проводить жесткую линию по укреплению

воинской дисциплины. Именно так рассуждал командующий.

Инициативу В. Ф. Маргелова в Главпуре поддержали. Так в Рязани при училище были созданы шестимесячные курсы, где получали знания будущие комиссары. Командующий, посоветовавшись с генералом В. П. Лысенко и заместителем начальника училища по политической части полковником Н. Н. Логуновым, пошел еще дальше. Известное дело, служба десантника – особый род службы, а в военно-политических училищах, которые начали плодиться, словно грибы после дождя, познать ее «прелести» будущему политработнику попросту невозможно. Иное дело, когда подготовка замполитов осуществляется в стенах десантного училища, имеющего прекрасную базу и тесно связанного с войсками. Причем переориентация курсантов с командного на политический профиль должна быть избирательной и проводиться после трех лет учебы. Эти обоснованные предложения в конечном итоге попали в круговерть аппаратных согласований и увязок, пока совсем не были похерены. А жаль! Командиры частей хлебнули немало горя с теми, кто пришел с курсантской скамьи, имея багаж знаний, зачастую оторванных от жизни.

Мы помним, какое неутешительное открытие сделал генерал-майор В. Ф. Маргелов, когда после окончания Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова получил назначение в Воздушно-десантные войска, – одна-две тоненьких книжонки для тех, кто желает стать парашютистом, Полевой устав, не блиставший глубиной взглядов по применению ВДВ и памятка времен войны по борьбе с вражескими десантами. Методические пособия по воздушно-десантной подготовке, по тактике действий подразделений ВДВ рождались мучительно, и, по сути, до прихода Маргелова каждый командир действовал на свой страх и риск.

Командующий ВДВ пресек эту печальную традицию, создав мозговой центр, который получил принципиально новую задачу. Смысл ее был таков: обобщить весь практический опыт, создать наглядные пособия, наставления учебники, методические разработки с едиными подходами в обучении и воспитании воинов-десантников. Перечислить всю литературу, изданную в бытность Маргелова, стоит большого труда, однако, назвав некоторые книги, мы можем судить о том, сколь скрупулезно, без ссылок на трудности и целенаправленно велась работа по созданию десантной библиотеки. В нее в разные годы вошли: «Учебник сержанта ВДВ», «Руководство по воздушно-десантной подготовке», «Прыжки с парашютом с военно-транспортных самолетов», «Пособие командиру отделения и бойцу ВДВ»

и многие другие. Василий Филиппович умел строить свой рабочий день так, чтобы оставить время для прочтения рукописей, подготовленных к печати. И даже в тех изданиях, где его фамилия не значится, чувствуется рука и стиль командующего. Доходчивость, ясность изложения – его неизменные требования ко всем авторам, чьи труды укрепляли познания десантников разных поколений.

Перу самого В. Ф. Маргелова принадлежит единственная книга. Вышла она в издательстве ДОСААФ в 1977 году и называется «Воздушно-десантные войска». Предназначалась книга для юношей, «обдумывающих житье», а потому и язык изложения, избранный командующим ВДВ, подкупает сердечностью, открытостью, простотой. Да и нельзя было вести разговор с теми, кого не сегодня завтра ждала воинская служба в рядах Советской Армии, вычурно и заумно.

Принципиально важной стороной дела считал Маргелов сохранение и сбережение славного прошлого Воздушно-десантных войск. Скептики утверждали, что, мол, у войск, всегда выполнявших специфические и непонятные для многих задачи, собственной истории нет и быть не может. Командующий опроверг это нелестное мнение, засадив за исследовательскую работу дивизионных бытописателей. Исторические материалы, которые раньше пополнялись от случая к случаю, обогатились новыми фактами, документальными свидетельствами, именами героев, наиболее яркие подвиги которых были отражены в красочных репродукциях. За этим шагом последовал следующий – написание истории Воздушно-десантных войск, в которой давался обширный исторический экскурс с именами первопроходцев.

Далеко не безболезненные для Воздушно-десантных войск сокращения Вооруженных Сил в 1959 и 1961 годах осложнили кадровую проблему. В ротах катастрофически не хватало командиров взводов, командиров полков, имеющих высшее военное образование, можно было пересчитать по пальцам. Отсюда и бережливое отношение командующего к офицерам, хотя он и прекрасно сознавал, что рамки Воздушно-десантных войск для многих из них узки. Но силой никого не удерживал. В Генеральном штабе, в Сухопутных войсках, в центральном аппарате Министерства обороны служили офицеры и генералы, прошедшие отменную выучку в ВДВ. Можно напомнить лишь некоторые имена: С. М. Золотов, В. С. Краев, О. Ф. Кулишев, Л. Н. Пономарев, М. Т. Танкаев, А. С. Сухоруков, Л. И. Щербаков…

Прогресс в любой сфере человеческой деятельности определяется пытливостью лучших умов и напряженным трудом многих людей. Не исключением является и военная отрасль,

развитие которой не мыслится без совершенствования способов боевых действий, создания новой могучей техники и вооружения. Но нередко многое определяет один человек, к которому, словно нити, сходятся результаты сложнейших научных и технических исследований, практических испытаний. На него ложится вся тяжесть ответственности, за ним решающее слово.

В войсках ходило грубовато-шутливое маргеловское высказывание: «Что такое командир? Это – шея и ж… Что такое начштаба? Это – голова и сердце. Шея вертится, куда скажет голова, а по ж… всегда первого бьют командира». Совершив свой первый парашютный прыжок с маузером, Василий Филиппович часто наблюдал, скольких трудов стоило гвардейцам приладить перед прыжком карабин. Сущие муки испытывали пулеметчики – зачехленный ствол ручного пулемета торчал над головой, и, чтобы не зацепиться им во время отделения, требовалось согнуться в три погибели. Подобным же способом десантировались и гранатометчики: РПГ-2 и боекомплект превращали десантника в ходячую вешалку.

На повестку дня со всей остротой встал вопрос – вооружение Воздушно-десантных войск должно быть легким и удобным при десантировании. Конструкторские бюро потрудились на совесть, и к 1960 году в ВДВ стали поступать автоматы АКМС со складывающимся прикладом. Ручной пулемет Калашникова с большей скорострельностью и дальностью сменил ленточный РПД, ручной противотанковый гранатомет РПГ-9 стал разборным. В разведывательные подразделения поступила снайперская винтовка Драгунова (СВД).

Стремясь обеспечить десант современным оружием, В. Ф. Маргелов наседал на своего заместителя по вооружению, а тот уже, в свою очередь, теребил разработчиков, которые в 1974 году порадовали десантников автоматами Калашникова калибра 5,45 мм (АКС-74 и АКСУ-74), пулеметами РПКС-74 (7,62 мм), «Печенегом», подствольным гранатометом ГП-30 (30 мм), противотанковым гранатометом на сошках РПГ-70. Такого универсального стрелкового вооружения в то время не имело ни одно подразделение воздушно-десантных войск НАТО.

События 1956 года в Венгрии наглядно продемонстрировали, сколь эффективным в городских условиях являются безоткатные орудия Б-10, в которых конструкторская мысль соединила возможности поражать танки противника и вести огонь с закрытых позиций. Однако такое сочетание шло явно в ущерб дальности огня и пробиваемости брони. Облегчило задачу десантников в борьбе с танками появление станкового противотанкового гранатомета СПГ-9, который позволял

уничтожать цели на расстоянии 500 и более метров. Командующий ВДВ в связи с этим изменил и штатную структуру батальонов: в их состав органично вошла батарея СПГ, а в каждую парашютно-десантную роту – отдельный взвод.

Полковую артиллерию составляли отдельные минометные взводы в батальонах (82 мм минометы) и батареи: ПТУР (противотанковых управляемых ракет), АСУ-57 (авиадесантных самоходных установок), 120 мм минометов. Прикрытие от нападений с воздуха осуществлял взвод СЗУ-23 (спаренная зенитная установка). «Маловато, конечно!» – размышлял В. Ф. Маргелов, и едва появились «Стрелы» – переносные зенитно-ракетные комплексы, как каждая рота получила их на вооружение.

Артиллерийские полки, входившие в состав воздушно-десантных дивизий, были вооружены СУ-85, 122 мм гаубицами, 76 мм противотанковыми пушками СД-44, десантировать с воздуха которые не представлялось возможным. Например, самоходная установка СУ-85, оснащенная 80 мм пушкой, весила более 15 тонн, и только с принятием на вооружение транспортного самолета Ан-22 («Антея») стало возможным производить полноценную высадку артиллерийского полка посадочным способом.

Командующий ВДВ, в котором с военных лет жил азарт разведчика, считал разведку «глазами и ушами» командира, уделяя подготовке штатных и нештатных разведывательных подразделений особое внимание. Длительные разведывательные выходы, стрельба из всех видов оружия на взаимозаменяемость, умение ориентироваться на незнакомой местности и знание противника – вот минимум требований, предъявляемых Маргеловым к тем, без кого выполнение боевой задачи было немыслимо.

Подарком судьбы посчитал Василий Филиппович встречу с однокашником по военной школе имени ЦИК БССР Иваном Ивановичем Лисовым. Полковник Лисов был старожилом в ВДВ. Свой первый парашютный прыжок он совершил еще в 1934 году. Воевал на Карельском фронте. В 1951 году закончил Высшую военную академию Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова. Сам И. И. Лисов вспоминал: «…Побывал я на различных штабных должностях: начальником редакционно-издательского и военно-научного отделов, «главным оператором» (начальником оперативного отдела. – Á. Е.) и заместителем начальника штаба ВДВ и, наконец, в 1958 году возглавил воздушно-десантную службу в качестве заместителя командующего».

Поэт В. Верстаков воплотил в поэтической форме одно из

сакраментальных высказываний В. Ф. Маргелова:

Прыжок – не самоцель, мы знаем,
А средство для вступленья в бой.

Именно такой подход породил уникальный творческий тандем, в котором и ведущий, и ведомый стремились опередить само время. И в какой-то степени им это удалось. Под стать командующему ВДВ и его заместителю было и «небесное трио» братьев Дорониных. Николай, Владимир и Анатолий стали инженерами-десантниками еще до Великой Отечественной войны. Мастера парашютного спорта СССР, они вместе отдали службе в армии более ста лет и совершили три тысячи прыжков, в основном испытательных.

Что и говорить, всем был хорош четырехгранник со срезанными углами – парашют ПД-47 с площадью купола 71,8 квадратного метра и весом 16 килограммов (к этой форме спортивных парашютов вновь вернулись в конце девяностых годов). Но вот при приземлении люди получали ушибы, серьезные травмы, а то и просто из-за неполадок спутанные по рукам и ногам, кулями летели до самой земли. Травматизм и гибель гвардейцев на прыжках не давали покоя Василию Филипповичу. В начале 1955 года на одном из текстильных предприятий Иванова была выработана первая парашютная ткань – перкаль «Б». Получив ее, братья Доронины, словно профессиональные швеи-мотористки, выдали в том же году образец парашюта Д-1. Весил он 16,5 килограмма и имел круглую форму с отверстием на вершине купола. Первые испытания, проведенные на глазах командующего ВДВ, в пух и прах разбили бытовавшее мнение о якобы плохой устойчивости парашюта в воздухе. В 1959 году братья Доронины представили на суд государственной комиссии новый образец людского парашюта Д-1-8 с прибором автоматического раскрытия КАП-3м. Повертев коробочку в руках, Михаил Кузьмич Янгель, выдающийся конструктор в области ракетно-космической техники, заметил:

– На первый взгляд вроде ничего особенного нет. Винтики, шестеренки, пружины. А ведь никто в мире додуматься до этой штуки до сих пор не сумел.

После обретения таких безопасных средств десантирования людской травматизм, а тем более гибель людей в ВДВ резко сократились. Д-1-8 отслужил верой и правдой целому поколению десантников, пока на смену ему не пришли парашюты Д-3, а затем Д-5 и Д-6, которые были гораздо проще в укладке и легче своего прародителя при оптимальной скорости снижения

десантника не более 5 м/сек.

Советский военно-промышленный комплекс. Аббревиатура «ВПК» для сведущих означала настоящее государство в государстве, со своими городами, к названиям которых, словно к воинским частям, прибавлялись цифры, понятные только их жителям, со своими заводами и фабриками, с конвейеров которых сходила продукция, восхищавшая особым родом эстетики – военной, с конструкторскими бюро и научно-исследовательскими институтами, где рождались идеи и технологические разработки, которые, при всех достижениях западных специалистов, часто так и оставались непревзойденными.

Командующему ВДВ В. Ф. Маргелову пришлось основательно проштудировать опыт применения десантов в крупных операциях, в том числе и союзнических, периода Второй мировой войны. И без подсказки со стороны была очевидна уязвимость воздушно-десантных частей в материально-техническом отношении. Например, к исходу боевых действий в тылу врага части советского 4-го воздушно-десантного корпуса были почти наполовину вооружены трофейными автоматами и пулеметами и передвигались на захваченной немецкой технике.

Доставка грузов по воздуху и их десантирование в районы боевых действий была в чем-то сродни размашистым жестам сеятеля. Только вместо семян на землю летели грузовые платформы, контейнеры и мешки с боеприпасами, медикаментами, продовольствием. Собрать такой «урожай», тем более в ночных условиях, стоило превеликого труда.

Трамплин – составная часть любого воздушно-десантного комплекса или городка. Самая высокая ступень – на высоте два метра. Приблизительно такой удар испытывает десантник при приземлении. Трамплин, как один из важных элементов предпрыжковой подготовки, служил укреплению мышц голени и голеностопных суставов. Ни гусеничная АСУ-57, ни самоходная колесная пушка СД-44, а тем более автомашина такого уникального природного аппарата, как ноги, не имеют. При приземлении их защищают специальные платформы с надежными амортизирующими устройствами, разработанные и созданные в КБ воздушно-десантной техники.

Мы уже говорили о том, что принятие на вооружение самолета Ан-12 позволяло взять на борт до 17 тонн груза. Но одно дело, когда десантирование осуществляется посадочным способом, а другое – когда боевой технике, артиллерийским установкам, различным грузам предстоит совершить путь с неба на землю автономным способом. Эту задачу выполняет воздушно-десантное оборудование, смонтированное в самолете. Оно

обеспечивает устойчивость платформ в полете и автоматическую конвейерную выброску. Этой операцией руководит борттехник, имеющий специальную подготовку.

Самолетный парк военно-транспортной авиации в семидесятые годы рос и обновлялся небывалыми темпами, и развитие средств десантирования боевой техники и грузов также не стояло на месте. Особо надо сказать о грузовых парашютах. Выброска техники и грузов на многокупольных парашютных системах – зрелище необыкновенное, завораживающее и сравнимое с нашествием на землю гигантских морских медуз, ведущих между собой перекличку шелестом шелка и капрона. Однако такой способ выброски дорогостоящ, ведь на каждую десантируемую единицу приходится по три-пять основных куполов площадью около 800 квадратных метров. Укладка такой сложной системы, в которую входят поддерживающий, стабилизирующий и тормозные парашюты, – процесс необычайно трудоемкий и продолжительный, на который отводится несколько часов.

Швартовка – термин, заимствованный десантниками на флоте, имеет мало общего с причаливанием, однако и это действие требует прочных знаний, навыков и умения. На швартовку техники на грузовые платформы, то есть подготовку ее к десантированию, по нормативам ВДВ также требовалось значительное время. Людские парашюты в частях и соединениях Воздушно-десантных войск в любое время года, дня и ночи всегда были уложены для прыжков. В таком же состоянии находились парашюты, предназначенные для выброски небольших грузов в парашютно-десантных мягких мешках (ПДМ-47) и на платформах грузовместимостью до 500 килограммов (ПГС-500). Но содержать зашвартованной всю боевую технику, артиллерию, автотранспорт, средства связи и прочее в состоянии готовности к загрузке в самолеты означало срыв повседневных планов и задач боевой подготовки частей и соединений.

Понятно, что на такое пойти командующий ВДВ не мог. В. Ф. Маргелов упрашивал, умолял конструкторов сделать проще швартовку, не отвергая безопасность, настаивал на снижении веса парашютных платформ, доказывал необходимость разработки приборов, обеспечивающих надежную работу системы в воздухе и автоотцепку огромных куполов, способных, словно щепку, таскать за собой тяжелый груз по площадке приземления. Появление первой парашютно-реактивной системы (ПРС) сняло многие из этих вопросов и дало виток новому направлению в выброске техники и грузов.

Боевая готовность частей и соединений ВДВ складывается из

многих факторов, одним из которых является выход частей и соединений из районов ожидания к аэродромам. Безвозвратно ушли в прошлое транспортные «Илы», Ли-2, планеры, способные взлетать с любых аэродромов. Большегрузному самолету, каким являлся, например, Ан-12, требовались добротные рулежные дорожки и прочная взлетная полоса. Но где же их взять? За редким исключением, все части Воздушно-десантных войск на случай войны были «приписаны» к существовавшим аэродромам, на которых базировалась либо фронтовая авиация ВВС, либо авиация ПВО. В мирной обстановке такое сотрудничество было эпизодическим и далее командно-штабных учений не шло. Но уже примеры Венгрии и Чехословакии показали, сколь медлителен процесс выхода частей в районы ожидания, расположенные близ аэродромов. До каждого из них полку с зашвартованной техникой, с арсеналом боеприпасов, громоздким тылом предстояло совершить марши в сто и более километров. Ни о какой скрытности, сохранении тайны в таком случае не могло быть и речи. Командующий ВДВ это прекрасно сознавал.

Человек, наделенный даром творчества, доподлинно знает, насколько долог путь от зарождения идеи до ее воплощения в жизнь. А в армейских условиях проявление инициативы, даже если она исходит из высшего командного эшелона, далеко не безопасно. Одному Богу известно, каких трудов стоило Маргелову доказать в Министерстве обороны и Генеральном штабе право на существование идеи – каждому десантному гарнизону собственный аэродром. «Бред!» – раздавались в ответ раздраженные голоса в коридорах военного ведомства. «Разорение!» – возмущались тыловики, предвидя существенную прореху в финансах. А Маргелов настойчиво отстаивал свой принцип: «При минимуме затрат – максимум результатов». И ведь добился-таки своего!

Любой начинающий дачник, получив от государства заветные шесть соток, при первом взгляде на доставшийся участок с пнями, кочками и рытвинами сначала приходит в уныние, а затем, стиснув зубы, вступает в схватку за клочок драгоценной земли. Аэродром – не приусадебный участок, а огромное пространство в несколько сотен гектаров, которые с наскоку не одолеешь. Конечно, знал Василий Филиппович одну из присказок, утверждавших, что «отделение десантников заменяет экскаватор». Однако строительство аэродромов основывал он не только на мускульной силе, а на точном инженерном расчете и на природной сметке. За считанные годы части Воздушно-десантных войск обрели пять собственных аэродромов с наземными комплексами обеспечения взлета и посадки самолетов Ан-12, а

позднее – Ил-76 и даже «Антеев». Теперь от получения боевой задачи до взлета частей ВДВ с полной боевой выкладкой проходило всего несколько часов. Какая из армий вероятного противника могла этим похвастаться?

В начале нового учебного 1966/67 года курсанты Рязанского высшего воздушно-десантного училища накануне занятий по тактической подготовке получили для изучения методическое пособие «Действия парашютно-десантного взвода (роты) на боевых машинах десанта в наступлении». Недоумение выразилось в шутливом высказывании: «Опять пешим по конному!» Однако на полевые занятия один из взводов отправился на трех (вместо одной) машинах ГАЗ-66. Старший преподаватель тактики участник Великой Отечественной войны подполковник П. П. Ливотов обратился к будущим офицерам: «Вообразите легкую гусеничную машину со скорострельной пушкой, пулеметом, способную стремительно атаковать противника». Увы, воображение отказывалось работать, и ни в этом, ни в следующем году курсанты так и не увидели «живую» БМД, которую, как и прежде изображали либо ГАЗ-66, либо БРДМ. А между тем командующий на встречах с курсантами повторял: «Дайте только срок».

В его собственных записях под грифом «Для служебного пользования» было выделено главное: «Для выполнения задачи в современных операциях надо, чтобы наши соединения и части были высокоманевренными, укрыты броней, обладали достаточной огневой эффективностью, хорошо управляемы, способны десантироваться в любое время суток и быстро переходить к активным боевым действиям после приземления».

При этом Маргелов, часто повторяя этот тезис наизусть, добавлял: «Это – тот идеал, к которому необходимо стремиться».

И все же, когда Василий Филиппович, прощупывая почву, заводил в высоких кругах разговор о боевой машине десантников, многие его доводы долгое время встречали либо резкую отповедь, либо насмешку. Военные чиновники, наслышанные о «чудачествах» командующего ВДВ, вовсе не представляли себе, что имеют дело не с простоватым служакой, а с человеком, положившим в основу своих трудов глубокое видение перспективы, желание превратить Воздушно-десантные войска из «потешных» в элиту Вооруженных Сил. Но для этого требовалось сломать стереотипы и инерцию, завоевать доверие людей деятельных, энергичных, вовлечь их в совместную деятельность, размах которой охватывал несколько смежных оборонных отраслей, десятки научно-исследовательских организаций, тысячи исполнителей – рабочих, инженеров и техников. Безо

всякого преувеличения можно сказать, что коренной поворот в развитии ВДВ, оснащении войск современной боевой техникой, десантируемой с новейших типов транспортных самолетов, стал целью жизни Маргелова.

Следует отметить, что в то время на ВДВ работали:

– НИИ парашютостроения, который занимался разработкой почти всех многокупольных систем, бесплатформенных комплексов десантирования;

– Ивановский швейный завод № 3, в чьем ведении находилось бесперебойное обеспечение ВДВ и спецназа надежными людскими парашютами;

– Солнечногорский механический завод, в названии которого на первый взгляд трудно усмотреть связь с ВДВ. Однако это не так. На предприятии изготавливались МКС, способные выдержать двадцатитонные грузы;

– Щелковская шелкоткацкая фабрика, где создавались материалы и ткани для парашютов необыкновенной легкости и прочности;

– Второй Московский приборостроительный завод обеспечивал войска надежными приборами автоматического раскрытия, гарантируя безопасное снижение на парашютах людей и техники;

– Завод «Универсал» и КБ занимались разработкой и производством механизированных средств и платформ для десантирования грузов;

– Кумертауский вертолетный завод (Башкирия) осуществлял серийный выпуск платформ для десантирования грузов и техники.

С 1957 по 1960 год Сухопутными войсками командовал генерал армии А. А. Гречко, который являлся также первым заместителем министра обороны СССР. Фронтовые пути В. Ф. Маргелова и А. А. Гречко не пересекались. Командуя 18-й армией, будущий маршал имел у себя в качестве начальника политотдела полковника Л. И. Брежнева, будущего Генерального секретаря ЦК КПСС. И все же в боевой биографии Василия Филипповича имелся примечательный факт – 3-я гвардейская дивизия, где он был заместителем комдива, в боях на «Миус-фронте» освободила от фашистов деревню Голодаевка Таганрогского округа Донбасской области[45], родину А. А. Гречко. Такое не забывается.

Мнение об А. А. Гречко времен войны находим в воспоминаниях Л. М. Кагановича, который в письме И. В. Сталину сообщал: «Зная, как Вы цените способных молодых работников, я хочу обратить Ваше внимание на т. Гречко. Это очень способный и выдающийся работник».

Совершенно противоположную оценку давал ему персональный пенсионер союзного значения Н. С. Хрущев: «Сталинисты лакируют Сталина как гениального вождя, открыл это движение в середине 60-х маршал Захаров, по его пути идет маршал Конев, а за ним плетется в хвосте Гречко. Гречко – это КВД, то есть куда ветер дует».

А. А. Гречко, при всех симпатиях к Маргелову, был рационалистом и с головокружительными идеями «наверх» не лез, а потому и предложил командующему ВДВ свой беспроигрышный вариант, по которому, как ему казалось, и волки будут сыты, и овцы целы. То есть и десантники будут довольны, и финансовые расходы сведутся до минимума.

В 1966 году советская промышленность приступила к серийному выпуску боевой машины пехоты (БМП-1). «Царица полей» наконец-то обрела боевую технику для совершения стремительных маневров и атак, обладавшую надежной броневой защитой и достаточной огневой мощью. Вес БМП-1 составлял 12,6 тонны, и если учесть, что к тому времени в военно-транспортную авиацию стал поступать на вооружение самолет Ан-12Б, способный взять на борт до двадцати тонн груза, то в принципе выброска одной единицы техники была возможной. Таков был ход мыслей маршала. Однако Маргелов противопоставил ему свои доводы, сомневаясь, а не слишком ли большая роскошь: на одно отделение – один самолет? А. А. Гречко на сей счет крыть было нечем, и на предложении командующего ВДВ о создании боевой машины десанта появилась резолюция «Согласен».

Подпись первого заместителя министра обороны привела Василия Филипповича в Совет Министров СССР, при котором еще с военных лет существовала Комиссия по военно-промышленным вопросам. Юрий Петрович Костенко, входивший в ее состав и отвечавший за одно из важных направлений, вспоминал: «…Я имел возможность убедиться, что это была не показная словесная бравада – это был исходный пункт жизненной философии… За ней стояла легендарная личность командующего ВДВ Героя Советского Союза генерала армии Маргелова Василия Филипповича».

В древнегреческой мифологии известному мореплавателю Одиссею предстояло провести свой корабль между Сциллой и Харибдой, морскими чудовищами, подстерегавшими свои жертвы в скальных пещерах. Без сомнения, представлять работников советских министерств и ведомств, выполнявших оборонные заказы, некими монстрами, стоящими на пути здравого смысла, неэтично. Но над всеми отраслями народного хозяйства довлел «его величество План», и вписаться в него, если учесть, что

плановые перспективы определялись пятилетками, стоило больших усилий. В. Ф. Маргелов и его помощники представили основательные расчеты и выкладки, и дело сдвинулось с мертвой точки.

В 1965 году за разработку боевой машины десанта. (БМД-1) взялось конструкторское бюро Волгоградского тракторного завода. По существующему правилу, с началом опытно-конструкторской работы изделие получало свой шифр. Боевой машине десанта было присвоено технологическое название «Объект-915». Возглавил работу главный конструктор КБ И. В. Гавалов, которого на этом посту сменил А. В. Шабалин.

Не было у Василия Филипповича родни во властных кабинетах. Зато он всегда ощущал свою кровную связь с восемью воздушно-десантными дивизиями, десятками тысяч солдатских и офицерских душ, за каждую из которых он был в ответе перед собственной совестью, перед родными и близкими, доверившими ему жизни сыновей, братьев, мужей. Сознание этого и было основой того упорства и бескомпромиссности, с которыми Маргелов добивался реализации самых сокровенных и смелых помыслов, направленных на то, чтобы облегчить ратный труд, на усиление боевой мощи Воздушно-десантных войск при неизменном правиле – безопасность людей прежде всего.

Такой подход в сочетании с уважительным отношением к таланту и профессиональному мастерству конструкторов, инженеров, техников, рабочих породили коллектив единомышленников, в котором между заказчиком и исполнителями царили взаимное понимание и лад.

Вот только один живой пример. Не мудрствуя лукаво, на одном из совместных совещаний было решено оставить на «Объекте-915» боевое отделение таким же, каким оно было на БМП-1. Дело оставалось за малым – получить чертежи и парочку образцов боевых отделений с Челябинского тракторного завода, где производились БМП-1. С челябинцами удалось быстро договориться, а вот отправка контейнеров по железной дороге оказалась проблематичной. На согласование по перевозке груза с грифом «секретно» ушло бы драгоценное время, и притом немалое. Узнав об этом, Маргелов делегировал на Челябинский тракторный завод «группу захвата», которая «десантировалась» на военном аэродроме с Ан-12. Все детали отправки боевых отделений, оплата, сопровождение и тому подобное были утрясены в несколько дней, и волгоградцы получили столь необходимые для сборки опытных образцов боевые отделения в полном комплекте с документацией.

Да, Маргелов, несомненно, был генератором и движителем

идеи создания боевой машины десанта, но не настолько, чтобы она поглощала его всего без остатка, – ведь жизнь в войсках не стояла на месте, и ожидание БМД ничем не напоминало ожидание заветной манны небесной. В планах боевой подготовки все большее место стали занимать приемы действий десантников на боевых машинах, важные изменения коснулись и тактики воздушных десантов. Параллельно шла работа по модернизации десантно-транспортного оборудования самолетов Ан-12 и Ил-76. Все эти направления контролировал Научно-технический комитет, на плечи которого легла задача скорейшего создания новой боевой машины.

И вот, наконец, она в окружении своих создателей стоит во дворе, новенькая, поблескивая краской. При конструировании все предусмотреть невозможно. Для этого необходима «доводка» опытного образца до приемлемого варианта.

Ходовые испытания проводились в подмосковной Кубинке на базе Научно-исследовательского испытательного института бронетанковой техники.

«Бээмдэшка», ведомая механиком-водителем старшим лейтенантом В. П. Гниленко, преодолевала рвы, горки, водные преграды, бездорожье. Затем экипаж – командир и оператор-наводчик – опробовали боевые свойства машины, ведя огонь из штатного вооружения. Из морозной Кубинки опытный образец БМД-1 попал в знойный Узбекистан. Неимоверная жара за бортом, в машине – 50 градусов выше нуля. Шесть часов без остановки! Техника была достойной своих создателей и тех, кому она предназначалась.

Производство «изделия» было поставлено на поток в конце 1968 года, а 14 апреля 1969 года Совет Министров СССР принял постановление «О принятии на вооружение Советской Армии гусеничной боевой машины Воздушно-десантных войск». Василий Филиппович не скрывал своей радости. Об этом дне он мечтал несколько лет, с завидным упорством преодолевая бюрократические проволочки, нестыковки в министерствах и ведомствах.

Но конструкторская мысль на этом не останавливалась. Создание боевой машины десанта породило проблему управления боем, который по характеру стал скоротечным, непредсказуемым и разворачивался на значительном пространстве. Командующий еще в ходе испытаний задался отнюдь не прозаическим вопросом: «Каково будет командиру в такой круговерти событий?» Выходом из сложного положения стало создание целого семейства бронетанковой техники десантников: командно-штабной машины (КШМ) и машины управления огнем артиллерии,

бронетранспортер БТР-Д. Причем последний мог вместить двенадцать человек членов экипажа (БМД-1 – семь).

Новая техника порождала и новые проблемы в подготовке десантников – ведь в одночасье «крылатого пехотинца» в механика-водителя или в наводчика-оператора пушки и противотанковых ракет не переделаешь. Прототип «бээмдэшки» – боевая машина пехоты, при кажущемся сходстве, для обучения экипажа явно не подходила. Требовалось искать собственный путь создания учебно-материальной базы, которую Минобороны выделяло ничтожное количество средств. Командующий решил не распылять их, сосредоточив вначале в учебной 44-й дивизии, Рязанском высшем воздушно-десантном училище и 7-й гвардейской Каунасской дивизии.

Рассказывая о вехах освоения десантом новой техники, нельзя обойти стороной одну из самых трагических страниц истории 7-й гвардейской дивизии. С утра 23 июня 1968 года все шло по плану, согласно которому из Каунаса в Рязань должны были вылететь три самолета Ан-12. В двух самолетах находились боевые машины десанта, в третьем – рота 108-го парашютно-десантного полка и управление батальона. Летели без парашютов, да и зачем они были надобны, коль предстояло участвовать в показных учениях с боевой стрельбой, на которых должен был присутствовать министр обороны СССР маршал А. А. Гречко. Василий Филиппович в гвардейцах не сомневался. За считанные месяцы с тех пор, как первые БМД-1 появились в полку, машины были досконально изучены. К тому времени была готова и взлетная полоса в Селецких лагерях, где и намечалось провести учения. И вдруг – фатальная, нелепая случайность. Катастрофа произошла на высоте четырех тысяч метров: в воздухе столкнулись самолет гражданской авиации Ил-14 и военно-транспортный Ан-12, на борту которого находился 91 человек – экипаж и десантники. Земля возле деревни Выползово, что в тридцати пяти километрах от Калуги, стала для них последним пристанищем.

Эту трагедию Маргелов переносил тяжело. К тому же подобные катастрофы тогда замалчивались, в результате чего слухи и домыслы плодились в невероятном количестве. Не было у командующего еще такой горестной обязанности – в мирное время ставить подписи на стопке похоронок. Он первым передал свой взнос на достойные похороны и помощь семьям. В сборе средств участвовал весь личный состав ВДВ. Бескорыстие и жертвенность проявили и советские органы Калужской и Рязанской областей. В результате совместных усилий на месте трагедии вырос памятник, к которому была проложена

тринадцатикилометровая дорога. На лицевой стороне монумента жертвам авиационной катастрофы надпись: «Вечная память героям десантникам и летчикам», а рядом – девяносто шесть мраморных плит с именами и фамилиями.

Открытие памятника, состоявшееся ровно через год после катастрофы, проходило при полном молчании прессы. Обошла своим вниманием это горестное событие и армейская печать. Трудно далась траурная речь Василию Филипповичу.

Много сил и времени командующего ушло на решение узловой проблемы – безопасного десантирования экипажей боевых машин. Любое новое, но необдуманное решение могло повлечь за собой непомерную цену – солдатскую жизнь.

На учениях многое простительно, и командующий, прямо скажем, не боялся обвинений в показухе, когда подстраховывал части и соединения, участвовавшие заведомо в «юбилейных» учениях или «смотринах» боевой техники, – смотрите и удивляйтесь! Для этого привлекались соседние парашютно-десантные полки, помогавшие поскорее расшвартовать на площадке боевые машины и грузы. При этом все помнили, что настоящий бой – не учения, подстраховку обеспечить попросту невозможно и, чтобы собрать десант в боевой кулак, требуется изрядное время.

В ходе десантирования БМД-1 был испробован следующий способ: из грузового люка выходят одна за другой боевые машины, а вслед за ними самолет покидают экипажи, которые, спускаясь на парашютах, имеют возможность наблюдать, где приземлились «родные» «бээмдэшки». Казалось бы, вопрос решен. Но не тут-то было! Скорости снижения груза весом около десяти тонн и человека настолько разнятся, что, как ни «рули», а приземлиться в непосредственной близости от боевой машины – задача почти невыполнимая. В лучшем случае экипаж оказывался разбросанным в радиусе одного, а то и нескольких километров от своей машины.

Василий Филиппович не раз возвращался к собственной мысли, высказанной после окончания учений «Двина», которые, как мы знаем, состоялись в марте 1970 года. Тогда, объявив благодарность гвардейцам за проявленные мужество и воинское мастерство, командующий как бы невзначай спросил: «А вот если бы пришлось прыгать, находясь внутри машины?» – и, выдержав паузу, добавил: «…в бою».

Вскоре В. Ф. Маргелов вновь повторил эту мысль: «Понимаю, что это сложно, но никто, кроме нас (выделено мной. – Б. К.), этого не сделает». Слова «Никто, кроме нас!» впоследствии стали девизом Воздушно-десантных войск.

Как военачальник Маргелов обладал редкими качествами тонкого психолога. Знание психологии, понимание настроений и состояния души солдат и подчиненных шло из самой глубины армейской жизни. Неизменный юмор Василия Филипповича, соединенный с собственным видением ситуации, во многих случаях воспринимался не иначе как «руководство к действию». В довольно-таки щепетильной области взаимоотношений начальника и подчиненного и по сей день не исчезла актуальность полушутливых маргеловских высказываний: «Не мозоль глаза начальству», «Любая кривая – короче прямой, ведущей к начальнику», «Мало свершить великое дело, нужно о нем толково доложить». Последнее высказывание стало «классическим» достоянием особой, маргеловской «науки».

Слова В. Ф. Маргелова редко расходились с делом, но идея о десантировании всего экипажа в боевой машине – случай особого рода. Пойди Василий Филиппович, как говорится, напролом, без всякого сомнения, получил бы от ворот поворот. Эксперименты на людях в Минобороны не приветствовались. Немаловажным было и то обстоятельство, что популярность командующего ВДВ в войсках в высшем эшелоне руководства Вооруженными Силами считалась незаслуженно раздутой и неестественной. Поговаривали даже, что Маргелов готов послать родного сына к черту в пекло, лишь бы возвеличить собственное «я».

За славой Маргелов не гнался. А в остальном… основания для таких разговоров были.

Тот, кто хоть однажды находился в шкуре десантника, доподлинно знает, что БМД-1 – не «Жигули» и даже не «газик». Едва боевая машина сошла с конвейера, как некто, явно не лишенный черного юмора, окрестил ее «Братской могилой десанта». Знал ли об этом прозвище командующий? Безусловно. Потому-то и доверил осуществление сложного эксперимента далеко не безразличным ему людям – сыну Александру Васильевичу Маргелову, офицеру Научно-технического комитета ВДВ, и Леониду Гавриловичу Зуеву.

В армейской судьбе Леонида Зуева Маргелов-старший сыграл едва ли не решающее значение. Василий Филиппович был его кумиром, а парашютный спорт – многолетним увлечением, порой граничащим с серьезным риском. Акробатика в воздухе в начале шестидесятых годов лишь только набирала обороты, а спортсмены все усложняли и усложняли трюки. Один из них – полет за самолетом на тросе на высоте 100 метров – и продемонстрировал Л. Г. Зуев в 1968 году на глазах заместителя министра обороны СССР С. Л. Соколова. Маргелов знал, что в определенный момент Зуев должен был «расстаться» с прицепкой,

но ничего не сказал об этом Соколову, и когда самолет, набрав скорость, пошел на очередной круг, Зуев отцепился от буксира и дернул кольцо. Командующий заметил, как непосвященные в трюк невольно вздрогнули, кто-то из слабонервных даже ахнул, а спасительный купол уже доставлял воздушного акробата на землю целым и невредимым. Замминистра, расчувствовавшись, тут же наградил Леонида Гавриловича именными позолоченными часами и добавил: «За ваше мужество». Награда такого рода для заслуженного мастера спорта была далеко не последней.

Итак, сложный эксперимент с БМД Леониду Зуеву предстояло провести в паре с Александром Маргеловым. Государственный научно-исследовательский институт ВВС имени В. П. Чкалова категорически отказался дать разрешение на десантирование людей в боевой машине, поскольку экипаж не имел индивидуальных средств спасения. Отрицать этого и не требовалось. Но имей даже десантники за плечами парашют, вряд ли им можно было воспользоваться.

– Но почему все-таки сын? – спросил командующего ВДВ маршал А. А. Гречко, когда В. Ф. Маргелов доложил министру о подготовке к эксперименту.

– Мне пришлось видеть немало слез жен и матерей, оплакивавших погибших мужей и сыновей. Вместе с моим сыном будет прыгать мастер парашютного спорта майор Зуев. Он мне тоже как сын.

Кроме этической стороны дела имелась и канцелярская, кадровая. Маргелов-младший, взвесив все серьезно и основательно, написал рапорт о включении в состав группы по проведению десантирования в боевой машине десанта. Обратимся к интервью, которое он дал газете «Гвардия России» в 2004 году:

«– Рассказывают, что рапорт о включении в состав экспериментаторов вы написали еще до того, как отец предложил вам принять участие в эксперименте.

– Дело в том, что офицеры НТК постоянно привлекались к подготовке техники и личного состава к десантированию. Я видел, как важен для гвардейцев-десантников, особенно “перворазников” или начинающих, личный пример опытных парашютистов. А уж в таком новом и важном деле, как десантирование экипажей внутри боевых машин, такой пример должен был убедить все Воздушно-десантные войска в правильности идеи командующего. И если в эксперименте будет участвовать его сын, офицер-десантник, инженер, сам работающий в этой области, то доверие к новому средству десантирования будет наиболее полным.

Но, если даже отбросить все вышесказанное, я бы написал рапорт только из уважения и любви к отцу и веры в задуманное им во имя наших Воздушно-десантных войск дело.

– Александр Васильевич, в Воздушно-десантных войсках вы стали своего рода первопроходцем – участником первых экспериментов по десантированию в "броне", а затем и автором соответствующих инструкций. Как вам, образно говоря, удалось оседлать "Кентавра" и "Реактавра" – комплексы, аналогов которым в мире нет до сих пор?

– Командующий ВДВ дал указание специалистам готовить к десантированию боевую машину с двумя членами экипажа внутри нее на парашютно-платформенных средствах. Десантники хорошо понимали, что командующий шел на определенный риск: не сработай парашютная система – и люди могли погибнуть. Но он рисковал разумно, принимая все меры к тому, чтобы раскрытие многокупольной системы прошло нормально.

Многие люди, знавшие о подготовке к эксперименту, тем более готовившие его, понимали, что, подходя к этому чисто по-человечески, несомненно, далеко не каждый военачальник пошел бы на то, чтобы посадить в эту машину своего сына, подвергая опасности его жизнь. Такое решение командующего вызвало неоднозначную реакцию. Некоторые недоумевали, другие осуждали, но абсолютное большинство офицеров-десантников и летчиков военно-транспортной авиации восхищались решительностью командующего.

Такой эксперимент планировалось провести впервые не только в истории отечественных Воздушно-десантных войск, но и в мире. Подготовка к первому в мировой и отечественной практике десантированию людей внутри боевой техники проводилась Научно-техническим комитетом ВДВ в тесном контакте с конструкторским бюро Московского агрегатного завода "Универсал", многолетним головным разработчиком средств десантирования техники ВДВ, руководимым главным конструктором Алексеем Ивановичем Приваловым, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и Государственной премий СССР. Одновременно в ГНИИ авиационной и космической медицины проводились физиологические испытания (копровые сбросы) по переносимости ударных перегрузок, действующих на человека при такого рода десантировании. Начальник института генерал-майор медицинской службы Николай Михайлович Рудный лично контролировал эту работу.

Внутри машины были установлены космические кресла типа "Казбек" разработки главного конструктора завода "Звезда" Героя

Социалистического Труда Гая Ильича Северина.

Первые копровые сбросы в кресле “Казбек” пришлось опробовать на себе. Все “мелочи” докладывались руководству, а зачастую – напрямую командующему, имя которого открывало вне очереди двери кабинетов любых начальников для быстрейшего согласования многочисленных важных документов. А командующий требовал: быстрее, быстрее!

Большую помощь оказывал генерал И. И. Лисов. При необходимости он выезжал вместе со мной, молодым сотрудником НТК, на завод, на проведение копровых сбросов, в общем, куда требовалось. А позже в Москву был вызван Леонид Зуев, и работа пошла веселее.

Совместная интенсивная работа всех участников подготовки к эксперименту обеспечила возможность его проведения уже к концу 1971 года. Дальше, по всем правилам, комплекс “парашютная система – машина – человек”, получивший кодовое название “Кентавр”, должен был пройти государственные испытания в ГКНИИ ВВС имени Чкалова. “Кентавр” – потому, что механик-водитель БМД при движении машины “по-походному” высовывается из нее по пояс – отсюда аналогия, кстати, мгновенно понятая командующим ВДВ и потому им утвержденная.

– И вот, наконец, после переноса эксперимента из-за запрета министра обороны…

– В канун нового 1973 года окончательное “добро” министра было все же получено. Гречко наконец не выдержал – согласился… под ответственность командующего ВДВ! Утром 2 января командующему домой позвонил Г. И. Северин: “Василий Филиппович, а чего мы ждем? Разрешение имеется, нужно ехать в Тулу готовить эксперимент. И природа за нас – вон сколько снегу намело”. Отец согласился и тут же через оперативного дежурного объявил дату проведения эксперимента – 5 января.

К обеду 3 января мы с Зуевым, дублерами и несколькими офицерами НТК прибыли на парашютодром Тульской дивизии “Слободка”. Там уже ждали офицеры воздушно-десантной службы и… особого отдела дивизии. Наметили план работы, а также меры по соблюдению секретности запланированного эксперимента.

Все испытатели были размещены в одной казарме, в столовую также ходили вместе. В нашем основном экипаже Зуев был назначен командиром и одновременно механиком-водителем, я должен был выполнять обязанности наводчика-оператора. Командующим была поставлена задача: после приземления расшвартовать машину и начать движение не более чем через 2

минуты, в ходе которого провести машину по намеченному маршруту со стрельбой по мишеням из орудия и спаренного пулемета. Экипаж должен был доказать, что не только отлично перенес все этапы десантирования, в том числе ударные перегрузки при приземлении, но и сохранил физические и умственные способности, может успешно вести боевые действия. На это и были направлены многочасовые ежедневные тренировки.

И вот наступил день “Х” – 5 января. Около четырнадцати часов самолет Ан-12Б вылетел для проведения экспериментального десантирования.

Вытяжной парашют по команде штурмана вывалился, расправился, набрался сил и, как бы нехотя, стал потихоньку вытаскивать “Кентавра”. Как гигантский маятник с центром качания вокруг вытяжного парашюта, машина-”утюг” сначала завалилась на 135 градусов от горизонтали, затем стала раскачиваться с постепенно уменьшающейся амплитудой колебаний. И вот раскрылись тормозные, а затем и основные парашюты. Перевернувшись в первый момент вниз головой, мы в доли секунды испытали состояние, близкое к невесомости. Все свои ощущения спокойно, как нам казалось, мы передавали на землю. Только вот с земли после выхода машины из самолета ничего не слышали – пришлось ориентироваться о работе системы по личным ощущениям да по показаниям приборов.

И тут последовал резкий, перекатывающий удар. Головы в шлемофонах мгновенно “выбили морзянку” из заголовников, и все замерло. Навалилась неожиданная тишина. Но это продолжалось мгновение – мы, не сговариваясь, стали освобождаться от привязных систем.

Выскочили из БМД. Освободив ее от парашютной системы и платформы, заняли свои места внутри – Леонид за рычагами, я – в башне. Пока механик заводил двигатель, наводчик-оператор выискивал, поворачивая башню, цели для обстрела. Есть! И вот сразу с началом движения бухнуло орудие “Гром”. Конечно же, это была имитация, и последующая стрельба из пулемета велась холостыми, но в первом эксперименте это было не главное. Главное, что на всех этапах десантирования, приземления, движения, проведения стрельб мы сохраняли полную боеготовность и доказали, что в случае необходимости десантники могут воевать с наибольшим боевым эффектом, поражать противника, не выходя из машины, обеспечивая другим членам экипажа возможность с наименьшими потерями присоединиться к ним для совместного выполнения боевой задачи.

Леонид Зуев лихо, на большой скорости, подъехал к трибуне,

по пути разнес вдребезги автомобиль начальника штаба дивизии (которого, кстати, предупреждали о такой вероятности), остановился точно напротив командующего и четко доложил об успешном выполнении боевой задачи. Командующий обнял и расцеловал нас поочередно, поблагодарил от лица службы и, быстро вытерев глаза, в дружеском тоне стал расспрашивать об ощущениях в ходе проведения эксперимента. К нему присоединились и другие участники испытаний.

– А далее вы уже готовили штатные экипажи?

– После первого удачного эксперимента командующий отдал приказ провести аналогичные экспериментальные десантирования во всех дивизиях ВДВ, в каждый период обучения. Да, не боялся командующий Маргелов брать на себя ответственность и при этом верил в людей. И как не верить, ведь сам их учил и воспитывал, в первую очередь – личным примером. А чтобы никто не обвинил его в отсутствии отцовских чувств, приведу факт, который стал позже известен от его порученца: командующий держал в кармане шинели заряженный пистолет… успев за последние двадцать минут до момента нашего приземления выкурить целую пачку папирос.

Я, уже будучи капитаном, был назначен ответственным за подготовку штатных экипажей. Руководителями испытаний были генерал-лейтенант И. И. Лисов, позже – его преемник на посту заместителя командующего генерал Н. Н. Гуськов и, наконец, председатель НТК ВДВ полковник (позже – генерал-майор) Л. З. Козленко».

Рамки интервью и необычайная скромность не позволили его герою рассказать о многом. Ведь Маргелову-старшему впору было бы с гордостью отрапортовать министру обороны о том, что эксперимент удался на славу, что не подвели ни талантливые конструкторы, ни уникальная техника десантирования, ни летчики, и, конечно, главные участники эксперимента. Однако еще на площадке приземления В. Ф. Маргелов строго-настрого запретил кому-либо сообщать «наверх» о каких-либо результатах. «Я сделаю это сам, коли что случится», – добавил при этом командующий.

Рассказывают, будто бы Василий Филиппович подошел перед посадкой в самолет к Зуеву и сыну и, похлопав того и другого по плечам, промолвил: «Не дай Бог, разобьетесь, машину погубите. А мне потом выговор влепят».

Анна Александровна Маргелова, мать Александра, не знала об эксперименте, а узнав, просила сына больше не огорчать ее участием в подобных мероприятиях. Пыталась об этом упросить Александра и супруга Лидия Константиновна. Да разве

образумишь человека, имеющего маргеловский характер. Клятвы близким и дорогим ему женщинам он не давал, а обещание все-таки нарушил. Маргелов-младший добровольно вызвался стать во главе группы при испытаниях комплекса совместного десантирования и «Реактавра».

Победителей, как известно, не судят. Но и поощряют не всегда. Кроме дежурной благодарности к 23 февраля, то есть к очередной годовщине Вооруженных Сил СССР, командующий ВДВ ничего не получил. В некоторых кругах сплетничали, что В. Ф. Маргелов тотчас же после успеха эксперимента раструбит о нем на всю вселенную, делая упор на свою главенствующую роль. Злословившие были посрамлены.

Гордость за сына – чувство особого рода. Александр не отсиживался в тени славы отца и, выбрав в жизни собственный путь, не бил себя в грудь кулаком и не выказывал высокомерия, присущего многим генеральским сынкам. В том, что Зуев и Маргелов-младший заслуживают самых высоких наград, не сомневался никто. Поговаривали даже, что речь идет о Звезде Героя. А между тем с наградными листами на Александра Маргелова и Леонида Зуева творилось что-то невообразимое. Вроде бы и не военное время, и от управления ВДВ до Главного управления кадров Министерства обороны СССР, которое ведало наградами, как говорится, рукой подать, а вот награда «искала» героев почти год. А когда коробочки с орденами и орденскими книжками на офицеров были доставлены командующему, Василий Филиппович расстроился. «Десантеры» были представлены им к ордену боевого Красного Знамени, а пришли на отважных первопроходцев «звездочки», то есть ордена Красной Звезды.

Многокупольные парашютные системы, исправно отслужив более десятка лет, уступили место парашютно-реактивным системам, и командующий, взвесив все «за» и «против», дал «добро» на проведение эксперимента, который вошел в историю Воздушно-десантных войск как «Реактавр».

Парашютно-реактивные системы в начале своего пути отличались нестабильностью и сложностью. Но это был именно тот вариант, который обеспечивал скоростную доставку боевой техники без применения тяжеловесных платформ. Вместо четырех-пяти куполов площадью в 760 квадратных метров на системе работал один купол площади 540 квадратных метров и блок из трех двигателей мягкой посадки. Обеспечивали амортизацию два пенопластовых бруса.

До «пасти», грузового люка самолета Ан-12Б, а затем Ил-76 боевая машина десанта добиралась своим ходом и без помощи

сложнейших приспособлений: тросов, лебедок, как это было на МКС, самостоятельно занимала место в грузовой кабине.

Скорость снижения «Реактавра» равнялась двадцати – двадцати пяти метрам в секунду. А затем в нескольких метрах над землей срабатывали тормозные двигатели, «гася» скорость до нуля. Вроде бы все несложно и объяснимо. Но экипаж, помещенный внутри БМД-1, должен был не только совершить десантирование, но и, перенеся значительную нагрузку, вступить с ходу в бой. И здесь слово было за испытателями. Перед людьми в небо отправились собаки. Смышленый пес Буран имел за своими плечами несколько десантирований, а вот очередное оказалось печальным и для него, и для всего комплекса. Случилось невероятное. БМД вышла из самолета, а единственный купол, призванный стабилизировать падение боевой машины, вдруг ни с того ни с сего лопнул, как мыльный пузырь. Так без руля и без ветрил «бээмдэшка» и «просвистела» до самой земли. И это накануне основного эксперимента – десантирования людей!

Генерал-лейтенант К. Я. Курочкин на правах заместителя командующего ВДВ сказал, как отрезал:

– Курсанты пусть науку грызут, а «Реактавр» в парке отдыхает.

Полковник В.К. Парийский и капитан А.В. Маргелов были ошарашены таким распоряжением. Единичный случай – не система, убежденно доказывали они Курочкину. Да и жалко несколько месяцев трудов бросать псу под хвост!

От выпускников училища курсантов В. И. Алымова и Н. Г. Шевелева, проходивших подготовку к десантированию, скрывать катастрофу не стали. Одному Богу были известны доводы, которые пустили в ход все участники эксперимента, но генерал Курочкин уступил.

Позиция Государственного научно-исследовательского института ВВС им. В. П. Чкалова относительно безопасности десантирования людей в БМД на любых системах оставалась по-прежнему жесткой. С мнением ведущих специалистов этого института с мировым именем считались как при разработке космических, так и летно-испытательных программ. Не отвергал выводов НИИ и командующий ВДВ, для которого жизнь десантника никогда не являлась разменной монетой.

В предложениях, высказанных В. Ф. Маргеловым на одном из совещаний Научно-технического комитета ВДВ, была заложена, казалось бы, неисполнимая задача: доставка экипажа боевой машины, артиллерийского орудия на землю десантирование с платформы в случае отказа какого-либо элемента многокупольной или реактивной парашютной системы. Так

зародилась программа совместного десантирования людей и техники, на языке разработчиков НИИ автоматических устройств – КСД.

Что это означало? Два члена БМД-1 – командир и наводчик-оператор размещаются в самой машине, а четыре человека – в небольшой кабинке, расположенной на платформе. Нетрудно рассмотреть в таком решении некоторую половинчатость. Во-первых, экипаж БМД-1 – семь человек, двое же его главных специалистов остаются, как и прежде, без спасательных средств. К тому же комплекс совместного десантирования с точки зрения производства оказался сложноисполнимым и дорогостоящим. Однако проект был профинансирован, и требовалось провести его испытания. Понадобились добровольцы. Первым стал парашютист-испытатель Валерий Галайда. Следом за ним в мае 1975 года совершили десантирование совместно с боевой техникой солдаты срочной службы А. В. Кармолитов и В. В. Ермолин. Готовил их к опасному эксперименту Александр Маргелов. Но командующий усложнил задачу: в парашютной системе – сбой, и один из участников эксперимента, который проводился 26 августа 1975 года, должен был покинуть платформу. Маргелов-младший на сей раз исполнял обязанности командира БМД-1, механиком-водителем был назначен майор Леонид Щербаков, а майору Александру Петриченко, инженеру-испытателю, предстояло совершить прыжок на парашюте со снижающейся платформы. Что он и выполнил блестяще.

И все же оценка, данная ими комплексу, в целом была отрицательной. Но поскольку лучшего средства для десантирования артиллерийских орудий, расчет которых составлял четыре-пять человек, в то время в ВДВ не имелось, то комплекс еще некоторое время состоял на вооружении. С переходом всего артиллерийского парка ВДВ на гусеничную базу потребность в таком комплексе и вовсе отпала. На повестку дня вновь был поставлен вопрос об испытаниях «Реактавра». Командующий желал окончательно убедиться, что экипаж БМД-1 в полном составе, спустившись с небес на землю, будет боеспособен, а следовательно, такой способ десантирования – самый оптимальный в боевых условиях.

На сей раз испытательным полигоном была избрана площадка приземления 76-й гвардейской Псковской дивизии. При подготовке к эксперименту все было оговорено: майор Александр Маргелов – командир боевой машины, механик-водитель – подполковник Леонид Щербаков, дублеры – гвардейцы срочной службы.

Прирожденному танкисту Л. И. Щербакову даже и во сне не

могло привидеться, что он вдруг изменит своему роду войск и переметнется в «десантуру». В его офицерской жизни, которая началась после окончания Киевского танко-технического училища, все шло своим чередом: служба в танковых частях, Военная академия бронетанковых войск и назначение в подмосковную Кубинку, где проходили обкатку и доводку многие образцы бронированных боевых машин. Сюда же была направлена на испытания и БМД-1, с которой Л. И. Щербаков словно сроднился. И немудрено. На первой «бээмдэшке» он проколесил тысячи верст, а В. Ф. Маргелов приметил бесконечно влюбленного в свое дело офицера и упросил А. Х. Бабаджаняна, маршала бронетанковых войск, которому подчинялся НИИ в Кубинке, дать согласие на перевод майора Щербакова в его воздушно-десантное ведомство. Десантная биография майора поначалу чем-то напоминала страницы из жизни командующего ВДВ: первый парашютный прыжок – удар, перелом, гипс с автографами соседей по Ан-2…

Так в январе 1973 года Л. И. Щербаков стал старшим инженером Научно-технического комитета ВДВ и немало сделал для того, чтобы о боевой машине десанта говорили не с черным армейским юмором, а как о серьезном средстве, способном облегчить гвардейцам выполнение задач в тылу противника. Щербаков, как мы уже убедились, проявил немало мужества, согласившись стать добровольцем в эксперименте по выброске комплекса совместного десантирования. На очереди был не менее сложный эксперимент – прыжок на парашютно-реактивной системе, без платформы, с пенопластовым амортизатором.

К 23 января 1976 года «Реактавр» был готов к проведению эксперимента. Оказалось, что экипаж самолета Ан-12Б, прилетевшего на аэродром, был тот же, что и при десантировании «Кентавра», и это обстоятельство сулило удачу. И вот взлет! Слово Александру Маргелову:

«Долго лететь не пришлось… После объявления двухминутной готовности экипаж перешел на прямую связь с землей… она оказалась односторонней… “Реактавры” слышали “землю”, а их не слышали. Полковник Б. Г. Жуков, отвечавший за связь, сообщил: “Вытяжной парашют извлек комплекс из самолета”. Опять “маятник”. Снова голос Жукова: “Парашютная система работает нормально”. Снижение на стабилизирующем парашюте, раскрылся основной купол, вышли на предусмотренную длину два телескопических щупа. В момент их касания с землей сработали двигатели мягкой посадки – взрыв, газы, дым! Рядом приземлился прыгнувший вслед за комплексом Парийский».

А дальше состоялось то, для чего и проводился эксперимент. «Десантавры» моментально пришли в себя и, сориентировавшись на местности, принялись ее утюжить и поливать свинцом. Вздымая снежную пыль, машина остановила свой бег возле трибуны, где собрались «зрители»: командующий ВДВ В. Ф. Маргелов, руководитель проекта А. И. Привалов, Г. И. Северин, Н. М. Рудный, партийные и советские руководители Псковской области. Маргелов-младший доложил о выполнении задания Маргелову-старшему. «Десантаврам» пожимали руки, их обнимали и называли героями. Кто-то из партийцев даже попытался связаться с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и отрапортовать об успехе. Но командующий ВДВ возразил: эмоции вскоре улягутся, а министр обороны не примет никакого решения, пока не получит обстоятельные отзывы об испытаниях.

Как бы ни был налажен конвейер Волгоградского завода по производству боевых машин десанта, вооружить в короткий срок современной техникой все части и соединения Воздушно-десантных войск было невозможно, и «бээмдэшки» поступали в полки небольшими партиями. Другое дело – 44-я учебная дивизия, в которой курсанты осваивали специальности механика-водителя, наводчика, оператора, командира. Но у командующего была своя задумка. Василий Филиппович избрал 7-ю гвардейскую Каунасскую дивизию базовой для проведения сборов руководящего состава ВДВ и для создания образцовой материально-технической базы, с тем чтобы внедрить подобное и в других соединениях. Отрицать тот факт, что В. С. Краеву, который в 1975 году после окончания Академии Генштаба был назначен командиром «семерки», помогали многие соединения, было бессмысленно. Но также были безосновательны упреки в адрес Маргелова по поводу очередного витка «показухи» и «очковтирательства», которые якобы превратили боевые батальоны в стройбаты.

В то время как дивизия полным ходом вела подготовку упомянутым сборам, на которые командующий намечал привлечь руководителей предприятий ВПК, конструкторов и ученых, в Комитете партийного контроля, который возглавлял А. Я. Пельше, разбирали анонимку на комдива 7-й воздушно-десантной дивизии Краева.

– Аж на двенадцати страницах! – возмущался командующий, сообщив Краеву об анонимке. – Я-то доподлинно знаю, что все это ложь: и что дивизия не боеготовая, и что оценка ей за 1976 год завышена, и что я тебе покровительствую, превратив соединение в строительную команду, Я позвонил министру обороны и

попросил направить в дивизию независимую комиссию. Он согласился. Так что через неделю жди гостей.

Целых десять дней группа офицеров Главного управления кадров, Генерального штаба и Главного политического управления провела в частях Каунасской дивизии. На подведении итогов председатель комиссии заключил:

– То, что мы увидели в дивизии, нас потрясло. То, что делается в дивизии, достойно не осуждения, а восхищения. Так об этом и доложу министру обороны.

Реакция Д. Ф. Устинова на столь оптимистический доклад была несколько иной: провести по завершению зимнего периода обучения комплексную проверку соединения. На этот раз единственный офицер в звании полковника среди проверяющих оказался «белой вороной». В «хозяйство»

В. С. Краева пожаловало двадцать девять генералов во главе с генерал-полковником Н. Н. Алексеевым, которому, как председателю комиссии, и предстояло вынести окончательный вердикт по анонимке: имеют ли сообщенные факты под собой какие-либо основания либо это чистый наговор. Понадобилось несколько дней, чтобы справедливость восторжествовала. В чем, собственно, командующий ВДВ, сопровождавший проверяющих, но казавшийся как бы сторонним наблюдателем, и не сомневался.

– Не нервничай, – поддерживал он Краева. – Покажи все, что сделано, а главное, во имя чего.

Высокие чины, уезжая из Каунаса, сошлись в едином мнении: «Личный состав дивизии творит чудеса». Начальник Генерального штаба маршал Н. В. Огарков и его заместитель С. Ф. Ахромеев, которые вскоре побывали У В. С. Краева в гостях, с мнением предыдущей комиссии согласились целиком и полностью. Более того, по праву члена Комитета по Государственным премиям Союза ССР в области науки и техники Огарков предложил командующему ВДВ подготовить документы на офицеров и генералов, которые непременно будут включены в число соискателей самой высокой государственной награды. Получив список на кандидатов от воздушно-десантных войск, он собственноручно добавил в него фамилию «Маргелов». Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров Союза ССР от 5 ноября 1975 года Василию Филипповичу Маргелову в числе десяти наиболее отличившихся создателей уникального учебного комплекса была присуждена Государственная премия СССР «За работу в области машиностроения». Подписал документ председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники академик М. Келдыш.

Можно представить, каково было безвестному пасквилянту, когда на банкете по случаю вручения символов мудрости, доблести и заслуг перед государством лилось шампанское и звучали тосты в честь тех, кого он попытался испачкать грязью.

Краснознаменное десантное

В июне 1812 года, за несколько дней до нашествия Наполеона на Россию, в старинном русском городе Рязани произошло важное событие – освящение закладного камня духовной семинарии. Проекты и чертежи были присланы из Санкт-Петербурга и одобрены Святейшим синодом, а казна отпустила на строительство здания 200 тысяч рублей. Сумма по тем временам значительная. В сентябре 1814 года главное здание семинарии, расположенное между церковью Бориса и Глеба и кремлем, приняло первых учеников. И с той поры более века воспитанники рязанской духовной семинарии верой и правдой служили Русской православной церкви и российской науке.

Может возникнуть вполне закономерный вопрос: «Каким образом?» Духовные власти, предполагая, что подвижническое служение Господу дано не всем, не мешали выпускникам самостоятельно избирать жизненный путь. Часть семинаристов совершала постриг, большая часть становилась священнослужителями, а некоторые отправлялись на «вольные хлеба», получив основательные знания по медицине, сельскому хозяйству и естественной истории. Среди них мы находим имена светил русской науки: терапевта Н. Е. Дядьковского, физиолога И. Т. Глебова, дерматолога А. Г. Полотебнова и первого российского нобелевского лауреата И. П. Павлова. Заметный след в богословии оставил И. И. Дмитревский, служивший в Священном синоде.

На протяжении столетия существования духовной семинарии сложился стройный свод правил внутреннего распорядка и поведения воспитанников. Приведем некоторые:

– Цель семинарского обучения – образовать просвещенных священнослужителей.

– Нравственное воспитание в семинарии имеет целью правильное образование характера учащихся соответственно их будущему назначению.

– Упражнения, располагающие к благочестию, должны быть свято соблюдаемы.

– Все ученики должны соблюдать с точностью все посты.

– С товарищами ученики должны быть дружелюбны, не должны допускать неучтивых, грубых шуток, а тем более оскорбительных насмешек, брани и ссор. Товарищество не должно служить к прикрытию дурных поступков.

– Ежедневно воспитанники в урочные часы: утром в 7, а вечером в 10 часов должны являться на молитву утреннюю и

вечернюю.

– Чтение и пение молитв должны совершаться неспешно, без крика, благоговейно.

– Одежда у всех учеников должна быть одинакова по цвету и покрою и сшита по определенным образцам. Поэтому всякие уклонения в одежде, особенно с претензиями на щегольство и подражание моде, не должны быть допускаемы.

– Прическа волос должна быть прилична, носить бороды, усы, бакенбарды и длинные волосы запрещается.

– На дни воскресные и праздники ученики могут быть увольняемы из семинарии. В учебные же дни только в случаях экстренных, по причинам уважительным.

– Ушедшие без дозволения из семинарского корпуса подвергаются строгому взысканию.

Неизвестно, сколь долго продолжалась бы семинарская жизнь, если бы не Октябрьская революция 1917 года. Сразу выяснилось, что новая власть имеет свои идеалы, отличные от тех, которые исповедовались в семинарии, занимавшей, по меркам пламенных революционеров, роскошные хоромы. Изучение Священного Писания и молитвенные песнопения сменили катехизис красного командира и новые песни:

> Но от Москвы до британских морей
> Красная Армия всех сильней.

13 ноября 1918 года сто двадцать три курсанта сели за парты Рязанских пехотных курсов, и этот день стал отправной точкой отсчета в истории воздушно-десантного училища. Историографы достаточно основательно и скрупулезно исследовали боевой путь учебного заведения и события, в которых отличились рязанцы. Начиная с первого выпуска пехотных курсов, который состоялся 15 марта 1919 года, рязанские краскомы участвовали в Гражданской войне на Южном и Восточном фронтах, в боях за Донбасс, Кубань, обороняли Москву и Рязань, когда к этим городам рвалась Добровольческая армия А. И. Деникина, подавляли восстание на Тамбовщине. В марте 1937 года школа была переименована в пехотное училище имени К. Е. Ворошилова. Выпускники училища отважно сражались против японцев у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Многие из них полегли смертью храбрых при прорыве линии Маннергейма в советско-финляндской войне. Командирская зрелость рязанцев наиболее ярко проявилась в Великой Отечественной войне. Тринадцать питомцев училища стали Героями Советского Союза, а в 1943 году в честь 25-й годовщины своего образования

Рязанское пехотное училище было награждено орденом боевого Красного Знамени.

В то время, когда в Рязани полным ходом шла подготовка офицеров для действующей армии, в Генеральном штабе и управлении Воздушно-десантных войск ломали головы каким образом восполнить потери в офицерском составе воздушно-десантных соединений и частей. В августе 1941 года в Куйбышеве на базе пехотного училища было создано парашютно-десантное училище. На чудом сохранившейся фотографии видно, что здание училища располагалось на крутом волжском берегу, с которого открывался изумительный вид на окрестности. Недаром старожилы называли это место Красной Горкой. Есть еще одна фотография послевоенного времени, на которой видна памятная доска с надписью: «СССР, 1941–1942 гг. Куйбышев – родина воздушно-десантного училища».

Как мы видим, в надпись закралась одна ошибка – училище все-таки называлось «парашютно-десантным», однако даже курсантам запрещалось употреблять в речи это название. Между тем учебный процесс в училище с трудом набирал обороты. Не хватало ни преподавателей, ни материальных ресурсов. Назначенный на должность начальника училища полковник Д. И. Высокосов, пришедший из ВВС, смутно представлял, чему и как нужно учить будущих офицеров ВДВ. Неоценимую помощь оказал ему отозванный с фронта майор И. И. Лисов. Ивану Ивановичу, как начальнику учебного отдела, удалось в необычайно короткое время сформировать хоть какое-то подобие тематических циклов изучения материальной части людских и грузовых парашютов, тактики действий десантников в тылу врага. Один из выпускников училища Н. К. Моисеев вспоминал: «Многие из нас прежде вживую даже самолета не видели… Но всех нас объединяла дружба и взаимовыручка, товарищество, умение преодолевать трудности, сохранять самообладание. Могут заметить, что такое присуще вообще для армии и военно-учебных заведений, но для Воздушно-десантных войск это – жизненная необходимость».

Инспекция Воздушно-десантных войск Красной Армии не сидела сложа руки и подготовила в начале 1942 года «Наставление по парашютным прыжкам». Училище заимело свои «собственные» самолеты ТБ-3 и Ли-2, а на должность начальника был назначен полковник И. И. Курышев, участник десанта под Вязьму. На груди полковника красовались два ордена Красного Знамени, и был он не новичок в Воздушно-десантных войсках. Едва учеба вошла в колею, как поступил приказ: занятия прекратить, грузиться в эшелоны и следовать в Москву.

Так в сентябре 1942 года училище обосновалось в здании Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского, которая в то время была эвакуирована в Ташкент. Вновь пришлось начинать все с самого начала, и тут в неустроенное бытие ворвались шагистика и муштра. Курышев объявил курсантам, что им доверена честь представлять Воздушно-десантные войска в параде, посвященном 25-й годовщине Великого Октября. Плац в Петровском парке гудел под курсантскими сапогами. Равнение в шеренгу по десять человек давалось с превеликим трудом. Дело дошло до генеральной репетиции на Красной площади, но за два дня до парада курсантов из состава участников «сняли». Причина выяснилась сразу же – в параде принимали участие только те части, которые с ходу шли на фронт. Целый год училище не тревожили. Штаб ВДВ, находившийся по соседству, оказывал всяческую помощь и в привлечении опытных офицеров, и в организации прыжков. Однако и требования к выпускникам предъявлялись самые жесткие. Провалившиеся на экзаменах в звании старшин отправлялись в войска, не церемонились и с теми, кому десантная наука была не по силам.

Мы вновь обращаемся к воспоминаниям Н. К. Моисеева:

«Тактические занятия проводились с нами в районе Химки, вдоль Ленинградского шоссе, где проходила оборона Москвы в 1941–1942 годах. Мы… штурмовали доты, окопы, траншеи, оставшиеся от тяжелых боев… На прыжки выезжали всем училищем, а площадкой приземления служило вспаханное поле… Но вот, наконец, настал выпуск, и каждый из нас кроме нарукавных нашивок получил голубые парадные петлицы с золоченым кантом. В то время по радио часто звучала популярная песня “Цветочница Анюта”:

И с тех пор я грущу и забыть не могу
Яркий блеск золотистого канта.
Лишь откроется дверь, средь военных теперь
Я ищу своего лейтенанта.

Мы чувствовали себя именинниками, держались гордо. Наступил 1943 год, и петлицы были заменены офицерским погонами. Вручал их нам начальник училища И. И. Курышев, который к тому времени стал генерал-майором».

К концу 1943 года фронт ушел далеко на запад, и в Москву стали возвращаться из эвакуации государственные учреждения, учебные заведения. Вновь училищу пришлось сняться с насиженного места и отправиться в Подмосковье в Нахабино, где размещались высшие офицерские курсы ВДВ. Приютив курсантов

кочевого училища, курсы, выпускавшие только специалистов и начальников парашютно-десантных служб, как бы «поглотили» учебное заведение, потерявшее всякую самостоятельность.

Попытаемся восстановить причину случившегося. Как известно, народный комиссар обороны И. В. Сталин дал нелицеприятную оценку действиям воздушно-десантных частей в Днепровской наступательной операции. Восстановить авторитет Воздушно-десантных войск могло только их применение в ходе боевых действий, которые развивались успешно. Однако в 1944–1945 годах ни в одной из фронтовых операций против фашистской Германии высадка десантов не осуществлялась. Иное дело война с Японией. В ходе нее описания дерзких, решительных действий десантников не сходили со страниц газет, имена героев звучали в сводках по радио. Возможно, такой славный финал и подвигнул командование ВДВ к воссозданию училища.

Исследователям еще предстоит сказать по этому поводу свое слово. Мы же обратимся к свидетельству ветерана Воздушно-десантных войск, подполковника в отставке Г. И. Кудрявцева:

«7-й отдельный учебный парашютно-десантный полк, который квартировал в Звенигороде, после окончания войны был расформирован, и даже наш командир полковник Н. Юрченко не предполагал своей дальнейшей судьбы. Однажды его вызвали в штаб ВДВ в Москву, откуда он вернулся в хорошем настроении. Ему было приказано отобрать команду из нескольких человек и отправиться с нею в Ашхабад, где предполагалось разместить училище.

Приказ есть приказ, и мы отправились в долгий путь. Картина столицы Туркмении была безрадостной, кругом “гуляй-песок”. Полковник связался с Москвой, дав отрицательный отзыв, и мы «перекочевали» во Фрунзе. Пехотное училище, которое прекратило свое существование, всем подошло. Военный городок занимал целый квартал в центре города между улиц Токтогула, Ворошилова, Сталина. Имелись две казармы, столовые, спортивный городок, тир. Вскоре во Фрунзе приехал полковник И. И. Лисов, назначенный начальником учебного отдела, мой командир стал заместителем начальника училища, а затем прибыл и сам начальник генерал-майор В. П. Иванов. Моим непосредственным начальником стал мастер парашютного спорта полковник В. А. Шеккер».

По прошествии многих лет после возрождения единственного учебного заведения Воздушно-десантных войск трудно судить, почему оно разместилось во Фрунзе, а не в одном из городов Центральной России. Непонятно также, почему «Военно-парашютное (впоследствии – воздушно-десантное) училище»

тщательно скрывалось за номером воинской части. Кстати, в 1947 году Верховный Совет Киргизской ССР своим указом даровал войсковой части 75021, или Военно-парашютному училищу, право носить имя высшего органа республиканской власти. С этим наименованием училище переехало в столицу Казахстана Алма-Ату.

Иван Иванович Лисов вспоминал: «Училище создавалось на базе кавалерийского полка и было, естественно, пригодно больше для лошадей, чем для людей, но десантники в любых условиях умели приспосабливаться к жизни, и вскоре конюшни были превращены в учебные классы, залы для укладки парашютов, общежития. С учетом климатических условий жить и учиться можно было неплохо, если не считать неистребимого запаха, свойственного конюшне».

Летчики передали училищу отлетавший свое Ли-2, и этот макет самолета был предметом, который «демаскировал» секретное военно-учебное заведение. Оно имело два курса. На первом проходили подготовку начальники парашютно-десантных служб и начальники парашютно-десантного имущества, на другом – готовили строевых офицеров. Большинство курсантов имели за плечами боевой опыт и обучались ранее в пехотных училищах: Ташкентском, Киевском, Фрунзенском. В конце сентября 1947 года в училище нагрянул командующий Туркестанским военным округом Герой Советского Союза генерал армии И. Е. Петров, для которого десантная наука была тайной за семью печатями. Прославленному полководцу Отечественной войны продемонстрировали укладку людских парашютов, предпрыжковую подготовку, а затем был сброшен небольшой десант. Командующий остался доволен, однако неожиданно для начальника училища заявил: «И все же из Фрунзе курсантам придется уехать». Генерал Иванов недоуменно спросил: «Куда?» – «В Алма-Ату», – последовал ответ.

Причина такого решения прояснилась значительно позже. Власти Киргизии, видя, что военный городок обустроился и заметно отличается от неприглядных строений столицы республики, «уломали» И. Е. Петрова отдать здания в их распоряжение. Вскоре в помещениях бывшего училища разместилась Высшая партийная школа и несколько хозяйственных учреждений.

Курсанты-кочевники перебрались в Алма-Ату, а точнее в небольшой городишко «70-й разъезд» (г. Покровск), где военнопленные японцы выстроили аэродром и казармы для авиационного полка. Напомним, училище было закрытым и курсанты, изрядно попотев, обнесли его забором-дувалом, за

которым шла деятельная, боевая жизнь. В одной из курсантских песен того времени пелось: «Еще березка не цветет, а Каскелен давно нас ждет…» Каскелен – это учебный центр со стрельбищем в сорока километрах от самого училища.

В 1948 году в стенах училища обучались солдаты и сержанты, фронтовики. Для них срок обучения составлял один год десять месяцев. К сентябрю 1949 года училище окончательно сформировало свою структуру и перешло на трехлетний срок обучения. Курсанты изучали воздушно-десантную подготовку, тактику, огневую подготовку, военную топографию, историю военного искусства, иностранные языки. Социально-экономический цикл был представлен историей ВКП(б) и партийно-политической работой. В этом же 1949 году в училище стали принимать и молодежь с «гражданки».

В конце августа 1949 года В. Ф. Маргелов был неожиданно вызван в Москву, и командующий ВДВ генерал С. И. Руденко с порога объявил: «Команда офицеров штаба собрана, вам с ними надлежит отправиться в Алма-Ату. Училище существует там без году неделя, оторвано от войск, и о нуждах его мне мало что известно. Разберитесь и обстоятельно доложите».

То, что войсковая часть 75021, или Военно-парашютное училище имени Верховного Совета Киргизской ССР, располагалось в Тмутаракани, в доказательствах не нуждалось. На самолете, выделенном командующим, Маргелов с группой офицеров добрался до Алма-Аты почти за сутки. Несуразность такой отдаленности учебного заведения от частей ВДВ обескураживала. Но напомним, в этот период командующие Воздушно-десантными войсками подолгу не задерживались на должности, и можно предположить, что у них попросту не доходили руки до решения вопроса о перемещении училища в один из центральных военных округов.

Доклад, представленный командиром 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майором Маргеловым командующему ВДВ, был обстоятельным. Василию Филипповичу было что и с чем сравнить. Главное, что он четко представлял истинную потребность в командирах, имевших основательный багаж знаний в десантной науке. Увы, училище, едва вставшее на ноги, похвастаться достижениями не могло. Маргелов прекрасно сознавал, что нельзя требовать от преподавательского состава, который, к слову, был сформирован из самых опытных офицеров ВДВ, невозможного. Прежде всего необходимо было наладить быт курсантов, обеспечить их парадно-выходной формой. В Алма-Ате, культурном центре Казахстана, появляться в затрапезном виде было верхом неприличия, и новенькое обмундирование, которое

«пробил» Маргелов, вскоре разместилось на вешалках в ротных каптерках.

В начале 1949/50 учебного года училище возглавил генерал-майор И. И. Курышев, который не скрывал от проверяющего трудностей, связанных с оторванностью училища от войск и, как следствие, невозможностью проведения полноценных стажировок курсантов. В докладе командованию ВДВ этот пункт выделялся особо, и уже со следующего года были определены базовые части и составлены согласованные планы.

Став в 1954 году командующим Воздушно-десантными войсками, Маргелов первую свою ознакомительную поездку совершил в Алма-Атинское училище. Из столицы Казахстана он прихватил с собой представителей республиканских властей и поставил перед ними многие вопросы ребром. При этом, как вспоминали очевидцы, Василий Филиппович не выбирал выражений. Командование училища живо откликалось на любые просьбы о помощи, взамен же имело только одни благодарности, из которых, как известно, ни казарму не построишь, ни щи не сваришь.

Василию Филипповичу пришлось многое передумать, прежде чем у него окончательно созрело решение о выборе нового места для училища. Начало ему положила поездка в Рязань, которая у Москвы под боком и в которой располагалось пехотное училище, имевшее славные боевые традиции. Договориться с начальником училища генерал-майором С. С. Савченко о том, что часть выпускников, годных по состоянию здоровья, будет направляться в Воздушно-десантные войска, труда не составляло. Значительно сложнее было убедить военные чины в Главном управлении кадров Вооруженных Сил, чтобы такая разнарядка ежегодно поступала.

Но и этот вопрос был решен положительно. Историческая справка свидетельствует: «Выпускники училища тех лет, как правило, получали назначение в стрелковые войска. Наряду с этим немало их направлялось в Воздушно-десантные войска. Здесь они быстро входили в новую среду, осваивали сложную парашютную технику, становились настоящими десантниками. Отзывы из подразделений Воздушно-десантных войск свидетельствовали об этом».

Так, исподволь, готовился важный шаг. Между тем на Алма-Атинское училище, как и на многие военно-учебные заведения «хрущевской оттепели», обрушилась настоящая беда. С шестиротного состава оно было сведено в трехротное, то есть по одной роте на курс. Маргелов был вне себя. Войска задыхались от нехватки офицеров, что, несомненно, вело не только к ухудшению

качества боевой подготовки, но и угрожало безопасности людей. Этим же нелепым распоряжением сверху ликвидировался курс «Воздушно-десантное обеспечение», который готовил начальников парашютных служб. И это в условиях, когда воздушно-десантная техника усложнялась с каждым годом. Упразднялся с таким трудом установленный экстернат. Тут уж впору только взвыть от негодования. При такой ломке устоять было трудно. Командующий ВДВ искал выход.

В июне 1958 года постановлением Совета Министров СССР Рязанское пехотное краснознаменное училище наряду со всеми средними военно-учебными заведениями Вооруженных Сил было преобразовано в высшее общевойсковое командное училище с четырехлетним сроком обучения. Выпускники получали дипломы о высшем гражданском образовании, а военная подготовка оставалась на прежнем уровне. Алма-Атинского училища эти преобразования не коснулись. Маргелов предложил свой вариант – ликвидировать училище в Казахстане и перевести его под «крышу» Рязанского училища.

1 мая 1959 года из Казахстана в Рязань отправился первый эшелон курсантов, который возглавлял полковник А. С. Леонтьев, назначенный начальником Рязанского высшего общевойскового командного Краснознаменного училища. На лексиконе курсантов училище звучало как «РКПУ», пока, наконец, в 1964 году не сменило свою вывеску на «Рязанское высшее воздушно-десантное командное Краснознаменное училище». После слияния училищ обнаружилось, что «гражданская» часть программы обучения, при всем ее многообразии (курсанты изучали высшую математику, общую физику, теоретическую механику, химию), слабо увязана с тогдашними реалиями Воздушно-десантных войск. В 1962 году училище перешло на новый профиль обучения. Во главу угла были поставлены знания по одному из иностранных языков. В общеобразовательном дипломе в графе «квалификация» указывалось: «офицер со средним военным образованием, переводчик-референт по английскому или немецкому, либо французскому языку».

Имело училище и свой «интернациональный» профиль. В 1962 году в 4-ю курсантскую роту влился четвертый взвод. Состоял он из вьетнамцев, участников боевых действий против французских и американских колонизаторов. В последующие годы рота пополнилась индонезийцами, судьба которых после военного переворота генерала Сухарто оказалась трагической. Рязань стала alma mater для всех воздушно-десантных формирований армий социалистических государств: ГДР, Болгарии, Югославии, Монголии, Кубы, Чехословакии, Польши,

Китая. Как тут не вспомнить, что в знаменитых Селецких лагерях в 1943 году была сформирована дивизия Тадеуша Костюшко, в рядах которой сражался будущий президент Польши В. Ярузельский. В Музее истории Воздушно-десантных войск в разделе, посвященном интернациональным связям советских десантников, – двадцать униформ, как свидетельство боевого содружества десантников многих дружественных народов. А на стенде – удостоверение курсанта, выданное в 1977 году президенту Республики Мали Туре Амаду Тумаки. Курсантов из стран Азии и Африки представляло много людей с громкими именами. И вовсе не случайно, что на парадном мундире Василия Филипповича Маргелова красовалось добрых полтора десятка наград и знаков иностранных государств, в которых отражена признательность за помощь в подготовке высококвалифицированных военных кадров.

Внедрение в войска боевой машины десанта, новейших средств десантирования техники, переход военно-транспортной авиации на самолеты Ил-76 привели к коренным изменениям в структуре училища и в профиле подготовки курсантов. На смену существовавшим циклам пришли специализированные кафедры, которые сконцентрировали в себе основные направления учебно-воспитательной работы. Одни только названия кафедр и учебных подразделений говорят о том, какие качественные изменения произошли в подготовке будущих офицеров. Огневой комплекс, электронно-стрелковый тир, классы теории стрельбы и управления огнем из различных видов оружия находились в ведении кафедры вооружения и стрельбы. Обширный класс с множеством экспонатов парашютно-десантной техники, красочно оформленные стенды по устройству людских парашютов, многокупольных и реактивных систем платформ, действующий макет лайнера Ил-76, парашютные городки в училище и в лагерях – хозяйство кафедры воздушно-десантной подготовки. Кафедра эксплуатации и вождения руководила учебными классами, в которых созидательная мысль конструкторов и преподавателей материализовалась в созданных при их же участии тренажерах, облегчавших и упрощавших обретение навыков вождения, позволявших проникнуть в «сердцевину» боевой машины и другой техники. В особом ряду стоит кафедра тактики, без которой немыслимо формирование и становление офицера, ибо прочное знание теории, положений уставов, методические навыки приобретаются не только в классах, но и в поле, на практических занятиях и учениях. Обширные познания курсантам давали преподаватели кафедр общественных наук, сопротивления материалов, математики, физики и химии,

иностранных языков, русского языка и литературы.

В. Ф. Маргелов постоянно держал училище в поле зрения и по-отечески опекал. Училище разрослось, обрело отличную учебную базу как в Рязани, так и в Селецких лагерях, которые неузнаваемо преобразились с военной поры. Курсантские казармы отличали уют и чистота. И как бы ни менялся облик училища, продолжали в его стенах жить славные боевые традиции, отраженные в «Кодексе чести российского офицера»:

> Долг чести обязывает российского офицера:
>
> – Знать и любить Россию, быть благородным гражданином и патриотом, служить Отечеству верно, до последней капли крови и защищать его от внешних и внутренних угроз, не падать духом ни при каких обстоятельствах, не останавливаться ни перед какими препятствиями.

– Сохранять верность Присяге, Знамени, ни при каких условиях не допускать измены и предательства.

– Постоянно искать и добывать себе честь по примеру и достоинству великих предков, опираться на их традиции и заветы.

– Неукоснительно следовать девизу «Честь и Родина», принципу «Честь дороже жизни».

– Быть личностью творческой, самостоятельной в действиях и мыслях, благородной в поступках и намерениях.

– Ведать законы государственные и уставы воинские, глубоко знать военное дело, быть профессионалом, непрестанно совершенствоваться в предмете своей службы.

– Учить войска тому, что необходимо на войне; овладевать военным искусством в суворовском духе.

– Добиваться побед «малой кровью», сражаться мужественно и храбро (не забывая о благоразумии); словом, делом и личным примером побуждать воинов проявлять стойкость в бою, не отступать без приказа, сражаться до последней возможности, умирать с честью и славой.

– Предпочитать честный бой; соблюдать кодекс военной морали, законы и обычаи войны, руководствоваться военной необходимостью.

– Войска в бой вводить, а не посылать; не жалеть себя, не избегать трудностей, проявлять личное мужество, презрение к опасностям и смерти; трусость и малодушие должны быть чужды офицеру.

– Искусно управлять войсками, сочетать требовательность к подчиненным с заботой о них, строить отношения с ними на

основе доверия и взаимоуважения, во всем поступать по справедливости и долгу порядочности.

– Стремиться стать не просто военным специалистом, боевым вождем подчиненных, но их идейным вдохновителем.

– Крепить офицерское боевое братство, против неприятеля заодно поступать.

– Свято чтить Боевое знамя воинской части как «душу армии», символ чести и доблести защитников Родины, олицетворение связи славного прошлого с достойным настоящим и будущим, напоминание о долге.

– Соответствовать высокому этическому стандарту, заботиться о чистоте репутации личной и всей офицерской корпорации.

– В гражданском обществе и в военной среде блюсти достоинство, приличие и правила этикета.

– Воздерживаться от отрицательных привычек, могущих набросить даже малейшую тень на офицерское звание.

23 февраля 1968 года советские Вооруженные Силы отмечали свое 50-летие. В Главное политическое управление стекались ходатайства о награждении соединений, частей, военно-учебных заведений. И накануне всенародного праздника на знамени Рязанского высшего воздушно-десантного командного Краснознаменного училища появился второй орден Красного Знамени. Вручал его училищу командующий Воздушно-десантными войсками генерал армии В. Ф. Маргелов. Василий Филиппович был в тот день в особенно приподнятом настроении. Все представления к правительственным наградам, подписанные им на группу офицеров училища, которые показали себя как умелые воспитатели и педагоги, прошли по инстанциям без сучка и задоринки, а каждое объявление о награде зал встречал долгими аплодисментами. Присутствующих на торжестве ждал сюрприз. В ноябре 1968 года училищу исполнялось пятьдесят лет, и командующий «выдал» тайну: Центральный Комитет ВЛКСМ выступил с предложением присвоить училищу в честь юбилея имя Ленинского комсомола.

– Голосовать за это предложение будем? – обратился Маргелов к залу. – Кто «за»?

Поднялся лес рук. В соответствии с приказом министра обороны СССР от 29 августа 1968 года полное наименование училища стало звучать так: «Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского комсомола». Но позже чем-то не угодили новой

российской власти названия военно-учебных заведений, хранивших преемственность традиций, передаваемых от русской армии к армии Красной, а затем и Советской.

Высокие гости в училище – дело обычное, и перечислить всех известных военачальников и руководителей самого высокого ранга, побывавших у десантников, невозможно. Однако один визит заслуживает особого внимания. В начале ноября 1996 года училище встречало Председателя Совета Министров Российской Федерации В. С. Черномырдина и министра обороны генерала армии И. Д. Родионова. Игорь Дмитриевич многим в своей службе был обязан мужеству и выдержке десантников и потому с вниманием выслушал просьбу офицеров и курсантов о присвоении училищу имени генерала армии В. Ф. Маргелова. Предсовмина России эту идею поддержал, и проект документа лег вскоре на стол Президента России Б. Н. Ельцина, который 12 ноября 1996 года поставил свою подпись под соответствующим распоряжением. Прославленное учебное заведение стало именоваться так: «Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени генерала армии В. Ф. Маргелова».

29 августа 1998 года грянул очередной этап реорганизации военно-учебных заведений Российской Федерации. Постановлением Правительства они утратили не только право именоваться училищами, академиями, но из их названий были вычеркнуты имена прославленных советских полководцев. Не миновала эта участь и рязанцев, которые стали именоваться курсантами Рязанского института Воздушно-десантных войск. А вот с именем легендарного командующего ВДВ Василия Филипповича Маргелова офицеры и курсанты «института благородных парней» ни за что не поделали расставаться. И настойчивость восторжествовала!

О широте взглядов В. Ф. Маргелова может свидетельствовать география военных училищ, где готовили офицеров для Воздушно-десантных войск. В Рязани два высших военных училища, автомобильное и связи, готовили офицеров с «десантным уклоном». В Коломне и Ленинграде обучались десантники-артиллеристы. В Костроме и Тамбове – химики. В Ленинграде и Смоленске – офицеры комплексов ПВО, в Тюмени – офицеры инженерных подразделений. Врачей для ВДВ готовили военные кафедры медицинских институтов в Томске и Саратове, офицеров тыла – Вольское училище и Академия тыла и транспорта в Ленинграде.

Но, пожалуй, особой заслугой В. Ф. Маргелова является создание специализированной кафедры ВДВ в Общевойсковой

орденов Ленина и Октябрьской революции, Краснознаменной, ордена Суворова академии имени М. В. Фрунзе. В сентябре 1967 года за парты сели первые слушатели из ВДВ. При этом Василий Филиппович настоял, чтобы офицеры-десантники обладали значительным преимуществом и могли поступать в академию с должностей командиров отличных рот, тогда как для «сухопутчиков» устанавливалась планка не ниже заместителя командира батальона. Командующие ВДВ последних лет – генералы П. С. Грачев (1991), Е. Н. Подколзин (1991–1996), Г. И. Шпак (1996–2003), А. П. Колмаков (2003–2007), В. Е. Евтухович (2007–2009), В. А. Шаманов (с 2009) – выпускники факультета, путевку в жизнь которому дал Маргелов.

…Все торжества в Рязанском высшем Воздушно-десантном училище имени генерала армии В. Ф. Маргелова неизменно заканчиваются исполнением песни на слова А. Шаганова и музыку А. Познахарева:

Русская земля – Божия обитель,
Льется на заре несказанный свет.
Русская земля, кто тебя обидел?
Недругам твоим прощенья нет!
Мы русские – с нами Бог.
Мы русские – русские не предают.
За Родину – последний вздох,
Мы – русские! Русские идут!

Прямая речь

Те, кто хотя бы однажды слышали Василия Филипповича, сразу же замечали, что даже о самых сложных служебных делах командующий ВДВ всегда говорил просто и доходчиво, но отнюдь не примитивно. Всех подкупала самобытная образность его языка, четкость и глубина суждений. Василий Филиппович обладал той внутренней целостностью характера, которая не позволяла ему фальшивить в многообразии тем разговоров, бесед, выступлений.

Конечно, во многом эти свойства командующего определяли его природный дар и собственный жизненный опыт. Но он постоянно учился и у других, людей талантливых, с широким и ясным кругозором, впитывал их образ мыслей и способность убедить в своей правоте других. Может, подобных людей на жизненном пути Маргелова встречалось не слишком много, но зато какие это были люди! Вспомним хотя бы еще раз Р. Я. Малиновского, о замечательных творческих дарованиях которого мы в полной мере узнали лишь после кончины прославленного полководца, когда вышла в свет его замечательная книга «Солдаты России». Или М. В. Захарова с его непревзойденной логикой и умением внушить слушателям понятие о полководческом даре как наивысшем среди многих сфер человеческой деятельности…

Маргеловские экспромты, искрометные, преисполненные знанием солдатской души, стали не просто достоянием десантного фольклора – они определяли глубинные нормы жизни, службы и поведения десантника. Сам Василий Филиппович в любой ситуации за словом в карман не лез, находил выход из любого положения.

На выпускном экзамене по военной истории в Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова заведующий кафедрой генерал-майор Л. В. Ветошников задал Маргелову вопрос: «Вам, комдиву советской дивизии, противостоит американская дивизия. Одержите верх в этом противостоянии?»

Слушатель без запинки вымолвил: «На мой полк под Сталинградом шла дивизия СС. У американцев кишка тонка тягаться с немцами. Опыт на сей счет у меня есть. Делаю вывод – одержит верх дивизия советская!» Присовокупи Герой Советского Союза к этим словам одну лишь фразу – «с приданной артиллерией и танками», – и отличная оценка у него была бы в кармане. Американская пехотная дивизия, естественно, не по духу, а по численности личного состава и боевой техники на голову превосходила советскую. Знал, конечно, Маргелов об этом,

но промолчал. Гордость подвела, а в результате закончил академию в числе хорошистов.

…«Хозяйство Маргелова», как именовали расположение 76-й гвардейской Черниговской воздушно-десантной дивизии в Пскове, пробуждалось по сигналам армейских горнов. Одни части и подразделения начинали день с боевым задором, другие с ленцой. Куда, мол, торопиться, жизнь-то мирная. В общем, как в поговорке: «День прошел – и слава Богу». Благодушие и обычную лень развеять мог только маргеловский темперамент. Обойдя как-то владения и заглянув во все, даже самые глухие уголки, В. Ф. Маргелов собрал штаб и командиров частей на «разбор полетов». Командиры, наблюдая за грозным лицом комдива, не без оснований предполагали неимоверный разнос. Маргелов, чувствуя смятение собравшихся, начал без предисловия:

«Лирику побоку! Не какать и не такать, а внимать. Вы живете так, будто обросли мхом. Чья хата была с краю, может об этом позабыть. Болеешь за полк, за дивизию – честь тебе и хвала, но и нянчиться с теми, кто страдает японской болезнью, твердя «хоцу ецця», – в этом месте выступления Маргелов сделал жест, вызвавший громкий смех, – не собираюсь. В двадцать часов – ежедневный доклад мне и начальнику штаба.

Физруков и клубных сидельцев встряхну сам. Не городок, а монастырь, да в том хоть колокола да молитвы звучали, а у нас только чьих матерей не поминают!»

Обстановка разрядилась, хотя выступление комдива подействовало на всех лучше любой накачки.

Матерился Маргелов «изящно», незлобиво и не оскорбительно, и не для эффекта или связки слов, а для выхода эмоций, накопившихся в душе.

Май 1945 года. Маргелов расхаживает перед немецкими генералами. Гельмут Беккер, командир дивизии СС «Мертвая голова», оставивший страшный кровавый след на советской земле, рядом с ним не менее известные генералы: командиры дивизии «Великая Германия» и Полицейской дивизии СС. «Плюнуть бы им в хари, а затем кулаком вмазать, по-русски», – произнес Маргелов, а потом добавив «Войне п…ц! Вот вам х…, а не Россия! Ферштейн?» Последующий интернациональный жест, который продемонстрировал советский генерал со Звездой Героя на груди, не требовал перевода. (Кстати, Беккера вернули русским союзники, когда тот, не дожидаясь развязки, с сотней таких же, как он, не пожелавших сдаться советским войскам, рванул в Альпы, американцы справедливо посчитали, что не им его судить. Военный трибунал Киевского военного округа приговорил Беккера к двадцати пяти годам заключения).

Для «заплывших жиром» офицеров и генералов командующий ВДВ, образец подтянутости и собранности, – сущая гроза. Горе тому, кто попадал под острое слово Василия Филипповича. Аудитория надрывала животы, а каково было ленивцам?

Но то, что было позволительно и даже извинительно в офицерской аудитории (как тут не вспомнить о расхожей шутке по поводу ответа на вопрос анкеты: «Какими языками владеете?» – «Командирским и матерным»), никогда не звучало при солдатах и курсантах. Василий Филиппович считал их своими сынами, порой крепко поругивал за нерасторопность и неумение, но никогда не позволял себе выйти за рамки сдержанности, свойственной людям, много пережившим и умудренным жизненным опытом.

Когда в 1956 году миновали злополучные события в Венгрии, Г. К. Жуков предложил командующему ВДВ выступить на совещании в Министерстве обороны, где подводились итоги боев в Будапеште и других городах. Докладывать о том, в чем он сам участия не принимал, было тяжким делом для В. Ф. Маргелова. Для начала он дотошно «допросил» командиров полков и дивизий о реальных действиях десантников, а командира 31-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерала П. М. Рябова и начальника политотдела дивизии С. М. Золотова прихватил с собой.

«Это было в начале 1957 года, – вспоминал С. М. Золотов. – Командира дивизии генерала Рябова и меня без предварительного предупреждения вызвали в Москву. Командующий ВДВ генерал Маргелов сообщил нам, что завтра состоится коллегия министерства обороны. Надо быть готовыми подробно доложить о мерах, принятых к лицам, допустившим бесчинства и «барахольство».

Комдив 31-й и начальник политотдела слова не получили. В. Ф. Маргелов, скрепя сердце и необычайно волнуясь, все же сделал доклад. Суть его сводилась к следующему:

«Мы изрядно позабыли с войны о том, что Европа – страна городов, населенных пунктов. Карты оказались старые, без внесенных изменений… Гранатомет и “безоткатка” (орудие Б-10. – Á. Е.) в руках умелых бойцов гораздо более эффективное средство, чем открытый бронетранспортер или танк. Эти огневые средства нуждаются в доработке и в повсеместном внедрении в войска. Связь наша – дедовская, рации тяжелы… На опыте боев в Будапеште будем учиться, проводить занятия, сосредоточив внимание на способах и приемах действия десанта в городских условиях. Это наш пробел».

Выступающих на коллегии Минобороны было много. Жуков

не терпел верхоглядства и, подводя итоги, заметил, что доклады военачальников – лишь наметки на более детальную проработку всех вопросов взаимодействия, работы штабов, тылового обеспечения. Прозвучала команда: «Товарищи офицеры!», объявлявшая об окончании совещания. Георгий Константинович обратился к командующему ВДВ. «Зайди ко мне, Маргелов». О содержании беседы министра обороны и командующего ВДВ рассказывает С. М. Золотов.

«Командующий ВДВ пригласил нас к министру обороны. Маршал Жуков находился в отдельном кабинете, сидел в кресле. Поздоровавшись с нами, он в строгом тоне потребовал доложить ему, что делается в частях дивизии на новом месте дислокации и как решается вопрос с жильем для личного состава.

Мы коротко рассказали ему о положении войск и деликатно попросили оказать нам помощь в обеспечении жилой площадью офицерских семей. Других просьб мы не высказали. Обещали своими силами решить вопросы, связанные с созданием учебно-материальной базы и укрытием вооружения и транспорта. Настроение его улучшилось, однако чувствовалась некоторая усталость…

Министр обороны поблагодарил нас за активное участие в выполнении боевых задач в Венгрии. Просил передать соболезнования родным и близким воинов-десантников, погибших в ходе венгерских событий. Одновременно пообещал оказать помощь в обустройстве частей дивизии на новом месте дислокации (города Черновцы и Коломыя. – Á. Е.)».

С. М. Золотову нельзя отказать в наблюдательности. У маршала Жукова в то время действительно накопилась усталость. Четвертая Звезда Героя Советского Союза, которую он получил при активном содействии Н. С. Хрущева в декабре 1956 года, оказалась в какой-то степени роковой: 19 октября 1957 года на заседании Президиума ЦК КПСС министр обороны был обвинен во всех смертных грехах, в том числе в попытке принизить роль политорганов в армии, в стремлении к «бонапартизму» и самовосхвалению. В постановлении Пленума ЦК говорилось: «… В последнее время бывший министр обороны т. Жуков Г. К. нарушил ленинские партийные принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание партийных организаций, политорганов и военных советов». Эти прегрешения дополнялись «недостаточной партийностью, потерей партийной скромности, которой учил нас В. И. Ленин».

Г. К. Жуков не походил на кабинетного сидельца и много времени проводил на учениях, в которых на первый план выходило умение войск действовать в условиях применения

ядерного оружия. В начале июня 1954 года он был назначен руководителем учений на Тоцком полигоне Оренбургской области. В число генералов входил и командующий ВДВ В. Ф. Маргелов. Все, что предшествовало подготовке к этим экспериментальным учениям, осуществлялось в условиях строжайшей тайны. Планировалась ли на учениях выброска десанта? Косвенные свидетельства позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. Для этой цели готовился один батальон 331-го полка 98-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. В учебном кинофильме, снятом операторами киностудии Министерства обороны, который подробно освещал ход учений, десантирование каких-либо подразделений не показано. Десантники действовали в общей массе войск, количество которых составляло 45 тысяч человек.

Все участники учений на Тоцком полигоне, которые получили кодовое название «Снежок», давали письменную подписку о неразглашении государственной и военной тайны сроком на двадцать пять лет.

Можно себе представить, каково было положение В. Ф. Маргелова. Вместо отчетливых распоряжений – расплывчатые указания и недомолвки о некоем «секретном оружии» со словами «примерно», «если вдруг» и тому подобное. Даже он, командующий ВДВ, смутно представлял, каковы будут последствия испытаний, о которых в генеральских кулуарах тайком поговаривали: «Это будет почище Хиросимы». Но, побывав в батальоне накануне учения, Маргелов убедился, что гвардейцы времени даром не теряли и превратили участок пустынной местности в показательный укрепрайон с отменно оборудованными траншеями, переходами, блиндажами и капонирами. Увы, индивидуальные средства защиты не отличались оригинальностью – противогаз и плащ-палатка были слабым прикрытием от радиационного излучения.

За день до ядерных испытаний была проведена имитация ядерного взрыва. Огромная пирамида из бочек с горючим в доли секунды взлетела в воздух, и образовался огромный огненный гриб. В день «Х», 14 сентября 1954 года, размеры натурального ядерного гриба потрясали воображение, а световое излучение, предшествовавшее ему, напоминало добрый десяток солнц, внезапно появившихся на небосклоне. Плутониевая бомба, взорванная на высоте около 400 метров, по мощности в несколько раз превосходила те, которые американцы применили в Японии в августе 1945 года. Земля заколебалась, гарь и огненный смерч пронеслись над полигоном. Но прошло полчаса, и укрепленные районы ожили и, как и предполагалось по плану учений,

«восточные» обрушили на «западных» ураганный огонь из всех видов оружия.

Теперь уже не столь важно, когда в обиходе появился термин «подразделения особого риска». Из тех злополучных Тоцких учений все воины-десантники вышли целыми и невредимыми, но вот что стало с их здоровьем? Тут уж ничего командующий ВДВ поделать не мог. Все, что касалось учений в Оренбургской степи, в том числе и доз радиации, полученных солдатами и офицерами, держалось в секрете. Не баловал своими визитами врачей и сам Василий Филиппович. (По некоторым данным, впоследствии жертвами учений стали 43 тысячи человек).

Учения в Белорусском военном округе, проводившиеся спустя менее года после описанных событий, начались с имитации «ядерного гриба». С тех пор пиротехники и инженеры военных округов Советского Союза вели как бы негласное соревнование в убедительности и красочности воспроизведения взрывов. И на этот раз они порадовали своей изобретательностью министра обороны Г. К. Жукова, главкома Сухопутных войск маршала И. С. Конева, командующего ВДВ генерал-лейтенанта В. Ф. Маргелова и командующего Белорусским военным округом маршала С. К. Тимошенко, партийных и советских руководителей Белоруссии. Генерал П. Ф. Павленко в «Слове о командующем» вспоминал:

«Маршал Г. К. Жуков, будучи министром обороны, неоднократно наблюдал за действиями десантников на учениях и выражал удовлетворение их высокой выучкой, восхищался смелостью и отвагой. Те, кто знал Жукова близко, подчеркивают его сдержанность на похвалу в адрес старших начальников. И уж если он говорил, что доволен действиями вверенных им войск, – это воспринималось как высокая оценка. Удостоен был ее и командующий ВДВ».

Борьба за власть в Кремле отодвинула на целый ряд лет решение многих вопросов, связанных с развитием Воздушно-десантных войск, да и обращаться через голову своего непосредственного начальника, каким являлся главком Сухопутных войск маршал Советского Союза И. С. Конев, было не в правилах В. Ф. Маргелова. Об этом времени он однажды образно высказался: «Мы варились в собственном соку. Не пехота, не десант». Доказывать последнее высшим руководителям государства и Вооруженных Сил на учениях – дело хлопотное и трудоемкое. Гораздо надежнее было произвести впечатление на знаменитом Тушинском параде, неизменно проводимом в день Воздушного флота СССР! Праздник этот был установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР еще 28 апреля 1933 года и отмечался в третье воскресенье августа. Грандиозные и

впечатляющие зрелища собирали десятки тысяч людей и неизменно завершались парашютными прыжками. Интересно восстановить хронологию этих торжеств.

18 августа 1933 года состоялся первый Тушинский парад, принимал который член Реввоенсовета СССР А. И. Егоров. На трибуне – председатель Моссовета Н. А. Булганин, секретарь Московского городского комитета партии Н. С. Хрущев, председатель Центрального совета Осоавиахима СССР Р. П. Эйдеман, другие видные гости. В десантной части парада участвовали 62 человека, которые совершили прыжки с гигантского самолета «Правда» (АНТ-14).

Год 1934-й. На аэродроме присутствуют члены ЦК ВКП(б) и главы дипломатических ведомств, командование РККА и ВВС – почти в полном составе. Среди гостей – делегаты 1-го Всесоюзного съезда писателей во главе с А. М. Горьким. Гремит в репродукторах марш «Всё выше и выше!..». Гвоздь программы – затяжной прыжок Афанасьева, инструктора парашютной школы, с высоты 3000 метров. С трех самолетов был выброшен десант из 75 человек.

Год 1935-й. На трибуне к руководителям партии и Советского государства присоединились делегаты VII конгресса Коминтерна. Самолеты изобразили в воздухе слова «СССР» и «Сталин». Сам вождь на празднике отсутствовал. А вот что сообщал о празднике корреспондент «Красной звезды»: «Еще издали было видно, что они (парашюты. – Б. К.) несут на себе овальные ящики. Приземление, ящик раскрылся, и все услышали испуганный визг. И в тот момент мы увидели собаку. Один за другим падали ящики и одна за другой убегали с аэродрома собаки, видимо недовольные своим воздушным крещением…» Самолеты АНТ-14 и ТБ-3 выбросили несколько десятков парашютистов. Глеб Евгеньевич Котельников, наблюдавший с трибуны почетных гостей за этим действом, восторженно сказал: «Парашютный десант – поразительная картина… Я вспоминаю с горечью прошлое: «Отклонить парашют за ненадобностью», «Парашют в авиации – вредная вещь». Какое счастье, что все это ушло, как недобрый сон. То, о чем мог только мечтать, я увидел наяву своими глазами».

Год 1936-й. Авиационный праздник был перенесен на 24 августа «вследствие неблагоприятной погоды». Но стоило заглянуть в сводку Гидрометцентра на 18 августа, и обнаружится – день был солнечный, слегка ветреный. Тучи собирались совсем в ином месте – над Октябрьским залом Дома союзов, где проходил процесс над «участниками объединенного троцкистско-зиновьевского блока». Всего перед судом предстало

16 человек, и все центральные газеты пестрели такими лозунгами: «Никакой пощады презренным врагам народа!», «Мы будем грудью защищать своих вождей!», «Расстрелять злодеев, вырвать с корнем фашистскую заразу». Что и было сделано. Но 24 августа праздник в Тушине состоялся. Представительство партийной и советской верхушки было минимальным. Чего нельзя было сказать о парашютистах. Групповой прыжок совершили 200 человек, 21 из них порадовали зрителей сложным затяжным прыжком и воздушной акробатикой.

Год 1937-й. На этот раз на трибуне почти все Политбюро: И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, Н. И. Ежов, С. М. Буденный. В воздухе на огромных шарах зависли их портреты. Самолеты «выписали» в воздухе слова «ЛЕНИН» и «СТАЛИН». Парашютисты выдали ослепительный «фейерверк» из разноцветных парашютов. Один из корреспондентов так описывал свои впечатления: «Легко колышущиеся купола, весело качаются под ними фигуры отважных парашютистов… Не хочется уходить с аэродрома».

В 1938 году праздник был назван Днем авиации. На правительственной трибуне рядом с И. В. Сталиным стоял прославленный летчик-испытатель, «сталинский сокол» Валерий Чкалов. Десантная часть произвела эффект – 75 парашютистов под командой орденоносца капитана Мошковского приземлились с небольшим отклонением от круга.

1939 год стал рекордным. Как сообщила «Красная звезда», на празднике в Тушине присутствовал один миллион зрителей, которые тепло приветствовали появление на трибуне И. В. Сталина и других руководителей. Впервые в воздух поднялся шестимоторный гигант Л-760, ведомый Героем Советского Союза М. М. Громовым. Порадовали и парашютисты – большинство из них спустились на землю на основных и запасных парашютах.

Год 1940-й. Официальное название праздника – Всесоюзный день авиации. На нем было все: и гигантские портреты вождей, и вычерченные самолетами слова «СТАЛИН» и «СССР», и «воздушный бой». Но «гвоздем программы» стала бомбардировка макета завода, выстроенного в конце аэродрома. В соответствии с задумкой организаторов, противовоздушная оборона завода оказалась подавленной, а сам объект уничтожен. В репродукторе прозвучали слова: «Над нашей советской территорией такое маловероятно». Парашютисты продемонстрировали чудеса акробатики. Капитан Романюк выпрыгнул из самолета, совершавшего вираж, старший лейтенант Сапфиров покинул самолет во время петли, а майор Аминтаев – во время исполнения «бочки». Массовый парашютный десант был

примечателен тем, что все людские парашюты были снабжены прибором братьев Дорониных, автоматически раскрывающим ранец.

Воздушные парады возобновились в первое же послевоенное лето.

18 августа 1946 года отмечалось как День Сталинской авиации. Сам Иосиф Виссарионович наблюдал за головокружительным зрелищем с особым настроением, ощущая себя творцом Великой Победы. А герои страны вытворяли в воздухе такое, что дух захватывало. Когда над пятью едва заметными точками долго не раскрывались парашюты, все застыли в напряженном ожидании. Но затяжной прыжок закончился благополучно, и едва отважные парашютисты приземлились, как небо покрылось сотнями куполов. Выброску десанта возглавлял мировой рекордсмен гвардии полковник Зигаев. Это был его пятьсот тридцатый прыжок. Затем в небе показался огромный дирижабль, на котором сверкало слово «ПОБЕДА».

Год 1947-й. Впервые авиационному празднику предшествовало торжественное собрание, проходившее в военно-инженерной академии имени Н. Е. Жуковского. Сам же праздник состоялся неожиданно рано – 3 августа. Появление генералиссимуса И. В. Сталина было встречено залпами из 100 орудий и мощной овацией. Слово «СТАЛИН» выписали в небе сорок восемь самолетов Ут-2, пятиконечную звезду – тридцать самолетов По-2. Впервые в параде авиационной техники принимал участие вертолет конструкции И. П. Братухина. «Парашютное отделение» вновь стало венцом программы. Впервые в репродукторе зрители услышали слова: «Затяжные прыжки выполняют офицеры-инструкторы парашютно-десантных войск, а в воздухе – воины прославленной гвардейской части».

Это был последний Тушинский парад, на котором присутствовал И. В. Сталин. Ни в 1948-м, ни в 1949 годах Дни авиации не отмечались. Слабым утешением парашютистам стали Всесоюзные соревнования, которые состоялись 27 августа 1950 года. Осоавиахим к тому времени стал именоваться ДОСААФом, и его председатель, генерал-майор авиации Н. П. Каманин под бурные овации зачитал обращение к товарищу Сталину. 1951 год не изменил ситуацию, а в 1952 году Сталин готовил XIX съезд ВКП(б), и в традиционные дни празднования Дня Воздушного флота коммунисты страны обсуждали обновленный Устав партии. 1953 год прошел под знаком траура по вождю, и в силу острой политической борьбы за власть Кремлю было не до устроительства воздушных представлений.

В августе 1954 года традиция проводить всенародный праздник в Тушине, казалось бы, возродилась. Впервые «парашютным отделением» парада руководил командующий Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенант В. Ф. Маргелов, а войска, которые он возглавил несколько месяцев назад, представляли воины 76-й гвардейской Псковской дивизии. Десантирование большой массы людей прошло без сучка и задоринки. Василию Филипповичу пожимали руку Н. С. Хрущев, Г. М. Маленков, А. И. Микоян и другие члены Политбюро, но наиболее дружеским было рукопожатие военного министра Н. А. Булганина.

Позднее в жизни В. Ф. Маргелова было множество праздников и парадов, на которых гвардейцы, усложняя программу, производили на публику неизгладимое впечатление. Но все же память неизменно возвращала Василия Филипповича к его первому параду. Именно тогда большинство собравшихся услышали фамилию «Маргелов», которая затем в течение четверти века неизменно звучала в сочетании с аббревиатурой «ВДВ».

Как самостоятельный праздник День Воздушно-десантных войск зарождался исподволь. В 1960 году в «Красной звезде» от 2 августа появилась большая заметка «Десантник Калоев и его друзья». Герой Советского Союза Г. А. Калоев командовал в то время 350-м гвардейским парашютно-десантным полком, по тогдашним информационным понятиям – «Энским». Рядом с заметкой соседствовало большое фото «В разгаре летняя учеба десантников». Накануне Дня Воздушного флота СССР было опубликовано еще одно фото с подписью «Только что выброшен десант». В тот же день состоялось торжественное собрание, а вот сам праздник пришлось отменить – в Москве шел судебный процесс над летчиком-шпионом Ф. Пауэрсом, сбитым 1 мая над территорией СССР.

Вероятно, 40-летие Воздушно-десантных войск и стало официальной точкой отсчета в праздновании Дня ВДВ, получившего государственный статус только в 2006 году*.

…В июле 1984 года Василий Филиппович Маргелов отвечал на вопросы корреспондента еженедельного издания «Неделя» Ивана Дынина.

«– У вас пятеро сыновей, целый экипаж. Имеют ли они отношение к армии?

– Самое прямое. Старший, Геннадий, генерал, как говорят, наступает отцу на пятки. Виталий – полковник, Александр – полковник, Василий – майор. Только Анатолий не стал военным. Все, кроме него, прыгали с парашютом…»

Сопроводим эти слова своим комментарием. По справедливости, первым десантником среди Маргеловых следует считать Геннадия Васильевича. Будучи суворовцем, он вместе с однокашниками из Тамбова был направлен в июле 1947 года на стажировку в Псков, в 76-ю гвардейскую Черниговскую воздушно-десантную дивизию, где и совершил несколько прыжков с парашютом. Это предопределило его выбор, и после окончания Рязанского пехотного училища Геннадий получил распределение в 37-й гвардейский Свирский воздушно-десантный корпус, которым командовал отец. Вместе с ним в учебный батальон прибыл и сын начальника особого отдела корпуса лейтенант Г. В. Первухин. Их сослуживец А. П. Лушников отмечал: «Это были трудолюбивые, добросовестные и порядочные офицеры. Причем никаких помыслов о привилегированном положении с их стороны не было. Все тяготы и лишения службы нам приходилось переносить вместе…» Геннадий закончил академию имени М. В. Фрунзе, а вот с ВДВ пришлось расстаться. Кому-то в верхах десантная семейственность оказалась не по душе.

Виталий Васильевич едва не догнал отца, став генерал-полковником и заместителем руководителя службы внешней разведки.

Анатолий Васильевич был известным ученым в области информатики и средств коммуникации.

Василий Филиппович умел себя огородить от людей назойливых. Закрыт им был и доступ на служебную дачу во Внукове. Совершенно по-иному у Василия Филипповича складывались отношения с теми, кто, не питая подобострастия, был наделен самостоятельностью и прямотой в суждениях.

Одним из таких людей был заслуженный работник Главного разведывательного управления Генерального штаба Николай Диомидович Румянцев, долгие годы проработавший за границей, а в Великую Отечественную войну сопровождавший морские караваны на Черном море. Вот что он вспоминал:

«Еду на дачу во Внуково и волнуюсь: жалую в гости все-таки к генералу армии, командующему таким престижным родом войск, Герою Советского Союза. Наверняка, думаю, тщеславный мужик. Что я перед ним – какой-то адмиралишко на пенсии. Однако я глубоко ошибался, хотя со мной такое случалось не часто…

Начался “прием” с “маргеловской” ухи. Я наблюдал, как генерал армии кудесничал над казаном, со знанием дела добавлял в уху различные специи, а затем любовно разливал ее по всем тарелкам. Было видно, что создание ухи являлось для него торжественным церемониалом подобно чайной церемонии у японцев. Впервые в жизни я испробовал его традиционный

“напиток ВДВ” собственного приготовления.

Прошло совсем немного времени, и я уже не чувствовал себя “не в своей тарелке”. Он быстро расположил к себе рассказами о захватывающих эпизодах фронтовых лет и послевоенного бытия ВДВ. При этом бросалось в глаза отсутствие у него стремления главенствовать в разговоре – он говорил и умел слушать».

А теперь вообразите. Полутьма каптерки. На столе десантный «закусон»: хлеб, сало, луковицы, полбутылки водки, с трудом добытой в гарнизонном лабазе, алюминиевая кружка, одна на троих. Открывается дверь, и в проеме появляется комкор в кожаной куртке. Немая сцена.

– За что пьете, десантники? – спросил генерал.

– У… У Кольки…

– Что у Кольки?

– День рождения у Кольки, товарищ генерал.

– Ну, Колька, будь здоров! – обратился к новорожденному Маргелов и, вылив в кружку оставшуюся водку, выпил ее залпом. – А теперь шагом марш спать!

Какой уж тут сон! Ждали гвардейцы разноса и наказания. А оно не последовало ни поутру, ни на следующий день. Чуточку приврать, приукрасить рассказ о службе в ВДВ – не особое прегрешение для десантника. Возможно, возвратившись домой, каждый из друзей вспоминал этот забавный эпизод: «Я выпивал с самим командующим», – и никакого вымысла в том не было.

Но возвратимся к уже упомянутому интервью в «Неделе». На вопрос корреспондента: «Какое качество вы, Василий Филиппович, считаете главным в профессии десантника?» Маргелов ответил: «Дерзость. Такую, когда человек готов сражаться против десяти врагов. В обыденной жизни ценю тоже эти качества. Был у меня случай, чуточку смешной. Участвовал я, будучи командиром соединения, в прыжках с парашютом. Приземляюсь, гашу купол и вижу, как в пяти шагах от меня опускается вытяжной парашют. Не сомневаюсь, что это мой, беру его, и в это время на меня буквально налетает солдат, огромный детина. Глаза сверкают: «Не трогай, – кричит, – это мой, я за ним следил с воздуха!» И как рванет у меня парашют из рук. Я едва на ногах удержался. Сначала была мысль догнать нахала и наказать за неуважение к старшему. Потом понял: он не узнал меня. Одеты мы все одинаково: шлем, комбинезон… Потом я построил полк, рассказал, как было дело, и объявил тому десантнику благодарность: «Кто умеет драться за свой парашют, тот и оружие из своих рук не выпустит и за землю свою будет сражаться на совесть».

По рангу командиру воздушно-десантной дивизии или

корпуса полагалось три прыжка в год. В. Ф. Маргелов, желая встать вровень с бывалыми десантниками, совершал в год порой несколько десятков прыжков. Когда об этом «увлечении» и «переборе» прознал Главнокомандующий войсками Дальнего Востока маршал Р. Я. Малиновский, то по старой дружбе пожурил:

– Впредь за разрешением прыгать прошу жаловать ко мне лично. А я у Анны Александровны, супруги твоей, Василий Филиппович, резолюцию буду требовать.

Малиновский был хозяином своего слова и, даже став министром обороны СССР, напоминал Маргелову о данном ему обещании. Когда в 1967 году Родион Яковлевич ушел из жизни, то и вновь назначенный министром обороны А. А. Гречко придерживался в отношении командующего ВДВ строгого правила – прыжок только с его согласия.

В конце 1967 года восторжествовала-таки справедливость, и те нормы вещевого и денежного довольствия, которые имели десантники до 1961 года, то есть до хрущевского сокращения Вооруженных Сил СССР, постановлением Советского правительства были восстановлены. Для офицерского состава это означало – год службы в ВДВ засчитывался за полтора, соответственно сокращались и сроки выплаты денежного вознаграждения за выслугу лет. А это для страны были деньги и притом немалые. Надо ли говорить, что все эти изменения стали возможны только благодаря усилиям, настойчивости, человеческой заботе о своих войсках В. Ф. Маргелова.

В гарнизонах по-прежнему катастрофически не хватало жилья, детских учреждений, школ. Причем во многих военных городках рядом с десантниками соседствовали летчики, ракетчики, танкисты. Если с подчиненностью Воздушно-десантных войск в конце семидесятых годов вопрос был решен однозначно – их «автономное и экстерриториальное» существование приравнивалось к одному из видов Вооруженных Сил СССР, то вопросы материально-технического обеспечения, ремонта казарменных помещений и другие подобные проблемы приходилось решать в соответствующих службах военных округов, на территории которых располагались части и соединения ВДВ. Пойди тут разберись и достучись!

Несуразицы хватало и со снабжением десантников новой формой, введенной приказом министра обороны в июле 1969 года. Гимнастерка, исправно служившая десятилетиями генералу и рядовому, ушла в небытие. Китель и тельняшку должен был дополнить берет. За два года до этого, накануне Дня Воздушного флота СССР, который был посвящен 50-летию Советского

государства, подразделения Воздушно-десантных войск, принимавшие участие в параде, получили малиновые береты. Комбинезон и берет – удобно и практично. Фуражка, которую офицеры затыкали то под резинки запасного парашюта, то в штанину комбинезона, то просто комкали в руках, хороша для парада, а не в поле. Художник по униформе А. Б. Жук представил командующему два варианта: один – берет защитного цвета с красной звездой, другой – малиновый, по цвету погон, с голубым треугольным флажком с эмблемой ВДВ, а спереди – звезда в венке из колосьев. Первый проект В. Ф. Маргелов отверг с порога, а на эскизе второго поставил резолюцию: «Оставить для парадов в Москве». На офицерском берете, того же малинового цвета, должны были красоваться кокарда и летная эмблема (звезда с крыльями). Кадры кинохроники о грандиозном юбилейном военном параде на Красной площади 7 ноября 1967 года свидетельствуют: в 50-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции десантники прошествовали мимо трибуны Мавзолея именно в таких беретах.

Василий Филиппович на многие поступки «десантной вольницы», можно сказать, смотрел сквозь пальцы. Ведь ни для кого не являлось секретом, что гвардейцы-отпускники и уволенные в запас, едва оказывались за порогом частей, как малиновые погоны меняли на голубые, родные, и в военторгах покупали фуражки с голубыми околышами. Более того, после смены вывески на Рязанском пехотном училище на Воздушно-десантное голубые погоны обрели и его курсанты. С введением в форму десантника тельняшки разноцветье берета и голубых полос резало глаз. Подтверждают это и воспоминания В. И. Бурова:

«Строевой смотр в Рязанском десантном училище… Начальник училища «одел» курсантов в комбинезоны, тельняшки и малиновые береты. Строевым шагом проходит одна коробка, за ней – другая. Командующий ВДВ, принимавший смотр, обращается к начальнику училища: «Ты что это мне мухоморов показываешь?!»

Так закончилась эпопея с малиновыми беретами. И так как в Вооруженных Силах СССР берет был в обиходе у морских пехотинцев, десантников, спецназа, в палитре красок немудрено было затеряться.

– А существует ли особый, десантный характер? – вопрошал все тот же корреспондент «Недели».

– Безусловно, – отвечал Маргелов. – У меня даже была попытка в нескольких словах очертить образ крылатого пехотинца. Звучит формулировка примерно так. Десантник – это

концентрированная воля, сильный характер и умение идти на оправданный риск.

Кому-то понадобилось сотворить ни на чем не основанное утверждение, будто бы В. Ф. Маргелов создавал искусственные препятствия на пути кинематографистов и корреспондентов, освещавших ход боевой жизни воздушно-десантных войск. Как известно, в кинофильм «Максим Перепелица» (сценарий И. Стаднюка, режиссер А. Граник, 1955 год) был включен фрагмент десантирования учебного подразделения, в котором оказался главный герой и его земляки. Кинофильм «Прыжок на заре» (режиссер И. Лукинский, сценарий Г. Березко, 1960 год) оказался настолько впечатляющим, что песня, прозвучавшая с экрана, на многие годы стала гимном десантников.

Тверже шаг, ребята!
По земле советской мы идем.
В десанте служим мы крылатом,
А здесь нельзя не быть орлом.

Припев:
Нам, парашютистам,
Привольно на небе чистом,
Лихи ребята на подъем,
Задирам мы совет даем, –
Шутить не следует с огнем.

Служба не простая,
Но десантнику везде почет, –
Как ангел с неба он слетает,
Зато дерется он как черт.

Припев.

Да, народ мы ловкий,
И когда людей пошлют на Марс,
С учетом нашей подготовки,
Возьмут без очереди нас.

Припев.

В титрах кинофильма «В зоне особого внимания» (сценарий Е. Месяцева, режиссер А. Малюков, 1977 год) фамилия командующего ВДВ не значится. Однако, по воспоминаниям участников, Василий Филиппович был его душой.

– Сделайте кинофильм ярким, необходимым для тех, кто о десантной службе понятия не имеет. Чтобы парни не по подъездам и кабакам шатались, а имели перед собой пример службы Отечеству и подлинно мужской дружбы и чтобы парней этих любили самые красивые девушки.

Едва фильм прошел по стране, как конкурс в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, и прежде высокий, вырос до 20 человек на место.

Мы хорошо помним слова Василия Филипповича об «оправданном риске», а между тем сам командующий ВДВ иногда пренебрегал сказанным и удостаивался «чести» выслушать внушения из уст министра обороны. Один из таких случаев описывает бывший начальник отдела кадров 37-го гвардейского корпуса Х. Ш. Таминдаров:

«В 1953 году в 98-й воздушно-десантной дивизии произошло ЧП. Солдат Сидоров (настоящую фамилию не помню) обиделся на своего командира роты, который обещал за хорошую службу предоставить отпуск, но не дал его. В карауле солдат изрядно выпил, а когда наступило время смены, то не подпустил к себе разводящего, выкрикивал угрозу: “Зови сюда ротного! Убью его к… матери!”

Командир роты, убедившись, что солдат не шутит, испугался и убежал. Командир батальона приказал солдату положить автомат на землю и подойти к нему. Сидоров по-прежнему никого не подпускал: “Не подходите, я – часовой на посту, а не то убью!” Подошел командир полка подполковник Власов, но солдат не подчинился и ему. Подъехал командир дивизии полковник Мороз – Сидоров не подпустил также и его… Командир дивизии позвонил командиру корпуса генералу Маргелову, доложил о происшествии и попросил разрешения “во избежание ненужных жертв применить по солдату оружие на поражение”. Комкор приказал: “Не стрелять. Ждать меня!”…

– Таминдаров, зайди ко мне, выезжаем в 299-й полк – там ЧП.

Пьяный часовой спрятался и не подпускал к себе никого, повторяя угрозы застрелить любого, кто к нему приблизится. Солдаты залегли кольцом вокруг поста, готовые открыть огонь…

Приблизившись к солдату метров на двадцать, генерал Маргелов спросил: “Знаете ли вы меня?” Солдат ответил утвердительно: “Да, знаю, вы командир корпуса…”

– Положи автомат и подойди ко мне. Однако солдат срывающимся голосом ответил:

– Лучше не подходите, могу убить!

После того как эти драматические события миновали, Василий Филиппович рассказал:

– Когда гвардеец сказал, что он знает меня, я смекнул – психика его не нарушена, и продолжал идти на него, приговаривая:

– Слушай, солдат! Даю тебе честное генеральское слово, если отдашь мне автомат, судить тебя не буду!

– Товарищ генерал! Не подходите, застрелю!

– Ах ты, гад, стреляй в своего генерала! Меня фашисты расстреливали четыре раза и не убили! А ты, засранец, хочешь убить… Положи автомат и подходи ко мне! Я тебя не дам в обиду.

Несколько позднее в карточке поощрений и взысканий комкора В. Ф. Маргелова появится запись: “Выговор за безрассудную храбрость”. Взыскание объявлено Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским. “Безрассудная пуля”, по выражению Главкома войск Дальнего Востока, под которую не следовало подставлять голову, действительно могла стать роковой. Но, к счастью, все обошлось.

Далее на глазах десятков людей, находившихся продолжительное время в неимоверном напряжении, гвардеец вышел из-за укрытия, положил автомат на землю и сделал несколько шагов навстречу Маргелову. Генерал обнял его, посадил рядом на бревно, раскрыл портсигар, и оба молча закурили.

– А теперь иди и садись в мою машину, поедем в штаб корпуса.

После небольшого совета, на котором, кроме Маргелова, присутствовали начальник политотдела корпуса полковник Аксененко, Таминдаров и командир инженерно-саперного батальона, было решено определить проштрафившегося солдата в эту часть. Однако впервые слово комкора оказалось несостоятельным – в дело вмешался начальник контрразведки дивизии, который доложил о ЧП в Хабаровск. Шифровка, пришедшая из штаба округа, обескураживала – солдата немедля арестовать и судить судом военного трибунала “за открытое неподчинение командиру”».

В. Ф. Маргелову пришлось изрядно поломать голову над тем, как сохранить в глазах своего солдата репутацию. Скрывать ЧП, каким бы оно громким ни было, не в его правилах. А вот досконально докопаться до причины проступка и сделать выводы – неизменное требование, от которого В. Ф. Маргелов не отступал ни на шаг. Пришлось подчиниться приказу. Как бы в свое оправдание перед солдатом, Маргелов сказал:

– Вас будут судить, но я буду настаивать, чтобы вас не посадили в тюрьму, а направили в дисциплинарный батальон.

Осенью 1953 года В. Ф. Маргелов попросил у командарма отпуск и, забрав семью, отправился на вокзал, который был, как говорится, под самым боком, недалеко от дома, где жили Маргеловы. Поезда в то время на станциях стояли подолгу. Генерал расположился в купе по-домашнему, надел пижаму, тапочки и вышел на перрон. Покуривая папиросу, он задержал взгляд на солдате в форме, но без погон. Преодолев робость, солдат подошел к Маргелову.

– Товарищ генерал, разрешите обратиться? Я – тот самый Сидоров, которого вы спасли от тюрьмы, а может, от глупой смерти.

– Сынок, вот уж не думал, что еще раз увижу тебя. Куда направляешься? Есть ли у тебя деньги на дорогу?

Солдат стал отказываться от денег и поведал, что, отбыв в дисбате шесть месяцев, он был уволен в запас, приобретя неплохой опыт работы на стройке, что дома он непременно будет продолжать учебу. Прервал разговор длинный гудок паровоза. Солдат прыгнул на подножку и долго, стоя в тамбуре, махал Маргелову рукой.

Василий Филиппович бывал порой резким, но никогда – жестоким. Без обиняков корил людей инертных, безынициативных, не проявляющих заботу о солдате. В послевоенные годы командирские поощрительные фонды были скудны и создавались порой в складчину. Но скромные подарки: портсигар, бритвенный набор, кожаный ремень со сверкающей бляхой, врученные комдивом, а затем и комкором В. Ф. Маргеловым за достижения в стрельбе, за первенство в спорте, за мужество, проявленное в ходе учений, – воистину были бесценны и хранились как реликвии, переживая порой их владельцев. Получить в награду от командующего ВДВ командирские часы считалось верхом счастья, вызывающего чувство гордости за принадлежность к «войскам дяди Васи».

В одном из жизненных эпизодов Маргелов оказался без вины виноватым. А дело обстояло так. Как известно, с пьянством на Руси боролись и цари, и генеральные секретари, да вот результата особого не было ни у тех, ни у других. Командующий ВДВ ханжой не был, но «употреблял» в меру, к чему фарс! Но и под белые ручки его никто и никогда из-за стола не выводил. Василий Филиппович не отказывался посидеть за столом с боевыми друзьями. Он мог запросто приехать на торжество, на юбилей, на вручение наград, не требуя для себя почестей и персонального внимания.

С. М. Золотов вспоминает: «Его (Маргелова. – Á. Е.) простота, грубость и, как считали некоторые, даже «вульгарность» не

только не оскорбляли подчиненных, а, наоборот, импонировали им… Как известно, у сильных людей бывает много врагов и завистников. Не был исключением и командующий Маргелов…»

В конце 1958 года Закавказский военный округ подвергся комплексной проверке Главной инспекцией Министерства обороны. Поскольку в Кировабаде располагалась 104-я дивизия, которой в то время командовал генерал-майор Ю. М. Потапов, то и она была включена в план проверки и, благополучно отчитавшись по всем показателям боевой и политической подготовки, получила от командующего ВДВ твердую оценку «хорошо». Целых десять дней не смолкали выстрелы на полигонах, натружено гудели моторы самолетов, совершавших выброски десантников на ротные учения с боевой стрельбой. Гвардейцы, не робея перед проверяющими из Главного политического управления, четко отвечали на политзанятиях об успехах страны и миролюбивой политики КПСС. Настало время прощаться.

Но надо знать обычаи Азербайджана. Отправить гостей из Москвы в обратный путь несолоно хлебавши – разве такое допустимо?! Кавказское гостеприимство било через край – стол ломился от традиционных азербайджанских блюд, звучали бокалы с вином, произносились тосты. Василий Филиппович был душой застолья, где кроме его подчиненных присутствовали руководители предприятий, которые шефствовали над десантными полками, представители местных советских органов. Слова о дружбе народов были искренними, душевными, лишенными фальши. Звучали и любимые всеми песни. Однако кто-то состряпал анонимку, красочно описав дружеское застолье как «коллективную попойку» и назвав в качестве ее главного закоперщика генерала В. Ф. Маргелова. За командующего ВДВ попытался вступиться полковник С. М. Золотов. Увы, все его доводы о том, что в анонимке – ложь и клевета, направленные на подрыв авторитета генерала Маргелова, не возымели воздействия на партийных чиновников из отдела административных органов ЦК КПСС. Конечно, попади этот пасквиль на стол к тогдашнему министру обороны СССР маршалу Р. Я. Малиновскому, угодил бы он в мусорную корзину. Увы, Василию Филипповичу влепили «строгача» с занесением в учетную карточку члена КПСС с формулировкой «За несоблюдение норм коммунистической морали и ослабление контроля за подчиненными».

«Живут же люди с язвой в желудке, – отшучивался командующий, – больно, тошнит порой, однако терпимо, а тут выговор. Как дали, так и снимут».

Но за строгим выговором по партийной линии последовал

очередной удар. В. Ф. Маргелову претила пагубная привычка политработников раздувать даже незначительное ЧП до вселенского масштаба. Но самой неприглядной чертой некоторых «политических бойцов», получивших чрезмерную свободу действий после известного постановления ЦК об усилении роли КПСС в армии, стало их неуемное стремление опередить командиров в докладах о ЧП по инстанции.

Маргелов узнал о случившемся в артполку 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, когда солдаты-насильники уже находились под следствием. Грозный приказ министра обороны об упущениях в воспитательной работе в Воздушно-десантных войсках гласил: «Младших командиров разжаловать до рядовых, командира батареи, комдивизиона, командира полка с должностей снять». Такая же участь постигла и комдива генерал-майора А. А. Евдана. Как удалось выяснить Маргелову, информация о совершенном преступлении самому министру обороны поступила из Главпура, находившегося в прямом подчинении ЦК КПСС.

Такое стечение обстоятельств не могло не сказаться и на судьбе командующего ВДВ, относительно которого также имелась твердая установка ЦК – взгреть по первое число, чтобы другим было неповадно.

Р. Я. Малиновский был человеком многоопытным и перечить «рекомендациям» ЦК не стал. Но творить расправу над заслуженным военачальником, с которым и на фронте, и в мирное время съел, как говорится, пуд соли, рука не поднялась. Маршал много передумал, прежде чем принял «соломоново решение». Положение о прохождении воинской службы офицерами и генералами Советской Армии предусматривало такую меру наказания, как понижение в должности на одну ступень. Вопрос, кем заменить Маргелова на посту командующего, был далеко не прост. Назначение на эту должность одного из его заместителей могло создать конфликтную ситуацию, которая, несомненно! сказалась бы на ходе дел в войсках. Малиновский остановил свой выбор на человеке «со стороны», генерал-полковнике Иване Васильевиче Тутаринове, закончившем войну командиром стрелкового корпуса и некогда служившем в Воздушно-десантных войсках.

14 марта 1959 года бывший командующий ВДВ Герой Советского Союза генерал-лейтенант В. Ф. Маргелов стал первым заместителем у генерал-полковника И. В. Тутаринова, назначенного командующим Воздушно-десантными войсками.

Министр обороны прекрасно сознавал, что с ходу потянуть лямку командующего войсками, к которым приковано постоянное

внимание власть предержащих, – задача не из простых, и потому упросил Маргелова и Тутаринова найти поскорее между собой общий язык. С. М. Золотов, к воспоминаниям которого мы уже не раз обращались, сделал следующее заключение: «Новым командующим ВДВ стал генерал-полковник Тутаринов Иван Васильевич… не десантник ни по службе, ни по своему характеру. Он отличался от прежнего командующего как небо и земля. Как оказалось впоследствии, это было не лучшее решение для Воздушно-десантных войск».

Последняя фраза весьма спорна. Во-первых, Маргелов, сменив свой кабинет на соседний, войска не покидал, во-вторых, опала не могла длиться вечно – для следующей аттестации отводился определенный срок, и в-третьих, по прошествии времени стала ясна мысль министра обороны – с самого начала Родион Яковлевич Малиновский рассматривал призвание в ВДВ генерала из Сухопутных войск как временное. Так оно и случилось.

Был ли удручен своим новым положением Василий Филиппович и сказалось ли понижение на отношение к службе?

Понимал ли И. В. Тутаринов, что взвалил на плечи непосильный груз и что без поддержки своего заместителя добиться реальных результатов и движения вперед не удастся? К чести командующего и заместителя, их отношения обрели деловой и конструктивный характер – вопросы повышения боеготовности ВДВ не пострадали.

Генерал-полковник И. В. Тутаринов командовал Воздушно-десантными войсками два года, четыре месяца и семь дней. Решением Совета Министров и приказом министра обороны он был назначен командующим Уральским военным округом. Ровно такой же срок пребывал в должности и первый заместитель командующего генерал-лейтенант В. Ф. Маргелов, который после этого вновь обосновался в своем просторном кабинете и, как показало время, на долгие годы.

В. Ф. Маргелов не мог существовать вне своего времени – времени «социализма, победившего окончательно и бесповоротно», времени «социализма развитого, с человеческим лицом», времени фантастических лозунгов, утверждавших: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», времени двух Конституций СССР – сталинской и брежневской, закрепивших законодательно руководящую и направляющую роль Коммунистической партии Советского Союза в жизни государства и общества.

Утратив на сравнительно небольшой период беспредельный контроль за Вооруженными Силами СССР, когда их возглавлял четырежды Герой Советского Союза маршал Г. К. Жуков,

Центральный комитет КПСС принялся деятельно укреплять идеологическую вертикаль. В этой связи юбилейные торжества, посвященные столетию со дня рождения основателя Советского государства В. И. Ленина, стоят в особом ряду. О состоянии дел в Воздушно-десантных войсках в тот период времени мы можем судить по статье В. Ф. Маргелова «Годы возмужания крылатой гвардии», опубликованной в журнале «Коммунист Вооруженных Сил» (№ 14, 1970 г.). Полагая, что редакция журнала вряд ли расщедрится на дополнительные материалы о ВДВ в году, юбилейном и для Воздушно-десантных войск, Василий Филиппович умело использовал представившуюся возможность – ведь подписчиками журнала являлись все без исключения армейские коммунисты. Обращаясь к многотысячной аудитории, Маргелов предпослал статье подзаголовок-посвящение: «К 40-летию воздушнодесантных[46] войск».

ГОДЫ ВОЗМУЖАНИЯ КРЫЛАТОЙ ГВАРДИИ

Столетие со дня рождения В. И. Ленина трудящиеся нашей страны ознаменовали новыми победами на всех фронтах коммунистического строительства. Маневры «Двина» и «Океан» стали боевым отчетом советских Вооруженных Сил Коммунистической партии правительству и родному народу в честь ленинского юбилея и 25-летия победы в Великой Отечественной войне. В общевойсковых маневрах «Двина» участвовали и наши Воздушно-десантные войска.

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко дал высокую оценку действиям крылатых гвардейцев. Все участвовавшие в маневрах воины-десантники награждены юбилейной медалью «За воинскую доблесть». В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина дивизия удостоена Ленинской юбилейной почетной грамоты.

Коммунистическая партия неустанно заботилась о становлении и развитии нового рода войск. Одновременно с созданием парашютно-десантных частей и соединений была развернута научно-исследовательская работа, проводились смелые эксперименты, в ходе которых совершенствовались техника, оружие воздушных десантов. По зову партии ряды бойцов-парашютистов пополняли коммунисты и

комсомольцы.

Четверть века прошло с тех пор, как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. Советский народ и его Вооруженные Силы отразили натиск империалистов, отстояли свое социалистическое государство. Итоги Второй мировой войны – суровый урок всем тем, кто хотел бы «переиграть» битвы XX века, отбросить социализм с достигнутых им высот развития и мирового влияния.

Но правящие круги капиталистических стран, прежде всего США, не хотят расставаться с планами военного уничтожения Советского Союза и всего социалистического лагеря, не оставляют надежд силой оружия задушить освободительное движение народов. Об этом свидетельствуют факты. Многие годы ведут американские империалисты грязную войну против вьетнамского народа. А ныне пожар этой войны охватил весь Индокитайский полуостров. Льется кровь безвинных детей, женщин и стариков Камбоджи, Лаоса. Полыхает пожар войны на Ближнем Востоке. Подстрекаемые Вашингтоном израильские сионисты бомбят мирные города, школы и больницы арабских государств. Неспокойно и в центре Европы, где уже дважды на протяжении этого века начинались мировые войны. Битые гитлеровские генералы не смирились с сокрушительным поражением в минувшей войне и вынашивают бредовые планы реванша. А правительство ФРГ попустительствует возрождающемуся неонацизму.

Однако империалисты уже не в состоянии по своему усмотрению вершить судьбы народов – быть или не быть войне. На страже мирного труда нашего народа, строящего коммунизм, на страже всего социалистического лагеря плечом к плечу с братскими армиями стоят могучие Советская Армия и Военно-морской флот.

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют заботу о гармоничном развитии всех видов Вооруженных Сил и родов войск. Эту отеческую заботу партии, ее ленинского Центрального Комитета постоянно ощущаем и мы, воины-десантники. Научно-техническая революция, развернувшаяся в послевоенные годы, привела к коренным преобразованиям в нашей армии и на флоте, которые, естественно, коснулись и Воздушно-десантных

войск. Крылатая гвардия выросла, возмужала, стала совершенно иной, не похожей на ту, что была в годы Великой Отечественной войны. Окрепли крылья воздушного десанта: усилиями советских авиаконструкторов, золотыми руками рабочего класса созданы прекрасные военно-транспортные самолеты, способные в короткие сроки и на большие расстояния доставлять целые соединения крылатой гвардии.

Существенным образом изменились и техническое оснащение, вооружение десантников. Ныне в воздушном десанте – пушки и минометы, самоходно-артиллерийские установки и другая тяжелая боевая техника. В связи с этим возросли огневая мощь и боевые возможности воздушно-десантных частей и соединений.

Но, конечно, главная наша сила – это люди, замечательные советские патриоты, беспредельно преданные делу Коммунистической партии солдаты, сержанты, офицеры, и генералы, горячо влюбленные в свою военную профессию. Среди воинов-десантников более 85 процентов – коммунисты и комсомольцы. 29 процентов офицеров имеют высшее общее или специальное образование. За отличные показатели в боевой и политической подготовке и освоение новой техники тысячи воинов-десантников в послевоенные годы награждены орденами и медалями.

Одновременно с техническим оснащением Воздушно-десантных войск совершенствуются их организация, способы и методы применения. В современной войне воздушные десанты способны решать разнообразные боевые задачи, в том числе и стратегические, как во взаимодействии с войсками, наступающими с фронта, так и самостоятельно.

Понятно, что успех действий в глубоком тылу противника зависит от уровня боевой выучки десантников, их морально-политических и боевых качеств, от слаженности частей и подразделений. Поэтому в ходе боевой и политической подготовки командиры, политработники, партийные и комсомольские организации добиваются, чтобы каждый солдат, сержант и офицер стал мастером военного дела, физически крепким и выносливым, способным перенести все тяготы современного боя и победить врага. У воинов воспитываются беззаветная преданность Советской Родине, великому делу Коммунистической партии,

готовность в любую минуту по зову партии и правительства выступить на защиту Отечества и других стран социалистического лагеря.

Сейчас в разгаре лето. В Воздушно-десантных войсках идет напряженная боевая и политическая учеба. В нынешнем году она освещена ярким светом ленинского юбилея. Широко развернуто социалистическое соревнование. Дух состязательности пронизывает каждое занятие в поле, в классе, любой выход на стрельбище и на аэродром.

Умелая организация юбилейного соревнования, высококачественное проведение занятий с полным охватом личного состава, использование каждой минуты в интересах боевой и политической подготовки обеспечили высокие результаты. В итоге зимнего периода обучения накануне ленинского юбилея значительных успехов добились части и подразделения, которыми командуют офицеры Н. А. Макаров, Л. М. Красный, В. Ф. Аладьев и другие.

Достижению этих успехов во многом способствовала целеустремленная и непрерывная партийно-политическая работа. Наши офицеры научились постоянно влиять на солдат и сержантов, поднимать их боевой дух, мобилизовывать на успешное решение задач в любой, самой сложной обстановке.

Мы не довольствуемся достигнутыми результатами. Партия учит нас непременно идти вперед, неустанно добиваться большего. Тем более что еще не все задачи нами решены. Бывают еще на учениях случаи, когда отдельные подразделения медленно собираются после десантирования. Важной проблемой для нас остается обеспечение непрерывного и гибкого управления воздушным десантом на всех этапах его действий.

Сложна ныне подготовка воина-десантника. Важное место в ней, естественно, занимает специальная подготовка. Командиры, политработники учат солдат и сержантов в совершенстве владеть парашютом, совершать со скоростных военно-транспортных самолетов прыжки днем и ночью, на лес и другие препятствия, на незнакомую местность.

Путь в небо начинается на земле. У нас в войсках создана хорошая учебно-материальная база, оснащенная парашютными тренажерами, горками, лопингами, ренскими колесами, различными макетами и

приспособлениями, что позволяет тщательно отработать каждый элемент прыжка. И для всех воинов-десантников, как солдат, сержантов, так и офицеров, стало непреложным законом начинать подготовку к каждому прыжку в парашютном городке. В центре внимания командиров и политработников, партийных и комсомольских организаций постоянно находится полевая выучка воинов. Офицеры настойчиво формируют у подчиненных высокие морально-политические и боевые качества, обучают десантников умело бороться с танками и другими бронированными машинами противника, с его зажигательными средствами и низко летящими самолетами. Морально-психологическая закалка воинов совершенствуется в ходе прыжков с парашютом, обкатки танками, метания ручных боевых гранат и т. д.

Десантнику не обойтись без высокой физической закалки. Специальная полоса препятствий, которая имеется в каждой части, дает возможность выработать силу и ловкость, находчивость и отвагу, умение преодолевать любые преграды, которые могут встретиться на поле боя. Кроме того, десантники осваивают приемы самбо, акробатику…

Сложные задачи боевой и политической подготовки могут быть решены успешно лишь при условии постоянного укрепления воинской дисциплины, улучшения службы войск. Строжайшая организованность и нерушимый уставной порядок, исполнительность всех солдат, сержантов и офицеров – вот та основа, на которой зиждется боевая готовность войск. А боеготовность Воздушно-десантных войск должна быть постоянной. Помня об этом, командиры, политработники, партийные и комсомольские организации частей и подразделений неустанно борются за высокие показатели в боевой и политической подготовке, за крепкую воинскую дисциплину, организованность и порядок в своих рядах. И, как всегда, образцы ревностного выполнения воинского долга показывают коммунисты и комсомольцы. Они проявляют разумную инициативу и творческий почин в решении всех вопросов, связанных с совершенствованием боевой готовности своих частей и подразделений, личным примером увлекают сослуживцев к новым успехам в ратном труде.

Воодушевленные грандиозными успехами советского народа в коммунистическом строительстве, воины-десантники, как и весь личный состав наших доблестных Вооруженных Сил, готовятся достойными делами ознаменовать предстоящий XXIV съезд родной партии. Беззаветно преданные Родине, наши солдаты, сержанты и офицеры всегда готовы по первому зову партии и правительства выступить на защиту своего социалистического Отечества.

В. Маргелов

Когда Воздушно-десантные войска стали подчиняться Верховному главнокомандующему и были приравнены к виду Вооруженных Сил, которые писались с заглавной буквы (например: «Ракетные войска стратегического назначения»), В ЦК КПСС было принято решение о присвоении командующему ВДВ воинского звания «генерал армии».

Однажды Василий Филиппович находился в кабинете и незлобиво распекал полковника М. И. Борисова. Он-то и описал это событие:

«Раздался звонок по “вертушке”. Слышно было, как кто-то поздравлял Василия Филипповича с присвоением звания “полного генерала”. Затем в трубке прозвучали пожелания здоровья, дальнейших успехов в службе, и разговор оборвался. Надо было видеть выражение лица Маргелова в то время.

– Неудачный розыгрыш, – наконец произнес командующий.

– Мне показалось, что говорил с вами сам генсек.

– Показалось, показалось… Креститься надобно. – Маргелов никак не мог поверить в услышанное, так как никому из командующих ВДВ ранее такое высокое звание не присваивалось.

Раздался очередной звонок по вертушке. Теперь уже звонил Гречко, который сказал, что он присоединяется к поздравлениям генсека…»

В том же 1968 году произошел забавный эпизод, участниками которого были Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, командующий ВДВ генерал армии В. Ф. Маргелов и командир учебного полка 44-й дивизии майор В. С. Краев. А дело было так. Одного из самых молодых командиров частей в ВДВ майора В. С. Краева заприметил «главный комиссар» Вооруженных Сил СССР генерал армии А. А. Епишев.

В. С. Краеву шел в ту пору тридцать первый год. Он был отобран в число кандидатов, которым предстояло огласить текст приветствия Вооруженных Сил на торжественном Пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию образования Ленинского

комсомола. Местом проведения Пленума был избран Кремлевский дворец съездов. После нескольких «прогонов» зачитки приветствия и церемонии вручения подарков Л. И. Брежневу, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному, Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину, первому секретарю ЦК ВЛКСМ А. И. Камшалову кандидатуры остальных офицеров отпали, и В. С. Краеву пришлось докладывать о достижениях Вооруженных Сил не только высшему руководству комсомола, партии и правительства, но и всей стране. Прямая телевизионная трансляция осуществлялась по каналам «Евровидения» и «Интервидения».

В. Ф. Маргелов находился в зале и откровенно переживал за молодого офицера. Сам Краев потом отмечал: «Василий Филиппович Маргелов, пожалуй, первым в советских Вооруженных Силах стал без колебаний доверять ответственные должности в войсках молодым офицерам, преодолевал кадровую рутину, борясь с протекционизмом и беря на себя ответственность за принимаемые смелые и даже рискованные кадровые решения».

И вот зазвучали фанфары, ударили барабаны, грянул торжественный марш и в зал Дворца съездов с боевыми знаменами видов Вооруженных Сил вошли воины парадного Кремлевского полка. В. С. Краев без запинки прочел текст приветствия, под бурные аплодисменты подошел к столу Президиума и, как было отработано на репетиции, вручил папку с рапортом председательствующему, секретарю ЦК ВЛКСМ А. И. Камшалову. На кадрах кинохроники, запечатлевших этот момент, отчетливо видно – Л. И. Брежнев протягивает руки, чтобы взять папку. Мгновение растерянности, недоумение, сведенные к переносице могучие брови… Одним словом, конфуз, который некоторым образом сгладила церемония вручения моделей кораблей, ракет, самолетов и других подарков.

В перерыве командующий ВДВ подозвал к себе Краева.

– Ты почему поставил в неловкое положение генсека?

– Я был строго предупрежден – адрес Камшалову.

– Наплевать на это НКВД, надо было ориентироваться по ситуации. Ведь ты же десантник, где твоя находчивость?

– Я – военный, а не дипломат.

– Пожалуй, ты прав. Мало ли что взбредет в голову этим вождям.

Ввод советских войск в Афганистан, осуществленный руководством Советского Союза 24 декабря 1979 года, – подтверждение слов Василия Филипповича Маргелова. Увы, ничем повлиять на ход событий он уже не мог. Отпраздновав свое

семидесятилетие, командующий ВДВ был зачислен в штат Генеральной инспекции при Министерстве обороны СССР, возглавлял которую Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян.

В начале 1979 года в жизни Воздушно-десантных войск произошло событие, которое не оставило равнодушным В. Ф. Маргелова, – прекратила свое существование 105-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, в просторечии – Ферганская. Тогдашний министр обороны маршал Д. Ф. Устинов поддержал идею командующих нескольких округов о создании десантно-штурмовых бригад, подразделений спецназа окружного подчинения и десантно-штурмовых батальонов в танковых и общевойсковых армиях. Хотелось, как лучше. Получилось же следующее. Отменные стрельбища, учебные центры, парашютные городки, создававшиеся годами, были брошены на произвол судьбы. Личный состав Ферганской дивизии, имевший профессиональную подготовку для ведения боевых действий в условиях гор и пустыни, передавался в центральные округа, и лишь 345-й отдельный парашютно-десантный полк не затронули преобразования. Однако это было слабым утешением для Маргелова.

Мог ли он молчать? Конечно, нет! Его преемник на посту командующего ВДВ, генерал Д. С. Сухоруков, оказался неспособным противостоять опрометчивому решению верхов: «Против ветра, мол, не попрешь!» – а Василий Филиппович попер-таки. В его письме о недопустимости расформирования одной из самых боеспособных дивизий ВДВ, под которым, к слову, поставил свою подпись и И. Х. Баграмян, сквозила боль, утверждалась ошибочность такого решения. Но к авторитетному мнению бывшего командующего Воздушно-десантными войсками и прославленного маршала не прислушались. В песчаные пустыни и горы Афганистана была направлена 103-я гвардейская воздушно-десантная (Витебская) дивизия (командир – генерал-майор И. Ф. Рябченко) – соединение заслуженное, однако не подготовленное к действиям в таких условиях. Немало было пролито пота и крови, прежде чем десантники освоились. И только 345-му отдельному парашютно-десантному полку (командир – Ю. В. Кузнецов, впоследствии Герой Советского Союза) не понадобилось долго обживаться. Обстановка для гвардейцев была привычной, и все, даже самые сложные задачи, полк выполнил успешно.

«Вот отпраздную пятидесятилетие Воздушно-десантных войск, и тогда отправлюсь на покой», – рассуждал В. Ф. Маргелов. Высший начальствующий состав в звании не ниже генерала

армии, как мы уже сказали, зачислялся в штат генеральных инспекторов Минобороны СССР. Василию Филипповичу был предоставлен отдельный кабинет, машина и должность куратора Воздушно-десантных войск. Однако все свои выезды в соединения В. Ф. Маргелов должен был согласовывать с непосредственным начальником маршалом И. Х. Баграмяном и с командующим ВДВ генерал-полковником Д. С. Сухоруковым.

50-летие Воздушно-десантных войск отмечалось скромно. 2 августа 1980 года прошло торжественное собрание в Центральном доме Советской Армии. Небольшой президиум: кто-то из ЦК КПСС, начальник Генерального штаба маршал Н. В. Огарков, космонавт А. В. Филипченко, оба командующих ВДВ – бывший и действующий, несколько солдат и офицеров – отличников боевой подготовки. Ни наград, ни адресов от общественности, ни воспоминаний ветеранов ВДВ, а ведь им было чем поделиться. И полнейшее умолчание о десантниках, воюющих в Афганистане. Обратимся опять к воспоминаниям В. С. Краева, который к тому времени был генерал-майором:

«Заседание открыл не то начальник политуправления ВДВ генерал Близнюк, не то его заместитель полковник Смирнов. Затем слово для доклада было предоставлено Д. С. Сухорукову. В сорокаминутном докладе Дмитрий Семенович только один раз упомянул фамилию Василия Филипповича Маргелова, и то при перечислении других командующих, которые были до него. Причем не отметил, что из 50 лет существования ВДВ около 25 лет ими командовал генерал Маргелов, что именно он их практически возродил после упадка в середине 50-х годов, перевооружил, поднял их престиж и авторитет не только в Советской Армии, но и в мировых военных кругах, сделав их элитой Вооруженных Сил. К сожалению, таких слов зал не услышал. Если бы Сухорукое, назвав фамилию В. Ф. Маргелова, добавил хотя бы два-три слова, характеризующие вклад Василия Филипповича в становление и развитие ВДВ, я уверен, весь зал стоя устроил бы овацию… Но видно, этого устроители торжественного вечера больше всего и боялись».

Командующий ВДВ генерал-полковник Д. С. Сухоруков завершил доклад, после которого зазвучал гимн СССР. Это значило, что речей и поздравлений больше не будет. Собравшиеся в недоумении выходили из зала. Имевшие на руках особые билеты с пометкой «Приглашаем на товарищеский ужин» потянулись к залу, где были накрыты столы. Маршал Н. В. Огарков подошел к В. Ф. Маргелову, намереваясь взять его под руку, и услышал такие слова: «Я сегодня не вполне здоров, товарищ маршал». Огарков выразил сожаление, пожал Маргелову

на прощание руку, произнес несколько дежурных фраз. Василий Филиппович спустился со сцены в опустевший зал, направился к выходу. К нему подошел генерал В. С. Краев:

– А ты как здесь оказался? – удивился Маргелов. – Я слышал, что ты уже в Забайкалье.

– На новом месте службы мне приказано быть 5 августа. Завтра лечу в «Семерку».

– Не буду нарушать твоих планов, хотя, может, все-таки заглянешь ко мне на дачу?

– Меня ждут в Каунасе.

– Правильно, лети в родную дивизию. Ну, а теперь проводи меня хотя бы до машины…

Безусловно, горестно было расставаться Василию Филипповичу Маргелову с войсками, которым было отдано четверть века. Но ведь он оставил в наследство не разбитое корыто, не пресловутый воз из известной басни, который тянут в разные стороны, а один из самых боеспособных родов войск в Вооруженных Силах СССР. Трудно отыскать пример, подобный этому, – ни за одним из командующих видов Вооруженных Сил СССР агентурная разведка стран НАТО не следила столь пристально, как за Маргеловым. Стоило, например, генералу армии внезапно исчезнуть из Москвы, как вражьи радиоголоса поднимали неимоверный шум: дескать, в недрах Матросской Тишины (там находится штаб ВДВ) что-то готовится и надо быть готовыми к любым происками.

В Воздушно-десантных войсках не было ни одного гарнизона, в котором бы не побывал В. Ф. Маргелов. И все же один из них с особой силой притягивал Василия Филипповича. Гарнизон этот располагался в Белоруссии, в Полоцком районе на железнодорожной станции Боровуха-1, названной в шутку «столицей ВДВ». В «столице» размещались 350-й и 357-й полки 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, ремонтный батальон, а невдалеке – авиационная эскадрилья самолетов Ан-2, носившая не менее шутливое название, чем сам гарнизон, – «Летучая мышь». Не проходило ни одного учения Краснознаменного Белорусского военного округа без непременного участия «боровухинских» полков. И совсем не случайно, что одно из первых десантирований БМД-1 с полным экипажем было проведено в августе 1974 года на полигоне в Боровухе. На это показательное десантирование в «столицу» ВДВ прибыли министр обороны СССР маршал А. А. Гречко и начальник Главного политического управления Советской Армии генерал армии А. А. Епишев.

…Весть, пришедшая 4 октября 1980 года из Минска, надолго

выбила В. Ф. Маргелова из колеи. В автомобильной катастрофе погиб первый секретарь ЦК Коммунистической партии Белоруссии, член ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР Петр Миронович Машеров. Человек редкого ума и обаяния, ставший Героем Советского Союза в 25 лет, он был и Героем Социалистического Труда – за реальные, а не дутые показатели жизненного уровня Белоруссии, за организаторский талант, который вывел республику в число передовых в Советском государстве. Первый вопрос, который пришел на ум Маргелову: «Почему не уберегли?» – так и остался без ответа.

С Петром Машеровым командующего ВДВ связывала крепкая мужская дружба. По сохранившимся фотографиям видно, сколь задушевными были их беседы. Машеров не отворачивался от проблем, которых у десантников всегда было в избытке. В свою очередь, и Маргелов всегда приходил на помощь, если она требовалась руководителю Белоруссии.

Не случайно Белоруссия была избрана местом проведения крупного войскового учения «Двина» в 1970 году, который проходил под знаком празднования юбилея В. И. Ленина. К марту месяцу все было готово и 76-я (Псковская) гвардейская воздушно-десантная дивизия одновременно десантировалась на заснеженные поля Борисовского полигона. Петр Миронович не скрывал своего восхищения отвагой и мужеством десантников, слаженностью их действий, боевой выучкой. Апофеозом учений стал великолепный военный парад в Минске, на котором присутствовал и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

На учении «Весна-75» Машеров и Маргелов подшучивали друг над другом: мол, «изменщик, москаль Маргелыч» привез из столицы непогоду с проливными дождями…

Трогательным был импровизированный парад, который принимал Василий Филиппович Маргелов 2 августа 1986 года. Мы знаем, какими ненавистными были для краскома, а впоследствии генерала Маргелова дни, проведенные на больничной койке. «У меня два врача под боком, – отговаривался он. – Один домашний – Аннушка (у кого еще есть такое?) и десантный – Яков Гуревич, без рентгена знающий все мои болячки». Сущей пыткой считал Маргелов пребывание на курортах. Две недели «лечения» – и в Псков, Тулу, Каунас, к Ивану Лисову в Белоруссию, на рыбалку, охоту.

И только по решительному настоянию врачей удавалось на некоторое время «уложить» Василия Филипповича в военный госпиталь имени Н. Н. Бурденко. Давали о себе знать раны, особенно та, злосчастная, полученная в Западной Белоруссии. Хирургическая операция, проведенная на горле, была успешной,

но говорить теперь он мог только шепотом. Пропал голос, которым он поднимал свой полк в атаку, распевал любимые песни, вводил в дрожь нерадивых командиров, великолепно декламировал стихи и сердечно называл гвардейцев своими сынами. Они-то и не позволяли командующему впасть в уныние, не оставляли в одиночестве.

Рассказ о командующем ВДВ был бы не полным, если не упомянуть о его взаимоотношениях с людьми, с которыми он делил свои заботы и хлопоты. Офицеры для поручений, адъютанты, водители пользовались особым, доверительным отношением Василия Филипповича, а многие из них, доказавшие свою преданность и бескорыстие, почитались в семье Маргеловых, в которой не чурались обычного человеческого общения, как близкие родственники.

2 августа 1986 года родные отправились к «Бате» в госпиталь. На столе одно за другим появлялись излюбленные яства Василия Филипповича – малосольные огурцы, варенье, картошка, селедочка, квасок, бутылка «Маргеловской». Едва сели за стол – стук в дверь. Порученец чертыхнулся, а открыв ее, изумился. В проеме стояли два атлетически сложенных парня. Под пиджаками – тельняшки с голубыми полосами, на головах береты, в руках – арбузы с «выгравированной» датой «2.08.1986 год». «За стол!» – произнес Маргелов, но гвардейцы, переминаясь с ноги на ногу, почти в один голос ответили: «Все не поместимся».

Настала очередь удивляться Маргелову.

– Как не поместимся?

– Понимаете, товарищ командующий, нас человек двести.

– Где все они?

– Всех к вам не пускают.

– Что ж вы за десантники, если не можете охрану снять?

– Так шуму-то столько будет, а вас не велено беспокоить.

– Ладно, обойдемся без шуму. Поладим с охраной полюбовно.

Картина, представшая взору Василия Филипповича, которого поддерживал под руку сын Александр, была трогательной и впечатляющей. Парадный строй стоял во дворе буквой «П». Тельняшки и береты, голубые погоны, награды Отечества. Раздалась команда «Смирно! Равнение направо!». А затем в полнейшей тишине все внимали своему кумиру, представшему перед ними словно из легенды.

Порадовали «Батю» и молодые ветераны, прошагав мимо командующего с неизменной песней «Варяг», а затем во всю мощь загремел гимн ВДВ «Тверже шаг, ребята!».

На редкостных кадрах семейной кинохроники – группа людей, вкусивших «Маргеловской» (спирт с гранатовым соком),

вдохновенно что-то распевают. В группе – польские генералы и «Батя», по движениям губ и рук которого можно судить, что исполняет этот импровизированный хор «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”…». Несомненно, Василий Филиппович был подобен легендарному кораблю, до последней минуты жизни не опускавшему свой боевой стяг.

Наступил 1990 год. Командующий ВДВ генерал-полковник Владислав Алексеевич Ачалов начал подумывать о подготовке к 60-летнему юбилею войск. 23 февраля он тепло поздравил Василия Филипповича с Днем Советской Армии и Военно-морского флота и, как человек, всей своей военной карьерой доказавший способность быть командующим, попросил высказать пожелания по проведению торжеств. Увы, вскоре на плечи В. А. Ачалова нежданно-негаданно выпала иная доля – организовывать проводы своего командира в последний путь.

В правительственном некрологе говорилось:

«4 марта 1990 года скоропостижно скончался видный военачальник, активный участник Великой Отечественной войны, лауреат Государственной премии, Герой Советского Союза генерал армии Маргелов Василий Филиппович.

Всю свою сознательную жизнь он посвятил служению Родине. Длительное время являлся командующим Воздушно-десантными войсками СССР, проделав большую работу по их оснащению современной боевой техникой, вооружением, средствами десантирования, воспитанию у воинов-десантников высоких морально-политических качеств…

Своей деловитостью, партийной принципиальностью, требовательностью к себе и людям, заботливым отношением к подчиненным В. Ф. Маргелов снискал глубокое уважение всех, кто знал его и служил вместе с ним.

Светлая память о Василии Филипповиче Маргелове, верном сыне советского народа, пламенном патриоте социалистического Отечества, навсегда сохранится в наших сердцах».

Наследие Маргелова

В замечательном кинофильме шестидесятых годов двадцатого века «Всё остается людям» (режиссер Г. Натансон, автор сценария А. Алешин, 1963 год) главный герой, академик Федор Алексеевич Дронов, роль которого исполнял народный артист СССР Николай Черкасов, в предчувствии летального исхода произносит монолог со словами, созвучными целому поколению советских людей. «У нас есть святое за душой. Именно у нас… Жизнь – это сражение. И каждый должен дать ответ: “Зачем живешь? За что бьешься?…” Тогда и не страшно и то, что после… Жить – это значит бороться и создавать. А иначе зря родился, напрасно существовал, навсегда умер. Всё остается людям! И дурное и хорошее. И в этом оставшемся – мое бессмертие или забвение…»

Василий Филиппович Маргелов не столько по статусу Героя Советского Союза и военачальника, сколько по собственному душевному укладу оставил неписаный наказ, проникновенный и жизнеутверждающий. В нем – средоточие маргеловского духа, бережное отношение к славной истории Воздушно-десантных войск, к людям, чьи идеи и мечты теперь уже не кажутся головокружительными, верность, не побоимся сказать, десантной философии, где главным стал маргеловский закон: «Никто, кроме нас!»

В этой связи образное высказывание о том, что «парашют – крылья десантника, его надежный друг и товарищ», отнюдь не звучит высокопарно и надуманно. И в подтверждение тому приведем слова Маргелова:

«Мне не раз приходилось провожать десантников в первый полет, принимать их доклады после приземления. И до сих пор не перестаю удивляться, как преображается воин после первого прыжка. И по земле-то он идет гордо, и плечи широко развернуты, и в глазах что-то необыкновенное… Еще бы! Он совершил прыжок с парашютом!

Чтобы понять это чувство, надо обязательно самому постоять у раскрытого люка самолета над сотниметровой бездной, прочувствовать холодок под сердцем перед этой непостижимой высотой и решительно шагнуть в пропасть, как только прозвучит команда: “Пошел!”».

Командующий Воздушно-десантными войсками, о которых недруги Советского Союза говорили не иначе как о «бандитах Маргелова», – и вдруг романтик, лирик, любящий хорошую книгу, театр, задушевную песню… Не вяжется с вожделенной мечтой

иноземных стратегов о бездуховности нашей армии.

Сержант 9-й гвардейской армии, а впоследствии известный поэт Константин Ваншенкин в поэтических откровениях признавался:

Среди многих памятных годин,
Среди дней и встреч, подобных чуду,
Парашют ПД-4
Разве я когда-нибудь забуду!

И пока на свете я живу,
Отдавая дань тому доверью,
Разве я забуду синеву
В небе за распахнутою дверью?

Позабуду жизни высший дар –
Там, где липнет облачная влага,
Резкий динамический удар
После в бездну сделанного шага?
……

Нашей исключительной судьбы
Были знаки выпуклы и круты –
Словно после дождика грибы
Раскрывались в небе парашюты.

(«Разве мы забудем?», 1970).

Среди тех, кто на всю жизнь сохранил любовь к десантным войскам, мы находим имена скульптора Эрнста Неизвестного, писателя и сценариста Бориса Васильева, кинорежиссеров Григория Чухрая и Владимира Шнейдерова, писателя Виктора Тельпугова. Все они познали вкус десантной службы в Великую Отечественную войну, нетленная память о которой жива в их правдивых художественных творениях.

«Десантник № 1» и создатель современных Воздушно-десантных войск заложил прочный фундамент, с которого его детище, ВДВ, при всем реформаторском зуде свалить не удалось. Назло всем недругам и невзгодам подлинный маргеловский дух воскрес в подвиге 6-й парашютно-десантной роты 104-го гвардейского полка 76-й Псковской дивизии, с которой начинал свой путь в ВДВ В. Ф. Маргелов.

Бой слишком неравен:

Один к двадцати,
И нету ни танка, ни дота.
Но стала скалою врагу на пути
Воздушно-десантная рота.

Сказал командир,
Крепче сжав автомат,
«Одна у нас, братцы, забота:
Как те, двадцать восемь,
Ни шагу назад,
Воздушно-десантная рота!»

Все гуще свинец,
И все меньше ребят,
Атаки, атаки без счета.
И вот вызывает огонь на себя
Воздушно-десантная рота.

У Матери-Родины
Слезы из глаз,
Она в карауле почетном.
Звездою Бессмертия
Смотрит на нас
Воздушно-десантная рота.

Сергей Смирнов-Смелов (2000).

104-й гвардейский парашютно-десантный полк, расположенный в местечке Череха, близ Пскова, – это часть, где Герой Советского Союза генерал армии Василий Филиппович Маргелов и по сей день находится на почетной действительной военной службе.

На Новодевичьем мемориальном кладбище в Москве, где с воинскими почестями был похоронен Василий Филиппович, могила утопала в венках и живых цветах. Вскоре на ней был установлен памятник, изготовленный на заводе «Универсал», том самом, который внес немалый вклад в создание воздушно-десантной техники. Скромное надгробье человеку с большой буквы не претендовало на вершину вдохновенного творения.

Позднее помыслами людей, для которых Василий Филиппович Маргелов стал олицетворением мощи советского Отечества, прониклись скульпторы Валерий Владимирович и Наталья Викторовна Никифоровы. Средства на памятник собирали «войска дяди Васи», родственники. И монумент вышел

на славу! Генерал Маргелов на нем – олицетворение порыва и бесстрашия, такой, каким он вошел в легенду. Памятник пронизывает жизнелюбие, и кажется, будто с уст командующего вот-вот готовы сорваться его заветные слова: «Тот, кто носит или когда-нибудь носил голубые погоны с десантными эмблемами, всю жизнь будет с гордостью произносить: я – десантник».

Памятник оказался настолько целостным и впечатляющим, что безо всяких изменений был повторен создателями для Рязанского высшего воздушно-десантного училища.

В 2000 году памятник В. П. Маргелову был установлен в чудесном парке на берегу Днепра, в городе, где он родился, – в Днепропетровске (Екатеринославе). Открытие его было приурочено к 70-летию Воздушно-десантных войск. Автор – Ю. И. Щедров.

242-й учебный центр ВДВ (до 1993 года – 44-я учебная дивизия) своей историей был всецело обязан командующему ВДВ. Ведь именно по его распоряжению в сентябре 1960 года была сформирована учебная дивизия. С распадом СССР «учебке» пришлось покинуть ставшую зарубежьем Литву и вновь передислоцироваться, теперь уже в Сибирь. Десантники не забыли основателя своей части, и в поселке Светлом 4 мая 1995 года появилось название улицы, носящей имя генерала армии Маргелова. Вскоре на территории учебного центра был установлен памятник.

Не отстали от собратьев-сибиряков и воины 106-й гвардейской Тульской дивизии, где Василий Филиппович осуществил множество своих задумок. Командующий совсем не случайно называл туляков «лицом ВДВ». Ведь именно полки 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии представляли ВДВ на большинстве военных парадов на Красной площади в Москве. Василий Филиппович, участник легендарного Парада Победы, доподлинно знал, сколь тяжек строевой шаг по брусчатке, и высшей наградой для него были аплодисменты, которыми провожали гвардейцев-десантников многочисленные гости, расположившиеся на трибунах возле Мавзолея. По неизменному правилу день 2 августа воины-туляки начинают с возложения цветов к памятнику Десантнику № 1.

Возле небольшого бюста В. Ф. Маргелову, установленного у контрольно-пропускного пункта 76-й гвардейской Псковской дивизии, всегда живые цветы, а офицеры и прапорщики, которые живут на улице генерала Маргелова, неизменно отдают честь комдиву, имя которого принадлежит не только гвардейскому соединению, но и всему древнему Пскову.

В год столетия со дня рождения Василия Филипповича

Маргелова в небольшом белорусском городке Костюковичи, где свято хранят память о земляках, прославивших малую родину, и в Санкт-Петербурге были установлены творения замечательных скульпторов Валерия и Натальи Никифоровых. Для них героическая тема стала лейтмотивом многолетнего и плодотворного творчества, а образ человека-легенды, которого питерцы также считают своим земляком, подчеркивает, что труды его не канули в Лету, реку забвения, и что слова «Я – маргеловец» для подлинных десантников – не пустой звук.

Не остались в стороне от прославления Героя Советского Союза генерала армии В. Ф. Маргелова и ветераны 103-й воздушно-десантной дивизии, которая во времена существования Советского Союза дислоцировалась в Витебске и Боровухе-1. Перечислить героические дела гвардейцев стоит большого труда. Однако назовем одно – дивизия первой вошла в Афганистан, обеспечив успех всей операции «по оказанию интернациональной помощи» народу этого государства.

Могут возразить: В. Ф. Маргелов в декабре 1979 года пребывал в почетной отставке, до конца дней своих входил в сонм инспекторов Генеральной инспекции Минобороны СССР и никаким образом повлиять на разработку плана боевых действий не мог. От советов видного военачальника, по свидетельствам очевидцев, «наверху» отмахивались, словно от назойливой мухи. И, как показало время, совершенно напрасно.

Но ведь недаром Василий Филиппович стоял почти четверть века у руководства Воздушно-десантными войсками, не напрасно прививал воинам-десантникам свою собственную, маргеловскую «науку побеждать». И она себя оправдала целиком и полностью.

Теперь уже само название несуществующей страны, Союза Советских Социалистических республик, воспринимается как нечто экзотическое. Ушла в небытие и прославленная 103-я гвардейская Краснознаменная ордена Кутузова воздушно-десантная дивизия. Однако десантное братство, вопреки всему, оказалось неподвластным времени. Курсанты-белорусы, которые обучаются в Рязанском высшем воздушно-десантном училище имени Маргелова, не чувствуют себя чужаками, а став офицерами, избирают мерилом жизни принципы, сформированные легендарным командующим ВДВ.

Как дань светлой памяти о нем на топографической карте Витебска появилась улица Маргелова и памятник, без сомнения, украсивший областной центр Беларуси.

…Мы знаем, какой теплый прием был оказан воинам 49-й гвардейской Херсонской дивизии в Сербии осенью 1944 года. Прошло менее полувека, и десантникам пришлось выполнять

несвойственную миссию – встать живым щитом между враждующими сторонами: косовскими албанцами и сербами. Оказалось, что братья-славяне – народ памятливый, и когда в расположении 10-го миротворческого батальона в Косово открывали бюст генерала армии В. Ф. Маргелова, особых пояснений не требовалось. Память о воинах-освободителях была жива, незабываем был и первый совместный парад в Бела-Церкви воинов Народно-освободительной армии Югославии и Красной Армии, которую представляли маргеловцы.

26 января 1993 года приказом министра обороны были введены нагрудные и нарукавные шевроны соединений, частей, военно-учебных заведений и учреждений Воздушно-десантных войск. Их символика и девизы впитали боевую историю ВДВ, профессиональную специфику, десантное родство, единство духовных принципов. Вот как звучат эти девизы:

Управление командующего ВДВ: «Никто, кроме нас».

7-я воздушно-десантная дивизия (Новороссийск): «Мужество, отвага, честь».

76-я воздушно-десантная дивизия (Псков): «Мы всюду там, где ждут победу».

98-я воздушно-десантная дивизия (Иваново): «Честь и Родина – превыше всего».

104-я воздушно-десантная дивизия (Ульяновск): «Себе честь – Родине слава».

106-я воздушно-десантная дивизия (Тула): «Нет задач невыполнимых».

242-й учебный центр ВДВ (Омск): «Учись побеждать».

Рязанское дважды Краснознаменное высшее Воздушно-десантное училище имени В. Ф. Маргелова: «Натиск, отвага, победа».

Отдельная воздушно-десантная бригада: «Себе честь – Родине слава».

45-й отдельный разведывательный полк: «Побеждает сильнейший».

10-й отдельный парашютно-десантный полк Миротворческих сил: «Где мы – там мир».

Корреспондент «Недели» Иван Дынин оказался дотошным, выспрашивая и выведывая у В. Ф. Маргелова подробности, которые во многом позволяют создать законченный портрет командующего ВДВ.

– Рассказывают, что у вас в кабинете и гири лежали, и эспандер был, и шведская стенка?

– Не только у меня. Я требовал, чтобы каждый командир поддерживал свое физическое состояние на нужном уровне. А то

нехорошо получается: у подчиненного порой на груди аж три спортивных значка, а офицер с трудом подтягивается на перекладине. У начальника более высокого ранга не всегда есть возможность побывать на стадионе или в спортзале, вот и нужна ему спортивная площадка в кабинете.

Иногда Маргелов прерывал утренние доклады своих заместителей: «А ну-ка, марш в мой спортгородок! Хреново! Сдашь нормативы ВСК (военно-спортивный комплекс. – Á. Е.), тогда и рапортуй». И так с каждым офицером или генералом. Физическая немощь недопустима для десантника.

Увы, далеко не все юноши, становившиеся в строй парашютно-десантных подразделений, могли в одночасье переносить физические нагрузки, которых не существует ни в одном роде войск. Марш-броски, кросс, штурмовая полоса, борьба самбо, лопинг и вращающиеся колеса, развивающие вестибулярный аппарат, умение плавать в одежде и с оружием – вот далеко не полный перечень требований, предъявляемых к десантнику. «Спортивная честь войск» – это не только крылатая фраза, но часы, дни, месяцы изнурительных тренировок, напряжение которых можно было вынести, только имея мужской характер и стройную систему физической закалки.

При непосредственном участии Маргелова разрабатывалось «Наставление по физической подготовке применительно к специфике Воздушно-десантных войск». Главные критерии небольшой по объему книжицы – выработка ловкости, силы и выносливости. По этим показателям и по размаху спортивно-массовой работы Воздушно-десантные войска в годы командования ими Маргелова неизменно занимали либо первые, либо призовые места в Вооруженных Силах СССР. Спортивные городки полков, отдельных частей не только радовали глаз ухоженностью, но и редко когда пустовали. Само понятие «спортивный праздник» вовсе не означало заорганизованность, откровенную «показуху», а было содержательным и преисполнено накалом состязательности и борьбы. Кубки, вымпелы, медали, ценные подарки, врученные спортсменам командующим ВДВ, составляли особую гордость частей и подразделений. Трудно, да и, пожалуй, невозможно перечислить всех десантников – победителей республиканских и союзных первенств, спартакиад народов СССР, чемпионатов мира и Олимпийских игр. Не счесть и минут радости, которые доставили они Маргелову.

Твердо можно сказать, что Василий Филиппович был не лишен восприятия всего нового, что появлялось у «соседей», то есть в специальных и воздушно-десантных войсках стран НАТО. Однако к любым достижениям противника он относился

критически и потому отвергал однобокую подготовку, которую получали рейнджеры. Задачи советских Воздушно-десантных войск, оснащенных мобильными боевыми машинами и имевшими в арсенале гибкую тактику боевых действий, сильно разнились от приемов диверсионной борьбы и ограниченных специальных операций, к проведению которых готовились коммандос. Заимствуя у них внешнюю сторону показательных силовых шоу, В. Ф. Маргелов давал простор фантазии доморощенным десантным атлетам, которые превзошли «учителей» и не менее эффектно разбивали локтем груды кирпичей, ударом кулака ломали доски, выполняли приемы с оружием, вели показательные схватки, боролись с огнем. Объяснять Маргелову значение для десантников морально-психологического фактора не требовалось. Так ведь на это и были рассчитаны спектакли «а-ля коммандос». Однако сквозь слой явных заимствований (в ВДВ была предпринята попытка внедрения карате) пробивались ростки нового вида спорта, имевшего под собой национальную и армейскую почву. Так армейский рукопашный бой, пройдя этап становления, обрел зрелость, став неотъемлемой частью боевой подготовки Воздушно-десантных войск.

Профессор С. М. Ашкинази в методическом пособии «Развитие содержания, теории и методики обучения рукопашному бою с древности до наших времен» (СПб., 1998) утверждает: «…Вплоть до 1991 года спортивно-массовая работа по рукопашному бою в Вооруженных Силах фактически не проводилась, за исключением ВДВ, а также специальных ведомств – МВД, КГБ».

Еще в 1967 году А. И. Гончаров, преподаватель Военного института физической культуры имени В. И. Ленина, разработал концепцию специальной направленности физической подготовки для ВДВ и особенностей обучения рукопашному бою десантников, которая получила одобрение у В. Ф. Маргелова.

Свой отсчет соревнования ВДВ по армейскому рукопашному бою ведут от 1981 года, однако они фактически уже проводились в бытность Маргелова. Получив поддержку председателя спортивного комитета Минобороны генерал-майора С. М. Лаговского, эти соревнования переросли свой ведомственный статус. С декабря 1999 года в Рязани проводится международный турнир памяти Героя Советского Союза генерала армии В. Ф. Маргелова. Образ «Небесного бати» – на знаках за мужество и победу.

В воспоминаниях И. И. Лисова рассказ о парашютном спорте занимает особое место.

«Я всегда считал, – утверждал заместитель командующего по

воздушно-десантной подготовке, – что парашютный спорт должен быть “национальным” видом спорта Воздушно-десантных войск, а не только привилегией ВВС и организаций ДОСААФ. Но, к сожалению, он до шестидесятых годов был у нас не в почете. Я не хочу выставлять себя в качестве первого “затейника” этого дела, но мне… удалось собрать коллектив единомышленников-фанатиков у себя в штабе и в частях. И, пожалуй, главной опорой во всех наших начинаниях был сам командующий Воздушно-десантными войсками генерал армии Василий Филиппович Маргелов. Мне было в этом направлении легко с ним работать, всегда чувствуя его поддержку во всех наших небесных “задумках”.

Начнем с главной – с создания спортивного парашютного клуба. Выбор места для его размещения споров не вызывал – Рязань, училище. Пришлось потесниться роте учебно-боевого обеспечения, и к лету 1963 года помещение для спортсменов было готово. Сложнее было утвердить клуб “юридически”. В то время ВДВ входили в состав Сухопутных войск, командовал которыми Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, не питавший к войскам особого расположения. Командующий взял на себя задачу утвердить штаты и структуру клуба применительно к спортивным клубам военных округов. 1 июня 1963 года приказ Главкома Сухопутных войск состоялся, и при Рязанском высшем общевойсковом командном училище[47] начал действовать ЦСПК (Центральный спортивный парашютный клуб) ВДВ. О компромиссе, достигнутом В. Ф. Маргеловым и Главкомом СВ, свидетельствовал предлог “при”. Начальником и старшим тренером командующий утвердил Б. С. Симакова. В состав команды вошло 36 мастеров спорта и 26 спортсменов-перворазрядников. Теперь дело оставалось за результатами.

В день финала III Спартакиады народов СССР, который проводился в Лужниках на стадионе имени В. И. Ленина 10 августа 1963 года, группа парашютистов из шести человек должна была порадовать руководство страны и стотысячную аудиторию, приземлившись в “чашу” стадиона.

В. Ф. Маргелов и И. И. Лисов, сидевшие на трибуне, были уверены, что П. Островский, В. Кудреватых, Р. Силин, С. Власов, Н. Маслов, И. Фасхутдинов – мастера парашютного спорта – не подведут. Шестерка спортсменов “стартовала” с борта вертолета Ми-4 и неожиданно попала в воздушную круговерть, разыгравшуюся над Москвой-рекой. Василий Филиппович аж привстал, наблюдая, какие усилия прилагают питомцы клуба, чтобы преодолеть стихию и приземлиться в “цель”… Пятерым спортсменам такое удалось, а вот И. Фасхутдинова поток

отбросил за стены стадиона, и он попал в объятия мороженщицы, которая нашлась и одарила десантника эскимо.

Первенство Вооруженных Сил СССР по парашютному спорту, которое проводилось с 5 по 15 сентября 1964 года в Одессе, стало реальным смотром достижений спортсменов-десантников. Судьи безоговорочно присудили им первое место. Результат говорил сам за себя – 22 медали из 30! И таких громких побед в последующие годы было множество. Однако в особом ряду спортивного клуба стояли прыжки с новыми типами парашютов, которые после испытаний поступали на вооружение ВДВ. И однажды при выполнении одного из таких прыжков у лейтенанта Ю. Беленко случился глубокий перехлест. Купол превратился в никчемную “грушу”, а “запаска”, как назло, “влезла” в нее и лишь усугубляла положение. Парашютист летел к земле с огромной скоростью. “Рули, Юра!” – услышал Беленко крики и заметил, как его товарищи развернули полотнище укладочного стола и натянули его на руках, готовясь к “встрече”. Беленко, сколь ему трудно ни было, рассчитал точно, а брезент самортизировал сильный удар».

Когда командующему ВДВ доложили о происшествии, реакция его была мгновенной – он выехал в Рязань и на виду всего училища расцеловал «каскадера» и его спасителей. Юрий Беленко по ходатайству В. Ф. Маргелова был представлен к ордену Красной Звезды, а десантники А. Чекирда, И. Фасхутдинов, В. Потокин и А. Богданов были награждены медалями «За отвагу» и «Боевые заслуги». В 1966 году 1 августа парашютная команда обрела свой постоянный статус, предлог «при» исчез и полное название стало звучать так: «Центральный спортивно-парашютный клуб Воздушно-десантных войск». А ровно два года спустя командующий ВДВ вручал медали «За отвагу» сразу 36 спортсменам. То, что совершили десантники, потрясало воображение – одна из групп парашютистов приземлилась в горах Памира на высоте 6000 метров, другой покорился пик Ленина высотой в 7100 метров! Если воедино собрать все награды, вымпелы, дипломы парашютистов-спортсменов ВДВ, понадобится несколько огромных залов. «Крестному отцу» клуба, Василию Филипповичу Маргелову, посвящались многие достижения, остававшиеся непревзойденными в течение десятилетий.

Ко всему следует добавить, что заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант И. И. Лисов благодаря достижениям советских спортсменов неожиданно для себя оказался в кресле президента Международной парашютной комиссии и вице-президента Международной авиационной федерации, штаб

которой располагался в Швейцарии.

Василий Филиппович подшучивал над другом:

– Как у тебя, Иван, ладно получается – одна половина нижней части туловища в Москве, другая в Лозанне.

– Зато всем туловищем, – парировал боевой заместитель, – я представляю советские Воздушно-десантные войска.

Тут уж Маргелову крыть было нечем. Не каждому государственному человеку, а командующий Воздушно-десантными войсками представляется нам именно таким, природой отпущено великое качество обретать друзей и сподвижников. Василий Филиппович был наделен этим качеством сполна и в понятие мужской дружбы вкладывал прежде всего единомыслие. К «излучающим зловоние» командующий относился брезгливо, и возможно, они-то и пустили в оборот нелепые россказни о нем, как о сухаре и человеке, чья слава чрезмерно раздута. Упор в этой болтовне делался на то, что, мол, и до Маргелова были командующие ВДВ, и не худшие, а возможно, и лучшие. И что войска создавались не только им, а целым поколением десантников, несправедливо загнанных в тень при Маргелове.

Известно, что собирательство – дело хлопотное, требующее влюбленности, а порой подвижничества и настоящего хождения по мукам. Комнаты войсковой славы, полковые музеи в частях Воздушно-десантных войск создавались на протяжении многих лет, имея перед собой важную задачу – сохранить преемственность поколений, воспитывать десантников на подлинных примерах ратного мужества и мастерства, оберегать бесценные реликвии и свидетельства героического прошлого. Полковое и дивизионное музейное дело зиждилось на энтузиазме командиров и политработников. Командующий ВДВ относился к их труду с искренним уважением, поощрял и настоятельно требовал писать летопись текущих событий. Так, исподволь, рождалась идея создания Музея истории Воздушно-десантных войск в Рязани. Особых проблем с наполнением экспозиции не было. Документы, фотографии, личные вещи, награды героев, оружие, парашюты и техника долгое время собирались в специальный фонд. Для размещения экспозиции пришлось освободить поначалу половину первого этажа старого учебного корпуса, а затем и остальную часть.

Гораздо сложнее обстояло дело с утверждением «Положения о музее» в Главном политическом управлении Советской Армии. Ни один из родов войск и видов Вооруженных Сил СССР подобных музеев не имел. Все экспонаты были сосредоточены в особых разделах Центрального музея Вооруженных Сил в Москве

и в залах Военно-артиллерийского музея в Ленинграде. Каким образом В. Ф. Маргелову удалось доказать право на существование «специфического» музея, остается только строить предположения. Однако 28 июля 1972 года начальник Рязанского высшего воздушно-десантного училища генерал-лейтенант А. В. Чикризов и командующий ВДВ генерал армии В. Ф. Маргелов в торжественной обстановке перерезали символическую ленточку, дав жизнь новому уникальному детищу.

И вот уже сложилась традиция – проводить посвящение в курсанты в залах музея. Неизменно путь будущих офицеров начинается с экспозиции, рассказывающей о В. Ф. Маргелове, а затем следует обстоятельный экскурс в историю Воздушно-десантных войск, с которыми юноши решили связать свою жизнь. Залы музея редко пустуют, а значит, и неистребима великая память о славных свершениях.

Собирательство еще и заразительно тем, что «передается по наследству». После ухода из жизни Василия Филипповича его сыновья приняли важное решение: создать в квартире в Сивцевом Вражке, где долгое время проживал их легендарный отец, домашний музей. Надо отдать должное хлопотливой и заботливой хозяйке, Лидии Константиновне Маргеловой, супруге Героя России Александра Васильевича. Не каждая женщина способна выдержать наплыв посетителей и, сохранив чистоту и порядок в доме, не ударить лицом в грязь и с известным маргеловским хлебосольством встретить гостей. А посетители идут, и нередко приезжают они издалека: из Санкт-Петербурга, Омска, Нижнего Новгорода, Новороссийска…

Семейство Маргеловых имеет собственное видение в применении бесценных и дорогих предметов, хранящих прикосновение рук, душевную теплоту «Бати». В мемориальный музей на Поклонной горе, в Центральный музей Российской Армии, в Музей истории ВДВ в Рязани, в музеи Пскова, Новгорода, Днепропетровска передано многое из того, что бережно сохранили потомки Маргелова. Жизнь командующего ВДВ продолжается в памяти многих людей, и подтверждением тому музей «Крылатая гвардия» в городе Екатеринбурге, основательницей которого стала ветеран Воздушно-десантных войск Н. М. Михайлова.

Не умаляя достоинств волнующих воспоминаний и сердечных отзывов, книг, написанных ветеранами Воздушно-десантных войск, правдивых телевизионных передач и фильмов о Василии Филипповиче Маргелове, выскажу мнение о том, что все же наиболее близким и подкупающим образ Десантника № 1 выглядит в песенном творчестве. Просты, понятны и созвучны

нашим молодым современникам строки, написанные поэтом В. Волгарем (Андреевым):

Честь велика
Маргеловцем считаться,
А значит –
И воистину им быть!
Он в гордом голубых беретов братстве
Стал неспроста
Знамением судьбы.

Post scriptum

Осталось неизвестным, кто первым произнес ставшую сакраментальной фразу: «Бывших десантников не бывает», однако, как это зачастую происходит с крылатыми выражениями, она, сохранив смысл, перекочевала в слова популярной песни «Синева»:

Я хочу, чтоб наша жизнь продолжалась
По десантным, по гвардейским законам.

Кому-то уж очень хочется, чтобы живительная связь времен и поколений прервалась, чтобы голубые береты и тельняшки, бережно хранимые как память о службе в «Войсках дяди Васи», как символы мужества и отваги, пылились на полках шкафов. Прошли долгие десятилетия, прежде чем вышел Указ Президента России, по которому день 2 августа стал государственным праздником. Свою лепту в его утверждение внесли и ветеранские организации воинов-десантников Санкт-Петербурга. Наиболее действенная из них – Ассоциация имени Маргелова, которую возглавляет полковник запаса А. И. Турков.

Кадровые офицеры 36-й отдельной воздушно-десантной бригады, которая располагалась в поселке Гарболово Ленинградской области, на горьком опыте познали, что означает Договор о сокращении обычных наступательных вооружений, исполнение которого безапелляционно требовали заправилы НАТО. Торжеству недругов России, казалось, не было предела. Еще бы! В распыл «с кондачка» пускались самые боеспособные и высокомобильные части и соединения.

Однако удовлетворение от содеянного руками доморощенных российских иуд было преждевременным. Не опустили руки десантники, не поддались унынию и горечи, которая поедом сжигала сердца. А ведь было, отчего.

На людей в погонах обрушился поток клеветы в желтой прессе, электронных СМИ, низводя защитников Отечества до примитивного «быдла». Вот где офицерам и прапорщикам с бесценным боевым и жизненным опытом, в одночасье уволенным в запас и отставку, пригодилась десантная выдержка и сплоченность.

Региональная общественная организация Санкт-Петербурга «Клуб ветеранов ВДВ», вошедшая наряду с Охранным предприятием «Имени Маргелова» в основание Ассоциации,

существует уже более десяти лет. Начиналась она с идеи, которая и по сей день является основополагающей: «десантное братство» – не миф и не выдумка, не повод для насмешек непосвященным, а прочная основа для реальных дел. И как оказалось, их на «гражданке» немало и по своей значимости они стоят вровень, а некоторые даже и выше задач, которые решались в ходе боевой подготовки.

Поначалу коллектив единомышленников был невелик. О том, что служба в ВДВ – не фунт изюма, знает любой, но общественная работа сродни ей. Нагрузка, которая легла на плечи Л. Г. Аршинова, В. В. Осипенко, А. И. Туркова, В. Л. Тополя, А. С. Буханюка, В. В. Барашкова, В. А. Заставенко, В. А. Багно, была вполне сравнима с той, которая определялась термином «постоянная боевая готовность».

И это действительно так. Приходится быть в состоянии готовности оказать помощь в трудоустройстве, не спасовать перед черствостью и непробиваемостью чиновников и, не довольствуясь прожитым днем, намечать перспективы на будущее.

А то, что они имелись, воочию доказало время. Охранные предприятия «Имени Маргелова», «Вектор», «Панкратион», Инженерно-техническая компания «Вектор», Клуб ветеранов Воздушно-десантных войск, Клуб любителей русской словесности «Ода», Издательский дом «Невский», Спортивная федерация «Универсальный бой» – вот далеко не полный перечень организаций, которые органично вписались и плодотворно осуществляют свою деятельность в составе Ассоциации имени Маргелова. Многочисленные почетные грамоты, кубки, медали, которые находятся в кабинете ее Президента А. И. Туркова, – свидетельства правильности выбранного пути, творческого подхода и поиска.

…Все дальше и дальше от нас уходят события Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, изрядно поредел ветеранский строй. Слова «Никто не забыт и ничто не забыто» стали девизом в деятельности Ассоциации по сохранению и приумножению славных традиций ВДВ. Неистребима та самая живительная связь времен, забота и внимание, которые согревают души ветеранов, придает уверенность в собственных силах наследникам боевой славы. А питерцам есть чем гордиться. Санкт-Петербург – родина создателя первого в мире ранцевого парашюта Г. Е. Котельникова, родина первых воздушно-десантных формирований, родина символа ВДВ – тельняшки с голубыми полосами и берета. В рядах 76-й гвардейской Краснознаменной Черниговской (Псковской) дивизии прошли воинскую службу тысячи ленинградцев-петербуржцев. В их числе павшие в бою

герои-десантники 6-й роты: Д. Кожемякин, В. Александров, А. Васильев, М. Евдокимов, С. Жуков, Я. Иванов, А. Исаев, В. Купцов, К. Тимошинин, Е. Хаматов, В. Чугунов, Н. Шалаев, Д. Щемлев. Они покоятся на Серафимовском кладбище, рядом с теми, кто прошел огненными верстами Великой Отечественной войны и по пыльным дорогам каменных джунглей Афганистана, кто пал смертью героев в «горячих точках».

Сегодня пьем мы, сняв берет,
За ВДВ и дядю Васю.
А третий тост: средь нас их нет.
Их нет в строю и нет в запасе.

(В. Осипенко).

Свое десятилетие отметил юношеский турнир по самбо «Подвиг 6 роты ВДВ». Статус международного – свидетельство того, что боль утраты жива и что слова из послания Президента: «Слава героям! Вечная память павшим!» живут в сердцах их боевых соратников, глубоко и искренне воспринимаются организаторами турнира, в числе которых ветеранские организации Санкт-Петербурга, и самими участниками.

Наряду с названным турниром полноправную и постоянную прописку в городе на Неве получили соревнования по армейскому рукопашному и универсальному бою. Суметь убедить в их необходимости, доказать жизнеспособность этих видов спорта – далеко не простая задача. И только совместные усилия позволяют успешно решать ее руководителю Ассоциации, заслуженному тренеру России Туркову А. И., Президенту Фонда социальной поддержки ветеранов ВДВ Баранюку А. Д., Президенту фонда «Отчизна» Сагалаеву В. А., Председателю Ленинградского совета ветеранов ВДВ Кулакову А. В., Председателю Санкт-Петербургского Союза ветеранов ВДВ В.В. Осипенко, генеральному директору охранного предприятия имени Маргелова мастеру спорта Тополю В.Л., генеральному директору «Панкратион», мастеру спорта Буханюку А.С., мастеру спорта Репину Р.Р.

В условиях экономической нестабильности, всевозможных (и зачастую бесплодных) экспериментов над российским образованием, когда подготовка юношей к защите Отечества велась системно и целенаправленно, как убедительно доказало время, только ветеранские общественные организации смогли заполнить вакуум, образованный нахрапистыми реформаторами. «Клуб ветеранов ВДВ» Санкт-Петербурга – одна из них. О

«Голубых беретах» и о городском военно-патриотическом центре «Дзержинец», над которым шефствуют ветераны ВДВ, теперь уже знают по всей России. Без показательных выступлений бойцов-удальцов, школьников питерских учебных заведений, не обходится ни одно из городских военно-патриотических мероприятий, а воспитанники «Дзержинца» неизменно пополняют ряды чемпионов России по парашютному спорту.

Признательность родителей – вот высшая оценка труда ветеранов, который, к слову, высоко оценен и на государственном уровне. В 2010 году Клуб ветеранов Воздушно-десантных войск был награжден почетным знаком «За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации».

«Армия и общество» – так называлась выставка-форум, который проводило Министерство обороны Российской Федерации. Впервые в истории Вооруженных сил все желающие могли убедиться, что запас прочности у государства в деле обороны имеется, и не только в представленных образцах новейшей техники и в военной форме, но и в созидательной мысли ученых и конструкторов, в высочайшей духовности тех, кто стоит на страже мира и спокойствия на земле.

Российская общественность могла воочию убедиться, что армия, невзирая на сложнейшие условия бытия, продолжает оставаться любимым народным детищем и что ветеранские организации страны активно участвуют в военно-патриотическом воспитании молодежи, свято чтут память о павших.

В. Ф. Маргелов часто использовал ироничную присказку, в которой, все же, имелась и доля истины: «Мне не важно, как выполнена задача, важно умело доложить о ее выполнении». Можно смело сказать, что Всероссийский союз общественных организаций ветеранов десантных войск «Союз десантников России» отчитался о содеянном за многие годы на «отлично».

Не затерялись в обширной экспозиции и материалы, представленные на выставку «Клубом ветеранов ВДВ» Санкт-Петербурга, в которых явно чувствовалась жизнеутверждающая позиция: в поддержке ветеранов, в спортивных достижениях, в информационной деятельности.

Выставка убедительно доказала, что понятия армия и культура – неотделимы и интерес к военной истории, к ее творцам, жажда творчества у людей, носящих погоны и тех, кто находятся в запасе или отставке, неистребима.

Основополагающий принцип ВДВ: «Нет задач невыполнимых», который был сформирован многие годы назад легендарным командующим, Героем Советского Союза генералом армии В. Ф. Маргеловым, продолжает и по сей день служить

мощным стимулом к дальнейшим достижениям.

Основные даты жизни и деятельности В. Ф. Маргелова

1908, 14 (27) декабря – В Екатеринославе (ныне – Днепропетровске) в семье рабочего чугунолитейного завода Филиппа Ивановича и Агафьи Степановны Маргеловых родился сын Василий.

1913 Семья Маргеловых возвращается в родные Костюковичи (Могилевская губерния).

1921 Начало трудовой деятельности Василия Маргелова.

1924 По комсомольской путевке отправляется на шахты Донбасса.

1927 Председатель рабочкома Костюковичского леспромхоза.

1928, сентябрь – Маргелов поступает в Объединенную Белорусскую военную школу имени ЦИК БССР, г. Минск.

1931, апрель – Командир взвода 99-го стрелкового полка 33-й стрелковой дивизии.

1932, декабрь – Слушатель школы летнабов, г. Оренбург.

1933, январь – Командир взвода, командир роты, Объединенная Белорусская военная школа имени ЦИК БССР (Минское военное училище имени М. И. Калинина).

1938, декабрь – Командир батальона, начальник отдела (НО-2) 8-й стрелковой дивизии имени Ф. Э. Дзержинского, в составе которой участвовал в освобождении Западной Белоруссии.

1939, декабрь – Командир батальона, помощник командира 596-го стрелкового полка 122-й стрелковой дивизии. Участвует в советско-финляндской войне.

1940, октябрь – Назначен командиром 15-го отдельного дисциплинарного батальона ЛенВО.

1941, июль – Командир полка 1-й гвардейской дивизии народного ополчения, г. Ленинград.

1941, ноябрь – Командир 1-го особого полка Краснознаменного Балтийского флота.

1942, январь – Воюет на Ленинградском фронте. Командир 218-го стрелкового полка 80-й стрелковой дивизии.

1942, июль – Волховский фронт. Командир 13-го гвардейского стрелкового полка 3-й гвардейской стрелковой дивизии.

1942, ноябрь – Сталинградский фронт. 2-я гвардейская армия, 3-я гвардейская стрелковая дивизия. Командир полка, начальник штаба дивизии.

1943, апрель – Южный фронт. Заместитель, исполняющий делами командующего 3-й гвардейской стрелковой дивизии.

1944, январь – 3-й Украинский, 4-й Украинский фронты. Командир 49-й гвардейской Херсонской дивизии.

1944, 21 марта – Указом Президиума Верховного Совета СССР В. Ф. Маргелову присвоено звание Героя Советского Союза.

1946, январь – Слушатель Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова.

1948, апрель – Командир 76-й гвардейской Черниговской воздушно-десантной дивизии, г. Псков.

1950, апрель – Командир 37-го гвардейского Свирского воздушно-десантного корпуса.

1954, май – Командующий Воздушно-десантными войсками.

1959, март – Заместитель командующего Воздушно-десантсантными войсками.

1961, июль – Командующий Воздушно-десантными войсками.

1979, январь – Инспектор Генеральной инспекции Министерства обороны СССР.

1990, 4 марта – В. Ф. Маргелов скончался.

Список использованной литературы и источников

Российский государственный военный архив (РГВА).

Академия Генерального штаба. М., 2000.

Антонов О. К. Планеры и самолеты. М., 1990.

Белоусов Н. А. Воздушные десанты и борьба с ними. М., 1942.

Беляев С., Кузнецов П. Народное ополчение Ленинграда. Л.: Лениздат, 1959.

Белорусская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 5. Минск, 1982.

Белорусская Советская Социалистическая Республика. Минск, 1978.

Берхин И. Б. Военная реформа в СССР. М., 1958.

Битва за Ленинград. М., 1964.

Борьба трудящихся Западной Белоруссии за освобождение и воссоединение БССР. Минск, 1972.

Бураковский С. З. Путеводитель по Новгороду и его окрестностям. Новгород, 1891.

Булганин Н. А. Сталин и советские Вооруженные Силы. М., 1950.

Великая Отечественная война Советского Союза. Изд. 2-е. М., 1970.

Великая Отечественная война. Приказы Народного комиссара обороны за 1941-й год. Т. 13 (1–2). М., 1997.

ВДВ вчера, сегодня, завтра / Колл. авт. под рук. Е. Н. Подколзина. М., 1993.

Военная присяга. М., 1942.

Воздушно-десантные войска России / Под общей редакцией генерал-полковника Г. И. Шпака. М., 2000.

Временный Устав внутренней службы РККА (1924). М.: Госвоениздат, 1931.

Герои Советского Союза могилевчане. Минск, 1965.

Гове А. Внимание, парашютисты! Идея прокладывает дорогу / Пер. с нем. М., 1957.

День Воздушного флота СССР. М., 1964.

Дисциплина и единоначалие в РККА. Список литературы. Хабаровск, 1940.

Дисциплинарный устав Красной Армии. М.: Воениздат, 1940.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Кн. 1–3. М., 1995.

Захарченко В. Д. Антонов. М.: Молодая гвардия, 1996.

Зимняя война 1939–1940. Кн. 1–2. М., 1998.

История Белорусской ССР. Т. 1–2. Минск, 1961.

История ордена Ленина Ленинградского военного округа. Л.: Лениздат, 1974.

Козлов Е. С. Воздушно-десантные войска в локальных конфликтах 50–90 гг.: Автореферат. М., 1976.

Козлов И. А. Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л.: Лениздат, 1976.

Колокола нашей памяти. Петрозаводск, 1999.

КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил. М., 1967.

КПСС в резолюциях и решениях. Т. 6 (1933–1937 гг.). М., 1985.

Красноармейский политучебник. Политуправление РККА, 1939.

Краснознаменный Белорусский военный округ. М., 1983.

Кукушкин А. В. Летим в Чехословакию. М., 2001.

Кыров А. М. Десантники в операции «Дунай». М., 1996.

Легендами овеянная: Сборник. Л.: Лениздат, 1975.

Лисов И. И. Секунды, равные жизни. М., 1997.

Лисов И. Я. Десантники. М., 1968.

Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия 1968. М., 1998.

Макарий (Миролюбов). Историко-статистическое описание Рязанской духовной семинарии. Новгород, 1884.

Маргелов А. В. Генерал армии Маргелов. М., 1998.

Маргелов А., Маргелов В. Десантник № 1. Генерал армии Маргелов. М., 2003.

Маргелов В. Ф. Воздушно-десантные войска. М., 1977.

Михайлов А. Д. Воздушные десанты. По материалам иностранной печати. М., 1962.

Некоторые вопросы обучения и воспитания десантников. Рязань, 1968.

Овсянников К. А. Прыжки с парашютом из военно-транспортных самолетов. М., 1964.

Овсянников К. А., Лисов И. И. Воздушно-десантная подготовка. М., 1960.

От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. Таллин, 1960.

Основы советского военного законодательства. М., 1966.

Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Л., 1967.

Павленко П. Ф. Слово о командующем. М., 1993.

Память. Историко-документальные хроники городов и районов Беларуси. Костюковичский район. Минск, 2000.

Положение о прохождении службы средним, старшим и высшим начальствующим составом РККА в мирное время. М.: Госиздат, 1928.

Положение о государственном обеспечении кадрового

состава РККА. М., 1926.

Полянский М. И. Новгородская памятка для туриста. Новгород, 1907.

Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1968.

Романюк В. Г. Заметки парашютиста-испытателя. М., 1950.

Руководство по воздушно-десантной подготовке (РВДП-63). М.: Воениздат, 1963.

Рязанское воздушно-десантное. Рязань, 1998.

Свод военных постановлений. СПб., 1879.

Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. М., 1997.

Советские воздушно-десантные. Изд. 2-е. М., 1986.

Сталин И. В. О трех особенностях Красной Армии. М.: Воениздат, 1939.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1943.

Стыкалин А. С. Прерванная революция. М., 2003.

Сухоруков Д. С. Записки командующего десантника. М., 2000.

Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. СПб., 2002.

Торжественное обещание при вступлении в РККА. Ярославль, 1925.

Трибуц В. Ф. Солдаты Балтики. М., 1977.

Трибуц В. Ф. Балтийцы сражаются. Калининград, 1975.

Устав внутренней службы РККА (УВС-37). М.: Воениздат, 1940.

Учебник сержанта ВДВ. М.: Воениздат, 1965.

Фрунзе М. В. Избранные произведения. Т. 1–2. М., 1957.

Черушев Н. С. 1937 год. Элита Красной Армии на Голгофе. М., 2003.

Шувалов Н. Мы становимся солдатами. Л.: Лениздат, 1973.

Яворницкий Д. И. История города Екатеринослава. Днепропетровск, 1996.

Якубовский И. И. Земля в огне. М., 1975.

notes

Сноски

1

«Сталінскі призыу» – «Сталинский призыв», газета Костюковичского районного комитета ВКП(б) и райисполкома на белорусском языке.

2

Теперь г. Новомосковск Днепропетровской области.

3

См.: *А. Маргелов, В. Маргелов.* Десантник № 1. М., 2003.

Располагались в здании бывшей Минской духовной семинарии.

5

В октябре 1926 года приказом Реввоенсовета СССР Западный военный округ был переименован в Белорусский военный округ.

6

Пеньковский Валентин Антонович (1904–1969) – генерал армии, участник Гражданской и Великой Отечественной войн, заместитель министра обороны СССР в 1964–1968 годах. Окончил Объединенную Белорусскую военную школу им. ЦИК БССР в 1927 году.

7

Якубовский Иван Игнатьевич (1912–1976) – Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, первый заместитель министра обороны СССР и главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского договора в 1967–1976 годах. Окончил Объединенную Белорусскую военную школу им. ЦИК БССР в 1934 году.

8

Минское суворовское военное училище основано в 1953 году.

9

Теперь на этом месте располагается Белорусский государственный академический театр оперы и балета им. М. Богдановича.

10

«Красноармейская правда» – ежедневная газета политуправления БВО.

11

Литвинов М. М. – заместитель народного комиссара иностранных дел.

12

Рабочий Матвеев в день Пасхи бросил работу.

13

Согласно положению о прохождении службы, успешно окончившие военные школы выпускались со званием «командир РККА» и назначались на должности командира взвода с присвоением 3-й служебной категории. Знак различия – квадрат на петлицах.

14

Обучение в полковой школе длилось шесть месяцев.

Тульский, системы С. А. Коровина.

16

Алехин Е. С. (1893–1945). Участник Первой мировой войны. В Красной Армии с 1918 года. После Гражданской войны – начальник штаба 5-й Витебской стрелковой дивизии. В период Великой Отечественной войны – командир дивизии, корпуса.

Это звание ему было присвоено 4 апреля 1938 года.

18

Техникой дивизию комплектовали Московская, Воронежская, Харьковская области, где в это время шла уборка урожая.

19

РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 556.

20

Здесь и ниже названия населенных пунктов даются по картам Генштаба 1939 года.

Располагался в Смоленске.

По тому времени – тактическая единица, включающая 34 взвода общей численностью до 140 человек.

23

С 19 декабря 1939 года 9-й армией командовал генерал-лейтенант В. И. Чуйков.

24

Сформировано 1 декабря 1939 года под председательством Отто Куусинена и признано СССР.

25

Шюцкоровцы – финский охранный корпус, насчитывавший в 1939 году 140 тысяч человек, в том числе 40 тысяч женщин.

Заменил К. А. Мерецкова, который стал командующим 7-й армией.

27

Сообщение было передано в 4 часа утра.

«Новый Петербург», 2003 г. № 23–25.

29

Недалеко от Муравьевских казарм располагалось бывшее имение Г. Р. Державина Званка, где он скончался в 1816 году. На этом месте позже был построен женский монастырь.

30

Утвержден приказом НКО Союза ССР № 356 от 12 октября 1940 г.

31

Общая численность дивизии составила 10 431 человек.

Меллентин Ф. В. Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне / Пер. с нем. М., 2003.

33

Ныне Донецк.

С. Стыкалин. Прерванная революция. М., 2003. С. 23.

35

Располагалось в военном городке Покровск в двадцати километрах от столицы Казахстана.

«Русский, котельниковский».

37

Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству – добровольная общественная организация.

38

В воспоминаниях допущена хронологическая ошибка.

39

С 1935 года Псков входил в состав Ленинградской области, являясь центром Псковского пограничного округа.

Чехословацкая народная армия.

41

Допущена неточность: В. Ф. Маргелов был в то время уже генералом армии.

42

Очередная неточность: 7-я вдд.

43

В 1941–1957 годах Д. Ф. Устинов – нарком, министр вооружений, министр оборонной промышленности СССР.

44

Обыденное название 350-го гвардейского полка, прочно укрепившееся среди десантников.

Ныне с. Куйбышево Матвеево-Курганского района Ростовской области, где установлен бюст дважды Героя Советского Союза А. А. Гречко.

Сохранена орфография журнала.

Так называлось училище до 1964 года.